

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Конопаткин Владислав Алексеевич

**Саморепрезентация римской императорской власти
в V веке н.э.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Никишин Владимир Олегович

Москва – 2026

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Иерархия власти: императорский двор и провинциальное управление в V в.....	42
§1.1. Императорский двор, или <i>sacer comitatus</i>	43
§1.1.1. Магистер служб	45
§1.1.2. Квестор священного дворца	48
§1.1.3. Препозит священной опочивальни	49
§1.1.4. Комит священных щедрот и комит частного имущества	52
§1.1.5. Священный консисторий	53
§1.2. Региональное управление: между центром и периферией	55
§1.2.1. Префект претория.....	55
§1.2.2. Викарий.....	58
§1.2.3. Провинциальные наместники	59
§1.3. Особенности управления в позднеантичную эпоху	63
Вывод.....	71
Глава 2. Священный дворец: сакральные и политические аспекты дворцовых церемоний	73
§2.1. Императорский образ в пространстве <i>consistorii</i>	75
§2.1.1. Оформление и декорации священного дворца	75
§2.1.2. <i>Sedes augusti</i> и балдахин.....	81
§2.1.3. Внешний вид императора	85
§2.2. <i>Adoratio purpureae, salutatio, supplicatio</i> и <i>προσκύνησις</i>	92
§2.3. Императорская аудиенция, прием посольств и <i>convivium</i>	103
§2.3.1. Императорские приемы.....	104
§2.3.2. Императорский пир.....	112
Вывод.....	119
Глава 3. «Где пребывает Август»: церемониальные точки императорского присутствия	121

§3.1. Выбор императором места своей резиденции	122
§3.2. Ритуал <i>accessio augusti</i>	127
§3.3. <i>Adventus augusti</i>	135
§3.4. Император и публичные празднества	153
§3.4.1. Император на ипподроме	163
Выводы.....	169
Глава 4. Тотальная видимость власти: механизмы репрезентации « <i>in omnibus locis</i> ».....	172
§4.1. Иерархия по воле императора: система статусных пожалований в Поздней империи.....	173
§4.2. «Вечное присутствие» императора.....	177
§4.2.1. Между сакральным и политическим: функции императорских изображений	178
§4.2.2. Аккламации в позднеантичном городе	191
§4.2.3. Знаки власти императорского чиновника	194
§4.2.4. Оглашение императорских законов	198
§4.2.5. «Носители образа Августа»: императорская иконография на знаках чиновничьего статуса	203
§4.3. «Лик власти»: императорский образ в нумизматике V века.....	209
Вывод.....	215
Заключение.....	217
Список источников и литературы.....	223
I. Источники.....	223
II. Литература	230
Список сокращений:.....	263
Приложение 1. Список иллюстраций	264
Приложение 2. Иллюстрации	266

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена новым всплеском научного интереса к проблеме сущности римской императорской власти. В центре внимания исследователей оказался комплекс ключевых вопросов: что означало быть римским императором в политическом, социальном и символическом измерениях? Современные ученые переосмысливают место императора в сложной системе управления Римской империей, анализируя не только формальные полномочия правителя, но и те механизмы, которые позволяли конкретному человеку приобретать и поддерживать свой императорский статус.

Вопросы сохранения и передачи власти, взаимодействия с различными социальными группами (армией, сенатом, провинциальными элитами, городским населением), а также символические стратегии репрезентации императорского величия образуют то проблемное поле, которое продолжает стимулировать новые исследования о природе Римской империи. Совсем недавно актуальность этой темы подчеркнул А.В. Махлаюк в статье «Быть императором в Римском мире. Новые ответы на старые вопросы»¹.

Автор анализирует три книги, вышедшие в 2023 г.², предметом которых являются не конкретные императоры, а общие аспекты их положения и деятельности как верховных правителей³. А.В. Махлаюк справедливо отметил, что с 1990-х гг. и до сегодняшнего дня выходит значительное число работ, посвященных различным аспектам императорской власти: ритуально-церемониальные практики с участием императоров, их повседневная жизнь, титулатура и неофициальные прозвища, репрезентативные образы⁴.

В отечественной историографии в 1995 г. Ю.Л. Бессмертный акцентировал, что к концу века у самых разных исследователей появляется повышенное внимание к феноменам, непосредственно связанным с социокультурным способом властвования⁵. Лишь антиковедение как традиционно консервативное направление в исторической науке долго оставалось в стороне от этого тренда. В отечественной историографии до сих пор пристальному изучению в этом

¹ Махлаюк А.В. Быть императором в Римском мире. Новые ответы на старые вопросы // ПИФК. 2025. № 1. С. 230–246.

² Beard M. Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World. New York, 2023; Hekster O. Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC–AD 565). Cambridge; New York, 2023; Christoforou P. Imagining the Roman Emperor: Perceptions of Rulers in the High Empire. Cambridge; New York, 2023.

³ Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 230.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории. // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 15.

ключе подвергалась эпоха средневековья⁶, а античность, в особенности поздняя, долгое время изучалась по лекалам, заданным еще в XIX в.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам императорской власти в Поздней Римской империи, мировая историография до сих пор испытывает недостаток комплексных работ, в которых были бы системно проанализированы различные стратегии репрезентации императорской власти. Существующие исследования часто фокусируются либо на политико-административных механизмах управления, либо на отдельных элементах символической репрезентации (монетном деле, скульптуре, архитектуре), не предлагая целостного понимания того, как эти практики взаимодействовали между собой, формируя единый образ идеального правителя.

Особенно остро ощущается отсутствие работ, которые прослеживали бы взаимосвязь между традиционными римскими представлениями о власти и их трансформацией в условиях позднеантичного общества. Недостаточно изученными остаются вопросы о том, как менялись стратегии императорского самовыражения в контексте христианизации империи, как взаимодействовали между собой различные каналы репрезентации (визуальные, ритуальные, текстуальные) и каким образом фигура императора продолжала оставаться центральным элементом политического поля даже в период нараставшего кризиса имперских институтов.

Существующий пробел в историографии делает особенно актуальным исследование, которое, с одной стороны, обобщило бы накопленные данные о различных аспектах императорской власти, а с другой – предложило бы новые интерпретационные модели, позволяющие понять место и роль императора не только как политического лидера, но и как ключевой символической фигуры, вокруг которой структурировалось все пространство позднеантичной политической культуры. Такой подход позволил бы по-новому взглянуть на природу римской императорской власти, рассматривая ее не просто как набор институтов и практик, но и как сложную семиотическую систему, объединявшую правовые нормы, административные процедуры и разнообразные формы символической репрезентации.

Степень разработанности проблемы. Традиционно отправной точкой в изучении Поздней Империи считается труд Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»⁷. В своем фундаментальном сочинении историк не только зафиксировал сакральный характер императорской власти, но и подчеркнул ее принципиально новое обоснование –

⁶ Власть, общество, индивид в средневековой Европе. / Ред. Н.А. Хачатурян; сост. О. С. Воскобойников. М., 2008; Польская С.А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX-XV вв.). М., 2017.

⁷ Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. 6 vols. London, 1776–1789.

божественную санкцию со стороны христианского Бога⁸. Особое внимание Гиббон уделил анализу императорской титулатуры, отмечая два ключевых изменения: появление титула «dominus» (господин) и исчезновение упоминаний республиканских магистратур, начавшееся уже в период правления Диоклетиана.

Эти процессы, по мнению исследователя, наглядно демонстрировали трансформацию системы власти: от принципата с его республиканскими пережитками к откровенному абсолютизму, предполагавшему тотальное подчинение всех слоев населения персоне императора.

Хотя Гиббон первым сформулировал ключевые положения о природе власти в Поздней Римской империи, именно Теодор Моммзен систематизировал и углубил эти представления, придав им строгую научную форму⁹. Немецкий историк, сохраняя преемственность с гиббоновской традицией, сместил акцент на правовые аспекты императорской власти. Как и его предшественник, Моммзен уделял особое внимание эволюции титулатуры, подчеркивая сакральный статус титулов dominus и augustus. При этом он интерпретировал исчезновение традиционной трехчастной формулы *imperator Caesar augustus* как знаковый момент трансформации: от республиканской модели, где император выступал в роли магистрата, к новой концепции абсолютного монарха, стоящего над законом.

Значительным вкладом Т. Моммзена стало введение в научный оборот термина «домината» (от лат. *dominatus* — «господство»), который рассматривался им как бюрократизированная система абсолютной монархии. В отличие от эпохи принципата, сохранявшей видимость республиканских институтов и относительную автономию подданных, доминат предполагал жесткую централизацию власти, всеобщую регламентацию и полное подчинение личности государству. Этот контраст, по мнению историка, особенно ярко проявлялся в сфере права: если ранее императорская власть хотя бы формально опиралась на республиканские традиции, то теперь она обрела самостоятельное, сакрализованное обоснование.

В 1978 г. Й. Бляйкен подверг сомнению правомерность разделения римского императорского правления на принципат и доминат на основании принципов, выделенных Т. Моммзеном. По его мнению, это разделение не имеет под собой реальных конституционных оснований и представляет собой скорее искусственную конструкцию. Бляйкен утверждал, что Т. Моммзен ввел термины «принципат» и «доминат» для того, чтобы подчеркнуть контраст между римской традицией и восточными (в частности, персидскими) моделями власти, которые

⁸ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи в 7 т. Т.1. М., 2008. С. 536.

⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*: in 3 Bd. Leipzig, 1871–1888.

значительно повлияли на римские институты¹⁰. Такой подход, по его мнению, позволял представить позднеимперскую систему правления как «чуждую» классической античности сделать тем самым искусственный разрыв в исторической преемственности¹¹.

Й. Бляйкен полагал, что взгляды великого немецкого историка сформировались не столько под влиянием античных источников, сколько под воздействием социально-политического контекста XVIII–XIX вв.¹² В эпоху, когда европейское общество переживало последствия наполеоновских войн и борьбу с деспотическими режимами, резкий контраст между «свободой» республиканских институтов и «тиранией» абсолютной монархии казался особенно очевидным. Именно эти обстоятельства, по мнению Бляйкена, и определил интерпретацию римской истории Моммзенем, привнеся в нее элементы политической полемики своего времени. Однако предложенная Моммзенем концепция домината оказала глубокое влияние на мировую историографию. Даже те исследователи, которые не использовали сам термин «доминат», по существу, воспринимали позднеантичную императорскую власть через призму его идей – как систему абсолютной монархии, радикально отличавшуюся от принципата.

Особенно заметным это влияние было в дореволюционной российской науке, которая традиционно следовала за немецкой. И.В. Нетушил в своих фундаментальных трудах – «Лекциях по римской истории» (1907–1909)¹³ и «Обзоре римской истории» (1912)¹⁴ – последовательно применял концепцию домината, связывая его становление с кризисом III в. Аналогичную позицию занимал Ф.Ф. Зелинский в работе «Римская империя» (1912)¹⁵. По мнению И.В. Нетушила и Ф.Ф. Зелинского к концу IV в. доминат окончательно сформировался как политическая система, порвавшая с республиканскими пережитками принципата. В этом контексте поздний Рим представал наследником эллинистических монархий – как в политическом, так и в экономическом отношении, а не Римской республики.

Другой дореволюционный исследователь, И.А. Покровский, рассматривал титул *dominus* через призму правовой семантики. Указывая на происхождение этого термина из сферы частного права (где он использовался для характеристики отношений хозяина и раба), ученый видел в его официальном употреблении симптом нарастающего деспотизма – процесса, который превращал свободных граждан в подданных, лишенных каких бы то ни было правовых гарантий¹⁶.

¹⁰ Bleicken J. *Prinzipat und Dominat. Gedanken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit*. Weisbaden, 1978. S. 8, 22–25, 27–28.

¹¹ Ibid. S. 6–7, 15, 30.

¹² Ibid. S. 30.

¹³ Нетушил И. В. *Обзор римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах*. Харьков, 1912.

¹⁴ Нетушил И. В. *Обзор римской истории*. Харьков, 1912.

¹⁵ Зелинский Ф. Ф. *Римская империя*. СПб., 2016.

¹⁶ Покровский А.А. *История римского права*. Петроград, 1917.

Схожих взглядов придерживались византинисты Ю.А. Кулаковский (1910–1915) и Ф.И. Успенский (1913), которые отмечали, что императоры Поздней Римской империи под влиянием Востока приобретали ореол сакральности и им поклонялись как богам, однако уже при Феодосии Великом появилась тенденция к «христианизации» власти, поскольку отныне подчеркивалась наместническая роль императора по отношению к Богу¹⁷.

В советской историографии, ввиду господства классового подхода, не было принято изучать характер репрезентации императорской власти, однако важно отметить труд С.И. Ковалева «История Древнего Рима», в котором автор подчеркивал влияние Востока на императорский церемониал (строились дворцы в подражание персидским, император, как и у персов, именовался «повелителем») и отмечал, что у римлян было представление о санкционировании абсолютной власти римского монарха со стороны христианского Бога¹⁸. О последнем писал и Г.Л. Курбатов в своей «Истории Византии»¹⁹. Таким образом, советские историки во многом повторяли концепции, созданные в начале века их соотечественниками и точно так же восходившие к Т. Моммзену.

Долгое время и в зарубежной историографии доминировала интерпретация позднеримской императорской власти как абсолютной и сакрализованной, с явными заимствованиями из восточных церемониальных практик. Ярким примером этому является «История падения античного мира» (1895–1921) Отто Зеека²⁰, где автор развивал идеи Моммзена, опираясь также на концепцию «заката Европы» Отто Шпенглера. О. Зеек с сожалением констатировал утрату римлянами на рубеже эпох политических свобод, которые, по его мнению, составляли суть классической республиканской традиции. В его интерпретации установление автократического режима – прямо названного им «деспотией» – представлялось одной из ключевых причин гибели империи. Такой взгляд отражал характерный для европейской историографии того времени идеализированный образ античной свободы, противопоставленный «вырождению» позднеимперских институтов.

К схожим выводам пришел М.И. Ростовцев в работе, опубликованной в 1926 г. Анализируя трансформацию императорской власти, он подчеркивал ее радикальный разрыв с республиканскими традициями. По его мнению, к концу III в. институт императорской власти окончательно утратил какой-либо конституционный характер, превратившись в аналог

¹⁷ Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 1: 395–518 годы. СПб., 2003. С. 72; Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. I. СПб, 1913.

¹⁸ Ковалев С. И. История Древнего Рима: курс лекций. Л., 1948. С. 785, 798.

¹⁹ Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 39.

²⁰ Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt: in 6 Bd. Berlin, 1895–1921.

сасанидской монархии²¹. Ростовцев особо отмечал сакрализацию власти, нашедшую выражение в пышном придворном церемониале, заимствованном с Востока²².

Э. Штайн в своей «Истории Поздней Римской империи» (1928)²³ развивал институциональный подход, характерный для немецкой исторической школы, но при этом существенно переосмыслил традиционные представления о природе позднеантичной государственности. Подобно своим предшественникам, он уделял особое внимание процессам христианизации империи, эволюции статуса императора от *princeps* к *basileus*, а также стремительному разрастанию бюрократического аппарата. Однако в отличие от многих современников Штайн сознательно отказался от пессимистической риторики, отвергая упрощенные представления о «гибели» или «упадке» римской государственности.

Вместо этого историк предложил концепцию постепенной «византинизации», рассматривая позднеримские институты как динамичную систему, адаптирующуюся к вызовам времени. В его интерпретации такие процессы, как усвоение восточных элементов церемониала или усиление сакрального характера власти, представляли собой не признаки деградации, а закономерные механизмы адаптации имперской системы к новым историческим условиям. Э. Штайн подчеркивал преемственность между позднеантичной и ранневизантийской государственностью, обращая внимание на сохранение многих административных и правовых институтов, которые продолжали функционировать, несмотря на радикальные изменения в идеологической сфере.

Труд Дж. Бюри «История поздней Римской империи от смерти Феодосия I до смерти Юстиниана» (1923)²⁴ стал поворотным моментом в изучении позднеантичной государственности. Подобно Э. Штайну, Дж. Бюри решительно отвергал искусственное разделение на Римскую и Византийскую империи, рассматривая Византию как органичное продолжение римской государственной традиции, подвергшейся постепенной эволюции, а не как принципиально новое образование.

В отличие от предшественников, склонных к упрощенным трактовкам императорской власти как неограниченного деспотизма, Дж. Бюри предложил более сложную и многогранную модель. Хотя он признавал процессы сакрализации власти и роста бюрократического аппарата, характерные для позднеримского периода, его анализ выявил существенные ограничения императорского всевластия. По мнению Дж. Бюри, реальная власть императора находилась в

²¹ Зайцева Е.С., Скворцов А.М. Поздняя Римская империя в отечественной историографии XIX – первой половины XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №4. С. 33.

²² Ростовцев М. И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. М., 2001.

²³ Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Band I. Wien, 1928.

²⁴ Bury J. History of the Later Roman Empire: From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565): in 2 vol. London, 1923.

постоянном взаимодействии с тремя ключевыми институтами: армией, бюрократией и Церковью.

В историографии XIX – начала XX вв. изучение Поздней Римской империи концентрировалось преимущественно на институциональной и событийной истории, при этом христианство рассматривалось как основной фактор изменений. Идеологические основы императорской власти и формы ее репрезентации привлекали значительно меньшее внимание исследователей. Лишь в отдельных работах, таких как исследования А. Боака²⁵ и Ф. Брайтмана²⁶, анализировались конкретные аспекты императорского церемониала, в частности ритуал коронации.

Эти ученые детально изучили описание процедуры провозглашения императора у Петра Патрикия, но при этом оставались в рамках традиционной интерпретации. Они рассматривали императорский церемониал исключительно как средство подчеркивания абсолютной власти правителя, предполагая его восточное происхождение. Такой подход отражал общие тенденции историографии того периода, которая сводила сложные процессы трансформации власти к простой схеме заимствования «восточных» деспотических практик при минимальном учете внутренней эволюции римской политической традиции.

В 1930-х гг., когда появились первые исследования, специально посвященные идеологии императорской власти и способам ее репрезентации, в историографии произошел значительный поворот. Пионером в этой области стал А. Альфельди, чьи работы «Организация монархического церемониала при римском императорском дворе» (1934) и «Знаки отличия и костюм римских императоров» (1935) заложили новые методологические подходы к изучению проблемы²⁷.

А. Альфельди предпринял решительную попытку пересмотреть господствовавший в науке взгляд на позднеантичный церемониал как на простое заимствование восточных традиций. Основываясь на тщательном анализе иконографических источников, он убедительно показал преемственность между эллинистическими, раннеимперскими и позднеантичными практиками репрезентации власти. В его интерпретации Диоклетиан предстает не как радикальный новатор, насаждавший чуждые Риму восточные обычаи, а, скорее, как систематизатор уже сложившихся традиций.

²⁵ Boak A. E. R. Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries. // Harvard Studies in Classical Philology. 1919. Vol. 30. P. 37–47.

²⁶ Brightman F. E. Byzantine Imperial Coronations. // The Journal of Theological Studies. 1901. Vol. 2 (7). P. 359–392.

²⁷ Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1934. Bd. XLIX. S. 1–118; Insignien und Tracht der römischen Kaiser. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1935. Bd. L. S. 1–171.

При этом А. Альфельди подчеркивал, что весь комплекс церемониальных практик и иконографии императора имел четкую идеологическую направленность – создание сакрального образа правителя, призванного визуально воплотить непреодолимую дистанцию между абсолютным монархом и его подданными. Его работы продемонстрировали, что даже при сохранении формальной преемственности раннеимперского периода, позднеантичная система репрезентации власти приобрела качественно новые черты, отражавшие трансформацию природы императорской власти.

Параллельно стали появляться и другие работы, которые рассматривали идеологию императорской власти в поздней Античности. Среди них стоит отметить статью Ж. Гаже «Теология имперской победы» (1933)²⁸, в которой исследователь рассматривает значение образа победы в идеологии императорской власти, а также сочинение О. Трайтингера «Восточно-римская имперская и императорская идея в соответствии с ее формой в придворных церемониях» (1938)²⁹. В отличие от предшествующих исследователей, сосредоточенных на внешней стороне церемониала, О. Трайтингер предложил глубинное осмысление его символической природы. Он рассматривал придворные ритуалы как сложный механизм репрезентации власти, где каждое действие разыгрывалось как фиктивное, почти театральное представление, призванное визуализировать абстрактные идеи имперского господства. В интерпретации О. Трайтингера церемониал конструировал многогранный образ императора, сочетавший в себе политические и сакральные функции. Правитель представал одновременно как олицетворение закона и источник всякой власти, как верховный покровитель Церкви, стоящий выше церковной иерархии, и как благодетель своих подданных, выполняющий мессианскую роль миротворца и защитника. Такой подход позволил историку раскрыть то, каким образом через тщательно продуманные ритуальные практики транслировалась сложная идеологическая концепция, утверждавшая сакральный статус императорской власти и ее всеобъемлющий характер.

Изображения императора и символы императорской власти рассматривались в работах Х. Крузе³⁰ и Р. Дельбрюка³¹. Х. Крузе рассматривал образ императора как сложный политико-правовой феномен, анализируя его эволюцию от эпохи принципата до поздней Античности. Историк убедительно продемонстрировал, что скульптурные и живописные изображения правителей выполняли не столько художественную, сколько идеологическую функцию, являясь материальными носителями императорской власти и сакрального авторитета. Заслуга Р.

²⁸ Gagé J. La théologie de la victoire impériale. // *Revue Historique*. 1933. No. 171 (1). P. 1–33.

²⁹ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Jena, 1938.

³⁰ Kruse H. Studien zur offiziellen Geltung des Kaiserbildes im römischen Reiche. Paderborn, 1934.

³¹ Delbrück R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. Berlin; Leipzig, 1929; *Antike porphyrtwerke*. Berlin, 1932; *Spätantike Kaiserporträts von Constantinus Magnus bis zum Ende des Westreichs*. Berlin, 1933.

Дельбрюка в большей степени заключалась в том, что он впервые собрал и систематизировал императорские изображения и предложил первые модели их интерпретации. Продолжателем Р. Дельбрюка стал А. Грабар, который в фундаментальном труде «Император в византийском искусстве» (1936)³² раскрывает глубокую взаимосвязь между визуальными образами императорской власти и ее сакрально-политической природой в Византии. Исследователь демонстрирует, как на протяжении столетий – от эпохи Константина Великого до падения Константинополя – искусство служило мощным инструментом легитимации и мифологизации императорской власти.

Центральная идея А. Грабара заключается в том, что византийское искусство сознательно конструировало образ императора как богоизбранного правителя, соединяя античные традиции римского имперского культа с христианской символикой. Исследователь убедительно доказывает, что такие элементы, как пурпурные одеяния, диадема или скипетр, сохранившиеся с римских времен, наполнялись в византийский период новым, христианским содержанием. При этом исследователь подчеркивает сознательный характер этой трансформации – византийские императоры и художники не просто заимствовали готовые формы, но творчески перерабатывали их, создавая принципиально новую систему визуальной репрезентации власти.

Методологическая ценность работы заключается в том, что Грабар рассматривает произведения искусства не как иллюстрации к политической истории, а как самостоятельные исторические источники, способные раскрыть особенности мировоззрения эпохи. Его анализ показывает, как через художественные образы осуществлялось распространение образа власти, как складывался сложный язык символов и аллегорий, понятный современникам.

Особой значимостью обладала более поздняя работа В. Энслина «Бог-Император и Император милостью Божьей» (1943)³³ В. Энслин исследует трансформацию императорской власти в поздней Римской и ранней Византийской империях, уделяя особое внимание ее сакрализации и религиозной легитимации. Основная идея работы заключается в том, что начиная с Диоклетиана и Константина Великого, императорская власть постепенно приобретала божественный характер, эволюционируя от языческого культа императора-бога (Gottkaiser) к христианской концепции правителя, получившего власть «по милости Божьей» (von Gottes Gnaden).

Историк прослеживает, как этот процесс отражался в официальной пропаганде, законодательстве и церемониале, подчеркивая ключевую роль христианства в формировании новой идеологии власти. Автор показывает, что если в IV в. императоры еще балансировали

³² Grabar A. L'Empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936; Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.

³³ Ensslin W. Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden. Muenchen, 1943.

между языческими и христианскими элементами сакрализации, то к эпохе Феодосия I и особенно Юстиниана власть окончательно осмысливалась как богоустановленный институт.

В фундаментальном труде П. Шрамма «Знаки власти и государственная символика: очерки их истории с III по XVI век»³⁴ символика позднеримской императорской власти получила особое освещение. Исследователь убедительно показал, как визуальные образы, инсигнии и церемониальные практики становились важной опорой императорского господства в позднеантичный период. Однако его подход к этому материалу имел специфическую направленность. Будучи прежде всего медиевистом, П. Шрамм рассматривал позднеримскую репрезентативную систему преимущественно как исток средневековой политической символики, вследствие чего анализ смещался от ее собственного исторического контекста к перспективе последующего влияния.

В 1964 г. вышла фундаментальная работа А. Джонса «Поздняя Римская империя»³⁵, ставшая важной вехой в изучении этого периода. Опираясь на тщательный анализ нормативных источников и нарративной традиции, А. Джонс дал всестороннюю характеристику политическим институтам позднеримского государства. Особое внимание исследователь уделил двойственной природе императорской власти. С одной стороны, он подчеркивал ее легитимный характер, основанный на римской правовой традиции. С другой – отмечал сакральный статус правителя как наместника Бога на земле³⁶. Однако в отличие от многих своих предшественников, А. Джонс акцентировал внимание на существенных ограничениях императорской власти, особенно со стороны разросшегося бюрократического аппарата.

Подлинно революционный поворот в изучении поздней Античности связан с выходом труда П. Брауна «Мир поздней Античности» (1971)³⁷. Эта работа, вобравшая в себя новые методологические подходы – антропологический, гендерный, историю памяти и исследование визуальных образов, – кардинально изменила сложившиеся историографические парадигмы³⁸. До П. Брауна в науке доминировали две основные интерпретационные модели: гиббоновская концепция упадка и катастрофы, с одной стороны, и моммзеновский акцент на институциональных структурах – с другой. П. Браун предложил принципиально иной подход, сместив фокус исследования на социальные и культурные аспекты позднеантичного общества. Такой подход позволил ему увидеть в этой эпохе не деградацию классических форм, а сложный

³⁴ Schramm P. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert: in 3 Bd. Stuttgart, 1954–1978.

³⁵ Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284-602, a Social Economic and Administrative Survey: in 3 vols. Oxford, 1964.

³⁶ Джонс А.Х.М Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997. С. 165–166.

³⁷ Браун П. Мир Поздней античности. 150–750 гг. н.э. М., 2024.

³⁸ James E. The Rise and Function of the Concept «Late Antiquity». // Journal of Late Antiquity. 2008. Vol. 1 (1). P. 200.

процесс трансформации, сопровождавшийся появлением новых культурных практик и социальных моделей.

Этот новый ракурс существенно изменил и понимание природы императорской власти. П. Браун показал, что правители IV–V вв. – от Константина Великого до Феодосия II – уже не могли опираться исключительно на традиционные механизмы власти (бюрократический аппарат или военную силу). Вместо этого их власть была встроена в сложную систему взаимодействия с новыми акторами политического процесса: христианской Церковью, провинциальными элитами, городскими сообществами и варварскими вождями.

П. Браун перенес акцент с политико-административной истории на изучение культурных и социальных механизмов осуществления власти. В его интерпретации императоры предстают не как абсолютные автократы или марионетки бюрократии, а как участники сложной сети социальных отношений, где власть осуществлялась через ритуалы, религиозные дискурсы, патронажные связи и публичные конфликты. Такой подход позволил по-новому осмыслить специфику позднеантичной монархии как гибкой системы, сочетавшей традиционные римские институты с новыми формами легитимности.

Лишь после появления труда П. Брауна, которое совпало с публикацией статей А. Альфельди в рамках единой монографии³⁹, стали появляться труды, непосредственно посвященные вопросам репрезентации императорской власти и идеологии правления в сочинениях позднеримских авторов. Особое значение в изучении репрезентации власти в поздней Античности занимает работа С. Маккормак «Искусство и церемониал в поздней Античности» (1981)⁴⁰, которая предложила принципиально новый подход к анализу императорской репрезентации. Автор рассматривает художественные образы и политические ритуалы как единую систему визуализации власти, где каждый элемент – от монет до торжественных церемоний – выступал своеобразным «текстом», транслирующим согласованные идеологические сообщения.

Новаторство исследования С. Маккормак заключается в том, что она впервые комплексно проанализировала, как различные формы репрезентации власти – художественные и ритуальные – взаимодействовали между собой, создавая целостный образ императорского величия. Особое внимание уделено ритуалу *adventus*, который в ее интерпретации предстает не просто официальной церемонией, а настоящим спектаклем, где правитель, уподобляясь статуе, воплощал идеализированный образ вечного триумфатора⁴¹.

³⁹ Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1970.

⁴⁰ MacCormack S. Art and ceremony in late antiquity. Berkeley, 1981.

⁴¹ Ibid. P. 55.

Важнейший тезис С. Маккормак заключается в семиотическом единстве различных форм императорской репрезентации: монументальной скульптуры, монетных изображений и церемониальных практик – все они не только дополняли друг друга, но и буквально «цитировали» одни и те же визуальные коды⁴². Работа С. Маккормак заложила методологические основы для современных исследований политической культуры поздней Античности, продемонстрировав, что искусство и ритуал в этот период выступали сущностными элементами, формировавшими особый символический язык императорского господства.

Важным вкладом в изучение репрезентации императорской власти стала работа М. Маккормика «Вечная победа и триумфальное правление в поздней Античности»⁴³. В этом исследовании убедительно показано, как образы победы и триумфа стали ключевыми элементами идеологии императорской власти в позднеантичный период. Автор прослеживает, как триумфальная тематика пронизывала все уровни императорской саморепрезентации – от монетных изображений и статуй до панегириков и официальной титулатуры. Особый интерес представляет анализ Маккормиком ритуала *adventus*, который в позднеантичный период действительно вобрал в себя многие черты традиционного триумфа, превратившись в универсальную форму демонстрации императорского могущества. Однако в отличие от предшественников автор не ограничивается констатацией этого факта, а показывает, как образ «вечной победы» стал системообразующим принципом всей идеологии позднеримского императорского правления.

Не менее значимы и исследования Маккормика, посвященные придворному церемониалу ранневизантийского периода⁴⁴. Ученый демонстрирует удивительную гибкость и адаптивность церемониальных практик, которые, с одной стороны, отражали текущую политическую и социальную реальность, а с другой – сохраняли устойчивое идеологическое ядро. Эта двойственность, по мнению историка, позволяла византийскому двору оперативно реагировать на изменяющиеся обстоятельства, не подрывая при этом сакральных основ императорской власти.

Уникальным своеобразием отличается работа Дж. Лендона «Империя чести. Искусство управления в римском мире»⁴⁵. В ней, как и в своей более поздней статье, автор критически высказывается относительно стремления римской власти сформировать легитимность своего

⁴² MacCormack S. Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire. // *Revue des Études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 29–77.

⁴³ McCormick M. *Eternal Victory: Triumphal rulership in late Antiquity*. Cambridge, 1987.

⁴⁴ McCormick M. *Analyzing Imperial Ceremonies* // *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. 1985. Vol. 35. P. 1–20.

⁴⁵ Lendon J. *Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World*. Oxford, 1997.

правления посредством символов, ритуалов и т.д.⁴⁶ Исследователь настаивает, что феномены, которые мы характеризуем как средства обеспечения видимой законности имперского управления или стремления римских императоров укрепить свою власть посредством самопрезентации, на самом деле являются способами принцепса продемонстрировать свое превосходство, славу и честь. Обладание этими качествами являлось предметом стремлений каждого римского аристократа. Несмотря на обоснованность и своеобразие данной точки зрения, она не стала научным мейнстримом, однако расширила наши представления о римской власти и позволила смотреть на нее под другим углом – обращать внимание на традиционные римские добродетели в конструированных императорских образах.

В 1990-е гг. исследования идеологии и репрезентации императорской власти в поздней Античности вступили в новую фазу, отмеченную значительным углублением методологического подхода и расширением тематического охвата. Этот период характеризуется синтезом традиционного институционального анализа с новейшими направлениями исторической науки, включая визуальные исследования, антропологию власти и семиотику политического дискурса.

Опираясь на фундаментальные работы А. Альфельди, В. Энслина и А. Грабара, исследователи 1990-х гг. разработали более тонкие инструменты для анализа различных форм императорской репрезентации. Особое внимание уделялось тому, как через монеты, архитектуру, церемониал и изобразительное искусство конструировался и транслировался образ имперского порядка. Эти исследования показали, что каждая форма репрезентации несла в себе строго продуманные идеологические сообщения.

В современной историографии исследователи исходят из того, что императорская имагология не просто отражала существующие политические реалии, но и активно участвовала в их формировании. Ученые уделяли внимание тому, как через визуальные и ритуальные практики власть буквально «инсценировала» свои отношения с различными группами подданных – сенаторской аристократией, армией, городским населением и провинциальными элитами. При этом подчеркивалось, что эти образы никогда не были статичными, а постоянно адаптировались к изменяющимся политическим и социальным условиям.

Такой подход позволил по-новому взглянуть на природу позднеантичной монархии, показав ее как сложную систему коммуникации, где формальные институты власти дополнялись (а иногда и заменялись) тщательно продуманными символическими практиками. Эти исследования заложили основу для современного понимания позднеантичной политической

⁴⁶ Lendon J. The Legitimacy of the Roman Emperor: Against Weberian Legitimacy and Imperial «Strategies of Legitimation». // *Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis*. / Ed. A. Kolb. Berlin, 2006.

культуры как целостного феномена, в котором идеологические, художественные и ритуальные аспекты власти были неразрывно связаны.

Детальнее всего подверглось изучению изобразительное искусство позднего Рима. Значимой в этом отношении оказалась работа П. Занкера «Сила образов в век Августа»⁴⁷ – в ней подчеркивалась значимость образов изобразительного искусства для достижения устойчивости в империи и продвижения нового видения римского общества в ключе имперской идеологии. Применительно к поздней Античности на этой ниве выделяется несколько фамилий. Прежде всего, это Р. Смит, автор исследования, посвященного портрету Лициния⁴⁸, где интерпретируются императорские изображения и на этой основе формулируются идеологические основы тетрархии, а также Р. Рис, автор статей «Образ и образы: пересмотр иконографии периода тетрархии»⁴⁹ и «Взгляд позднеантичного императора и искусство почитания»⁵⁰. Необходимо также назвать Я. Элснера, написавшего работу, посвященную римскому искусству⁵¹, и некоторых других авторов⁵².

Недостаточно подробно, к сожалению, изучалась императорская титулатура. Например, П. Кнайсль изучал победные титулы римских императоров⁵³. Другие историки – М. Пичин⁵⁴, С. Коркоран⁵⁵, Д. Кинаст⁵⁶ – пытались определить наборы титулов, характерных для отдельных императоров. Однако в этих исследованиях зачастую не ставилось в качестве задачи определение места титулатуры в системе репрезентации императорской власти и имперской идеологии.

Знаковым является обзорный труд А. Демантта «Поздняя Античность. Римская история от Диоклетиана до Юстиниана (284–565 гг. н.э.)», где дается краткий обзор императорской

⁴⁷ Zanker P. The power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1990.

⁴⁸ Smith R.R.R. The Public Image of Licinius I: Portrait sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century. // Journal of Roman Studies. 1997. Vol. 87. P. 170–202.

⁴⁹ Rees R. Images and image: a re-examination of tetrarchic iconography. // Greece & Rome. 1993. Vol. 40 (2). P. 181–200.

⁵⁰ Rees R. The look of the Late Antique Emperor and the art of praise. // Epic visions: Visuality in Greek and Latin epic and its Reception / Ed.H. Lovatt, C. Vout. Cambridge, 2013. P. 123–145.

⁵¹ Elsner J. Art and the Roman Viewer. The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity. Cambridge, 1995.

⁵² Singor H. The labarum, Shield Blazons, and Constantine`s caeleste signum. // The Representation and Perception of Roman Imperial Power. / Ed. L. DeBlois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. DeKleijn, S. Mols. Amsterdam, 2003; Hannestad N. Roman art and imperial policy. Aarhus, 1986; Weisweller J. From equality to asymmetry: honorific statues, imperial power, and senatorial identity in late-antique Rome. // Journal of Roman Archaeology. 2012. Vol. 25. P. 319–350.

⁵³ Kneissl P. Die Siegestitulatur der romischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen, 1969.

⁵⁴ Peachin M. Roman imperial titlature and chronology, a.d. 235–284. Amsterdam, 1990.

⁵⁵ Corcoran S. Galerius, Maximinus and the titlature. // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2006. Vol. 49. P. 231–240.

⁵⁶ Kienast D., Eck W., Matthaues H. Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. 6, überarb. Aufl. Darmstadt, 2017.

титулатуры, подчеркивается ее сакральный характер и связь с эллинистическими традициями империи⁵⁷. Наиболее фундаментальное исследование императорской титулатуры позднеантичного периода представлено в монографии Г. Рэша «ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ». Исследования по официальному использованию императорских титулов в позднеантичный и ранневизантийский период»⁵⁸. В этом масштабном труде автор предпринял скрупулезный анализ эволюции императорских титулов в IV–VIII вв., прослеживая их трансформацию в контексте ключевых политических и идеологических процессов – укрепления абсолютистских тенденций, христианизации империи и постепенного формирования византийской государственности.

Несомненной заслугой Г. Рэша стала беспрецедентная по своему охвату систематизация огромного массива эпиграфических, нумизматических и нарративных источников, позволившая выявить закономерности и этапы развития императорской титулатуры. Исследователь убедительно продемонстрировал, как изменения в официальном именовании правителей отражали глубинные трансформации природы императорской власти в этот переходный период. Однако методологический подход Г. Рэша, сосредоточенный преимущественно на формально-бюрократическом аспекте титулатуры, оставил за рамками исследования важнейшие вопросы социального функционирования этих титулов. Автор рассматривал их главным образом как продукт канцелярской практики, практически не учитывая, как эти официальные наименования воспринимались и интерпретировались различными слоями населения империи, как они использовались в политической коммуникации за пределами строго официального дискурса.

Важным поворотом в изучении позднеантичного законодательства стала статья В. Слатера «Театрализация справедливости» (1995)⁵⁹, в которой автор предложил принципиально новый взгляд на природу судов императорской эпохи. В. Слатер убедительно показал, как публичные наказания и демонстрация «справедливой кары» превращались в тщательно продуманные спектакли власти, имевшие важнейшее значение для поддержания социального порядка. Этот подход оказался чрезвычайно актуален для изучения Поздней империи. Традиционно законодательные источники, в частности Кодекс Феодосия и Юстиниана, воспринимались как тексты, содержащие сведения о позднеантичном обществе III–VI вв. Однако после работы В. Слатера исследователи (Дж. Диллон⁶⁰, К. Райтценштайн-Рониг⁶¹, Н. Ленски⁶²,

⁵⁷ Demandt A. Die Späantike. Roemische geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. Muenchen, 1989.

⁵⁸ Rösch G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaisertitel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978.

⁵⁹ Slater W.J. The Theatricality of Justice. // The Classical Bulletin. 1995. Vol. 71 (2). P. 143–157.

⁶⁰ Dillon J. The Justice of Constantine. Ann Arbor, 2012.

⁶¹ Reitzenstein-Ronning C. Performing Justice: The Penal Code of Constantine the Great. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New York, 2014. P. 235–256.

⁶² Lenski N. Constantine and the Cities. Imperial Authority and Civic Politics. Philadelphia, 2016.

С. Шмидт-Хофнер⁶³, А. и П. Айх⁶⁴, Дж. Харрис⁶⁵) стали анализировать их как сложные инструменты политической коммуникации.

Посредством всех этих текстов императоры демонстрировали свою заботу о подданных, проявляли благосклонность к отдельным группам и утверждали образ «вечно деятельного» правителя. При этом юридическая сила упомянутых документов часто оказывалась второстепенной по сравнению с их коммуникативной функцией. Как показали исследования, позднеантичное законодательство стало важным каналом диалога власти с различными слоями имперского общества, позволявшим поддерживать видимость «диалога» между императором и его подданными. Такой подход позволил по-новому осмыслить природу императорской власти в поздней Античности, показав, как правовые тексты становились частью сложной системы политической репрезентации.

Значительное внимание современных исследователей уделено панегирикам. Если ранее Э. Гиббон, Т. Моммзен, О. Зеек рассматривали их исключительно в качестве примеров позднеантичной риторики, которые представляли собой «льстивые речи», лишенные достоверности, то теперь панегирики детально изучаются с точки зрения их роли в формировании образа императора, акцентировании преемственности имперского режима, а также отражения в них специфики восприятия императора и ритуального выражения его власти. В фарватере изучения панегириков на западе находятся К. Келли⁶⁶, Ч. Никсон и Б. Роджерс⁶⁷, Р. Рис⁶⁸, А. Омисси⁶⁹, К. Шиндлер⁷⁰, К. Уэр⁷¹, Дж. Харрис⁷².

Особым вниманием также пользуется проблема использования города и городских пространств для репрезентации императорской власти, в том числе посредством осуществления ритуала *adventus*, проведения публичных игр или других форм взаимодействия с городским

⁶³ Schmidt-Hofner S. Ostentatious Legislation: Law and Dynastic Change, AD 364–365. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. New York, 2014. P. 169–192.

⁶⁴ Eich A., Eich P. Thesen zur Genese des Verlautbarungsstils der spätantiken kaiserlichen Zentrale // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2003. Bd. 144. S. 231–258.

⁶⁵ Harries J. *Law and Empire in Late Antiquity.* Cambridge, 1998.

⁶⁶ Kelly C. Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* / Edited by J. Wienand. New York, 2014. P. 215–234.

⁶⁷ *In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini.* / Eds. C.E.V. Nixon, B. S. Rodgers. Berkeley, 1994.

⁶⁸ Rees R. A Hall of Mirrors: The Panegyricus and the Panegyrici // *Concepts of Ideal Rulership from Antiquity to the Renaissance: Studies on the Transmission of Texts and Ideas* / Ed. S. Schorn, G. Roskam. Turnhout, 2018. P. 83–102.

⁶⁹ Omissi A. *Emperors and users in Later Roman Empire. Civil War, Panegyric and the construction of legitimacy.* Oxford, 2018.

⁷⁰ Schindler C. *Per carmina laudes. Untersuchungen zur spätantiken Verspanegyrik von Claudian bis Coripp.* Berlin; New York, 2009.

⁷¹ Ware C. *Claudian and the Roman Epic Tradition.* Cambridge, 2012.

⁷² Harries J. *Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome* Oxford, 1994.

населением. Константинополь с этой точки зрения подробно изучался Ф. Бауэром⁷³, С. Манго⁷⁴, П. Ван Нуффеленом⁷⁵, С. Дестефаном⁷⁶, Р. Пфайльшифтером⁷⁷, М. Майером⁷⁸. Рим – М. Хамфрисом⁷⁹, Йо. Винандом⁸⁰, М. Макэвой⁸¹, П. Ливерани⁸², О. Хекстером⁸³, Х. Дей⁸⁴ и Н. Ленски⁸⁵ изучали в этом ключе все города поздней Античности.

Ритуал *adventus* как кульминация императорской репрезентации нашел отражение в трудах Й. Ленена⁸⁶, П. Дюфрейна⁸⁷, Й. Лэтхэма⁸⁸, в сборнике «Римский триумф»⁸⁹. Проблематика статуй императора как важные элементы практик взаимодействия подданных с властью изучались в работах М. Калос, Дж. Вайсвелера⁹⁰, Л. Лавана⁹¹, Ш. Руше⁹², а особенно в сборнике «The Last Statues of Antiquity» под редакцией Р. Смита и Б. Уорд-Перкинса⁹³.

⁷³ Bauer F.A. Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity. // Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia. 2001. Vol. 15 (1). P. 27–61.

⁷⁴ Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // Dumbarton Oaks Papers. 2000. Vol. 54. P. 173–188.

⁷⁵ Van Nuffelen P. Playing the Ritual Game in Constantinople (379–457). // Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. / Ed. L. Grig, G. Kelly. New York, 2012. P. 183–200.

⁷⁶ Destephen S. La naissance de Constantinople et la fin des voyages impériaux // Antiquité Tardive. 2016. Vol. 24. P. 127–146.

⁷⁷ Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel: Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. Berlin, 2013.

⁷⁸ Meier M. Der Monarch auf der Suche nach seinem Platz. Überlegungen zur Bedeutung der adventus-Zeremonie in der Spätantike. // Historische Zeitschrift. 2017. Bd. 305 (3). S. 622–658.

⁷⁹ Humphries M. Valentinian III and the City of Rome (425–55): Patronage, Politics, Power. // Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. / Ed. L. Grig, G. Kelly. New York, 2012. P. 161–182.

⁸⁰ Wienand J. Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I. Berlin, 2012.

⁸¹ McEvoy M. Rome and the transformation of the imperial office in the late fourth-mid-fifth centuries AD. // Papers of the British School at Rome. 2010. Vol. 78. P. 151–192

⁸² Liverani P. Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale. // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin, 2017. S. 347–368.

⁸³ Hekster O. The city of Rome in late imperial ideology: The Tetrarchs, Maxentius and Constantine. // Mediterraneo Antico. 1999. Vol. 2 (2). P. 717–748.

⁸⁴ Dey H. Art, Ceremony, and City Walls: The Aesthetics of Imperial Resurgence in the Late Roman West. // Journal of Late Antiquity. 2010. Vol. 3 (1). P. 3–37; Dey H. The Afterlife of the Roman City. Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages. New York, 2014.

⁸⁵ Lenski N. Op. cit.

⁸⁶ Lehnen J. Adventus principis: Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum. Frankfurt am Main, 1997.

⁸⁷ Dufraigne P. Adventus Augusti, adventus Christi: Recherche sur l'exploitation idéologique et littéraire d'un cérémonial dans l'antiquité tardive. Paris, 1994.

⁸⁸ Latham J. Rolling Out the Red Carpet, Roman-Style: The Arrival at Rome from Constantine to Charlemagne. // Urban Developments in Late Antique and Medieval Rome. / Ed. G. Kalas, A. van Dijk. Amsterdam, 2021. P. 109–147.

⁸⁹ Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike. / Hrsg. F. Goldbeck, J. Wienand. Boston; Berlin, 2016.

⁹⁰ Weisweller, J. From equality to asymmetry: honorific statues, imperial power, and senatorial identity in late-antique Rome. // Journal of Roman Archaeology. 2012. Vol. 25. P. 319–350.

⁹¹ Lavan L. Political Talismans? Pagan Statues in Late Antique Public Space. // Journal of Roman Archaeology. 2011. Vol. 24. P. 315–350.

⁹² Roueché C.M. Performers and Partisans at Aphrodisias in the Roman and Late Roman Periods. London, 1993; Roueché C.M. Written Display in the Late Antique and Byzantine City. // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies / Eds. E. M. Jeffreys, R. Cormack, J. F. Haldon. Aldershot, 2007. P. 235–254.

⁹³ The Last Statues of Antiquity. / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford, 2016.

В современных исследованиях представлен подробный анализ придворного церемониала. Такие исследователи, как К. Роллингер⁹⁴, О. Бекер⁹⁵, И. Тантило⁹⁶, В. Пюэш⁹⁷, Ф. Гвидетти⁹⁸, показали, что ритуалы императорского двора выступали в качестве важнейшего инструмента власти. Через строгую регламентацию поведения, пространственного расположения и доступа к императору церемониал визуализировал социальную иерархию, превращая абстрактную власть в зримый образ.

Только недавно стали появляться работы общего характера, посвященные проблематике образа императора и репрезентации его власти. К таковым можно отнести работу ученика А. Альфельди – Ф. Колба «Идеология правителя в поздней античности»⁹⁹; сборник «Репрезентация и восприятие римской императорской власти» под редакцией Л. де Блуа, П. Ердкампа, О. Хекстера, Г. де Клейн, С. Молса¹⁰⁰; сборник «Воображение императоров в Поздней Римской империи» под редакцией В. Дидерика и А. Росса¹⁰¹; ранее упомянутые работы О. Хекстера¹⁰² и сборник «Репрезентация императоров Рима: исторические и культурные перспективы сквозь время» под редакцией К. Дэвенпорт и С. Малик¹⁰³. Также отдельно стоит отметить общий труд «Оспариваемая монархия» под редакцией Дж. Винанда¹⁰⁴ – в нем авторы поставили перед собой задачу оспорить традиционный взгляд на империю как на абсолютную монархию, кроме того, ими были проанализированы элементы репрезентации императорской власти.

⁹⁴ Rollinger C. The Importance of Being Splendid: Competition, Ceremonial and the Semiotics of Status at the Court of the Late Roman Emperors (4th-6th Centuries). // *Gaining and Losing Imperial Favour in Late Antiquity: Representation and Reality*. / Ed. K. Choda, M. Sterk de Leeuw, F. Schulz. Leiden, 2020. P. 36–72; *Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel*. Stuttgart, 2024; *Another Heaven: Imperial Audiences and the Aesthetics of Ideology in Late Antique Ceremonial*. // *Dumbarton Oaks papers*. 2023. Vol. 77. P. 85–130.

⁹⁵ Becker A. Dieu, le souverain et la cour. Stratégies et rituels de légitimation du pouvoir impérial et royal dans l'Antiquité tardive et au haut Moyen Âge. Bordeaux, 2022.

⁹⁶ Tantillo I. I cerimoniali di corte in età tardoromana (284-395 D.C.) // *Le corti nell'alto Medioevo: Spoleto, 24-29 aprile 2014*. 2015. Vol. 2. P. 543–584; «Le orme dell'imperatore». La proscinesi tra immaginario retorico e pratiche cerimoniali. // *Annali di archeologia e storia antica*. 2019. T. 26. P. 217–227.

⁹⁷ Puech V. La christianisation du cérémonial impérial dans l'Antiquité tardive. // *Le Prince chrétien de Constantin aux royautés barbares (IVe-VIIIe siècle)*. / Ed. S. Destephen, B. Dumézil, H. Inglebert. Paris, 2018. P. 227–245.

⁹⁸ Guidetti F. Public rituals and performance: the ceremonial staging of imperial authority under Diocletian. // *The Tetrarchy as Ideology Reconfigurations and Representations of an Imperial Power* / Ed. F. Carla-Uhink, C. Rollinger. Stuttgart, 2023. P. 119–140.

⁹⁹ Kolb F. *Herrscherideologie in der Spätantike*. Berlin, 2001.

¹⁰⁰ *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. - A.D. 476)*. / Ed. L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols. Amsterdam, 2003.

¹⁰¹ *Imagining Emperors in the Later Roman Empire*. / Eds. D.W.P. Burgersdijk, A.J. Ross. Leiden; Boston, 2018.

¹⁰² Hekster O. *Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC – AD 565)*. Cambridge; New York, 2023.

¹⁰³ *Representing Rome's Emperors: Historical and Cultural Perspectives through Time* Davenport. / Eds. C. Davenport, S. Malik, S. Oxford, 2024.

¹⁰⁴ *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. / Ed. J. Wienand. New York, 2014.

В современной отечественной историографии имеется немного работ, посвященных репрезентации императорской власти. Для данного исследования представляются важными две работы А.Б. Егорова: это статья, посвященная «тронному имени» римских императоров, в которой дается характеристика основных титулов правителей эпохи принципата¹⁰⁵, и его же пособие, посвященное Поздней Римской империи, где большое внимание уделяется титулатуре августов¹⁰⁶. Историк настаивает, что наличие титула *dominus* в поздней Античности свидетельствовало о той же степени подчинения римских граждан императору, в какой раб зависел от своего господина. В этом ключе интересна статья А.В. Коптева, в которой оспаривается традиционный взгляд на значение титула *dominus*. По версии историка, император, обладая правом носить титул *dominus*, не воспринимался как господин сограждан, а был центральной фигурой гражданского коллектива, формальным представителем всего населения империи, *pater familias* для всех граждан¹⁰⁷.

Исследования И.С. Свенцицкой внесли весомый вклад в понимание трансформации характера императорской власти в позднеантичный период. И.С. Свенцицкая отметила, что если прежде обожествлялась личность правителя, то теперь сакральный статус приобрела сама императорская власть как институт, получавший освящение от христианской Церкви¹⁰⁸. Не менее значима работа П.П. Шкаренкова, который в статье «Репрезентация императорской власти на западе во II–V вв.» убедительно показал римские корни позднеантичной императорской идеологии. Его анализ нарративных источников показывает, что, несмотря на внешние заимствования и христианизацию, основные принципы репрезентации власти сохраняли связь с традиционными римскими политическими концепциями¹⁰⁹. Однако исследователь сосредоточился преимущественно на восприятии образа императора в литературной традиции, оставив без должного внимания целенаправленное формирование этого образа самой императорской властью через официальные источники – панегирики, изображения и церемониал.

Изучение образа императора и идеологии власти в поздней Античности стало систематически развиваться лишь в последние десятилетия, особенно в зарубежной

¹⁰⁵ Егоров А.Б. Проблемы титулатуры римских императоров. // ВДИ. 1998. №2. С. 161–172.

¹⁰⁶ Егоров А.Б. Римское государство и право. Эпоха империи: Учебное пособие. СПб., 2013.

¹⁰⁷ Коптев А.В. *Princeps et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи. // Древнее право. 1996. № 1. С. 182, 185.

¹⁰⁸ Свенцицкая И.С. Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти. // Экклесия: история античного христианства. URL: <http://ecclesia.relig-museum.ru/Researches/sept/svenz2006.htm> (Дата обращения: 22.04.2025)

¹⁰⁹ Шкаренков П.П. Репрезентация императорской власти на западе во II–V вв.: риторика, идеология, политика. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–2 (10). С. 207.

историографии. Долгое время представления о позднеримском императоре формировались под влиянием традиционных подходов, восходящих к работам Э. Гиббона и Т. Моммзена. Хотя обобщающих исследований, посвященных комплексному анализу репрезентации императорской власти в этот период, все еще недостаточно, отдельные аспекты проблематики получили значительное освещение. Историки преимущественно сосредотачивали свои усилия на изучении придворного церемониала, анализе императорской иконографии, исследовании христианской концепции власти. Такой «фрагментарный» подход, при всех своих достижениях, оставлял без внимания системные взаимосвязи между различными элементами репрезентации власти. Лишь в последнее время наметилась тенденция к комплексному изучению императорского образа как целостного феномена, сочетавшего в себе политические, религиозные и культурные аспекты.

В данном исследовании *объектом* изучения является императорская власть, а *предметом* – образ власти, возникающий в ходе символической коммуникации между императором и подданными.

Целью исследования является определение роли фигуры римского императора как ключевого связующего элемента между различными социальными группами населения империи – чиновничьим аппаратом, армией, сенаторской аристократией, столичным и провинциальным населением. Исследуется вопрос, как символические практики, в основе которых лежит образ правителя, обеспечивали устойчивость всей социальной системы, где император выступал в роли универсального посредника и арбитра между различными, зачастую вступавшими в конфликт друг с другом интересами этих групп. Данная цель предполагает постановку и решение следующих *исследовательских задач*:

1. Установить генезис и компетенции ключевых административных должностей при императорском дворе.
2. Охарактеризовать систему регионального управления, выявив особенности функционирования провинциального чиновничества.
3. Раскрыть роль придворного церемониала в формировании символического пространства имперской власти и организации социальной иерархии правящей элиты.
4. Определить ритуал «коронации» императора как важнейший акт демонстрации преданности существующему политическому строю.
5. Охарактеризовать формы символического взаимодействия императора с крупнейшими городскими центрами империи.
6. Выявить практики символического представительства императорской власти в провинциях как средства обеспечения единства имперского пространства и поддержания имперской административной системы.

Хронологические рамки. Несмотря на выведенный в заглавие работы V в., исследование охватывает более широкий исторический период – от смерти Феодосия I (395 г.) до правления Юстиниана (527 г.). Эти хронологические рамки не случайны: начало данного периода ознаменовалось правлением малолетних Аркадия и Гонория, когда императорская власть приобрела чисто символический характер из-за юного возраста правителей, а завершение – радикальными изменениями при Юстиниане, который стремился к восстановлению сильной единоличной власти императора.

Территориальные рамки исследования охватывают как Восточную, так и Западную части Римской империи, поскольку в изучаемый период между ними не существовало формального институционального разделения. На всей территории империи продолжало действовать единое законодательство, сохранялись тесные церемониальные связи между императорскими дворами, а правители Востока официально признавались императорами и на Западе.

Научная новизна работы заключается в целостном осмыслении императорской саморепрезентации как единой системы, включавшей церемониал, публичные выступления и визуальные символы власти, адресованные всей империи. В отличие от исследований, сосредоточенных на отдельных элементах или на «центре» власти, здесь предложен синтетический подход: саморепрезентация рассматривается как универсальный механизм стабилизации порядка, где фигура августа выступала в роли системообразующего центра. Такой взгляд позволяет преодолеть традиционную фрагментарность и отказаться от дихотомии «реальная/показная власть», трактуя имперские образы как принцип функционирования императорской власти в условиях институциональной слабости.

Особое внимание уделено восприятию власти как таковой: ее символы не только транслировались из центра, но и интерпретировались и воспроизводились на местах, формируя общественный консенсус с помощью символической коммуникации власти и поданных. В отличие от традиционного акцента на придворных церемониях и сочинениях христианских авторов, работа обращается и к региональным практикам – от локальных аккламаций и ритуалов до материальной культуры провинций, включая материалы Северного Причерноморья.

Методологическую основу исследования составляет подход «культурной истории политического», наиболее емко сформулированный Б. Штольберг-Риллингер¹¹⁰. Он позволяет рассматривать политику через призму антропологического понимания культуры как совокупности символических практик, посредством которых общество конструирует и

¹¹⁰ Stollberg-Rilinger B. Was heißt Kulturgeschichte des Politischen? // Was heißt Kulturgeschichte des Politischen / Hrsg. B. Stollberg-Rilinger. Berlin, 2005. S. 9–24.

воспроизводит свои представления о порядке. В рамках данной парадигмы политическое действие перестает быть исключительно инструментом властного воздействия «сверху вниз», превращаясь в сложный коммуникативный процесс, где символические формы – язык, образы, ритуалы, церемонии – становятся полем для дискурса о значениях и ценностях¹¹¹.

Как отмечает К. Хелькескамп, такой подход в исследованиях политической истории Римской империи ознаменовал «перформативный поворот», сместив акцент с институциональных структур на практики символической коммуникации¹¹². В контексте изучения позднеантичной императорской власти это означает внимание к тем способам, посредством которых власть не просто утверждала себя, но буквально «исполнялась» в публичном пространстве – через церемонии *adventus*, судебные ритуалы, монетные изображения и другие формы репрезентации.

Особую значимость этому подходу придает его способность интегрировать различные уровни анализа: от изучения материальных артефактов до интерпретации ритуальных практик. Он позволяет рассматривать императорскую власть не как статичный институт, а как постоянно воспроизводимые коммуникативные практики, где официальные образы, ритуалы и церемонии взаимодействовали с коллективными представлениями и ожиданиями различных групп населения. В этой перспективе даже самые формализованные акты императорской репрезентации предстают не как монологи власти, а как элементы сложного диалога между центром и периферией, между разными традициями и группами внутри имперского общества.

Интерпретацию культуры политического делает возможным подход К. Гирца, который определял культуру – в рамках которой и существуют изучаемые нами образы власти – как систему символов. Для К. Гирца символ – это «любой предмет, любое действие, явление, свойство или связь, которые могут служить средством передачи и восприятия смысла, — в передаче и восприятии, таким образом, и состоит “значение” символа»¹¹³. Другими словами, визуальные образы императорской власти также являются символами, поскольку они – «конкретные выражения понятий; абстракции опыта, закрепленные в воспринимаемой форме; конкретные воплощения идей, установок, суждений, желаний, верований»¹¹⁴.

Культурную деятельность К. Гирц приравнивает к созданию и использованию символических форм и заявляет, что она «такое же социальное явление, как и все прочие; она

¹¹¹ Ibid. S. 13; Stollberg-Rilinger B. *Rituale*, Frankfurt; New York, 2019. S. 37.

¹¹² Hölkeskamp K.-J. "Performative turn" meets "spatial turn". *Prozessionen und andere Rituale in der neueren Forschung. // Raum und Performanz. Rituale in Residenzen von der Antike bis 1815 / Hrsg. D. Boschung. K.-J. Hölkeskamp, C. Sode. Stuttgart, 2015. S. 15–74.*

¹¹³ Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York, 1973. Русский перевод: Гирц К. *Интерпретация культур*. М., 2004. С. 108.

¹¹⁴ Там же.

столь же публична, как вступление в брак, и столь же доступна наблюдению, как и сельское хозяйство»¹¹⁵. Т.к. культурные символы имеют публичное выражение, они поддаются познавательной активности исследователя, поскольку мыслительный процесс в своей основе одинаков и у туземцев, и у антропологов¹¹⁶, — это делает возможным разбор смысловых структур, или «установленных кодов», поиск их социального основания и социального значения¹¹⁷. Таким образом, исследователь занят реконструкцией воображаемой Вселенной, в которой пребывает человек изучаемой культуры, а условием этой реконструкции является проникновение в «текст культуры» посредством сбора, описания и интерпретации, заложенных в материальном выражении «образов власти».

С этой точки зрения, придворный церемониал и публичные ритуалы императорских представлений в Поздней Римской империи более не изучаются как простая демонстрация власти или прикрытие политического бессилия. Эти практики рассматриваются как сложный механизм конструирования монархического правления, где каждое действие — будь то торжественный въезд (*adventus*), зрелища (*venationes*), судебные заседания или иные церемонии — выполняло конкретную политическую функцию.

Присутствие императора (личное или опосредованное — через изображения) превращало любое публичное действо в ритуал подтверждения его власти. Даже когда август физически отсутствовал, его символическое присутствие в виде статуи, бюста или упоминания в аккламациях поддерживало идею неразрывной связи между правителем и подданными. Такие ритуалы работали не на «обман» общества, а на достижение коллективного признания легитимности власти — через повторяющиеся, узнаваемые формы взаимодействия, которые структурировали политический порядок.

В этом контексте церемониал становится неотъемлемой частью системы управления, где видимость (ритуал) и сущность (власть) не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга. Например, суд без физического присутствия императора, но с его символическим участием (через изображения или имя) все равно воспринимался как акт его воли. А игры на арене, где август мог быть представлен статуей, подчеркивали его роль покровителя народа, даже если он находился в другом месте.

Таким образом, эти практики были не «пустой формальностью», а инструментом интеграции общества в имперскую систему, где фигура императора оставалась смысловым центром, независимо от его реального местоположения или личного участия. Через ритуалы

¹¹⁵ Там же. С. 109.

¹¹⁶ Там же. С. 20.

¹¹⁷ Там же. С. 16.

власть не просто демонстрировала себя – она буквально «воплощалась» в действии, становясь осязаемой для подданных.

В данном контексте принципиально важно понять, почему поддержание коллективных представлений об императоре как центральном символическом элементе римского пространства имело столь существенное значение. Модель Э. Флэйга предлагает ключ к пониманию этого феномена. Разработанная в ходе изучения узурпаций в период Принципата, эта концепция вводит принципиально важный термин «принятие» (*akzeptanz*), обозначающий безоговорочное согласие ключевых социальных групп с правлением конкретного императора¹¹⁸.

Э. Флэйг принципиально переосмысливает традиционные категории легитимности и отвергает их как бесплодные, акцентируя внимание на процессе постоянного подтверждения власти через систему коммуникации между правителем и основными социальными группами. Согласно его концепции, в римской политической системе отсутствовала единая инстанция, обладавшая монополией на определение легитимности власти. Вместо этого существовал сложный механизм взаимодействия, где поддержка трех ключевых групп – городского плебса, сенаторской аристократии и армии – в различной степени определяла устойчивость императорского правления.

При этом Э. Флэйг проводит важное различие между легитимностью императорского правления как такового (которая после Августа практически не оспаривалась) и необходимостью постоянного подтверждения легитимности конкретного правителя. Именно эта диалектика объясняет важность символических практик и ритуалов – они служили инструментом постоянного воспроизводства «принятия», демонстрируя связь между императором и различными группами населения. В этом смысле поддержание коллективных представлений об императоре как центральной фигуре имперского пространства было не просто идеологическим конструктом, а практической необходимостью системы, основанной на постоянном подтверждении согласия с правлением императора.

Модель Флэйга, при всей ее значимости, не избежала обоснованной критики со стороны исследователей, обративших внимание на ее ограниченность. К. Андо и Г. Зелентаг существенно расширили дискуссию, сместив акцент с проблемы «принятия» узким кругом ключевых групп на более широкий процесс формирования консенсуса, охватывающего все слои имперского общества, включая провинциальное население.

К. Андо, подчеркивая значимость провинций в римской системе правления, предложил рассматривать консенсус не как формальное признание власти определенными элитами, а как

¹¹⁸ Впервые эта концепция была высказана в работе 1992 г., однако мы располагаем лишь переизданием 2019 г., на которое и будем впредь ссылаться: Flaig E. *Den Kaiser herausfordern: Die Usurpation im Römischen Reich*. 2., überarbeitete Aufl. Frankfurt am Main, 2019. Passim.

сложный, многоуровневый процесс согласования интересов¹¹⁹. В его интерпретации римская имперская система основывалась на способности интегрировать различные региональные элиты и сообщества в единое политическое пространство, в котором лояльность провинций приобретала значение, сопоставимое с поддержкой римского плебса или армии.

Г. Зелентаг развил этот подход, представив принципат как постоянно эволюционирующую систему достижения консенсуса. В его трактовке императорская власть выступала не столько как продукт признания со стороны отдельных групп, сколько как результат сложного взаимодействия между центром и периферией, между различными социальными слоями и региональными традициями¹²⁰. Такой взгляд позволяет учесть роль тех факторов, которые оставались на периферии модели Флэйга, как то: влияние провинциальных элит, местных практик лояльности, культурных особенностей различных регионов.

Работы Ш. Дифенбаха, Ш. Ребениха и Р. Пфайльшифтера демонстрируют продуктивность этого подхода, расширяя рамки «Kaiserakzeptanztheorie» за счет включения новых значимых акторов – таких как население Константинополя¹²¹. Столичный плебс IV–V вв., обладавший сложной социальной структурой и особым правовым положением, представлял собой одну из ключевых групп, от отношения которого к императору во многом зависела политическая устойчивость режима. В обозначенных исследованиях показано, что традиционная модель Э. Флэйга, дополненная новыми аналитическими подходами, по-прежнему эффективно описывает политическую динамику позднеантичного общества.

В нашей работе мы будем опираться на эту усовершенствованную версию концепции, которая позволяет учитывать как традиционные механизмы признания власти (армия, сенат, столичный плебс), так и новые факторы, характерные для позднеантичного периода, включая возросшую роль провинциальных элит и церковных кругов, а также региональные особенности восприятия императорского авторитета и участие масс провинциального населения. Такой подход позволяет избежать упрощений, сохраняя при этом четкость исходной теоретической модели. Как показывает пример Константинополя, даже в изменившихся условиях поздней Античности механизмы «принятия» продолжали работать, хотя состав значимых групп и формы коммуникации между ними и императором существенно трансформировались.

¹¹⁹ Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley, 2000.

¹²⁰ Seelentag G. Taten und Tugenden Traians: Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart, 2004. S. 16.

¹²¹ Diefenbach S. Frömmigkeit und Kaiserakzeptanz im frühen Byzanz. // Saeculum. 1996, 47 (1). S. 35–66; Rebenich S. Kriegsherr oder friedensstifter? Der römische Kaiser in der Spätantike. // Basileus eirenophylax. Friedenskultur(en) und monarchische Repräsentation in der Antike. / Hrsg. C. Chrysafis, A. Hartmann, C. Schliephake, G. Weber. Stuttgart, 2023; Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel: Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole.

Необходимо остановиться на понятии «репрезентация». Согласно определению К. Гинзбурга, «репрезентация является инструментом опосредованного познания, который позволяет увидеть отсутствующий предмет путем его замены “изображением”, способным воскресить предмет в памяти или “описать” его таким, каков он есть»¹²². В такой трактовке понятие репрезентации приобретает особую значимость при анализе механизмов императорской власти в Риме. Репрезентация понимается не как пассивное отражение реальности, а как активный инструмент конструирования политического воображаемого – система визуальных, ритуальных и текстуальных кодов, которые позволяли опосредованно «присутствовать» отсутствующему императору в повседневной жизни подданных.

Этот процесс прекрасно иллюстрируется мыслью Поля Рикера: «Король является воистину королем, т.е. монархом, лишь в образах, которые сообщают ему присутствие (*présence*), считающееся подлинным»¹²³. Другими словами, подлинная сущность монарха реализуется именно через его репрезентации. В римском контексте император действительно «становился» императором не только через формальные акты власти, но и через постоянное воспроизводство его образа в различных «медиа». Римлянин, сталкиваясь с этими репрезентациями – на форуме, в суде, при торговых операциях, – бессознательно усваивал определенную программу социального порядка, где фигура августа занимала центральное, сакрализованное положение.

Исследователи позднеантичной визуальной культуры О. Хекстер и Л. де Блуа предлагают рассматривать императорские изображения как универсальный символический язык, транслировавший ключевые идеи имперской идентичности разнородному населению Рима¹²⁴. В их интерпретации эти образы создавали не столько конкретные «сообщения», сколько особую «ауру» римскости – комплекс ассоциаций и значений, которые, несмотря на этнические, культурные и языковые различия, были интуитивно понятны жителям империи.

Такой подход позволяет по-новому осмыслить механизмы формирования коллективной идентичности в Римской империи. Через постоянное воспроизводство императорских образов в монументальном искусстве, монетной чеканке, официальных церемониях и предметах повседневного обихода создавалась система визуальных маркеров, которые конструировали представление о единстве имперского пространства, визуализировали иерархию социального порядка, актуализировали связь между локальными сообществами и центром власти.

Анализ этих репрезентативных практик и их восприятия подданными дает возможность реконструировать то, что исследователи называют «идеологическим сознанием» – систему

¹²² Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь. // НЛЮ. 1998. № 33. С. 7.

¹²³ Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 372–373.

¹²⁴ De Blois L., Hekster O. Introduction. // The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. - A.D. 476). / Ed. L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols. Amsterdam, 2003. P. IX.

представлений о том, что означало быть частью римского мира¹²⁵. Примечательно, что это сознание формировалось не через прямую идеологическую индоктринацию, а через повседневное взаимодействие с образами власти, которые соединяли разнородные элементы империи в единое символическое целое. В этом контексте император выступал не просто как политический лидер, но как ключевой символ, вокруг которого кристаллизовались представления о римской идентичности.

Современные исследования римской визуальной культуры, как убедительно показали О. Хекстер и другие авторы, настаивают на отказе от употребления термина «пропаганда», связанного с опытом тоталитарных режимов, и предлагают рассматривать императорские образы в рамках более сложной коммуникативной модели. Такой подход, близкий к методологии «культурной истории политического», понимает визуальные репрезентации императора как часть диалога между властью и обществом, а не как инструмент прямого идеологического давления.

Изучение изображений предполагает внимание к их формальным характеристикам, к политическим замыслам, определявшим их создание, и к социальным практикам восприятия. На формирование имперских образов влияли разные факторы: представления центральной власти о должном облике правителя, ожидания и реакции различных социальных групп, профессиональные нормы исполнителей, технические условия, а также политико-культурная среда конкретного времени.

Такой подход позволяет уйти от упрощенного противопоставления «официального» и «народного» восприятия власти и показывает многослойность символической коммуникации в римском обществе. Императорские изображения предстали не в виде «пропагандистских клише», а как подвижные элементы культурного обмена, в котором были вовлечены разные социальные группы, формировавшие общий образ правителя.

На русском языке популяризацией описанных выше подходов под названием «потестарная имагология» занимался М.А. Бойцов¹²⁶. По словам историка, эта дисциплина, если исходить из буквального значения термина, занимается изучением образов власти. М.А. Бойцов, вводя эти идеи в отечественную историографию, опирался на классиков медиевистики:

¹²⁵ Ibid. P. X.

¹²⁶ См. следующие работы: Бойцов М.А. Скромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 37–66; Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.; Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 5–37.

М. Блока¹²⁷, П.Э. Шрамма¹²⁸, Й. Деера¹²⁹, Г. Альтхофа¹³⁰ и Э.Х. Канторовича¹³¹, а также античника А. Альфельди¹³² и других ученых-историков.

Само по себе понятие «образ власти» в соответствии с обозначенным подходом означает образ «господ», сложившийся в сознании у подданных¹³³. Причем над созданием соответствующего образа интенсивно работают обе стороны. Власть старается как можно шире распространить выгодные ей представления о себе. Таким образом, «потестарная имагология» изучает образ власти в ее собственных глазах и в глазах подданных. Конечно, само понятие «образ» связано с психонейрофизиологической природой человека и недоступно пониманию историка, однако образы сознания имеют обыкновение в той или иной форме объективироваться, находить внешнее, материальное выражение – и с такими объективациями историк вполне может работать. Кроме того, понятно, что образы, рождающиеся в индивидуальном сознании, сплошь и рядом оказываются конвенциональными, заданными индивиду «извне» общими установками культуры¹³⁴.

Концепцию «имагологии» осмыслял исследователь позднеантичных образов власти Д. Бургерсдейк. Он предложил анализировать сложную систему взаимных ментальных репрезентаций, существовавших между различными группами имперского общества. В этом контексте римская императорская власть как поле постоянного смыслообмена между различными социальными, религиозными и этнолингвистическими группами – язычниками и христианами, столичными и провинциальными жителями, носителями греческой и латинской культурных традиций¹³⁵.

Применительно к позднеантичному периоду имагологический подход особенно продуктивен, т.к. позволяет уловить те трансформации образов императорской власти, которые происходили в условиях религиозных и культурных изменений. Он дает возможность проследить, как традиционные римские представления о власти переосмыслились в

¹²⁷ Bloch M. *Les rois thaumaturges. Études sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre*. Paris, 1924 (русский перевод: Блок М. *Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии*. М., 1998).

¹²⁸ Schramm P. E. *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*.

¹²⁹ Deér J. *Byzanz und das abendländische Herrschertum. Ausgewählte Aufsätze / Hrsg. P. Classen*. Sigmaringen, 1977.

¹³⁰ Althoff G. *Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter*. Darmstadt, 2003; Althoff G. *Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde*. Darmstadt, 1997.

¹³¹ Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*. Princeton, 1957.

¹³² Alföldi A. *Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich*.

¹³³ Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? С. 12.

¹³⁴ Там же. С. 14.

¹³⁵ Burgersdijk D. *Images and Emperors in the fourth century AD. // Imagining Emperors in the Later Roman Empire / Eds. D. Burgersdijk, A.J. Ross*. Leiden; Boston, 2018. P. 8.

христианском ключе, как взаимодействовали между собой различные региональные традиции почитания императора и каким образом сам образ правителя становился полем символической борьбы между разными группами и идеологиями. В этом смысле имагология предлагает более тонкий и многомерный инструмент анализа, чем традиционные концепции «императорского культа» или «пропаганды», позволяя уловить всю сложность процессов репрезентации власти в позднеантичном обществе.

В рамках данного исследования принципиально важным является определение понятий «ритуал» и «церемония». К. Роллингер понимает ритуал как перформативное действие, обладающее трансформационной силой, как, например, «коронация», которая фактически превращает человека в императора¹³⁶. Церемония же представляет собой репрезентативный акт, призванный демонстрировать и подтверждать существующий статус. Однако, по справедливому замечанию исследователя, анализ этих феноменов сопряжен с существенными методологическими сложностями, поскольку церемониальные практики никогда не сводятся к единому «официальному» смыслу, но всегда обрастают множеством вторичных значений и интерпретаций в зависимости от социокультурного контекста участников¹³⁷.

Таким образом, исследователям церемоний и ритуалов необходимо, с одной стороны, реконструировать «идеальный» замысел церемониймейстеров, а с другой – проанализировать, как имперские идеологемы воплощались в конкретных церемониальных практиках и воспринимались различными группами населения. Такой анализ требует комплексного изучения «хореографии» и «грамматики» церемоний – их пространственной организации, последовательности действий, используемых символов – с последующей интерпретацией их семиотики и идеологического подтекста.

Особое значение в этом контексте приобретает перформативный аспект церемониальных практик. Как показали исследования К. Белла и других антропологов, непосредственное вовлечение в ритуалы власти оказывает глубокое психологическое воздействие на присутствующих, способствуя интериоризации транслируемых идей о социальном порядке¹³⁸. В позднеантичном обществе, где телесные практики подчинения (поклоны, коленопреклонения и пр.) составляли важную часть социального взаимодействия, церемониал становился мощным инструментом формирования *consensus omnium*. Эти практики не только выражали, но формировали властные отношения, воплощая абстрактные идеи иерархии в телесной

¹³⁶ Rollinger C. Another heaven. P. 86.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. Oxford, 1992; Ritual: Perspectives and Dimensions. Oxford, 1997. P. 160–162. Больше ссылок в: Rollinger C. Another heaven... P. 96; van Nuffelen P. Beyond bureaucracy. Ritual Mediation in Late Antiquity. // State, power, and violence / Eds. M. Kitts, B. Schneidmüller, G. Schwedler, E. Tounta, H. Kulke, U. Skoda. Hildesheim, 2010. P. 233.

действительности. По сравнению со статичными изображениями императора церемониал оказывал более мощное воздействие, поскольку вовлекал присутствующих в динамическое воспроизведение имперского порядка.

Источниковая база исследования включает различные памятники, относящиеся к позднеантичному периоду Римской империи. В рамках данного исследования источниковую базу целесообразно структурировать по двум фундаментальным критериям, отражающим природу исторических свидетельств: *письменные* источники и *вещественные*. Особую методологическую сложность представляет необходимость учитывать двойственную природу каждого источника: он объективирует культурный контекст своего создания, и в то же время сам становится активным фактором формирования этой культуры. Такой подход позволяет рассматривать источники не просто как «отражения» реальности, но и как полноправные элементы коммуникативной системы позднеантичного общества.

К первой подгруппе письменных источников относятся *исторические нарративы*. Во-первых, это *хроники* – краткие, но ценные для реконструкции событийной истории и восприятия императорской власти тексты. Они сочетают в себе черты античной анналистики и христианской историографии¹³⁹. Христианское мировоззрение, пронизанное идеей Божественного провидения, коренным образом преобразовало античную историографическую традицию, породив новый тип исторического труда – хронику. Для христианских авторов, воспринимавших историю как единый процесс осуществления Божьего замысла, хроника стала идеальной формой фиксации событий, которая позволяла вписать современные события во временную перспективу от Сотворения мира до Страшного суда.

Структурной основой хроник служили строгие хронологические рамки – обычно списки консулов, императоров или библейских патриархов, куда вкраплялись краткие заметки о значимых событиях. Ввиду общей немногочисленности исторических сочинений в поздней Античности, хроники становятся важным подспорьем для изучения политических процессов

¹³⁹ Croke B. Chronicles, Annals and "Consular Annals" in Late Antiquity. // Chiron. 2001. Bd. 31. S. 291–331; Burgess R.W. Studies in Eusebian and Post-Eusebian Chronography. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999; Croke B. The Origins of the Christian World Chronicle. // History and Historians in Late Antiquity. / Ed. B. Croke, A. Emmett. Sydney: Pergamon Press, 1983. P. 116–131; Muhlberger S. The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius and the Gallic Chronicle of 452. Leeds, 1990; Burgess R.W., Kulikowski M. Mosaics of Time: The Latin Chronicle Traditions from the First Century BC to the Sixth Century AD. Volume I: A Historical Introduction. Turnhout, 2012.

Поздней Римской империи. В работе используются хроники Иоанна Малалы¹⁴⁰, Кассиодора¹⁴¹, Идация¹⁴², Проспера¹⁴³, Марцеллина Комита¹⁴⁴, Феофана¹⁴⁵, Пасхальная хроника¹⁴⁶.

Во-вторых, это *светские исторические сочинения* данного периода, которые по сравнению с хрониками содержат более подробные описания времени правления римских императоров¹⁴⁷. Позднеантичная историография представляет собой сложный синтез традиционных античных и новых христианских подходов к осмыслению истории. С одной стороны, сохранялись традиции античного аналитического повествования с акцентом на морально-дидактическую оценку событий, с другой стороны, труды историков часто отражали конфликты между языческой и христианской традициями. Христианские же авторы сосредотачивались на судьбах своей религии и Церкви как новой оси исторического процесса. В данной работе представлен анализ сочинений Аммиана Марцеллина¹⁴⁸, Аврелия Виктора¹⁴⁹, Зосима¹⁵⁰, Прокопия¹⁵¹.

В-третьих, это гораздо более многочисленные *церковные истории*¹⁵². Церковные истории представляют собой особый жанр христианской историографии, сочетающий описание событий

¹⁴⁰ The Chronicle of John Malalas / Trans. by E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott [et al.]. Melbourne, 1986.

¹⁴¹ Cassiodorus Senator. Chronica ad annum DXIX. // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi (MGH. AA). Bd. XI. Berolini, 1894. S. 120–161.

¹⁴² Hydatius. The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana / Ed. and trans. R.W. Burgess. Oxford, 1993.

¹⁴³ Prosper Tiro. Epitoma chronicon (editio prima a. CCCCXXXIII, continuata ad a. CCCCXXV). // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi (MGH. AA) / Rec. Th. Mommsen. Bd. IX. Berolini, 1892. S. 341–499.

¹⁴⁴ Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Vol. 2. // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi (MGH. AA). Bd. XI. Berolini, 1894. S. 37–108; Марцеллин Комит. Хроника / Пер. и ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2010.

¹⁴⁵ Patrologiae cursus completus. Series Graeca. In 161 vols. / Rec. J.-P. Migne. Parisiis, 1857–1866; Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского. Под ред. О.М. Бодянского. // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания / Ред. А.И. Цепков. Рязань, 2005.

¹⁴⁶ Chronicon Paschale (284–628 AD). / Trans. with introduction and notes by M. Whitby and M. Whitby. Liverpool, 2007; Пасхальная хроника. / Пер., вступительная статья и комментарии Л.А. Самуткиной. СПб., 2004.

¹⁴⁷ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: с приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005; Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. London; New York, 2002; Greek and Roman Historiography in Late Antiquity (Fourth to Sixth Century A.D.). / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston, 2003; Croke B. Late Antique Historiography, 250–650 CE // A Companion to Greek and Roman Historiography. / Ed. J. Marincola. Oxford, 2007. P. 567–581.

¹⁴⁸ Ammianus Marcellinus. Res Gestae: in 3 vols. / Ed. and transl. J. C. Rolfe. London; Cambridge, 1935–1939.

¹⁴⁹ Аврелий Виктор. О цезарях. / Пер. В.С. Соколова. // ВДИ. 1963. № 4. С. 214–257.

¹⁵⁰ Zosime. Histoire Nouvelle: in 3 vols. / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971–1989; Зосим. Новая история. / Пер. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.

¹⁵¹ Procopius. Works: in 7 vols. / Trans. H.B. Dewing. Cambridge; London, 1914–1940; Прокопий Кесарийский. Тайная история. / Пер. С.П. Кондратьева. // ВДИ. 1938. № 4. С. 273–360.

¹⁵² Ващева И.Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006; Кривушин И.В. Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. // Ранневизантийская церковная историография / Ред. И.В. Кривушин. СПб., 1998; Leppin H. Von Constantino dem Großen zu

церковной жизни с политической историей Римской империи. Эти сочинения являются важнейшим источником для изучения идеологии императорской власти, ее взаимодействия с Церковью, а также механизмов сакрализации власти в христианизирующейся империи. Жанр восходит к «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (IV в.), который заложил модель изложения событий как Божественного промысла в истории.

К основным чертам церковных историй относится телеологичность – история изображается как поступательное движение к торжеству христианства. Наряду с описанием соборов и различных ересей историками приводятся сведения о войнах, восстаниях, придворных интригах. Несмотря на критику отдельных императоров, в целом авторы поддерживают идею симфонии светской и духовной власти. В работе представлены сведения из церковных историй Евсевия Кесарийского¹⁵³, Созомена¹⁵⁴, Сократа Схоластика¹⁵⁵, Филосторгия¹⁵⁶, Феодорита Кирского¹⁵⁷.

Ко второй подгруппе письменных источников относятся *литературные и риторические произведения* позднеантичных авторов¹⁵⁸. В книге Питера Брауна убедительно раскрывается особая роль риторики как фундаментального элемента позднеантичной культуры и политической жизни. Автор показывает, как единая система образования, построенная на искусстве красноречия, создавала общий язык для правящей элиты Римской империи, способствуя ее консолидации и сохранению культурной идентичности. В условиях усиления центральной власти риторика превратилась в важнейший инструмент политической коммуникации, позволявший аристократии выстраивать диалог с императорским двором¹⁵⁹.

Theodosius II. Das christliche Kaisertum bei den Kirchenhistorikern Socrates, Sozomenus und Theodoret. Göttingen, 1996; The Church Historians: Socrates, Sozomenus, and Theodoretus. // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity (Fourth to Sixth Century A.D.). / Ed. G. Marasco. Leiden; Boston, 2003. P. 219–254.

¹⁵³ Eusebius of Caesarea. The Ecclesiastical History: in 2 vols. / Trans. K. Lake (Vol. I) and J.E.L. Oulton (Vol. II). New York, 1926–1932; Евсевий Кесарийский. Церковная история. / Ред. И.В. Кривушина. СПб., 2013.

¹⁵⁴ Sozomenus. Kirchengeschichte. / Hrsg. J. Bidez. 2. Aufl Berlin, 1995; Созомен Саламинский. Церковная история. СПб., 1851.

¹⁵⁵ Socrates Scholasticus. Kirchengeschichte / Hrsg. G. H. Hansen, M. Širinjan. Berlin, 1995; Сократ Схоластик. Церковная история. / Пер. И.В. Кривушина. М., 1996.

¹⁵⁶ Philostorgios. Kirchengeschichte / Hrsg., übers. und komm. von B. Bleckmann und M. Stein. Paderborn, 2015; Филосторгий. Сокращение «Церковной истории». / Пер. В.А. Дорофеевой. // Церковные историки IV–V веков / Ред. И.В. Кривушин. М., 2007. С. 187–262.

¹⁵⁷ Théodoret de Cyr. Histoire ecclésiastique: Tome I (Livres I–II) / Texte grec de l'édition L. Parmentier revu par P. Canivet, introduction, traduction et notes par P. Canivet et L. Parmentier. Paris, 2006; Tome II (Livres III–V) / Texte grec revu par J. Bouffartigue, traduction et notes par P. Canivet avec la collaboration d'A. Martin. Paris, 2009; Феодорит Кирский. Церковная история. М., 1993.

¹⁵⁸ Шкаренков П. П. Латинская риторическая традиция на рубеже античности и Средневековья: проблемы источниковедческого изучения. // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 146–161; Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford, 2011; Lim R. Public Disputation, Power, and Social Order in Late Antiquity. Berkeley, 1995; Ware C. Claudian and the Roman Epic Tradition. Cambridge, 2012.

¹⁵⁹ Brown P. The Making of Late Antiquity. Cambridge; London, 1978. P. 38.

П. Браун отмечает, что в поздней античности риторика сохраняла статус основного способа формирования целостного мировосприятия, «объединенного древней магией греческих слов». Она была тесно связана с классическим греко-римским наследием и закрепляла сакрализацию власти через устойчивые формы выражения. В этот период красноречие превращало политические процессы в изысканные словесные конструкции и скрывало реальные механизмы власти под покровом традиционных формул¹⁶⁰.

Такой подход объясняет, почему риторическое образование оставалось столь важным для аристократии даже в эпоху трансформации имперской системы. Оно давало элите как инструмент влияния, так и способ сохранения социального статуса, позволяя участвовать в политическом процессе через утонченные формы словесного убеждения. Таким образом, риторика выступала не просто как образовательная дисциплина, но и как ключевой механизм поддержания культурной и политической преемственности в меняющемся мире поздней Античности. Именно в этом и состоит специфика и ценность памятников риторического искусства этого времени.

Во-первых, это панегирики – специфический источник, в котором риторические клише сочетаются с важными сведениями о политической жизни империи¹⁶¹. Несмотря на очевидную тенденциозность и гиперболизированную лесть, характерную для жанра, панегирики содержат важную информацию о ключевых аспектах имперского управления. В них встречаются упоминания о военных кампаниях, о структуре высших органов власти и их взаимодействии, о деталях придворного церемониала и императорской репрезентации. Особую ценность представляют описания официальных мероприятий – адвентов, игр, назначений на должности, аудиенций, – которые часто фиксируются именно в панегирической литературе. В работе используются галльские панегирики¹⁶², панегирики Клавдия Клавдиана¹⁶³, Сидония Аполлинария¹⁶⁴, Кориппа¹⁶⁵.

¹⁶⁰ Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison, 1992. P. 30.

¹⁶¹ Kelly C. *Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric*. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* / Ed. J. Wienand. New York, 2014. P. 215–238; MacCormack S. *Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire*. // *Revue des Études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 29–77; *The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity*. / Ed. M. Whitby. Leiden, 1998; MacCormack S. *Art and Ceremony in Late Antiquity*; Schindler C. *Per carmina laudes: Untersuchungen zur spätantiken Verspanegyrik von Claudian bis Coripp*. Berlin; New York, 2009; Gillett A. *Epic, Panegyric, and Political Communication in the Fifth-Century West*. // *Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity*. / Ed. G. Kelly, L. Grig. Oxford, 2012. P. 265–290.

¹⁶² Латинские панегирики. / Вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабаги. М., 2016.

¹⁶³ Claudius Claudianus: in 2 vols. / Transl. M. Platnauer. London; Cambridge, 1922.

¹⁶⁴ Gaius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius. *Poems and Letters*: in 2 vols. / Trans. W.B. Anderson. London; Cambridge, 1936–1965.

¹⁶⁵ Corippus. *In laudem Iustini Augusti minoris* / Ed. and trans. Averil Cameron. London, 1976.

Во-вторых, к памятникам риторической традиции относятся политические и философские речи Фемистия¹⁶⁶, Либания¹⁶⁷ и Синезия Киренского¹⁶⁸. Эти тексты представляют собой уникальный корпус источников, отражающий трансформацию принципов репрезентации императорской власти в критический период перехода от языческой традиции к христианской империи. В отличие от формализованных панегириков эти тексты демонстрируют более сложное взаимодействие между властью и интеллектуальной элитой, сочетая элементы традиционной риторики с философской рефлексией и личной позицией авторов.

Кроме того, в работе используются письма Сидония Аполлинария¹⁶⁹ и Квинта Аврелия Симмаха¹⁷⁰. Сравнительный анализ этих двух эпистолярных корпусов позволяет выявить как преемственность, так и коренные различия в способах репрезентации власти и социального статуса. Оба автора апеллируют к традиционным римским институтам и пытаются влиять на политику через личные связи при императорском дворе. Письма демонстрируют удивительную гибкость риторических стратегий, показывая, как античная эпистолярная традиция адаптировалась к меняющимся историческим условиям. Письма раскрывают то, как образованная элита осмысляла фундаментальные изменения в политической и культурной жизни поздней Античности.

Третью важную подгруппу источников составляют *христианские богословские тексты*, которые, несмотря на свою специфическую религиозную направленность, содержат ценные свидетельства о восприятии императорской власти в позднеантичном обществе¹⁷¹. К этой категории относятся разнообразные по форме и содержанию произведения: экзегетические труды (гомии, комментарии к Священному Писанию, схолии), догматико-полемические сочинения («слова», апологии, опровержения ересей), литургические тексты, наставления пастырей, историко-агиографические произведения и философско-богословские трактаты.

Каждый из этих видов текстов обладает уникальными особенностями, обусловленными целями их создания и предполагаемой аудиторией. Особую ценность эти источники представляют для понимания того, как христианские авторы и их паства воспринимали различные формы императорской репрезентации – от монетных изображений до публичных церемоний. Богословские тексты содержат как прямые оценки императорской власти, так и

¹⁶⁶ Themistius. *Orationes quae supersunt*. / Rec. H. Schenkl et G. Downey. Lipsiae, 1965–1974.

¹⁶⁷ Libanius. *Selected Orations: in 2 vols.* / Ed. and trans. A.F. Norman. Cambridge, 1969–2023; Либаний. Речи: в 2 т. / Пер. С.П. Шестакова, ред. М.Ф. Высокого. СПб., 2014.

¹⁶⁸ Synésios de Cyrène. *Opuscles I.* / Texte établi par J. Lamoureux, traduit par N. Aujoulat. Paris, 2004. P. 1–85; Синезий Киренский. О царстве / Пер. М.В. Левченко. // ВВ. 1953. Т. 6. С. 327–357.

¹⁶⁹ Gaius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius. *Poems and Letters: in 2 vols.* / Trans. W.B. Anderson. London; Cambridge, 1936–1965.

¹⁷⁰ Symmaque. *Lettres: in 4 vols.* / Texte établi, traduit et commenté par Jean-Pierre Callu. Paris, 1972–2002.

¹⁷¹ *The Cambridge History of Early Christian Literature.* / Ed. F. Young, L. Ayres, A. Louth. Cambridge, 2004; Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. 6-е изд., испр. М., 2017.

косвенные свидетельства о том, как религиозные идеи влияли на восприятие светских символов власти. При этом важно учитывать, что отношение к императорской власти в этих текстах могло варьироваться от почтительного признания ее богоустановленности до резкой критики отдельных правителей, в зависимости от контекста создания произведения и позиции автора.

В работе используются сведения, черпаемые в сочинениях Августина, Иоанна Златоуста, Льва Великого, Амвросия Медиоланского, Севериана Гавальского, Севира Антиохийского, Григория Назианзина, Василия Великого, Иоанна Дамаскина. Труды этих авторов собраны в XIX в. Ж.П. Минем в сериях “*Patrologia latina*”¹⁷² и “*Patrologia graeca*”¹⁷³.

К четвертой подгруппе письменных источников относятся *частные документы*. Прежде всего, это папирусы, которые позволяют проследить, как императорская власть воспринималась на местах, в повседневной жизни. Мы обращаемся к письмам Флавия Абиннея¹⁷⁴, распоряжениям Флавия Гайола¹⁷⁵, протоколам собрания города Оксирина¹⁷⁶.

Особой важностью для нас обладают *законодательные источники* – пятая подгруппа. Кодексы Феодосия¹⁷⁷, Юстиниана¹⁷⁸ и новеллы императоров¹⁷⁹ не только фиксировали правовые нормы, но и являлись мощным инструментом идеологической демонстрации власти, где император предстает как верховный законодатель, защитник христианской веры и «заботливый отец» всего римского населения.

Особое место среди источников занимает *Notitia Dignitatum*¹⁸⁰ – уникальный справочник конца IV – начала V вв., запечатлевший административную структуру империи. Этот документ с его тщательно разработанной системой чинов и должностей служил не только практическим руководством, но и визуальным воплощением имперской мощи, где каждая должность сопровождалась особыми символами и инсигниями.

Кроме того, к шестой подгруппе письменных источников можно отнести *руководства византийских чиновников* по организации позднеимперского управления и церемоний. Главным образом, это труд Константина Багрянородного «О церемониях», составленный императором в X в. из сочинений более ранних авторов, в частности Петра Патрикия – *magistri officiorum* VI в.,

¹⁷² *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. In 221 vols. / Rec. J.-P. Migne. Parisiis, 1844–1855.

¹⁷³ *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. In 161 vols. / Rec. J.-P. Migne. Parisiis, 1857–1866.

¹⁷⁴ Flavius Abinnaeus. *The Abinnaeus Archive: Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II* / Ed. H.I. Bell. Oxford, 1962.

¹⁷⁵ *Chartae Latinae Antiquiores: Austria III*. / Hrsg. A. Bruckner. Dietikon-Zürich, 1996.

¹⁷⁶ *The Oxyrhynchus Papyri. Vol. I*. / Ed. B.P. Grenfell and A.S. Hunt. London, 1898.

¹⁷⁷ *The Theodosian Code and Novels and the Sirmundian Constitutions*. / Trans. C. Pharr and T.S. Davidson, M.B. Pharr. Princeton, 1952.

¹⁷⁸ *The Code of Justinian: in 3 vols.* / Trans. F.H. Blume, ed. B.W. Frier. Cambridge, 2016.

¹⁷⁹ *The Novels of Justinian: in 2 vols.* / Trans. D. Miller, P. Sarris. Cambridge, 2018. Новеллы более ранних императоров представлены в издании К. Фарра.

¹⁸⁰ *Notitia Dignitatum omnium tam civilium quam militarium utriusque imperii*. / Ed. O. Seeck. Berlin, 1876.

который описывал реалии V–VI вв.¹⁸¹ А также сочинение Иоанна Лида «О должностях»¹⁸², в котором римский чиновник описывал устройство позднеантичного аппарата управления.

Не менее значимы *эпиграфические памятники*¹⁸³. И хотя их количество меньше по сравнению с предшествующими эпохами, они сохраняют значение ключевого источника для анализа репрезентации власти ввиду своей официальной природы. Надписи на монументах, статуйных постаментах и культовых предметах не только закрепляют официальную императорскую титулатуру, но и демонстрируют отношение местной элиты к фигуре императора, позволяя говорить о взаимодействии центра и периферии.

Ко второй группе источников относятся *вещественные и изобразительные источники*. Во-первых, это *археологические материалы*. Они представляют собой ценнейший комплекс источников, позволяющий проследить трансформацию образов и символов власти в период с конца IV по начало VI вв. Архитектурные памятники этого периода, такие как триумфальные арки, императорские дворцы и христианские базилики, демонстрируют синтез античных традиций и новых идеологических тенденций. В Константинополе и Равенне монументальное строительство продолжало служить важным символом императорского величия и имперского порядка.

Вторую подгруппу археологических источников составляют *предметы материальной культуры* с императорской символикой – фибулы с портретами правителей, экзагии, миссории и медальоны, которые служили как наградами, так и средствами распространения официальной иконографии. Эти артефакты, часто выполненные из драгоценных металлов, демонстрируют то, как традиционные римские образы власти адаптировались к новым условиям.

К третьей подгруппе относятся *нумизматические источники*¹⁸⁴. Монеты представляют особый интерес для исследования эволюции императорского образа. Однако их изучение сопряжено с рядом трудностей, которые будут рассмотрены в соответствующем разделе IV

¹⁸¹ Constantini Porphyrogeniti De Ceremoniis Aulae Byzantinae. / Ed. J.J. Reiske. Bonn, 1829–1830; Konstantinos Porphyrogennetos: The book of ceremonies in 2 vols. / Trans. A. Moffatt and M. Tall. Canberra, 2012.

¹⁸² John the Lydian. On powers, or, The magistracies of the Roman state. / Ed. and trans. A. C. Bandy. Philadelphia, 1983.

¹⁸³ Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen VI: Inscriptiones Urbis Romae Latinae / Ed. E. Bormann, G. Henzen, Ch. Hülsen [et al.]. Berolini, 1876–1902; Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen V: Inscriptiones Galliae Cisalpinae Latinae / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1872–1887; Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen XIII: Inscriptiones Trium Galliarum et Germaniarum Latinae / Ed. O. Hirschfeld, C. Zangemeister [et al.]. Berolini, 1899–1943; Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen III: Inscriptiones Asiae, Illyrici et Provinciarum Europae Graecarum / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1873–1902; Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen VIII: Inscriptiones Africae Latinae / Ed. G. Wilmanns, J. Schmidt [et al.]. Berolini, 1881–1916.

¹⁸⁴ Roman Imperial Coinage. Vol. X: The Divided Empire and the Fall of the Western Parts, AD 395–491 / Ed. J.P.C. Kent. London, 1994; Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius / Eds. P. Grierson, M. Mays. Washington, D.C., 1992.

главы. Можно утверждать, что монеты отражали официальный образ правителя, сформированный при дворе, а также отдельные тенденции имперской политики.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование форм и специфики саморепрезентации римской императорской власти в V в. вносит существенный вклад в понимание политической культуры Поздней Римской империи, раскрывая особенности функционирования власти через призму ее символического выражения. Анализ устройства управленческого аппарата Поздней Античности, представленный в исследовании, заполняет важную лакуну в отечественной историографии, поскольку на русском языке до сих пор отсутствуют специализированные учебные пособия по данной тематике, соответствующие современным научным стандартам.

Особое значение имеет исследование трансформации императорского почитания в условиях христианизации – в работе прослеживается, как традиционные практики наполнялись новым религиозным содержанием, создавая уникальный синтез римских политических традиций и христианской символики. Этот аспект исследования представляет особый интерес для изучения истории раннего христианства. Кроме того, работа рассматривает визуальные репрезентации власти как семиотические системы, транслирующие политические послания. Выводы диссертации применимы в лекционных и семинарских курсах по истории Древнего Рима, Византии, Средневековья, раннего христианства и истории искусства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. К IV в. в Римской империи сформировалась централизованная система управления, охватывавшая все уровни власти. Служилая аристократия выполняла административные и судебные функции, собирала налоги и реализовывала волю императора, что создавало новые формы зависимости элиты от власти августа.
2. Императорский дворец с его пространственной организацией и церемониалом стал главным инструментом сакрализации власти. Он визуализировал божественный статус правителя, формировал представление о непреложности императорского порядка и римской вселенной, а позднеантичный город служил ритуальным пространством, где процессии, монументы и церемонии вовлекали общество в театрализованный диалог с императором, создавая иллюзию всеобщего согласия.
3. Легитимность конкретного императора зависела от признания его ключевыми социальными группами. На Востоке это обеспечивалось концентрацией политических институтов и диалогом с элитами и населением в Константинополе; на Западе разрозненность центров власти усиливала роль армии как источника легитимности.
4. Императорская власть проявлялась через систему репрезентации: чиновники,

наделенные инсигниями и одеждой с императорскими изображениями, становились «живыми символами» власти, демонстрируя свою связь с августом. Их действия, подкрепленные ритуалами и документальными формулами, обеспечивали видимое присутствие императора и поддерживали сакральный образ монарха.

5. Материальная и визуальная среда власти включала сеть императорских статуй, которые создавали семиотическую систему империи: монументы материализовали власть, служили точками ритуального взаимодействия и ареной символического диалога или конфликта между властью и обществом.

6. Образ императора связывал разнородные социальные группы — военную элиту, провинциальную аристократию, чиновничество, горожан и церковь — выступая универсальным интеграционным механизмом. Провинциальные элиты, наиболее заинтересованные в поддержании высокого символического статуса императора, использовали обращение к образу всеблагого и благотельного правителя для укрепления собственного положения, превращая императорскую репрезентацию в основу локальной социальной иерархии, встроенной в общую систему имперской коммуникации.

Достоверность данного исследования обеспечивается комплексным анализом всего корпуса источников по данной проблематике на латинском и древнегреческом языках, а также привлечением археологических данных, памятников эпиграфики, архитектуры и изобразительного искусства. Критически осмыслен широкий историографический материал, отражающий современное состояние мировой научной разработки темы.

Апробация результатов исследования. Положения диссертации отражены в 7 работах, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении учёных степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, и в 1 монографии. Основные результаты диссертации были также представлены в научных докладах на конференциях в т.ч. на Всероссийской научной конференции XXII и XXIII Сергеевские чтения в 2023 и 2025 г. и на I конференции «Закат Древнего мира» в 2023 г.

Глава 1. Иерархия власти: императорский двор и провинциальное управление в V в.

Прежде чем остановиться на «священной особе» императора, определим принципы распределения власти в Поздней Римской империи и в целом правила ее функционирования. Верховным носителем власти и главой государства был император, обладавший *auctoritas* и олицетворявший саму Империю, а также концентрировавший в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти¹⁸⁵. В своем фундаментальном труде «Emperor in the Roman world» Ф. Миллар ведет речь не столько о должности императора, которая предполагала обладание рядом полномочий, закрепленных юридически, сколько об августе как о надинституциональной фигуре, являвшейся связующим звеном в многочисленных и разнообразных отношениях патроната и клиентелы. Император в этом контексте оказывается подателем благ и милостей (включая должности), а также источником правосудия¹⁸⁶. К схожим выводам пришел и И. Мартин, назвавший императора «auctor aller Macht», в том смысле, что август не был главой администрации, в которой сходились бы различные ветви власти, но обеспечивал ее существование, назначая должностных лиц¹⁸⁷.

Таким образом, формирование структур управления в период Поздней империи происходило вокруг личности императора. Этот процесс вопреки традиционному мнению о принципиальном разрыве между принципатом и доминатом¹⁸⁸ в современной науке прослеживается со времен принципата¹⁸⁹. Усиление давления на границы империи, частые внутренние и внешние войны, ставшие практически перманентными с начала III в., а также

¹⁸⁵ См. о власти императора: Ensslin W. Der Kaiser in der Spätantike. // HZ. 1954. Bd. 177. S. 449–468; Martin J. Das Kaisertum in der Spätantike. // Usurpationen in der Spätantike: Akten des Kolloquiums. / Hrsg. F. Paschoud und J. Szidat. Stuttgart, 1997. S. 47–62; Veyne P. What Was a Roman Emperor? Emperor, Therefore a God. // Diogenes. 2003. Vol. 50 (3). P. 3–21; Dagron G. Empereur et prêtre: Étude sur le "césaropapisme" byzantin. Paris, 1996; Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee; Szidat J. Usurpator tanti nominis: Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.). Stuttgart, 2010; Kelly C. Emperors, Government and Bureacracy. // Cambridge Ancient History. Vol. 13. / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 1998. P. 138–183; McCormick M. Emperor and Court. // The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000. P. 135–163; Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, 2006; Jones A.H.M. TLRE. Oxford, 1964. Vol. I. P. 321–365; Hopkins K. Slaves and Conquerors. Cambridge; New York, 1978. P. 197–241.

¹⁸⁶ Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC–AD 337). London, 1977. Passim.

¹⁸⁷ Martin J. Das kaisertum in der spätantike S. 57.

¹⁸⁸ Croke B. Theodor Mommsen and the Later Roman Empire. // Chiron. 1990. Vol. 20. P. 159–189; см об этом: Bleicken J. Op. cit.

¹⁸⁹ Eich P. The Common Denominator: Late Roman Imperial Bureaucracy from a Comparative Viewpoint. // State Power in Ancient China and Rome. / Ed. W. Scheidel. 2015. P. 90–149; Eich P. Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit: die Entstehung einer "personalen Bürokratie" im langen dritten Jahrhundert. Berlin, 2005; Schlinkert D. Vom Haus zum Hof: Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike. // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. 1996. Bd. 78. S. 454–482.

ослабление императорской власти резко увеличили потребность центра в материальных и человеческих ресурсах. В совокупности эти факторы привели к возрастанию значения императорской штаб-квартиры, которая отвечала за накопление, управление и распределение сил и средств¹⁹⁰. Первоначально придворный штат формировался из числа всадников, которые стали важной опорой императорской власти и в течение III в. занимали практически все должности в гражданской администрации¹⁹¹. Однако мы не будем подробно останавливаться на процессе формирования аппарата управления империей в предшествующие периоды, а перейдем к ситуации, сложившейся к V в.¹⁹²

§1.1. Императорский двор, или *sacer comitatus*

Если исходить из тезиса, что главным распорядителем и устроителем властной организации Поздней Римской империи был император, то с неизбежностью следует вывод о том, что имперские властные структуры формировались вокруг фигуры главы государства, которое официально по-прежнему именовалось *res publica*. В Риме наиболее близкой для гражданина структурой была его *familia*, или *domus*. Согласно классическому определению Ульпиана, *familia* включает в себя все лица и имущество, на которые распространяется отцовская власть (*patria potestas*): жена, все сыновья и дочери, внуки и правнуки, а также все рабы и вольноотпущенники, служившие в доме (Ulp. Dig. 50. 16. 195. 1–4). Дом Августа и его преемников назывался *domus principis*, или *domus augusti*, *familia Caesaris*, *palatium*. Все эти термины обозначали также вольноотпущенников и рабов, которые принадлежали к императорскому дому и выполняли личные или политические поручения своего августейшего господина или патрона¹⁹³. Однако с течением времени, когда формировался и эволюционировал императорский аппарат, а власть самого императора непрерывно усиливалась, *domus augusti* стал включать в себя все большее количество людей, уполномоченных выполнять текущие

¹⁹⁰ Eich P. Zur metamorphosen. S. 383

¹⁹¹ Eich P. Common denominator. P. 104.

¹⁹² О реформах и становлении имперского управления в конце III-IV вв. см. также: Jones A.H.M. TLRE; Demandt A. Die Spätantike; Kelly C. Ruling the later roman empire; Noethlichs K.L. Strukturen und Funktionen des spätantiken Kaiserhofes. // Comitatus. Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes. / Hrsg. A. Winterling. Berlin, 1998. S. 13–49; Giardina A. Aspetti della burocrazia nel basso impero. Roma, 1977; Elton H. The Transformation of Government Under Diocletian and Constantine. // A Companion to the Roman Empire. / Ed. D.S. Potter. Malden, 2006. P. 193–205; Stein E. Spät Römisches Reich. Bd. I. S. 46–70, 102–106; Liebeschuetz J. W. H. G. Government and Administration in the Late Empire. // The Roman World. Vol. 1. / Ed. J. Wachter. L., 1987. P. 455–469; Noethlichs K.L. Beamtentum und Dienstvergehen: Zur Staatsverwaltung in der Spätantike. Wiesbaden, 1981; Cameron Av. Later Roman Empire. Cambridge, 1993; Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien (284–363). Paris, 1997.

¹⁹³ Мы обращаемся прежде всего к работе: Schlinkert D. Vom Haus zum Hof, а также: Noethlichs K.L. Strukturen und Funktionen des spätantiken Kaiserhofes.

задачи по управлению государством. В IV в. *domus* императора приобрел официальный эпитет *sacer*, т.е. «священный»: *sacrum palatium* (Pan. Lat. VI. 4. 1; VIII. 1. 4; IX. 6. 2; XI. 11. 1; XII. 16. 5; CTh. XIII. 5. 14; VI. 2. 19; VI. 35. 9; XIII. 3. 14), *sacratissima domus* (CTh. IV. 22. 3; I. 11. 1).

Однако наибольшие перемены в семантике императорского *domus* произошли на протяжении III в., когда император переезжал со своей штаб-квартирой с места на место в условиях перманентного кризиса, поскольку сложившиеся обстоятельства требовали его присутствия в разных точках. Густая сеть временных императорских резиденций покрыла всю территорию государства, по которой властитель перемещался вместе с целым штатом приверженцев и друзей, *comites et amici* – *comitatus*. Понятие «*comitatus*» также сопровождалось эпитетом *sacer*, чтобы подчеркнуть тесную связь окружения с личностью обожествленного правителя, чья особа была священной для подданных¹⁹⁴. В IV в. именно термин *comitatus* обозначал позднеантичный императорский двор в правовых и литературных текстах: CTh. XI. 30. 5, 47; VII. 8. 8; VI. 15. 1; 16. 10; 36. 1; CTh. XII. 1. 9; VIII. 5. 9; IX. 16. 6; CI. XII. 40. 4; VII. 63. 5; Sym. Ep. II. 83; Lact. Mor. Pers. 50. 3; Ath. Hist. Ar. 1. 23. 3; 51. 5–6; Amm. Marc. XV. 7. 6; XVI. 8. 7; XVIII. 5. 5; 6. 1; XX. 4. 11; XXI. 12. 2; 25. 10; XXVI. 5. 7; XXVIII. 1. 26; 2. 9; 3. 9; 5. 12; VI. 9. 16, 20, 27, 29, XXX. 1. 3.

Этот личный компонент, сосредоточенный в окружении императора, особенно заметен в греческих свидетельствах, которые говорят о группе людей «при императоре», о «домочадцах» (*οἰκεῖοι*) или «императорском доме» (*βασιλικὸς οἶκος*), «дворе» (*αὐλή*), когда сообщают о каких-либо событиях в придворной среде (Euseb. Hist. Eccl. VIII. 1. 3: *περὶ τῶν κατὰ τοὺς βασιλικοὺς οἴκους*; Vit. Const. IV. 17: *σὺν τοῖς τὸν βασιλεῖον οἶκον πληροῦσιν*; Iul. Or. II. 90 C: *ἀρχὰς οἰκείας*; Euseb. Vit. Const. I. 16: *ἐξ αὐτῶν οἰκείων*; 2: *ἀναγκαίοις φίλων τε οἰκείων*; Vit. Const. I. 52. 1: *τοὺς ἀμφ' αὐτὸν πιστοτάτους καὶ εὐνοωτάτους ἄνδρας*; Hist. Eccl. VIII. 17. 1: *τοὺς ἀμφ' αὐτόν*; Vit. Const. IV. 63; Eun. Vit. Soph. 464; Zos. IV. 1. 2; IV. 43. 1; IV. 58. 8; Eun. Vit. Soph. 462: *τὰς βασιλικὰς αὐλὰς*; Zos. IV. 2. 3: *τῆς βασιλικῆς αὐλῆς*; Amm. Marc. XXI. 5. 4: *locum obtinentes in aula regia primum*; XXIX. 2. 6: *colloquiis ex aula regia praepigneratus abstruisis*; Zos. II. 25. 2: *ἡγεμόνα τῶν ἐν τῇ αὐλῇ ταξέων ὄν*; Iul. Ep. ad Ath. 217 A: *οἱ περὶ τὴν αὐλήν*). В то же время слово *domus* в отношении приближенных к императору лиц также встречается в источниках: *domus nostra* (CTh. I. 32. 2; 7; VII. 5. 2), *domus sacra* (CTh. VII. 10. 1), *domus sacratissima* (CTh. I. 11. 1), *domus divina* (CTh. V. 16. 34; XV. 3. 6), *domus aeternalis* (CTh. V. 16. 32).

Domus augusti превратился в важный политический орган – *sacer comitatus* – в результате реформ Диоклетиана и Константина. Как мы отмечали выше, тяжелая внутри- и внешнеполитическая обстановка II–III вв. заставляла императоров расширять круг полномочий

¹⁹⁴ Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. S. 460.

императорских служащих, но в период тетрархии в условиях концентрации всей политической власти вокруг «священной особы» и, следовательно, местопребывания императора, августы предприняли более серьезную попытку расширить сферу государственного регулирования: компетенции политического руководства и управленческие задачи были переданы группе людей, составлявших тот самый *sacer comitatus*, или *sacer palatium*.

Иными словами, ключевой управленческой структурой в Поздней Римской империи стал императорский двор, называемый *comitatus*, именно по причине того, что он генетически восходит к *domus augusti*, т.е. к наиболее приближенному к фигуре императора институту. До Диоклетиана двор считался источником политической власти *de facto*, *de iure* же эта власть по-прежнему принадлежала римскому сенату, однако после реформ Диоклетиана и Константина императорский двор, где бы он ни находился, становится единственным источником власти *de iure* и *de facto*¹⁹⁵. В рамках *comitatus* функционировали наиболее влиятельные императорские чиновники – в конечном счете именно отсюда управлялась империя.

§1.1.1. Магистер служб

Главным чиновником при императорском дворе был *magister officiorum*, который контролировал весь чиновничий штат (гражданский и военный), занимался координацией, решением вопросов (юридических, административных, дипломатических) и проведением церемоний, заведовал «внутренними и внешними отношениями» императорского двора (Not. Dign. Or. XI; Occ. IX)¹⁹⁶. Первоначально он упоминается как *tribunus et magister officiorum* (CTh. XVI. 10. 1; XI. 9. 1), первое эпитафическое свидетельство (CIL. VI. 1721), датированное примерно 355/360 г., упоминает его как *magister officiorum omnium*, а в кодексе Феодосия под 357 г. уже фигурирует *comes et magister officiorum* (CTh. VIII. 5. 8).

Сферу ответственности *magistri officiorum*, когда эта должность оформилась окончательно, т.е. со 2-й пол. IV в. и позднее, можно описать следующим образом. *Magister officiorum* контролировал доступ к особе императора, занимался технической организацией аудиенций, приема иностранных посольств и переговоров самого императора с иностранными

¹⁹⁵ Noethlichs C.L. Strukturen und Funktionen des spätantiken Kaiserhofes. S. 19.

¹⁹⁶ O magister officiorum: Jones A.H.M. TLRE. P. 368–9, 575–584; Boak A.E.R. The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires. New York, 1919; Clauss M. Der magister officiorum in der Spätantike (4.-6. Jahrhundert): das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche Politik. München, 1980; Gorietti Castello M. Evoluzione e funzioni del magister officiorum: rileggendo il De magistratibus Populi Romani di Giovanni Lido. // Istituzioni, carismi ed esercizio del potere (IV-VI secolo d.C.) / Cur. G. Bonamente, R. Lizzi Testa. Bari, 2010. P. 123–150; Cecconi G.A. I grandi magisteria tardoantichi: ruolo istituzionale, attività e rapporti con le strutture amministrative (Italia, IV-VI secolo d.C.). // “Magister”: aspetti culturali ed istituzionali. Atti del Convegno (Chieti 1997). / Cur. G. Firpo, G. Zecchini. Alessandria, 1999. P. 73–113.

правителями (Ioan. Lyd. De mag. III. 53). В распоряжении *magister officiorum* находилось множество подчиненных: *admissionales*, *lampadarii*, *cancellarii*, *cursores*, *mensores* и *interpretes* (Not. Dign. Or. XI. 12, 45, 53; Occ. IX. 14–15. 46). Магистр оффиций контролировал *fabricas* (оружейные мастерские) (Ibid. 11, 19/39; Occ. 9, 17/39), ему были подчинены *scholae palatinae*¹⁹⁷, служившие для охраны дворцовой территории; согласно Notitia Dignitatum, на востоке было семь *scholae* (Ibid. Or. 11, 4/10), на западе – пять (Ibid. Occ. 9, 4/8). Иоанн Лид сообщает, что общая численность войск в *scholae* составляла 10 000 человек (Ioan. Lyd. De mag. II. 24). *Scholae* включали *scutarii*, *gentiles*, *armaturae*, *sagittarii* (Not. Dign. Or. XI. 3–10; Occ. IX. 3–8). Из состава *scholae* выбирались сорок *candidates* для личной охраны императора (Amm. Marc. XV. 5. 16).

Если следовать Notitia Dignitatum, то к сфере компетенции *magister officiorum* надлежит отнести *scrinia memoriae*, *epistularum*, *libellorum u dispositionum* (Not. Dign. Or. XI. 13/6; Occ. IX. 10/3). Первые три канцелярии занимались административной перепиской, как то: рассмотрением петиций, составлением рескриптов, а также ведением судебных разбирательств при дворе и проверкой судебных записей провинциальных наместников (E.g.: CTh. I. 16. 3; XI. 30. 32, 34, 54, 65). Другой важной функцией этих канцелярий была выдача *probatoria*, т.е. писем о назначении, государственным служащим (Ioan. Lyd. De mag. III; CI. XII. 59. 10; CTh. VIII. 7. 21, 22, 23; CI. I. 31. 5; XII. 20. 3; XII. 59. 9, 10). Однако лишь последний *scrinium*, в котором, предположительно, излагались планы работы и путешествий императора, был отнесен исключительно к ведению магистра оффиций (CTh. VI. 26, 1–2; 2. 23; CI. XII. 19. 11), к остальным имели отношение и другие лица, о которых будет сказано ниже. В целом, как отмечает А. Джонс, н факт непосредственного руководства магистром оффиций деятельностью канцелярий не зафиксирован, но лишь контроль и надзор¹⁹⁸.

Кроме того, *magister officiorum* руководил штатом *agentes in rebus* (CTh. I. IX. 2, 3; VI. 27. 3, 4, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 23, 28; CI. XII. 20. 3, 5; 21. 6)¹⁹⁹. Карьерный путь *agentem in rebus* начинался с выполнения курьерских обязанностей по доставке официальных депеш, после чего открывался доступ к более ответственным должностям, хотя их точная последовательность не вполне ясна. Вероятно, следующим этапом становилась провинциальная служба в качестве инспекторов *cursus publicus* (*curagendarii* или *curiosi*), где они контролировали законность использования государственной почты, пресекали злоупотребления и составляли отчеты о положении в провинциях (CTh. I. 9. 1; VI. 29. 2; VI. 29. 4; Lib.or. XIVf. 58; XVIII. 135; XLVIII. 7;

¹⁹⁷ Frank R.I. Scholae Palatinae: The Palace Guards of the Later Roman Empire. Rome, 1969; Emion M. L'empereur chrétien et ses gardes du corps. // Le Prince chrétien de Constantin aux royautes barbares (IVe-VIIIe siècle). / Ed. S. Destephen, B. Dumézil, H. Inglebert. Paris, 2018. P. 415–433.

¹⁹⁸ Jones A.H.M. TLRE. P. 369.

¹⁹⁹ Про *agentis in rebus*: Giardina A. Aspetti della burocrazia nel basso impero. Roma 1977; Seeck O. Agentes in rebus. // RE. Bd. I,1. Stuttgart, 1893. Sp. 776–779.

LXII. 14). Венцом карьеры могло стать назначение на должность *principis* в штате провинциального наместника – позиция, остававшаяся в подчинении *magistri officiorum*, о чем подробнее будет сказано в разделе о региональном управлении.

Таким образом, магистр официй выступал ключевым организатором повседневного управления империей от имени императора, возглавляя штат чиновников, ответственных за основные административные функции: рассмотрение прошений и вынесение по ним решений, проведение судебных разбирательств и обеспечение взаимодействия между различными звеньями имперского бюрократического аппарата. Особое значение для нашего исследования имеет другая важная prerogativa магистра официй – организация придворных церемоний. Как верно отметил К. Роллингер, используя по отношению к этой должности термин «*Zeremonienmeister*», магистр официй фактически выполнял функции главного церемониймейстера при императорском дворе, отвечая за подготовку и проведение всех официальных мероприятий с участием августейшей особы²⁰⁰.

В этом отношении ему подчинялись *cursores*, *decani*, *lampadarii*. *Cursores*, предположительно, выступали в роли посыльных (CI. XII. 59. 10). Они также упоминаются в описаниях церемоний на ипподроме после смерти Зенона (De ser. I. 92), Корипп же пишет о *turba cursorum* в контексте аварской легации ко двору Юстина II (Cor. in laud. Iust. III. 160). Вероятно, именно *cursores* доставляли приказы и инструкции накануне важных церемоний. По крайней мере, в V–VI вв. засвидетельствован *протоко́рсор*, передававший послания от императора на ипподром (Malal. Chron. XIV. 2).

Decani, очевидно, выполняли функции привратников как в публичных, так и в частных апартаментах дворца (CTh. VI. 33. 1; CI. XII. 26. 2; 59. 10), напоминая остиариев, по крайней мере тем, что они так же носили посох и не пропускали посторонних²⁰¹. *Lampadarii* же, по всей видимости ухаживали за светильниками во дворце (Not. Dign. Or. XI. 12; Val. Nov. XXX). А. Альфельди показал, что эта культовая prerogativa была важным элементом в организации придворных церемоний, что подтверждается не только литературными источниками, но и иконографией²⁰². То, что *magister officiorum* был главным распорядителем церемоний, подтверждается и тем, что Патрикий Петр, трактат которого и лег в основу соответствующих фрагментов «*De seremoniis*» Константина Багрянородного, занимал именно эту должность²⁰³; в таком же ключе о ней высказывается и Кассиодор: «Ему в особенности принадлежит дисциплина во дворце: он усмиряет бурные нравы непокорных дворцовых стражников обещанием

²⁰⁰ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 102–105.

²⁰¹ Ibid. S. 104.

²⁰² Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. S. 111–118.

²⁰³ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 105.

собственной сдержанности. Столько отделов объединены без всякой путаницы, и он несет на себе тяжесть всего, что хозяин ведет по отдельности ... Через него прибывающий сенатор предстает перед нашими взорами; он ободряет робкого, наставляет говорящего, даже имеет обыкновение вставлять свои слова, чтобы мы все должным образом выслушивали. Надежный посредник для получения королевского присутствия, он – почетный посредник нашего совета, почти что утренняя звезда для дворцового двора: ведь как эта звезда обещает наступление дня, так и он передает явление нашего спокойствия тем, кто в нем нуждается» (Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш – В.К.)²⁰⁴.

§1.1.2. Квестор священного дворца

Другая чрезвычайно важная должность при императорском дворе – *quaestor sacri palatii*²⁰⁵. В *domus principis* раннеимперского периода роль будущего квестора исполнял *ab epistulis*, достоверно задокументированный со времен Клавдия²⁰⁶. В обязанности этого должностного лица центральной имперской администрации входило, прежде всего, ведение всей императорской корреспонденции, включая облечение в литературную форму, выдачу и рассылку инструкций, предписаний и иных распоряжений императора гражданским служащим. Эту должность, имевшую решающее значение для координации работы всех подразделений императорской администрации, поначалу занимал раб или вольноотпущенник, принадлежавший к императорской фамилии²⁰⁷. Таким образом, эту ответственную должность занимало доверенное лицо принцепса из его ближайшего окружения. Со временем должность *ab epistulis* стали занимать всадники, которые также зависели от благосклонности августи при продвижении по карьерной лестнице²⁰⁸.

Окончательно оформилась должность *quaestor* (или *comes*) *sacri palatii*, как и его коллеги *magister officiorum*, в результате реформ Диоклетиана и Константина. Генетивный атрибут официального имени, как и титула *comes*, относится к ближайшему окружению императора, термин *quaestor* – к необходимой компетенции правоведа и его сфере ответственности, к каковой

²⁰⁴ Cassiod. Var. VI. 6. 1–2: Ad eum nimirum palatii pertinent disciplina: ipse solentium scholarum mores procellosos moderationi suae prospero disserenat. tam multi ordines sine confusione aliqua componuntur et ipse sustinet onus omnium, quod habet turba discretum ... Per eum senator veniens nostris praesentatur obtutibus; ammonet trepidum, componit loquentem, sua quin etiam verba solet inserere, ut nos decenter omnia debeamus audire. Aspectus regii haud irritus promissor, collocutionis nostrae gloriosus donator, aulici consistorii quasi quidam lucifer: nam sicut ille venturum diem promittit, sic iste desiderantibus vultus nostrae serenitatis attribuit.

²⁰⁵ См. о ней: Harries J.D. The Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II. // The Journal of Roman Studies. 1988. Vol. 78. P. 148–172.

²⁰⁶ Rostovtzeff M.I. Ab epistulis. // RE. Bd. VI. 1. Stuttgart, 1907. Sp. 210–221.

²⁰⁷ Millar F. The Emperor in the Roman World. P. 75.

²⁰⁸ Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. S. 455.

относились юридическая консультация и законодательная функция *leges dictandae*. Квестор не имел собственного придворного *scrinium* (Not. Dign. Or. XII. 6) и прибегал к помощи *adiutores scriniorum*, которые подчинялись *magister officiorum*²⁰⁹. Таким образом, он в тесном сотрудничестве с главами придворных канцелярий (*magistri scriniorum*) формулировал императорские решения (законы, рескрипты, эдикты), выносил их на обсуждение, редактировал нормативный текст, наконец, получал личную подпись императора в качестве последнего формального акта законодательного процесса и обеспечивал публикацию документа²¹⁰. В этом отношении квестор служил «каналом связи», который играл решающую роль в формировании публичного образа императора через функцию *leges dictandae*²¹¹.

Стоит отметить, что функции квестора и магистра оффиций часто пересекались: квестор пользовался служащими чужой канцелярии, он также составлял ответы на прошения и тоже мог принимать участие в дипломатических миссиях. Очевидно, при сопоставлении характеристик конкретных должностных лиц – личной близости к императору, политической лояльности, связей при дворе, деловых качеств или наличия практического административного опыта – император решал, кого предпочесть, располагая необходимым пространством для маневра в плане принятия оптимального решения. При этом квестура была отчасти уникальной должностью: дело в том, что *quaestor* мог давать поручения другим служащим канцелярии, но не располагал собственным штатом, хотя занимал весьма высокую роль при дворе, имея возможность как бы «говорить от лица императора»²¹².

§1.1.3. Препозит священной опочивальни

В условиях чрезвычайно возросшей значимости императорского двора, *domi Augusti*,росло влияние лиц, ответственных за домашнее хозяйство – *sacrum domesticum*. Во главе этого хозяйства стоял *praepositus sacri cubiculi*²¹³ – евнух, который в античной традиции нередко изображался как самый могущественный человек в империи, манипулировавший самим императором (Zos. IV. 28. 2; Lib. Or. XVIII. 152. 9). Такое мнение возникло из-за статуса самого близкого к императору лица. Его титул уже предполагал основную сферу его ответственности –

²⁰⁹ Ibid. S. 467.

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ Harries J. The Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II. P. 151, 153.

²¹² Ibid. P. 156

²¹³ См.: Hopkins K. Eunuchs in Politics in the Later Roman Empire. // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1963. No. 9 (189). P. 62–80; Schölten H. Der oberste Hofeunuch: Die politische Effizienz eines gesellschaftlich Diskriminierten. // Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes. / Hrsg. A. Winterling. Berlin, 1998. S. 51–74; Schlinkert D. Der Hofeunuch in der Spätantike: Ein gefährlicher Außenseiter? // Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie. 1994. Bd. 122 (3). S. 342–359.

cubiculum. Несмотря на то, что этот термин дословно переводится как «спальня», все-таки *cubiculum* – это прежде всего личные покои императора²¹⁴. Деятельность *praepositus sacri cubiculi* описана в «Кодексе Феодосия» (CTh. VII, 8, 3: tanta et tam adsidua nostri numinis cura, «настолько большой и усердной заботой о нашей божественности»).

Таким образом, препозит отвечал за внутренние помещения дворца и в целом за сферу частной жизни императора и его семьи без привязки к «государственной деятельности». К его прерогативам относилось оказание услуг императору от облачения и личной гигиены до прислуживания за столом²¹⁵. Осуществлялось это все при помощи евнухов – *cubiculares*, которые подчинялись *primicerius sacri cubiculi*. Примицерий и препозит назначались из среды кубикуляриев, как и те, кто занимал более мелкие должности, например, *comes sacrae vestis* (CTh. XI. 18. 1). Большой значимостью обладали начальник телохранителей (*spatharius*), известный со времен Феодосия II (Chron. Pasch. 590), и хранитель тайного кошелька (*sacellarius*), который впервые появляется при Зеноне (Ioan. Ant. 214. 4). Несколько раньше появляется *castrensis*, который упоминается уже в правление Констанция II (CTh. X. 14. 1; Ath. Hist. Ar. 15). Это единственный евнух, о котором сохранилось упоминание в Notitia Dignitatum (Not. Dign. Or. XVII. 7–8; Осс. XV. 8–9). В его подчинении находились два бухгалтера (*tabularii*), помощник (*adiutor*) и секретарь (*chartularius*) со *scrinio* (loc. cit).

Среди кубикуляриев следует особо упомянуть *silentiarii* (CTh. VIII. 7. 5; 6. 23; CI. XII. 16). Их деятельность описывается в CTh. XII. 16. 3–4 как караульная служба (*excubias peragere*); однако они также были заняты, например, в церковно-политических делах. Закон 499 г. также показывает, что *praepositus sacri cubiculi* отвечал за *silentiarii* (CI. V. 62. 25). Отсутствие *silentiarii* в Notitia Dignitatum, вероятно, означает, что и тогда *praepositus sacri cubiculi* нес за них прямую ответственность, поскольку специально таковая никак не оговаривается. Вряд ли можно сомневаться в том, что *silentarii* принимали участие в организации придворных церемоний²¹⁶.

Личная близость и тесное общение с императором, его женой и детьми, обусловленные должностью кубикулярия, были источником и основой влияния евнухов при «священном дворе», которое часто подвергается нападкам в источниках, причем в крайне острой форме. Однако если принять во внимание неизменно аристократическое происхождение этих авторов, то резкое заявление о том, что император Констанций II был слугой своего презренного раба Евсевия, сформулированное Либанием в «Надгробной речи Юлиану», оказывается выражением социальных предрассудков сенатской знати и ее глашатая, чье положение в обществе, очевидно, находилось под угрозой (Lib. Or. XVIII. 152; Iul. Ep. ad Ath. 272D, 274B; Iul. Misop. 352A; Amm.

²¹⁴ Schölten H. Op. cit. S. 52.

²¹⁵ Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. S. 471.

²¹⁶ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 120–122.

Marc. XIV. 10. 2; XX. 2. 2–3; XXI. 16. 16; Olymp. Fr. 14; Ioan. Ant. 191. 194; Zos. I. 6. 3; II. 55. 2; IV. 22. 4; 28. 2; V. 17. 5; 23. 5). Критика действующей администрации, таким образом, в значительной степени переключалась на придворного слугу, который был ближе всех к «священной особе» и, являясь кастратом, принадлежал к числу отверженных людей. В результате евнух при дворе стал, как выразился К. Хопкинс, «козлом отпущения» для критиков власти²¹⁷. В эпоху принципата должность препозита не имела и доли влияния таких фигур как Евсевий при Константине, поскольку сам императорский двор при Флавиях или Антонинах по своему политическому значению несопоставим с двором константиновской эпохи и последующих десятилетий, когда придворные структуры приобрели качественно новую роль в системе управления.

Влияние *praepositus sacri cubiculi* в поздней Античности трудно переоценить. Помимо всего прочего, он обеспечивал неформальный канал связи императора с внешним миром²¹⁸. Только препозит имел право в любое время заходить в *cubiculum* (De ser. I. 97) и взаимодействовать с императором в неформальной обстановке в отличие от других придворных, а тем более гостей при дворе. Х. Шольтен на разных примерах показывает, как влиятельные лица безуспешно пытались получить аудиенцию у императора из-за противодействия препозита²¹⁹. Последний оказывался исполнителем наиболее деликатных и секретных поручений императора вплоть до убийства неугодных лиц²²⁰. Вместе с тем евнух оставался евнухом, т.е. носителем одного из самых низких в античности социальных статусов; все его богатство, власть и влияние зависели исключительно от расположения императора, который мог в одночасье подвергнуть препозита опале и даже казнить. Сам евнух целиком и полностью зависел от императора. Таким образом, институт *cubicularii* укреплял личную власть императора, поскольку вокруг него формировалась группа влиятельных лиц, целиком зависимых от него: Х. Шолтен вслед за К. Хопкинсом считает, что кубикулярии скорее укрепили власть императора, чем ослабили ее²²¹.

²¹⁷ Hopkins K. *Slaves and Conquerors*. P.180.

²¹⁸ Schölten H. *Op. cit.* S. 53.

²¹⁹ *Ibid.* S. 53–59.

²²⁰ *Ibid.* S. 63.

²²¹ *Ibid.* S. 73.

§1.1.4. Комит священных щедрот и комит частного имущества

Определив в начале главы в качестве основной причины расширения управленческого аппарата кратно увеличившуюся потребность в ресурсах²²², мы до сих пор не упомянули главных должностных лиц, ответственных за сбор и распределение упомянутых ресурсов. К этим должностным лицам относятся *comes sacrarum largitionum* и *comes rei privatae*²²³. Как и многие другие чиновники, они пришли на смену *rationales* периода принципата (CTh. IX. 3. 1; X. 8. 1; X. 18. 1). Об их изначально низком статусе свидетельствует замечание Иоанна Лида о том, что в прежние времена комитов никто не причислял к магистратам, а об их происхождении вообще ничего неизвестно (Ioan. Lyd. De mag. II. 27). *Comes rei privatae* упоминается впервые в 342 г. (CTh. X. 10. 6), *vir perfectissimus comes largitionum* – в 345 г. (CTh. XX. 7. 5).

Из двух должностей более важной считалась должность *comes sacrarum largitionum* (CTh. XI. 39. 5; CI. 12, 23, 14; Cassiod. Var. VI. 7–8). В Notitia Dignitatum содержится подробная информация о полномочиях *comes sacrarum largitionum*, им подчинялись *rationales summarum*, или *rationales rerum privatarum*, а также различные *procuratores*, *praepositi* и *primicerii* (Not. Dign. Or. XIII–XIV; Occ. XI). Дополнительную информацию об организации *officium comitis sacrarum largitionum* дает Кодекс Феодосия (CTh. VI. 30, 7): в него входили 18 *scrinii*, на каждый из которых возлагались различные задачи. В каждой канцелярии имелось семь *dignitates* с точно установленным числом чиновников, в общей сложности 446 человек. В подчинении *comes rerum privatae*, согласно единственному упоминанию, находилось 300 чиновников (CTh. VI. 30. 16).

В целом основными функциями *comes rerum privatae* были управление и сбор ренты со всех земель и владений, принадлежавших императору, а также общее заведывание императорской собственностью. Он также занимался продажей и дарением императорского имущества частным лицам, а также выплатами из казны²²⁴. *Comes sacrarum largitionum* являлся также *rationalis rei summae* и контролировал монетные дворы, золотые (и, вероятно, серебряные) рудники и *fabricas*, собирал старую монету, вышедшую из обращения, и осуществлял другие сборы в золоте и серебре. Кроме того, комит отвечал за выдачу донативов солдатам и, вероятно, за выплату жалования гражданским чинам и *milites*.

²²² См. также: Bransbourg G. The Later Roman Empire. // Fiscal Regimes and the Political Economy of Premodern States. / Ed. A. Monson, W. Scheidel. New York, 2015. P. 14; Eich P. The Common Denominator. P. 112.

²²³ См.: Delmaire R. Largesses sacrées et res privata: L'aerarium impérial et son administration du IVe au VIe siècle. Rome, 1989; Delmaire R. Les responsables des finances impériales au Bas-Empire romain (IVe–VIe s.): Études prosopographiques. Bruxelles, 1989; Pergami F. Il comes sacrarum largitionum nel sistema burocratico della tarda antichità. // Militia inermis e militia armata: Apparati civili e militari nella tarda antichità. In onore di Maria Campolunghi. / Cur. A. Marcone. Firenze, 2020. P. 115–134.

²²⁴ Jones A.H.M. TLRE. P. 412.

Таким образом, перечисленные чиновники отвечали за разные аспекты организации власти при императорском дворе. *Praepositus sacri cubiculi* обеспечивал функционирование самого *sacri palatii* и организовывал коммуникацию между придворными и императором. *Magister officiorum* занимался организацией разветвленного административного аппарата, представители которого отвечали на прошения, разбирали судебные дела, занимались государственной перепиской и в целом осуществляли повседневное управление, а также организовывали придворные церемонии и императорские аудиенции. *Quaestor sacri palatii* отвечал прежде всего за правовое обеспечение процесса, при его участии формулировались императорские указы и *responso*. Что же касается *comites sacrarum largitionum* и *rerum privatae*, то они заведовали всеми имущественными и финансовыми делами. Все они вместе со штатом своих подчиненных назывались *palatini*, тогда как приближенные к «священной особе» императора лица именовались *proximi*.

§1.1.5. Священный консисторий

Сама близость высокопоставленных чиновников к августу наделяла их значительным влиянием, помимо тех возможностей, которыми они располагали в соответствии с занимаемыми ими должностями. Их высокий статус давал им право заседать в консистории – императорском совете²²⁵. Как и многие другие государственные институты Поздней Римской империи, консисторий был наследником более раннего института – *consilium principis*²²⁶. От своего раннеимперского аналога он отличался тем, что состоял в основном из *palatini*, которые *de facto* представляли не столько самих себя как политических акторов, сколько сферы своей политической ответственности исходя из занимаемых ими должностей²²⁷. Члены консистория именовались *comites consistoriani*; помимо вышеназванных должностных лиц и других менее влиятельных придворных, этот титул носили также некоторые сенаторы и другие влиятельные лица (CTh. VI. 35. 7)²²⁸.

Слово, лежащее в основе названия «консисторий», – *consistere* («стоять вместе»), – указывает на особые условия его работы. Социальный статус членов императорского совета и

²²⁵ См.: Schlinkert D. Dem Kaiser folgen: Kaiser, Senatsadel und höfische Funktionselite (comites consistoriani) von der "Tetrarchie" Diokletians bis zum Ende der konstantinischen Dynastie. // Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes. / Hrsg. A. Winterling. Berlin, 1998. S. 133–159; Graves D.A. Consistorium Domini: Imperial Councils of State in the Late Roman Empire. Ann Arbor, 1982; Goriotti Castello M. Le segrete stanze del potere: I comites consistoriani e l'imperatore tardoantico. Roma, 2012.

²²⁶ Crook J.A. Consilium Principis: Imperial Councils and Counsellors from Augustus to Diocletian. Cambridge, 1955.

²²⁷ Harries J. Law and Empire in Late Antiquity. P. 38.

²²⁸ Schlinkert D. Vom Haus zum Hof: Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike. S. 474.

других лиц, допущенных на это собрание, вероятно, определял место каждого из них в тронном зале. Этот порядок являлся частью придворного этикета, который свидетельствовал о том, кто находился ближе к «священной особе» императора, а кто дальше. Ритуальное стояние было элементом придворного церемониала и соответствовало норме поведения придворных в момент объявления императором своего решения (CTh. XI. 39. 5).

В глазах императора этот круг придворной элиты – *comites consistoriani* – состоял “*de nece etiam virorum inlustrium qui comitiis et consistorio nostro intersunt*” («из сиятельных мужей, которые принимают участие в наших обсуждениях и консистории») (CTh. IX. 14. 3); к ним следует добавить тех, кто “*quin et de consistorianis comitibus... qui admitti intra consistorii arcanum meruerunt et actibus interesse et nostra adire responsa*” («заслуживает быть допущенным в тайный консисторий, участвовать в переговорах и слышать наши решения») (CTh. VI. 22. 8). В другом законе мы находим обоснование присутствия в консистории *comites consistoriani*: “*...ex comitibus consistorianis qui participantes Augusti pectoris curas agendo claruerunt*” («из тех комитов консистория, кто разделяет заботы, отягощающие императорскую грудь и своими действиями помогают императору облегчить это бремя») (CTh. VI. 8. 3). Влиятельность *comites consistoriani* была обусловлена тем, что они имели возможность общаться непосредственно с императором, пусть и в официальной обстановке (в отличие от *praepositi sacri cubiculi*).

В общем и целом, *sacrum consistorium* являлся центральным имперским органом, в котором принимались важнейшие решения. Здесь проводились дискуссии по насущным вопросам и судебные слушания по наиболее значимым делам, здесь же император, заслушав отчеты высокопоставленных лиц, отдавал им свои распоряжения (CTh. I. 22. 4: “*Gratianus Augustus dixit: det operam iudex, ut praetorium suum ipse componat*”; CTh. XI. 39. 8: “*Theodosius a. dixit: episcopus nec honore nec legibus ad testimonium flagitatur*”; CTh. XII. 12. 10: “*cum in consistorio mansuetudinis nostrae secundum consuetudinem ex decretis petitiones legatorum de nostris scriniis recitantur*”; Amm. Marc. XV. 5. 18; XVI. 7. 1; 8. 3; XX. 4. 22; XXII. 9. 11; XXV. 10. 10; XXVIII. 1. 24; 6. 9; XXX. 6. 1).

Однако ко всему прочему консисторий представлял собой площадку для ритуальных встреч, во время которых император общался с придворной знатью в соответствии с установленными правилами церемониала. Его детали мы рассмотрим в следующей главе, здесь же нас интересует тот факт, что место и роль каждого из участников этого ритуального действия определялся его социальным статусом. Таким образом, консисторий был также тем местом, где формировалась имперская иерархия в государстве: не только представители придворной элиты демонстрировали свою лояльность властителю, но и сами они подтверждали свой статус посредством очередности выполнения ритуалов и степени близости к августу.

§1.2. Региональное управление: между центром и периферией

Разумеется, управление империей столь внушительных размеров не могло осуществляться из одного центра, пусть даже с 395 г. их и было два – по одному на Востоке и Западе. Реформы Диоклетиана и Константина предполагали административно-территориальную реорганизацию империи²²⁹. Вместо прежнего деления на императорские и сенатские провинции отныне все провинции были подведомственны исключительно императорской администрации. Было создано 4 префектуры: на Западе – Галлия и Италия, на Востоке – Иллирия и Восток (Not. Dign. Occ. I–XLV; Or. I–XLV). На момент создания *Notitiae Dignitatum* (приблизительно 397 г. на Востоке и 420 г. на Западе) в префектуру Галлии входили следующие диоцезы: *Septem Provinciae, Britanniae, Hispaniae*; в префектуру Италии – *Italia, Africa, Illyricum*; в префектуру Востока – *Aegyptus, Asiana, Pontica, Thracia*; в префектуру Иллирии – *Macedonia, Dacia* (ibid).

§1.2.1. Префект претория

В региональном управлении наиболее влиятельным чиновником был *praefectus praetorio*²³⁰. Эта должность была создана во 2 г. до н.э., когда Август поручил двум всадникам командовать императорскими телохранителями (Dio Cass. LV. 10. 10). Впоследствии коллегиальная преторианская префектура получила дополнительные военные функции, например, управление штабом во время войны, а в начале III в. – и надзор за судебной деятельностью. Примерно тогда же оба префекта получили право рассматривать кассационные жалобы и распоряжаться военными налогами (*annona militaris*), правда, не на постоянной основе, а лишь эпизодически. В целом же близость префектов претория к императору и их военные полномочия делали этих префектов самыми влиятельными лицами в империи после монарха.

После реорганизации Диоклетианом административно-территориального устройства Римского государства роль префектов претория возросла еще сильнее, однако Константин в 312 г. распустил преторианскую гвардию, расквартированную в Риме (Aur. Vict. Caes. 40, 25; Zos. II.

²²⁹ См.: Slootjes D. The Governor and His Subjects in the Later Roman Empire. Leiden; Boston, 2006; Jones A.H.M. TLRE. P. 473–475.

²³⁰ См.: Demandt A. Op. cit. S. 244–255; Ensslin W. Praefectus praetorio. // RE. Bd. XXII, 2. Stuttgart, 1954. Sp. 2391–2502; Coşkun A. Die Praefecti praesent(al)es und die Regionalisierung der Praetorianerpraefecturen im vierten Jahrhundert. // Millennium. 2004. Bd. 1. S. 279–328; Migl J. Die Ordnung der Ämter: Prätorianerpräfektur und Vikariat in der Regionalverwaltung des Römischen Reiches von Konstantin bis zur Valentinianischen Dynastie. Frankfurt am Main, 1994; Gutsfeld A. Der Prätorianerpräfekt und der kaiserliche Hof im 4. Jahrhundert n. Chr. // Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes. / Hrsg. A. Winterling. Berlin, 1998. S. 75–102; Chastagnol A. Les préfets du prétoire de Constantin. // Revue des études anciennes. 1960. T. 62. P. 321–352; Porena P. Le origini della prefettura del pretorio tardoantica. Roma, 2003.

17. 2), а в 324 г. лишил префекта претория военной власти (Zos. II. 32. 1 – 33. 3; Ioan. Lyd. De mag. II. 10). Однако, забрав у префекта военную власть, император одновременно расширил его полномочия в гражданской сфере. Те обязанности, которые прежде возлагались на него лишь эпизодически: отправление правосудия, взимание *annonaе* и надзор за управленческим аппаратом (CTh. I. 5. 1, 2), стали регулярными. Хотя гражданские обязанности префекта претория приобрели новое качество, они были ограничены пределами вверенной ему префектуры (Zos. II. 33. 1–2; Ioan. Lyd. De mag. II. 10). Теперь префект не только лишился контроля над войском, но и, находясь вдали от императора во вверенной ему области и более не имея никаких придворных обязанностей, утратил возможность влиять на принятие императором решений в отличие от чиновников, непосредственно входивших в *comitatus*²³¹.

Тем не менее, круг полномочий и возможностей префекта претория был довольно широк. Он контролировал *cursus publicus*, общественные строительные работы и их финансирование (CTh. XV. 1. 23; CI. VIII. 11. 7), а также профессиональные ассоциации, включая ремесленников (CTh. XIII. 4. 2; CI. X. 66. 1), адвокатов (Nov. Theod. X. 1), врачей и учителей (e.g., CTh. XIII. 3. 16), коллегии и сословие куриалов (CTh. XII. 1). Как глава регионального штата чиновников, префект претория также принимал обжалования решений провинциальных наместников (CTh. I. 5. 9; CI. I. 26. 3). Префект также имел серьезные финансовые полномочия: он должен был оценивать, закупать и распределять денежные средства для оплаты и снабжения армии, выплачивать вознаграждение своим подчиненным и финансировать имперские строительные работы в своей префектуре (CTh. XI. 5. 4; CI. X. 17. 2). В результате префект претория контролировал перевозку зерна (и, следовательно, *navicularii*, e.g., CTh. XIII. 5), выносил решения о снижении налогов, например для священнослужителей (e.g., CTh. XVI. 2. 6), контролировал аренду государственных земель (CTh. X. 3. 1), а также цены (e.g., на хлеб: CTh. XIV. 19. 1). Наконец, префект отвечал за расквартирование солдат (CTh. VII. 9. 2). И в целом он мог принимать самостоятельные решения по рутинным провинциальным делам и вопросам, которые не входили в сферу прямых интересов императора (Lib. Or. LII. 46).

Кроме того, префекту претория был подчинен довольно широкий круг чиновников. В области сбора ресурсов в его ведении находилась *scrinia* под руководством одного *numerarius* (на востоке – два), который вместе со своими помощниками (*adiutores*) и секретарями (*chartularii*) контролировал чиновников (*scrinarii*) различных рангов. Некоторые скринарии ежегодно отправлялись для надзора за сбором налогов (*canonicarii*), недоимок (*compulsores*) или в качестве *discussores*, *λογοθέται* (Ioan. Lyd. De mag. III. 4–7; Cassiod. Var. XI. 17–32; CI. I. 27, 22–38). Административные и судебные отделения находились в ведении *princeps officii* с его

²³¹ Этот вопрос рассмотрен в статье Gutsfeld A. Op. cit.

непосредственными подчиненными: *cornicularii*, *adiutores*, *primiscrinii*, *commentariensis*, *ab actis*, *curae epistolarum* и *regendarius* (Ibid.). Их штат – *praefectiani* – состоял из *exceptorium*, разделенных на 15 *scholae*, возглавляемых *deputates* (Ibid.).

Широкий круг обязанностей *praefectus praetorio* и большое число подчиненных ему людей предполагали немалую значимость этого должностного лица. Хотя префект претория был исключен из придворного штата, тем не менее, он тесно сотрудничал с императорскими чиновниками в сфере своей административной компетенции. В частности, собираемыми им налогами распоряжался *comes sacrarum largitionum*, который руками своих подчиненных на вверенной префекту претория территории вел учет, а затем передавал эти средства в казну (CTh. VII. 6. 2; Cl. XII. 39. 1; CTh. XI. 21. 1). *Princeps officii* в префектуре – глава судебного и административного отдела – назначался из числа *agentes in rebus*, которые, как мы отметили выше, были подчинены *magister officiorum*²³² (CTh. VI. 27. 13). *Princeps officii* был подотчетен магистру оффиций и осуществлял контроль не только над штатом чиновников, но в какой-то мере и над самим префектом, доводя затем информацию до сведения императора (CTh. VI. 28. 1, 3–6; I. 12. 8; XI. 30. 59; XII. 1. 85; VIII. 5. 3).

Наличие деловых контактов с придворными кругами, которые отныне префекту не подчинялись, и огромная власть на вверенной ему территории не гарантировали префекту претория возможность влиять на принятие решений в императорской администрации, поскольку он был удален от императорского двора. Упоминание *praefectus praetorio* не встречается ни в одном из известных нам списков придворных чиновников (CTh. XI. 18. 1; VI. 35. 7). Он также не являлся полноправным членом *consistorium*. Иногда он принимал участие в заседаниях императорского совета²³³, однако титул префекта отсутствует во всех сохранившихся списках *comites consistoriani* (CTh. VI. 35. 7; XI. 18. 1); более того, источники указывают на то, что он не относился к числу *comites consistoriani* (CTh. VII. 8. 3; Cl. II. 12. 25). Даже главы префектуры Восток, административный центр которой находился в Константинополе, жили и работали вне императорского дворца (Lib. Ep. 873; 1111; Zos. V. 3. 4–5). Несомненно, «отлучение» префекта претория от императорского двора было обусловлено стремлением императора ослабить политическое влияние этого высокопоставленного чиновника, и без того обладавшего огромной властью, доставшейся ему как главе префектуры.

²³² О *principii officii* см.: Giardina A. Op. cit.

²³³ Gutsfeld A. S. 87.

§1.2.2. Викарий

В иерархии чиновников регионального управления ниже префекта стояли *vicarii*²³⁴. В III в. викарий был временным представителем префекта претория (*agens vices praefecti praetorio*), постоянной должностью стала после реформ Диоклетиана – Константина²³⁵. Викарий Востока был известен как *comes orientis*, викарий Понта с легкой руки Констанция II именовался *vicarius pietatis* в честь его жены Евсевии (Amm. Marc. XVII. 7. 6), викарий Египта – *praefectus augustalis*. Викарий исполнял одновременно судебные и административные функции. Он мог рассматривать дела, которые направлялись ему непосредственно, равно как и апелляции на решения провинциальных наместников, хотя многие предпочитали обращаться непосредственно к префекту претория или лично к императору (CTh. I. 15. 7; 5. 4; XI. 30. 30; IX. 40. 16; XI. 30. 57; VII. 62. 29). В обязанности викария входило представление императору отчетов о защите государственной религии, контроль за соблюдением привилегий, надзор за наместниками провинций и прохождением *cursus publicus*, сбор налогов, контроль за исполнением повинностей и наследственных обязанностей, а также полицейские функции²³⁶. Он также играл важную роль в сборе *annonaе* (CTh. VII. 4. 3). Викарию подчинялось большинство провинциальных наместников (впрочем, не все, о чем будет сказано ниже).

Столь широкий круг задач викарий был в состоянии реализовать благодаря своему собственному *officium*, членов которого наделял полномочиями по отношению к самому викарию *princeps officium*. Штат викария состоял не более чем из 300 человек (CTh. I. 15. 5, 12). Первоначально служащие в викариате назывались *cohortalini*, со временем появились и другие наименования, такие как *vicariani* или *duciani*. Они включали в себя следующие должности: *cornicularium*, *commentarienses*, *adiutores*, *ab actis*, *a libellis*, *numerarii*, *cura epistolarum*, *exceptores*. На западе также были *subadiuva* и *singulares* (Not. Dign. Occ. XX–XXIII). Невозможно точно определить область ответственности каждого из чиновников, однако в совокупности они позволяли викарию осуществлять его судебные и фискальные функции.

²³⁴ См. о них: Arnheim M.T.W. Vicars in the Later Roman Empire. // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1970. Bd. 19 (4). S. 593–606; Wiewiorowski J. *Agentes vices praefectorum praetorio. Commentarii ad officium agentium in rebus in Codice Theodosiano et Iustiniano*. // *Saint emperor Constantine and Christianity*, vol. I. International Conference Commemorating the 1700th Anniversary of the Edict of Milan, 31 May – 2 June 2013, Niš 2013. / Ed. D. Bojović. Niš, 2013. P. 283–293; Noethlichs K.L. Zur Entstehung der Diözesen als Mittelinstanz des spätrömischen Verwaltungssystems // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1982. Bd. 31 (1). S. 70–8; Wiewiorowski J. *The Judiciary of Diocesan Vicars in the Later Roman Empire*. Poznań, 2016.

²³⁵ Lemcke L. *Bridging Center and Periphery: Administrative Communication from Constantine to Justinian*. Tübingen, 2020. P. 7.

²³⁶ Wiewiorowski J. *The Judiciary of Diocesan Vicars in the Later Roman Empire*. P. 89.

§1.2.3. Провинциальные наместники²³⁷

В плане административно-территориального устройства викарлаты состояли из провинций. Во главе последних стояли наместники, носившие разные титулы: *praeses*, *corrector*, *consularis*, *proconsul*. Эти титулы соответствовали порядку возрастания значимости наместника²³⁸. Согласно *Notitia Dignitatum*, на востоке империи было 40 *praesides*, 2 *correctores*, 15 *consulares* и 2 *proconsules* (Not. Dign. Or. I. 25–128), тогда как в западной ее части – 31 *praesides*, 3 *correctores*, 22 *consulares* и один *proconsul* (Not. Dign. Occ. I. 22–121). Самая многочисленная категория наместников – это *praesides*, которые управляли небольшими провинциями.

Correctores, первоначально выполнявшие чрезвычайные императорские поручения, со временем закрепились в качестве управляющих итальянскими провинциями. Титул *consularis* претерпел значительную эволюцию: если изначально он обозначал исключительно бывших консулов, то к III веку стал применяться к провинциальным наместникам независимо от наличия консульского статуса, что привело к возникновению двух категорий носителей этого титула – собственно бывших консулов и провинциальных управляющих. Особое место в системе занимали проконсулы, чей статус сохранял традиционное значение: после реформ Диоклетиана этот титул остался только у наместников Африки и Азии, а в начале IV века к ним добавился проконсул Ахайи.

Несмотря на существование конкретных титулов для каждого из наместников в соответствии со значимостью его провинции, в действующем законодательстве использовались общие понятия, обозначающие наместников: *praeses* (CTh. I. 5. 1–3; 15. 1, 2; 26. 3), *rector* (ibid. I. 15. 6; II. 1. 2, 11; VI. 30. 15; 35. 10; XII. 12. 9), *moderator* (ibid. I. 10. 8; 16. 8, 14; X. 10. 32; XII. 6. 32; XVI. 2. 31) и *iudex ordinarius* (ibid. I. 5. 10, 12–13; V. 2. 20; VII. 18. 8; X. 10. 7; XII. 10. 8). Существовала прямая связь между титулом наместника и его рангом. Как правило, чиновники более высокого ранга управляли теми провинциями, которые считались более престижными и значимыми для империи, в то время как наместники более низкого ранга занимали должности в провинциях с более низким статусом.

²³⁷ Мы применяем нейтральный термин «наместник», тогда как в зарубежной историографии употребляют «governor», «Staatthalter», «gouverneur», «governatore», т. е. «губернатор».

²³⁸ См. о наместниках провинций: Slootjes D. Op. cit.; Kelly C. Ruling the Later Roman Empire; Boulvert G., Bruschi C. Staatsdienst und soziale Strukturen—die Lage der subalternen Provinzbeamten. // Klio. 1982. Bd. 64. S. 421–429; Carrié J.-M. Le gouverneur romain à l'époque tardive : orientations de l'enquête. // Antiquité Tardive. 1998. Vol. 6. P. 17–30; Cecconi G.A. Governo imperiale e élites dirigenti nell'Italia tardoantica: problemi di storia politico-amministrativa (270-476 d.C.). Como, 1994; Haensch R. Das Statthalterarchiv. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1996. Bd. 109 (1). S. 209–317; MacMullen R. Imperial Bureaucrats in the Roman Provinces. // Harvard Studies in Classical Philology. 1964. Vol. 68. P. 305–316; Palme B. Die Officia der Statthalter in der Spätantike: Forschungsstand und Perspektiven. // Antiquité Tardive. 1999. Vol. 7. P. 85–133.

Закон предполагал, что наместники не являлись выходцами из тех провинций, которыми они управляли (C.I. I. 41; C.Th. VIII. 8. 4). Практика же показывает, что закон нередко игнорировался, и наместники занимали свою должность именно там, где они родились и выросли, где были сосредоточены их земельные владения и клиентские связи²³⁹. На протяжении веков провинциальные наместники сами формировали свой «штаб», состоявший из квестора, легатов, *amici* или *comites* и группы *apparitores*; этот «штаб» функционировал в течение всего срока полномочий наместника.

По итогам реформ Диоклетиана и Константина наместникам более не разрешалось привозить в провинцию подобранный ими самими штат помощников (C.Th. I. 34. 3). Отныне они должны были полагаться на местную знать – влиятельных и авторитетных людей, хорошо знакомых с местными условиями. Став членами *officium* наместника, они могли оказать присланному из столицы управленцу эффективную помощь в их повседневной административной практике. По закону, эти чиновники, как и сами наместники, не должны были быть местными уроженцами (C.Th. XII. 1. 22, 31), однако на деле ситуация зачастую была совершенно иной, несмотря на многочисленные нормы, запрещающие подобную практику (C.Th. XII. 1. 22, 31). К началу IV в. члены *officium* именовались *officiales cohortini*, или *cohortales* (C.Th. I. 34. 3).

В составе каждого провинциального *officium* находились *officiales*, отвечавшие за наиболее важные управленческие функции. Эти функции делились на две основные категории: суд и взимание налогов. Что касается судопроизводства, то здесь наиболее значимыми были следующие *officiales*: *cornicularius*, *adiutor*, *commentariensis*, *ab actis*, *a libellis*, *a cura epistularum*. *Cornicularius* выполнял обязанности секретаря наместника в суде и следил за справедливым распределением налогов. *Adiutor* отвечал за исполнение приговоров, *commentariensis* – за ведение протоколов (*commentarii*), а также за содержание заключенных и приведение в исполнение смертных приговоров. *Ab actis* ведал вынесением судебных решений (*acta*) и контролировал сам процесс судопроизводства. *A libellis* и *a cura epistularum* отвечали за служебную переписку. Что касается сферы налогообложения, то здесь наиболее значимыми должностными лицами были *numerarii*, они же *tabularii*, возглавлявшие *scrinia*. Все эти должностные лица получали помощь от корпуса *exceptores*²⁴⁰. Значимость *officium* заключалась в той преемственности, которую «штаб» наместника обеспечивал провинциальному управлению, поскольку при частой смене наместников *officiales* оставались на своих местах. По этой причине В. Либешутц утверждает,

²³⁹ Liebeschuetz J.H.W.G. The Decline and Fall of the Roman City. Oxford, 2001. P. 279.

²⁴⁰ Palme B. Die Officia der Statthalter in der Spätantike. S. 105–110.

что «настоящими начальниками провинции должны были быть главы провинциальных *officii*»²⁴¹. В конечном счете, эффективность деятельности наместника определялась прежде всего качеством работы его управленческого аппарата.

Одной из основных функций провинциальных наместников была фискальная (Lib. Or. XLV. 24). Здесь наместнику приходилось взаимодействовать с вышестоящими инстанциями в административной иерархии. Так, закон 382 г. предписывал наместникам (*rectores*) иметь в своем *officium* двух счетоводов – *numerarii*, или *tabularii*: один отвечал за *fiscalis arca* префекта претория, другой – за *largitiones tituli comitis sacrarum largitionum*, так что представители префекта претория и комита священных щедрот могли напрямую обращаться к двум этим чиновникам для решения конкретных вопросов (CTh. VIII. 1. 12). Кроме этих чиновников, работавших на постоянной основе, *comes sacrarum largitionum* и *praefectus praetorio* направляли специальных должностных лиц для проверки эффективности работы наместника и его штата по сбору налогов. Уполномоченные от *sacrae largitiones* назывались *palatini*, а уполномоченные от префекта претория – *canonicarii*, *tractatores* или *compulsores*²⁴². Последние находились в провинции, по словам А. Джонса, только для того, чтобы «наблюдать и стимулировать деятельность наместника и его уполномоченных» (CTh. I. 10. 2, 6; 5. 13)²⁴³.

Благодаря наместникам императорская власть достигала самых отдаленных административных единиц государства, городов и сельских общин. Налоги, как денежные, так и натуральные, собирали куриалы, *procuratores* или *susceptores*, избиравшиеся городскими советами (CI. X. 72. 8). Они работали коллегиально; каждая коллегия отвечала за отдельную фискальную статью, например, мясо, вино или ячмень. Куриалы не собирали их лично: крестьяне вносили платежи натурой, а в деревнях были свои собственные сборщики. Местные общины обладали значительной свободой в выборе способов сбора налогов и отнюдь не были «пассивными инструментами в общей налоговой схеме империи»²⁴⁴. В этом отношении наместники могли выступать как «благодетели», когда они публично радели о бедных людях, препятствуя чрезмерным поборам (CTh. XI. 16. 3).

О городах и местных общинах необходимо сказать подробнее. В Поздней Римской империи город оставался экономическим и политическим центром. Он был пристанищем для беженцев с сельских территорий и базой для военных частей. Здесь располагался административный аппарат, представленный курией или буле, чиновниками или самим

²⁴¹ Liebeschuetz J.H.W.G. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 112.

²⁴² Jones A.H.M. TLRE. P. 450.

²⁴³ Ibid. P. 434.

²⁴⁴ Sootjes D. Op. cit. P. 37.

императором²⁴⁵. Города были центрами политической активности, как в имперском, административном, так и в церковном или муниципальном смысле²⁴⁶. *Procuratores* или *susceptores*, избираемые из числа куриалов, как уже говорилось, непосредственно осуществляли сбор налогов в денежной и натуральной форме. В случае недоимок или проблем с логистикой именно куриалы должны были возмещать недостачу и прочие издержки²⁴⁷.

Контроль за сбором налогов осуществлял *curator rei publicae* – главный чиновник, ответственный за городское управление²⁴⁸. К концу III в. городские магистраты утратили прежнее значение, уступив его куратору. Первоначально куратор назначался от случая к случаю императором для контроля за налоговыми сборами в тех городах, которые оказались в сложной финансовой ситуации. Постепенно эти назначения становились все более регулярными, пока ко времени Диоклетиана в каждом городе не появился постоянный куратор. При Диоклетиане и даже при Константине в крупные города на эту должность назначались сенаторы, но обычно кураторами становились наиболее влиятельные члены местных советов.

Вероятно, *curator rei publicae* назначался по рекомендации совета, но формально он являлся не муниципальным магистратом, а имперским чиновником (CTh. XII. 1. 20). Его статус, позволявший ему контролировать городские финансы, естественно, предоставлял куратору широкие возможности для вмешательства в различные сферы городской жизни, и ко времени Диоклетиана он, похоже, стал главой городской администрации (CTh. XVI. 2. 31). Главными обязанностями куратора были переписка с наместником и контроль за куриалами. Предполагалось, что ответственность за положение дел в провинции несет наместник, и надписи на памятниках свидетельствуют о том же: отныне не совет и горожане возводят и ремонтируют здания, а наместник, куратор же города выступает лишь как его помощник (Lib. Or. I. 205–207, 226–228; XXIX. 2–4; CTh. XV. 1).

Однако мы не будем останавливаться на особенностях городского самоуправления – это тема отдельного исследования. Отметим лишь, что в историографии утвердилась концепция

²⁴⁵ Liebeschuetz W. The End of the Ancient City. // The City in Late Antiquity / Ed. J. Rich. London, 1992. P. 1–49.

²⁴⁶ О позднеантичных городах см.: Dey H. W. The Afterlife of the Roman City; Liebeschuetz J.H.W.G. The Decline and Fall of the Roman City. Oxford, 2001; The City in Late Antiquity. / Ed. J. Rich. London, 1992; Grig L. Cities in the “long” Late Antiquity, 2000–2012 – a survey essay. // Urban history. 2013. Vol. 40 (3). P. 554–566; Humphries M. Cities and the Meanings of Late Antiquity. // Ancient history. 2019. No. 2 (4). P. 1–112; Ward-Perkins B. The cities. // The Cambridge Ancient History Volume 13: The Late Empire, AD 337–425. / Ed. A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 1998. P. 371–410; Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму. // Город и государство в древних обществах. / Ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1982. С. 56–77; Cameron A. Urban Changes and the End of Antiquity. // The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–700. 2nd ed. London, 2012. P. 146–167.

²⁴⁷ Rich J. Op. cit. P. 7.

²⁴⁸ См.: Burton G.P. The Curator Rei Publicae: Towards a Reappraisal. // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 465–487; Jones A.H.M. TLRE. P. 726, 758–9.

«бегства куриалов»²⁴⁹. Куриал, декурион или булевт – это член городского совета, он был представителем местной аристократии. Городской совет кооптировал в свой состав новых членов, происходивших из сословия декурионов, непременным условием было наличие у кандидата достаточного количества земли (CTh. XII. 1. 33, 52–53, 72, 96, 115, 133, 140). Куриалы исполняли *munera* – обязанности, связанные с городским благоустройством, в частности, следили за пекарнями, отоплением общественных бань, занимались сбором налогов и поддержанием общественного порядка. Концепция «бегства куриалов» предполагала, что ввиду разраставшегося государственного аппарата и все увеличивавшихся обязанностей куриалов членства в городских советах старались избегать, поступая на императорскую службу в *officia*²⁵⁰.

Однако существуют и иные точки зрения, предполагающие бóльшую самостоятельность городских советов и относительный запас «финансовой прочности» сословия куриалов²⁵¹. Здесь важно отметить, что вне зависимости от экономического и политического «выживания» городских советов императорская власть с каждым годом все чаще вмешивалась в дела местных общин повсеместно в империи, даже в самых отдаленных ее уголках.

§1.3. Особенности управления в позднеантичную эпоху

Описанная административная структура может создать иллюзию существования в Поздней Римской империи всемогущего бюрократического аппарата, способного эффективно обеспечивать налоговые сборы, безопасность и политическую стабильность. Однако подобное представление, характерное для традиционной историографии и восходящее к концепции Э. Гиббона, основано преимущественно на анализе нормативных юридических источников. Гиббон и его последователи рассматривали разрастание административной системы домината как симптом упадка классической античной государственности. Современная историческая наука предлагает более дифференцированный подход, учитывающий разрыв между предписанными

²⁴⁹ Abbot F., Johnson A. *Municipal Administration in the Roman Empire*. Princeton, 1926; Jones A.H.M. TLRE; Ward-Perkins B. *Op. cit.* P. 375; Liebeschuetz W. *The end of the ancient city*; Dey H. *Afterlife of the roman city*. P. 30.

²⁵⁰ Whittow M. *Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History*. // *Past & Present*. 1990. Vol. 129. P. 9.

²⁵¹ Keay S. *Tarraco in Late Antiquity*. // *Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. / Ed. N. Christie, S.T. Loseby. Aldershot, 1996. P. 18–44; Lepelley C. *The survival and fall of the classical city in Late Roman Africa*. // *The City in Late Antiquity*. / Ed. J. Rich. London, 1992. P. 50–76; Kulikowski M. *Regional Dynasties and Imperial Court*. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. / Ed. J. Wienand. Oxford, 2014. P. 135–152.

законодательством нормами и реальной практикой управления, что позволяет увидеть существенные региональные различия и дисфункции в работе имперской бюрократии²⁵².

Впрочем, другие антиковеды отрицали сам факт существования в Позднем Риме подлинной бюрократии, называя этот аппарат управления иначе (например, «персонифицированной бюрократией» или «протобюрократией»), поскольку сам термин «бюрократия» имеет четкие политологические коннотации (П. Айх, Дж. Лендон)²⁵³. Третьи исследователи занимали среднюю позицию: с одной стороны, они соглашались с существованием в Позднем Риме ярко выраженной тенденции к централизации и созданию разветвленной чиновничьей структуры, с другой – признавали ее недостатки и весьма ограниченные возможности (К. Келли, К. Викхем, М.Я. Сюзюмов, А. Голдсуорти, Ав. Кэмерон, Дж. Мэтьюз, Р. МакМаллен, В. Шуллер, И. Хан, Ф. Колб, П. Вейн и др.)²⁵⁴.

И. Мартин, характеризуя недостатки позднеантичной бюрократии, приводит в качестве сравнения античный полис, который был обществом “face-to-face”. В полисе вообще и в республиканском Риме в частности исполнение магистратских полномочий зависело от личного присутствия и личного вмешательства магистрата, а также от наличия признанных атрибутов социальной значимости индивида: принадлежности к сенаторскому сословию с его *auctoritas*, обширной клиентелы, роли *patriae potestas*, военной славы, а также самодисциплины и убедительности²⁵⁵. Позднеантичные чиновники, как правило, подобными качествами не обладали. Традиционные элиты были в значительной степени исключены из сферы государственного управления, тогда как большинство наиболее авторитетных членов императорской администрации пребывало вне непосредственных контактов с подданными.

²⁵² Ростовцев М.И. Ук. соч.; Ковалев, С.И. История Древнего Рима: курс лекций. Л., 1948; Bury J. Op. cit.; Jones A.H.M. TLRE; Dey H. The Afterlife of the Roman City; Whitby M. The Later Roman Empire was before all things a Bureaucratic State. // Empires and Bureaucracy in World History. Ch. 3. From Late Antiquity to the Twentieth Century. / Ed. P. Crooks, T. Parsons. Cambridge, 2016. P. 129–146; Heather P. The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians. Oxford, 2005.

²⁵³ Eich P. Common denominator; Zur metamorphosen; Lendon J. Empire of Honour.

²⁵⁴ Kelly C. Ruling the Later Roman Empire; Kelly C. Empire building. // Interpreting late antiquity. / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 2001. P. 170–195; Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism. // Past & Present. 1984. Vol. 103. P. 3–36; Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2014; Сюзюмов М.Я. Ук. соч.; Cameron Av. The Later Roman Empire. AD 284–430; Matthews J. Western Aristocracies and imperial court, A.D. 364–425. Oxford, 1975; MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome. New Haven, 1988; Schuller W. Grenzen des spätrömischen Staates: Staatspolizei und Korruption. // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1975. Bd. 16. S. 1–21; Veyne P. Clientèle et corruption au service de l'État: La vénalité des offices dans le Bas-Empire romain. // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1981. Vol. 36 (3). P. 339–360; Kolb F. Die Adäration als Korruptionsproblem in der Spätantike. // Korruption im Altertum. / Hrsg. W. Schuller. München, 1982. S. 203–221; Hahn I. Immunität und Korruption der Curialen in der Spätantike. // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1965. T. 13. P. 325–336.

²⁵⁵ Martin J. Zum Selbstverständnis, zur Repräsentation und Macht des Kaisers in der Spätantike. // Saeculum: Jahrbuch für Universalgeschichte. 1984. Bd. 35. S. 125.

Следовательно, эти управленцы не могли повышать свой социальный авторитет, не считая того, что возможности традиционных элит уменьшались тем больше, чем сильнее проявлялось имперское вмешательство²⁵⁶. В то же время не существовало никаких мало-мальски значимых институтов принуждения и контроля, а существовавшая, например, служба *agentes in rebus* с подобными задачами не справлялась. Отношения между разными *officiales* уже не основывались на признанных традиционных социальных структурах, как во времена Республики, но при этом еще не опирались на раз и навсегда установленные правила, как в наше время²⁵⁷.

Действительно, в источниках мы находим большое количество свидетельств несоблюдения установленного правопорядка. Причем нарушителями оказывались не только крестьяне или куриалы, всячески старавшиеся избавиться от возложенного на них тяжелого бремени, и не только крупные чиновники, старавшиеся обогатиться любым путем, но и те чиновники, которые были призваны противостоять коррупции, например, служба *agentes in rebus* (Lib. Or. II. 58; XIV. 14; XVIII. 131–142; XLVI. 15; Amm. Marc. XVI. 5. 11; CTh. II. 1. 3; VI. 29. 4; 29. 8. 1).

Также недостаточно внятно были регламентированы полномочия различных должностных лиц: зачастую они совмещали целый ряд обязанностей, а порой дублировали действия друг друга²⁵⁸. Некоторые исследователи полагают, что эта путаница была намеренно создана с целью укрепления власти императора, поскольку отсутствие строго регламентированных полномочий разных должностей и ведомств должно было привести к конкуренции между ними²⁵⁹. Например, надзор за *cursus publicus* и *fabricae* был поделен между префектами претория и магистрами официий²⁶⁰. Выдача *probatoria* чиновникам низшего ранга была произвольно распределена между различными *scrinia* под надзором *magister officiorum*. Наряду с другими разнообразными обязанностями в *scrinium memoriae* назначали *agentes in rebus*, *palatini* при *sacrae largitionis*; в *scrinium epistolarum* – *praefectiani* и *vicariani*, а в *scrinium libellorum* – чиновников при старших военачальниках (CTh. VIII. 7. 21; VIII. 7. 22–3; Cl. XII. 59. 10. 3–5). Иоанн Лид, описывая деятельность восточной префектуры, обращает внимание на *princeps officii*, который, будучи одним из наиболее значимых основных чиновников в префектуре, подчинялся тем не менее магистру официий (Ioan. Lyd. De mag. III. 23). В области дипломатии не были четко разграничены полномочия магистра официий и квестора²⁶¹.

²⁵⁶ Ibid.

²⁵⁷ Ibid.

²⁵⁸ Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. P. 208.

²⁵⁹ Palme B. The Imperial Presence: Government and Army. // Egypt in the Byzantine World, 300–700. / Ed. R.S. Bagnall. Cambridge, 2007. P. 254.

²⁶⁰ Kelly C. Emperors, government and bureaucracy. P. 170.

²⁶¹ Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. S. 467.

По наблюдениям П. Айха, в системе управления Поздней Римской империи отсутствовали правила, регулировавшие систему управления. Вся работа администрации строилась на личном факторе, поэтому мы не можем здесь выявить какую-либо иерархию подчиненности, ведь многие решения принимались по воле лица, которое могло быть кровно заинтересовано в благоприятном для себя исходе²⁶². Император же был свободен от каких-либо условностей, поэтому мог вести дела по собственному усмотрению.

Например, выслуга лет была важным фактором в деле продвижения по карьерной лестнице, в 331 г. Константин утвердил этот принцип для продвижения *exceptores* в восточной префектуре (CTh. VIII. 1. 2; VI. 24. 9; 27. 7; 27. 14; 27. 19; 30. 22; 32. 1). Однако императорские указы также давали право некоторым высокопоставленным чиновникам назначать при выходе в отставку своего сына или брата на младшую должность в том же *officium* (CTh. VI. 27. 8. 2; VII. 23. 2). Одновременно с этим заслуги и профессионализм также могли быть представлены как соответствующие критерии для обеспечения продвижения по службе (CTh. VII. 3. 1; I. 9. 3, VI. 24. 6). Т.е. не существовало определенного критерия, который давал бы чиновникам четкое понимание условий для их продвижения по службе; в итоге это продвижение зависело от самых разных факторов, превалирующим же оказывались знатность и богатство претендента на должность.

Управление огромной империей из двух центров требовало развитых средств коммуникации, однако *cursus publicus* не мог без издержек связать государство воедино²⁶³. Возможностей контроля за чиновниками, призванными передавать принятые решения на места, у императора не было; так, известно немало случаев, когда августейшие подписи на документах оказывались поддельными (CTh. I. 16. 3. 6–7; VI. 4. 22. 3; VIII. 11. 4; IX. 27. 5. 6; 35. 6; 40. 15; XII. 1. 192; Nov. Theod. XVII. 2. 3; V. 2. 1; 6. 4). Наконец, обширные размеры империи существенно затрудняли передачу информации из центра в провинции и обратно²⁶⁴.

Сравнительно небольшой была и численность административного аппарата. А. Джонс на основании сопоставления информации, заимствованной из *Notitia dignitatum*, кодексов Феодосия и Юстиниана, а также из других источников, приводит цифру в 31 тыс. чиновников²⁶⁵. Другие исследователи заявляют о 35 тысячах²⁶⁶. Р. МакМаллен, говоря о примерно 30 тыс. должностных лиц, утверждает, что современное государство такого же размера и с такой же численностью населения, как Римская империя, имело бы до 1,5 млн государственных служащих, что, в

²⁶² Eich P. Common denominator. P. 135.

²⁶³ См.: Kolb A. Transport und Nachrichtentransfer im Römischen Reich. Berlin, 2000. S. 278–280; Jones A.H.M. TLRE. P. 830–834.

²⁶⁴ Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. P. 115.

²⁶⁵ Jones A. H. M. TLRE. P. 1430.

²⁶⁶ Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. P. 454–455.

сущности, совсем немного²⁶⁷. Хотя невозможно посчитать всех управленцев, особенно мелких служащих, придворных или высокопоставленных чиновников, тем не менее, представляется очевидным, что приведенная цифра совсем невысока для столь обширной империи²⁶⁸.

Распространенным тропом позднеантичной историографии стала продажа императорами должностей, в результате чего чиновниками зачастую становились недостойные люди, которые компрометировали центральную власть и подрывали ее авторитет. Например, Зосим отмечал, что император-тиран не обращает внимания на проступки должностных лиц, поскольку «льстецов удостоивают высших должностей. В то время, как умеренный и не амбициозный человек, отвергавший поведение льстецов, справедливо сетовал на то, что последние пользовались привилегиями, города наполнились раздорами и беспорядками... жизнь сделалась очень неприятной для лучших людей в мирное время, а войско было деморализовано в сражениях» (Пер. – Н.Н. Болгова) (Zos. I. 5. 4). Точно так же продавались должности при Феодосии I Великом, а при опекуне императора Аркадия – Руфине – закон вовсе был попран, доносчикам было разрешено давать ложные показания (Zos. V. 1. 12), и процветала коррупция всех видов (Zos. V. 1. 3; 2. 5; 7. 6; V. 8. 1).

Соответствующим образом и Аммиан Марцеллин обращал внимание на плохое администрирование со стороны императоров, которые назначали на ключевые должности негодных людей (Amm. Marc. XXX. 9. 3; XXXI. 14. 2; XVI. 8. 10–13; 22, 4; XXX. 4. 1–2; XXVIII. 1. 5–7; XIV. 5. 6–9; XIX. 12. 1–2; XVI. 9. 13; XXVII. 7. 1–3; XXVIII. 1. 12; 45). Иоанн Антиохийский высказывал мнение о том, что должности не должны продаваться (Ioan. Ant. 283, 288, 312). Малх рассказывал, что префект императора Зенона Себастиан «продавал все государственные должности, извлекая частную выгоду, частично для себя, частично для императора», т.е. при назначении на должность предпочитали того человека, не более способного, а того, кто был готов заплатить больше (Malch. Fr. 10).

Важным свидетельством является и спор Приска с римским перебежчиком в лагере Аттилы в 449 г. о преимуществах и недостатках римского государства. Там главной темой является продажность чиновников и недоступность правосудия: «Это, может быть, самое мучительное – платить за правосудие: никто не даст слушания обиженному человеку, если он не даст денег на судью и его заседателей», – сетует перебежчик, и Приску приходится парировать эти аргументы. В конце концов перебежчик признает, что римское государство в принципе

²⁶⁷ MacMullen R. Imperial Bureaucrats in the Roman Provinces. P. 305–316.

²⁶⁸ Lendon J. The Legitimacy of the Roman Emperor.

неплохое, чего не скажешь о его представителях: «Власти губят его (римское государство. — В.К.), не заботясь о нем так же, как в прежние времена»²⁶⁹.

Действительно, в Поздней Римской империи существовала практика *suffragium*²⁷⁰. Этот термин означал степень влияния или рекомендацию, необходимые для назначения или продвижения по службе и обеспеченную покровительством или оплатой. Как «приобретенное преимущество» оно впервые было прямо засвидетельствовано в 338 г. (CTh. XII. 1. 25), в дальнейшем понятие *suffragium* относилось к влиянию на власть, приобретенному любым способом.

Мы также видим, что сами императоры в своих законах официально делили должности на «заработанные» и «купленные», и если при императоре Юлиане денежные доходы от продажи должностей были вне закона, то при Феодосии Великом разрешалось обратиться в суд с иском в том случае, если кто-то задолжал кому-то деньги, вырученные за продажу должности (CTh. VI. 18. 1; II. 29. 1; 2). В целом же в источниках имеются свидетельства продажи должностей или использования влияния при назначении на должность (CTh. VI. 22. 1. 2; XII. 1. 25. 27; VI. 14. 2; XII. 1. 26; VIII. 4. 10; XVI. 2. 42; XII. 1. 4; 1. 5; VI. 4. 22; XII. 12. 15; Lib. Or. II. 42; XLVIII. 11; CI. IX. 27. 6; Nov. Iust. 8; Them. Or. 8. 117a; Claud. in Eutrop. I. 196; II. 585; Claud. in Ruf. I. 180; Syn. Ep. 72. 73. 100; Salv. Gub. IV. 4. 21; Zos. IV. 28, 29; Amm. Marc. XX. 5. 7; Lib. Or. XVIII. 130).

Из сочинений Аврелия Августина известны и конкретные примеры кумовства и использования родственных связей в карьерном росте. Молодой Августин и его друзья в 380-е гг. стремились уклониться от исполнения своих муниципальных обязанностей, чтобы занять высокие государственные посты или посвятить свою жизнь интеллектуальной досугу, *otium* (Aug. Conf. III. 1–3; IV. 7. 12; V. 8. 14). Будущий «отец церкви» даже получил должность наместника провинции в Медиолане (Aug. Conf. VI. 11. 19). Его друг Алипий, сделавшись адвокатом, стал толковать законы высокопоставленным чиновникам в Италии (*ibid.* VI. 8. 13; 10. 16). Эводий занял пост *agens in rebus* в Медиолане (*ibid.* IX. 8. 17). Все они происходили из провинциальной знати города Тагаста. Как оказалось, Августин по мере сил содействовал своим друзьям в их продвижении по «лестнице почестей» (*loc. cit.*).

Карьера Аммиана Марцеллина позволяет выявить аналогичную ситуацию²⁷¹. Он происходил из семьи куриалов и, вероятно, благодаря своим связям при императорском дворе получил должность *protector domesticus*. Схожим образом сложилась карьера алеманского карьериста Агилона, история которого изложена Аммианом Марцеллином: Агилон происходил

²⁶⁹ Цит по: Schmidt-Hofner S. An Empire of the Best: Zosimus, the Monarchy, and the Eastern Administrative Elite in the Fifth Century CE. // Chiron. 2020. Bd. 50. S. 228.

²⁷⁰ См.: Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. P. 211–16; Jones A.H.M. TLRE. P 391-396.

²⁷¹ По этому поводу см.: Barnes T.D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca, 1998; Matthews J.F. The Roman Empire of Ammianus. Baltimore, 1989.

из провинциальной знати и активно продвигался по службе, в том числе при содействии самого Аммиана (PLRE I. 28–29, Agilo). И приятель Агилона, некто Латин, достиг успеха на императорской службе аналогичным способом (PLRE I. 496, Latinus); то же самое относится и к Скудилону (PLRE I. 810–811, Scudilo). М. Куликовски предположил, что описанные случаи были характерны для большинства провинциальных аристократий²⁷², и мы склонны с ним согласиться.

В условиях Поздней империи провинциальная аристократия умело использовала свое служебное положение для укрепления независимости от центра. Обладая значительными материальными ресурсами и социальным капиталом, местные чиновники систематически пренебрегали императорскими указами, одновременно расширяя клиентские связи за счет предоставления защиты от налогового бремени менее состоятельным землевладельцам²⁷³. Этому процессу посвящена целая серия законов в кодексе Феодосия, где законодатели всячески старались ограничить этот процесс для сохранения базы налогоплательщиков (CTh. XI. 1–6). Кроме того, Либаний описывает ситуацию, когда множество сирийских крестьян ищут патронов среди местных влиятельных граждан, чтобы избежать уплаты непосильных налогов и спастись от чиновничьего произвола (Lib. Or. XLII. 4–17). На Западе схожий процесс отражен Сальвианом: так, он сокрушается, что налоговые повинности распределялись неравномерно между богатыми и бедными, а потому со временем последние попадали в зависимость от богачей (Salv. Gub. IV. 20–21, 30–31, V. 17–45).

Действительно, экономическая и социальная реальность Поздней Римской империи вынуждала крестьян искать покровительства у местной аристократии. Чиновничий аппарат, формально призванный защищать интересы податного населения, на практике часто превращался в инструмент вымогательства, о чем красноречиво свидетельствует суровый эдикт Константина 331 года (CTh. I. 16. 7), угрожавший коррумпированным судьям отсечением рук: «Cessent iam nunc rapaces officialium manus, cessent inquam: nam si moniti non cessaverint, gladiis praecedentur»²⁷⁴. Однако репрессивные меры оказались неэффективными, что вынудило власть легализовать практику неофициальных поборов, преобразовав их в фиксированные пошлины (*sportulae*) согласно закону CTh. VIII. 9. 2. Этот компромиссный подход ярко иллюстрирует глубинное противоречие между централизованной бюрократической системой и реальными практиками управления на местах, подробно проанализированное в работах Р. Макмаллена, И.

²⁷² Kulikowski M. Op. cit. P. 146.

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ Другие примеры см.: Конопаткин В.А. Законодательство как средство публичной коммуникации в Поздней Римской империи. // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 115–122.

Шуллера и П. Вейна, которые раскрыли механизмы системной коррупции и злоупотреблений в позднеимперском административном аппарате²⁷⁵.

Злоупотребления властью становились возможны именно благодаря системе императорской службы (*militia*), которая одновременно наделяла чиновников полномочиями и делала их полностью зависимыми от воли императора. Парадоксальным образом, продвижение по службе, увеличивавшее административные возможности аристократии, лишь укрепляло их связь с центральной властью, поскольку их статус всецело определялся вышестоящим начальством.

Эта система сохраняла военную природу даже в гражданских должностях: чиновники, будь то при дворе или в провинциальных *officia*, формально состояли на военной службе (*militia*). Они получали *cingulum* (пояс) как символ своего статуса (*cingulum militiae sumere*), вносились в служебные списки (*matriculam militiae*), приносили присягу (*sacramentum militiae*) и получали жалование (*annona* или *capitus*). Их форменная одежда (*vestis*) — хламида (*chlamys*) с украшениями (*segmentis*) — и военные звания подчеркивали связь с армией²⁷⁶. Даже знаки отличия, такие как виноградная лоза (*vitis*) у *princeps officii* (начальника канцелярии), восходили к традициям римской военной организации (Lyd. De mag. II. 19), что указывало на дисциплинарные иерархические принципы, лежавшие в основе всего административного аппарата.

Т. е. сама структура императорской службы, формально построенная на военных принципах подчинения и контроля, создавала условия для злоупотреблений, поскольку чиновники, зависящие от милости вышестоящих, использовали свои полномочия для личного обогащения, не опасаясь эффективного противодействия со стороны ослабленных местных институтов.

²⁷⁵ MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome; Schuller W. Grenzen des spätromischen Staates; Veyne P. Clientèle et corruption au service de l'État.

²⁷⁶ Schuller W. Prinzipien des spätantiken Beamtentums. // Korruption im Altertum. Konstanzer Symposium Oktober 1979. / Hrsg. W. Schuller. München, 1982. S. 202; Palme B. Die Officia der Statthalter in der Spätantike. S. 102; Goffart W. [Review of] Noethlichs K. L. Beamtentum und Dienstvergehen: Zur Staatsverwaltung in der Spätantike. // Bonner Jahrbücher. 1983. Bd. 183. S. 192–194.

Вывод

Таким образом, гражданская административная система Поздней Римской империи сохраняла военную природу и терминологию, трансформировавшись в своеобразную «*militia civilis*». Подобно тому, как префект претория утратил военные функции, став исключительно гражданским администратором, весь чиновничий аппарат воспринимался как находящийся на императорской службе по военному образцу, но без непосредственных боевых обязанностей. Эта система сохраняла военные принципы карьерного продвижения (*cursus honorum*) и наделения служебными статусами (*dignitates*).

Как будет подробно рассмотрено в соответствующем разделе, система рангов и достоинств чиновников являлась важным инструментом репрезентации императорской власти. Наделяя подданных определенным *dignitas*, император не просто возвышал их в социальной иерархии, но и делегировал частицу своего авторитета, устанавливая строгую корреляцию между службой (*militia*) и степенью общественного почитания. Таким образом, через систему рангов и привилегий императорская власть визуализировала себя, создавая видимую иерархию статусов, где каждое повышение и соответствующее ему общественное признание демонстрировали абсолютный характер монаршей воли как единственного источника любых властных полномочий и социальных преимуществ.

К IV веку в Римской империи окончательно сложилась централизованная административная система, уходящая корнями в институты принципата, но значительно приспособленная для эффективного управления в условиях перманентных кризисов. Этот бюрократический аппарат, сконцентрированный вокруг императорского двора как абсолютного источника власти, представлял собой строгую иерархическую структуру: префекты управляли префектурами, викарии – диоцедами, наместники – провинциями. Все уровни управления комплектовались из служилой аристократии (*militia*), чья деятельность охватывала ключевые сферы государственного управления - фискальную политику (сбор и распределение налогов), нормотворчество и судебную систему.

Посредством чиновной иерархии императорская власть проникала во все, даже самые отдаленные уголки Римской империи, донося до подданных непреклонную волю императора, его решения, указы и постановления. Разумеется, чиновники нередко злоупотребляли своими полномочиями, тем самым дискредитируя власть императора, поэтому последнему приходилось время от времени вмешиваться в управленческий процесс, чтобы реализовать антикоррупционные меры. При этом аристократия, порой нарушавшая права и отдельных граждан, и даже целых групп гражданского населения империи, не могла не осознавать полную

зависимость собственного социально-политического статуса от воли и расположения императора, потому вступала с ним в сложные символические отношения как в столице (Рим, затем Константинополь), так и в провинциях. Ведь отныне власть и влияние римской знати определялись не столько семейными традициями и славным прошлым древнего рода, сколько милостью и расположением императора, в глазах которого ценностью обладали исключительно конкретные заслуги аристократа на императорской службе.

Глава 2. Священный дворец: сакральные и политические аспекты дворцовых церемоний

В первой главе исследования было показано, что к V веку ключевые функции государственного управления полностью концентрировались в рамках императорского двора. Через разветвленную систему назначаемых из центра чиновников влияние дворцовых структур распространялось на все уровни имперской администрации, вплоть до мельчайших территориальных единиц. Такая система организации власти неизбежно превращала императора в центр постоянного административного взаимодействия, требующего выполнения многообразных функций: проведения аудиенций, вручения верительных грамот (*codicillos*, *probatorios*), участия в заседаниях совета, издания законодательных актов и осуществления судебных полномочий. Масштаб этих обязанностей, сочетавшихся с необходимостью выступать верховным покровителем миллионов подданных, делал физически невозможным непосредственный контакт правителя со всеми просителями.

Это объективное противоречие между всеобъемлющим характером императорской власти и ограниченными возможностями ее носителя стало важнейшим фактором формирования сложного придворного церемониала. Разработанная система ритуалов и протоколов выполняла ключевую функцию регулирования доступа к священной особе монарха, создавая механизмы фильтрации и упорядочивания бесчисленных обращений и прошений, одновременно сохраняя сакральный ореол верховной власти.

Важность доступности императора для его подданных подчеркивалась еще в источниках эпохи принципата. Так, Плиний в своем панегирике Траяну хвалит императора за то, что тот «ждал и принимал всех лично» во время своих ежедневных аудиенций, отмечая, как охотно сенаторы проводили время в его присутствии (Plin. Pan. 48. 1–3). В то же время Тиберий, напротив, был порицаем за то, что проводил время в своем дворце и не появлялся перед сенатом и народом (Suet. Tib. 43; 42.1). В том же ключе описывались и правители Поздней империи (Prisc. Fr. 9.3.11–21; Zos. II. 32. 1). Например, у Сульпиция Севера в передаче Григория Турского мы впервые встречаем характеристику императора как *clausus*²⁷⁷. Синезий Киренский в своем труде «О царстве» советует юному императору Аркадию быть на виду у людей, окружить себя друзьями, с кем можно постоянно держать совет, и вести открытый образ жизни (Syn. De regn. 11–13). Однако же, по его мнению, немало вреда Римской империи причинил новый порядок, когда появилась «театральная пышность, окружающая фигуру императора, которая втайне подготавливается священнослужителями и выставляет вас в варварском облике» (ibid. 14, здесь

²⁷⁷ Greg. Tur. Hist. Franc. II 9: «Император Валентиниан [II] был заперт в Венском дворце [Clausus apud Viennam palatii aedibus principe Valentiniano], и низведен почти до положения частного лица».

и далее пер. Т.Г. Сидаша). Синезий сравнивает императоров с павлинами²⁷⁸ из-за пышности и богатства их одеяний, но в то же время и с ящерицами, поскольку они скрываются во дворце (ibid. 15)²⁷⁹. Конечно, Синезий излагает свое видение идеального правителя, однако его замечания довольно точно отражают дворцовый характер императорского правления.

Действительно, мы привыкли воспринимать августа в первую очередь как предводителя армии – все наиболее известные императоры были именно таковы: Октавиан Август, Траян, Марк Аврелий, Септимий Север, Аврелиан, Диоклетиан, Константин, Феодосий I и др. Однако смерть Феодосия Великого в 395 г. нарушила эту многовековую традицию, ведь в качестве правителей римской державы остались два подростка – Аркадий и Гонорий, которые не могли в силу своего возраста не только стоять во главе армии, но и вести самостоятельную политику, находясь под влиянием могущественных регентов Стилихона и Руфина.

Позднее императоры так и не смогли полностью вернуть себе бразды правления армией, сосредоточившись на гражданских делах. На основании этих фактов в историографии первоначально утвердилось мнение, что императоры V в. превратились в марионеток в руках влиятельных чиновников и были, что называется, *principes clausi*²⁸⁰. В дальнейшем эта точка зрения была несколько скорректирована: исследователи признали, что правители обладали определенной степенью самостоятельности. Тем не менее, прежние полномочия они вернуть не смогли. Поэтому большинство ученых сходятся во мнении, что в V в. римские императоры лишились мобильности и играли преимущественно церемониальную роль, заметно уступая в политическом влиянии своим чиновникам или военным предводителям²⁸¹.

Дворец выступал в качестве основного центра деятельности императора, где его физическое присутствие и взаимодействие с окружением требовали создания сложных церемониальных рамок. В первой главе было сказано, что близость к правителю являлась

²⁷⁸ Syn. De regn. 14: «Так разнообразием и пестротой цветов вы сделались подобны павлинам».

²⁷⁹ Syn. De regn. 15: «Неужели теперь вы поступаете лучше, когда императоров окружает таинственность, когда, подобно ящерицам, убегающим от света в свои норы, вы скрываетесь в глубине ваших дворцов, дабы люди не видели, что и вы такие же люди, как они?». См. анализ этого отрывка у: Icks M. Of Lizards and Peacocks: Criticism of the *Principes Clausi* in Fourth- and Fifth-Century Sources. // *Mediterraneo Antico*. 2017. Vol. 20 (1–2). P. 457–484.

²⁸⁰ См., напр.: Meier M. Die Demut des Kaisers. Aspekte der religiösen Selbstinszenierung bei Theodosius II. (408–450 n. Chr.). // *Die Bibel als politisches Argument: Voraussetzungen und Folgen biblizistischer Herrschaftslegitimation in der Vormoderne*. / Hrsg. A. Pecar, K. Trampedach. Berlin; Boston, 2007. S. 135; Stroheker F.K. *Principes clausi*. Zu einigen Berührungen der Literatur des fünften Jahrhunderts mit der *Historia Augusta*. // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1968/1969*. / Hrsg. J. Straub. Bonn, 1970. S. 273–283.

²⁸¹ См. Maier F. *Palastrevolution. Der Weg zum hauptstädtischen Kaisertum im Römischen Reich des vierten Jahrhunderts*. Berlin, 2019; Icks M. The Inadequate Heirs of Theodosius: Ancestry, Merit and Divine Blessing in the Representation of Arcadius and Honorius. // *Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr.* 2014. Bd. 11. S. 69–100; акцент на Восток: Diefenbach S. Op. cit; на запад: Bleckmann B. Honorius und das Ende der römischen Herrschaft in Westeuropa. // *Historische Zeitschrift*. 1997. Bd. 265 S. 561–595; McEvoy M. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, ad 367–455*. Oxford, 2014; Doyle C. *Honorius. The fight for the Roman West AD 395–423*. London, 2019.

основным показателем власти и влияния, поэтому доступ к императору строго регулировался. Это создавало основу для соперничества среди имперской элиты. В условиях расширявшегося двора возникла необходимость в системе фильтрации, которая не только ограничивала доступ, но и позволяла императорской семье формировать дворцовую среду. Такая система регулировала отношения внутри двора и укрепляла положение императора, поддерживая внутреннюю иерархию и авторитет власти.

Организация огромного числа персонала – слуг, стражи, телохранителей, придворных и чиновников – требовала четкого управления. Кроме того, необходимо было координировать визиты многочисленных посетителей, просивших об аудиенции. Для поддержания порядка необходимо было разрабатывать детальные протоколы и процедуры, которые обеспечивали бы слаженное взаимодействие всех участников. Придворный церемониал стал ключевым инструментом, регулирующим доступ к императору, а также ареной борьбы за влияние среди римской знати. Он отражал идеологическую основу власти и использовал различные символы как в процессе коммуникации императора с подданными, так и коммуникации между самими подданными. Церемониал служил языком власти, со своими правилами, обязательными для участников, и устанавливал иерархию через обмен символическими жестами на различных уровнях.

§2.1. Императорский образ в пространстве *consistorii*

§2.1.1. Оформление и декорации священного дворца

Говоря о пространстве придворного церемониала в Поздней Римской империи, важно учитывать, что в V в., когда императорская власть приобрела сугубо гражданский характер, августы утратили свою мобильность и большую часть времени проводили во дворце. Если в периоды принципата и тетрархии императоры перемещались между множеством резиденций в разных частях империи, то теперь они обладали одной основной резиденцией, которую редко покидали. В пределах этой резиденции происходило их взаимодействие с подданными. Тем не менее, каждый дворец позднеримского императора, несмотря на некоторые оговорки, может служить для нас примером актуального дворца в V в. Это особенно важно, учитывая, что информация об их устройстве довольно фрагментарна. Поэтому для достижения большей ясности необходимо обратиться к разным источникам.

Более подробно символическая значимость дворца и дворцовой территории для репрезентации императорской власти в позднеантичном городе будет рассмотрена в следующей главе. В данном разделе мы остановимся непосредственно на внутреннем устройстве помещений, в которых император вступал в символическую коммуникацию с придворной аристократией и посетителями дворца. В предыдущей главе мы упомянули, что официальные церемонии проходили в консистории. Эта информация подтверждается, в частности, письмами Амвросия Медиоланского (Ambr. Ep. XXI. 1. 20; XXIV. 2–3).

Приведем пример: после узурпации Магна Максима и гибели Грациана от рук его собственных солдат в 383 г. Амвросий по поручению Валентиниана II дважды отправлялся в Трир. В трирском дворце его встретил препозит Максима по имени Галликан, который спросил, является ли визит Амвросия официальным²⁸². Епископ подтвердил это, и ему сообщили, что аудиенция может состояться только в официальной обстановке, т.е. в консистории (ibid.). Амвросий был удивлен, т.к., по его словам, это правило обычно не применялось к епископам — церковные иерархи имели свободный доступ к императору; кроме того, у него были конфиденциальные вопросы для обсуждения с августом (ibid.). Тем не менее, Галликан и Максим остались непреклонны, и Амвросий был принят в консистории (ibid. 3). Пока оставим за скобками ремарку о возможностях высокопоставленных епископов удостаиваться личных встреч с императором за пределами официальных церемоний, в данном случае нам интересен сам факт, который фиксирует Амвросий — официальные приемы проводились именно в консистории²⁸³. О том же говорит и «Книга церемоний» Константина Багрянородного (e.g. De cer. I. 89, R405).

Тот факт, что официальные приемы проходили в консистории, не дает нам представления об их пространственной организации, поскольку консисторий — это лишь наименование императорского совета вообще, а не обозначение конкретного зала во дворце. Однако мы можем быть уверены в том, что официальные заседания происходили в достаточно обширном помещении, способном вместить императора с его свитой и телохранителями, а также большое число придворных и гостей.

Источники говорят о «высоких» и «широких» залах, когда речь идет о дворце. Например, поэт VI в. Корипп по поводу возвращения Юстина пишет: «altam remeavit in aulam» (Cor. in laud. Iust. II. 71), «arcem remeavit in altam» (ibid. II. 430). Корипп описывает Большой дворец в Константинополе, в котором имелось особое помещения для аудиенций — т.н. Консистирион²⁸⁴.

²⁸² Ambr. Ep. XXIV. 2–3: Retulit non posse me, nisi in consistorio videri. Dixi non esse hunc morem sacerdotalem, certe esse aliqua de quibus serio deberem cum suo principe confabulari. Quid plura? Consuluit eum, sed eadem referenda credidit; ut liqueret etiam priora ex illius arbitrio deprompta.

²⁸³ Литературу по консисториям см. прим. 226.

²⁸⁴ См. о нем: Mango C. The Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople. København, 1959; Kostenec J. The Heart of the Empire: The Great Palace of the Byzantine Emperors

Вероятно, он был построен в виде базилики с апсидой, что соответствует многочисленным аналогам в частной, епископальной и императорской архитектуре поздней Античности. Возможно, здание имело три нефа, разделенные колоннами, однако не исключено, что оно было спроектировано по образцу константиновского дворца в Трире (рис. 1), где присутствует только один главный неф. Консistorион располагался в районе, известном как Дафна, который являлся самой старой частью дворца и включал в себя самые ранние постройки. Его возведение, по всей вероятности, относится ко временам императора Константина.

Императорские резиденции в других городах (Рим, Равенна, Трир, Сирмий, Фесаллоники, Милан) также хорошо изучены, однако не дают нам сведений о конкретном месте проведения императорских приемов²⁸⁵. Однако пример Трира и Константинополя показывает, что аудиенции в V в. происходили в просторной базилике, в апсиде которой располагалось императорское кресло, вероятно, возвышавшееся на подиуме²⁸⁶. Внутреннее убранство этого помещения мы можем представить себе благодаря письменным источникам и иконографии. Например, в Константинополе пол этого помещения в некоторых местах был покрыт мрамором, выкрашенным порфирой²⁸⁷. О значении этих мест мы скажем позднее. Корипп также замечает, что «широкий пол был чудесно вымощен и устлан коврами»²⁸⁸. А Приск упоминает, что послы гуннского царя Атилы были глубоко впечатлены убранством императорского дворца, особенно позолоченными потолками (Prisc. Fr. 11).

Вдоль стен консистория стояло множество чиновников, выстроенных в соответствии с их статусом и рангом в придворной иерархии (De cer. I. 89, R405; Corr. In laud Iust. III. 209–210).

Reconsidered. // *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire*. / Ed. K. Dark. Oxford, 2004. P. 4–6; Westbrook N. *The Great Palace in Constantinople: An Architectural Interpretation*. Turnhout, 2019; Guiland R. *Études de topographie de Constantinople byzantine: en 2 vol.* Berlin, 1969; Bartolomé C. On the Toponymics of the Great Palace of Constantinople: The Daphne. // *BZ*. 2022. Bd. 114. S. 1–46; Ebersolt J. *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies*. Paris, 1910; Bardill J. *Visualizing the Great Palace of the Byzantine Emperors at Constantinople: Archaeology, Text and Topography*. // *Visualisierungen von Herrschaft: Frühmittelalterliche Residenzen. Gestalt und Zeremoniell*. / Hrsg. F.A. Bauer. Istanbul, 2006. P. 5–45.

²⁸⁵ Dey H. Afterlife of the roman city; Augenti A. *Archeologia e topografia a Ravenna: il Palazzo di Teodorico e la Moneta Aurea*. // *Archeologia Medievale*. 2005. Vol. 31. P. 7–34; Herrin J. *The Imperial Palace of Ravenna*. // *The Emperor's House: Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. / Ed. M. Featherstone, J.-M. Spieser, G. Tanman, U. Wulf-Rheidt. Berlin, 2015. P. 53–62; Herrin J. *Ravenna: Capital of Empire, Crucible of Europe*. Princeton, 2020; Ćurčić S. Late Antique Palaces: The Meaning of Their Urban Context. // *Ars Orientalis*. 1993. Vol. 23. P. 67–90; *The Emperor's House: Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. / Ed. M. Featherstone, J.-M. Spieser, G. Tanman, U. Wulf-Rheidt. Berlin, 2015.

²⁸⁶ Rollinger C. Another heaven. P. 91.

²⁸⁷ De cer. I. 89, R406: Καὶ ἐπαιρομένου τοῦ βήλου, ῥίπτει ἑαυτὸν ἔξω ὁ πρέσβης ἐπὶ τοῦ ἐδάφους, ἔνθα τὸ **πορφυροῦν** μάρμαρον, καὶ προσκυνεῖ, καὶ ἀνίσταται.

²⁸⁸ Corr. In laud. Iust. III. 205–206: mira pavementis stratisque tapetibus apta planities. О мозаиках (pavimentum) и в императорских дворцах см.: Ruppriené V. Pavements and Revetments in the Audience Hall (Basilika) and Its Vestibule of the Late-Antique Imperial Palace in Trier (Germany). // *Stone and Splendor: Interior Decorations in Late-Antique Palaces and Villas*. / Ed. V. Ruppriené. Vilnius, 2019. P. 37–54; Bassett S. *The Great Palace Mosaic and the Image of Imperial Power*. // *Mosaics of Anatolia*. / Ed. G. Sözen. Istanbul, 2011. P. 89–100.

Согласно Кориппу, «И длинные ряды скамей, стройно расположенные, украшали светлые атрии, где сверху развевались натянутые полотнища»²⁸⁹. Предположительно, именно отсюда придворные наблюдали за происходящей церемонией. Подобного рода скамейки, судя по всему, являлись незаменимыми атрибутами проведения церемоний, поскольку позднее Корипп описывает сооружение этих сидений, на которых также в соответствии с рангом будут располагаться зрители и наблюдать за происходящим (Corr. In laud. Iust. IV. 50–85). Обычно предполагается, что участники императорских церемоний должны были стоять в присутствии императора (см. перевод слова *consisto*²⁹⁰), и вполне возможно, что так было и в данном случае. Придворные, стоявшие в ряд на приподнятых скамьях, расположенных одна за другой, обеспечивали каждому участнику хороший обзор церемонии и в то же время создавали визуально впечатляющее зрелище.

Однако, несмотря на новый, гражданский, характер власти августа, не только слуги и сановники окружали императора, но и многочисленная вооруженная стража, призванная своим видом продемонстрировать военную силу империи. Демонстрация величия и могущества армии – это старая римская традиция, берущая начало в республиканском триумфе. В позднеантичной литературе телохранители императора нередко описываются как солдаты в блистающих доспехах со сверкающим оружием. Так, например, Аммиан Марцеллин описывает свиту Констанция II: «По обеим сторонам шел двойной ряд воинов со щитами, в шлемах, на которых переливчатым светом играли султаны, и в блестящих искрящихся панцирях. То тут, то там видны были закованные в доспехи всадники, которых называют клибанариями; покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя статуями, а не живыми людьми» (Amm. Marc. XVI. 10. 6–8, пер. Ю.А. Кулаковского).

Уже упомянутый Синезий схожим образом характеризует этих воинов: «Телохранители, отборное войско, молодые, высокорослые, светловолосые и тщательно причесанные “сами красавцы лицом, головою” с золотыми щитами и золотыми копьями, – в это время нигде не были видны. Из их появления мы обычно заключаем о приближении императора, подобно тому, как появление первых лучей света служит предвестником солнца» (Syn. De regn. 16). Этот же троп

²⁸⁹ Corr. In laud. Iust. III. 205–206: *longoque sedilia compta tenore clara superpositis ornabant atria velis*.

²⁹⁰ Однако К. Роллингер считает, что это слово не является синонимом слова «stare», а потому некорректно переводить его как «стоять», имея в виду, что придворные императора стоят в его присутствии. Скорее, *consisto* означает «стоять» в отношении движения, т.е. «останавливаться». См.: Rollinger C. *Zeremoniel und herrschaft*. S. 197. Хотя, конечно, есть свидетельства того, что оглашение императорских постановлений и законов принималось судом стоя, в то время как император, разумеется, сидел (CI. I. 14. 8; CTh. XI. 39. 5). К тому же стоять было знаком уважения уже во времена Республики, тогда как оставаться сидящим, в то время как остальные стояли, было признаком монархии: Alföldi A. *Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche*. S. 42–45.

используют Клавдиан и Фемистий (Claud. In Ruf. 2.355–65; III Cons. Hon. 134–42; Them. Or. 1.1–2).

Во время придворных церемоний телохранители своим величием украшали зал и, должно быть, внушали страх посетителям. Корипп описывает эту сцену так: «Огромное количество стражи, охраняющей священный дворец, собралось в длинных портиках от самых ворот и защищали правую и левую стороны, как стена, соединив свои золотые щиты с вертикальными копьями. Бока их были опоясаны мечами, ноги обуты в сапоги, они стояли, одинакового роста и одинаково сверкающие, их широкие плечи и сильные руки возвышались... Слева и справа виднелись шеренги воинов, стоящих и сверкающих в отблесках своих топоров, грозных и выдержанных» (Corr. In laud. Iust. III. 165–180). Даже весьма скептически настроенный историк VI в. Агафий, который характеризовал телохранителей августа как «гражданских лиц в великолепных одеяниях», признавал, что их внешний блеск был необходим «для увеличения достоинства и великолепия императора, когда тот выступал публично» (Agath. Hist. V. 15. 2, пер. М.В. Левченко).

Привлекательный внешний вид и пышное снаряжение гвардейцев, облаченных в разноцветные доспехи, тонкие шелка и золото, а также вооруженных золотым оружием, служили не просто для внешнего впечатления, а были выражением императорской власти и идеологии. В интерьерах дворца богато позолоченная и инкрустированная драгоценными камнями военная атрибутика играла важную роль в сложной хореографии света, объединяя гвардейцев, дворцовых чиновников, императора и архитектуру зданий в единый ансамбль. Величие их внешнего вида и одежды, вероятно, вызывало одновременно благоговение и страх и визуально выражало грозную силу римского превосходства, напоминая зрителям о постоянных успехах и триумфах их правителя.

Для более наглядного представления о значимости облика телохранителей императора необходимо взглянуть на интерьеры зала. Величие константинопольского дворца засвидетельствовано в разных источниках и отражено в сохранившихся свидетельствах аристократических *domus* и других дворцовых резиденций: стены, полы и крыши были украшены серебром и золотом, а также полированной бронзой, стеклянными тессерами и разнообразными видами мрамора, каждый из которых имел свой собственный оттенок и собирался в замысловатые геометрические узоры или цветочные элементы²⁹¹. Колонны украшались жемчугом, драгоценными камнями или разноцветным стеклом – все было «так же светло ... как

²⁹¹ Rollinger C. Another heaven P. 109; Stone and Splendor: Interior Decorations in Late-Antique Palaces and Villas / Ed. V. Ruppién. Vilnius, 2019.

и сияет свет» (*sic omnia clara... ita luca corusca*), «сияет, подчиняясь лишь небу» (*Corr. In laud. Iust. III. 190*).

Для более полного представления о великолепии зала консистория стоит обратиться к Ротонде императорского дворца в Фессалониках²⁹². Здесь можно визуализировать все элементы, подтвержденные литературными описаниями Большого дворца, и прочувствовать ослепительный эффект от созерцания величественного ансамбля. Хотя мозаики Ротонды не изображают конкретное здание или императорскую постройку, они продолжают ту же образную парадигму, которая повлияла на иконографию Большого дворца. Золотые колонны, мозаики, арки и стены, украшенные изумрудами и сапфирами, а также пурпурные занавеси, натянутые между светильниками, вызывают ассоциации как с небесным, так и с земным двором. Такое сверкающее окружение – частый троп литературы V в. и последующих периодов. Однако его стоит воспринимать серьезно, поскольку оно отражает реальные практики. Императорская аудитория, как отметила Карилье, испытывала «изумление от яркого света», что подчеркивает значимость подобного роскошного оформления²⁹³. Об этом же сообщает и Корипп: «В огромном здании стоит возвышенный зал, сверкающий солнцем металла, дивный по виду, еще более дивный по облику и гордый в своем великолепии»²⁹⁴.

Сияние и блеск воинских доспехов и богато украшенного интерьера также дополнялись использованием большого числа ламп. Так, например, глава Книга церемоний, которая описывает подготовку и порядок проведения аудиенций в X в., сообщает, что большое внимание уделялось содержанию и использованию *πολυκάνδηλα* и других светильников (*De cer. II. 15, R570–73*). Более того, мы знаем о должности *lampadarii*, которая состояла в ведении *magistri officiorum* (*Not. Dign. Or. XI. 10*). Лампадарии сопровождали императора и других высокопоставленных чиновников во время публичных выступлений и окружали его различными источниками света, поскольку, по-видимому, существовали специальные светильники августа (*Chron. Pasch. 363; Malal. Chron. XIII. 23*)²⁹⁵. Аналогичные источники по истории поздней Античности скудны, но трудно предположить, что между IV и IX вв. ситуация сильно изменилась: используемые осветительные приборы были примерно теми же, значит, потребность в работниках, обеспечивавших освещение, была и тогда.

²⁹² Janina K. Darling. Mausoleum of Galerius, Thessaloniki. // *Architecture of Greece*. Oxford, 2000. P. 84–86; Vichers M. A note on the Byzantine Palace at Thessaloniki. // *Annual of the British School at Athens*. 1971. Vol. 66. P. 369–371; Hébrard E. Les travaux du Service Archéologique de l'Armée d'Orient à l'arc de triomphe de Galère et l'église de St. Georges à Salonique. // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1920. T. 44. P. 15–40.

²⁹³ Цит. по: Rollinger C. Another heaven. P. 110.

²⁹⁴ *Corr. In laud. Iust. III. 190: atria praelargis extant altissima tectis, sole metallorum splendentia, mira paratu, et facie plus mira loci, cultuque superba.*

²⁹⁵ Alföldi A. Monarchische Repräsentation. S. 111–118.

§2.1.2. *Sedes augusti* и балдахин

Несомненно, главным местом в консистории был императорский трон. К сожалению, подробных описаний императорского трона (*sedes* или *solium augusti*) не сохранилось, разве что к экфрасису можно отнести слова Кориппа: «Августов трон возвышает середину пенатов, окруженный четырьмя выдающимися колоннами; поверх которых сияющий купол, отлитый в середине (в смысле в середине купола золото) из цельного золота, подражая сводам выпуклого неба, затеняет бессмертную голову и трон сидящего, украшенный драгоценными камнями, гордый золотом и пурпуром. Свод изогнул четыре арки, соединенные между собой; а посредине, держащая левую и правую сторону, в воздухе парила Победа на высоко поднятых крыльях, держа в правой сверкающий лавровый венок»²⁹⁶. И далее: «И когда, приветствовав народ, он коснулся скамей, взшел на золотой трон, отцовское седалище, высокое, украшенное перьями и прекрасными коврами»²⁹⁷. Слова «*solium altum*» (ibid. 307) говорят о том, что трон находился на некотором возвышении.

Несмотря на отсутствие других письменных описаний *sedes augusti*, довольно богатая иконографическая традиция дает нам представление о внешнем виде трона. Например, изображение на диптихе из слоновой кости, который хранится в Венском музее истории искусств и датируется V–VI вв., показывает либо императрицу Ариадну, либо, возможно, жену Юстина II, Софию (рис. 2). Данный диптих поразительно схож с описанием Кориппа – здесь и инкрустация драгоценными камнями, и наличие колонн, а также балдахин и подставка для ног, подтверждающая нахождение кресла на возвышении. Разве что вместо Виктории мы наблюдаем орлов, а сам материал диптиха не дает нам представления об отделке трона пурпуром или золотом. Плохо сохранившаяся фреска в императорской культовой камере (рис. 4) демонстрирует нам некое придворное собрание в период правления Диоклетиана – на ней мы можем видеть трон или по крайней мере его часть, инкрустированную драгоценными камнями, а также подставку для ног²⁹⁸. Кроме того, придворные взирают на императора как бы снизу, что свидетельствует о расположении трона на некоем возвышении.

²⁹⁶ Corr. In laud. Iust. III. 195–200: nobilitat medios sedes Augusta penates, quattuor eximiis circumvallata columnis, quas super ex solido prae fulgens cymbius auro in medio, simulans convexi climata caeli, immortale caput soliumque sedentis obumbrat ornatum gemmis, auroque ostroque superbum, quattuor in sese nexos curvaverat arcus, par laevam dextramque tenens Victoria partem altius erectis pendebat in aera pinnis, laurigeram gestans dextra fulgente coronam.

²⁹⁷ Cor. in laud. Iust. II. 301–303: utque salutato tetigit subsellia vulgo, auratum scandens solium sedemque paternam, instructam plumis pulchrisque tapetibus altam.

²⁹⁸ Barbagli N. The Emperors in the Province: A Study of the Tetrarchic Images from the Imperial Cult Chamber in Luxor. // A Globalised Visual Culture? Towards a Geography of Late Antique Art. / Ed. F. Guidetti, K. Meinecke. Oxford, 2020. P. 91–131.

Большой информативной ценностью обладает христианское искусство. По своей конструкции сам трон уже не напоминает позднеантичную форму *sella curulis*, а, скорее, соответствует типу изображения божественного трона Христа или *Hetoimasia*, пустого трона Христа – оба эти мотива были распространены в христианском искусстве начиная с IV в.²⁹⁹ А. Грабар указывает на тесную иконографическую связь между имперским и христианским искусством и объясняет мотив вознесшегося на небо Христа, *πανβασιλεύς*, как прямое влияние имперской художественной традиции³⁰⁰. Так, например, существует изображение кресла правителя в рукописи Россанского кодекса VI в. (рис. 3). В действительности нижняя сцена изображает раскаяние Иуды и его попытку вернуть синедриону 30 сребреников. Иуда стоит перед первосвященником, сидящим в кресле римского чиновника, окруженном четырьмя колоннами, которые поддерживают богато украшенный сегментный балдахин с золотой внутренней отделкой и вставками из цветного стекла или драгоценных камней. Это изображение удивительно близко к описаниям императорского трона³⁰¹.

Из церковного искусства нам также полезен Арианский баптистерий V в. в Равенне (рис. 5). Художник, изображая престол для креста, черпал вдохновение из виденного им *sedes augusti*, а потому украсил его драгоценными камнями, подставкой для ног, пурпурно-золотой трубчатой подушкой и украшенной драгоценностями высоко поднимающейся спинкой. Схожее изображение присутствует на мозаике V в. в Санта Мария Маджоре (рис. 6) и более поздней миниатюре IX в. в рукописи *homilies* Григория Назианзина (рис. 7).

Важным элементом императорского трона, который упоминается каждым источником, является балдахин. В целом он не является исключительной характеристикой репрезентации позднеантичного императора. А. Альфелди прослеживает его существование с эпохи эллинизма и принципата³⁰², в иконографии под арочным балдахином восседал уже Антонин Пий³⁰³. Н. Элкинс утверждает, что подобный тип изображения восходит своими корнями к искусству Малой Азии³⁰⁴. Спирально рифленные колонны были декоративным элементом, обычно используемым для подчеркивания фигуры, стоящей между ними и под аркой, навесом или арочной перемычкой.

²⁹⁹ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 263.

³⁰⁰ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 197–203. В то же время в современных исследованиях отождествление трона Христа и трона императора ставится под сомнение. Например, высказывается мнение о необходимости учитывать и более ранние изображения возведенных на трон языческих богов, таких как Юпитер. См.: Pasco L. L'évolution des cérémonies publiques impériales dans le monde romain tardif. Paris, 2014. P. 91.

³⁰¹ Loerke W. The Miniatures of the Trial in the Rossano Gospels. // Art Bulletin. 1961. T. 43. P. 171–195.

³⁰² Alföldi A. Monarchische Repräsentation. S. 246–250.

³⁰³ Elkins N. A Note on Late Roman Art: the Provincial Origins of Camp Gate and Baldachin Iconography on the Late Imperial Coinage. // American Journal of Numismatics. 2013. Vol. 25. P. 295. Здесь же см. другие примеры раннего использования балдахинов в иконографии Ранней и Поздней Римской империи.

³⁰⁴ Ibid.

Они были распространены на азиатских саркофагах II и III вв., которые использовались и копировались в Риме. На монетах Малой Азии и Сирии часто изображались храмы со спирально рифлеными колоннами, с божеством, стоящим в храме, даже если в действительности строение не имело таких колонн³⁰⁵. Несмотря на то, что подобный тип изображения в искусстве Малой Азии был скорее иконографическим штампом, не отображающим реальность, но выделяющим фигуру в центре картины, у нас мало оснований предполагать, что императорский трон только изображался с балдахином, которого не было в реальности.

Корипп поэтически сравнивает балдахин с небесным сводом (см. выше); впрочем, он, судя по всему, действительно имел явный космический подтекст и приравнивался к склоняющимся над миром небесам³⁰⁶. Значимость балдахина с занавеской крайне высока с той точки зрения, что император – это священная фигура, отгороженная от взглядов людей, ведь возможность увидеть императора является редкой привилегией, недоступной в обычной жизни. Действительно, редкая и желанная возможность увидеть императора – это распространенный троп позднеантичной литературы.

Р. Рис показал, что восприятие императорского образа глазами подданных утверждалось как эпистемологический гарант, который обосновывает важность визуальных образов в политической жизни³⁰⁷. В контексте, где окулярное и ментальное зрение являются эквивалентами, взгляд на императора становился актом политического одобрения (это соотносится с концепцией Дж. Лендона, согласно которой, император, давая подданным возможность себя увидеть, делился своей *honestus*³⁰⁸). Аналогичным образом и взгляд императора обладал особой силой: с его помощью, август мог увидеть решительно все и покарать преступников (Pan. Lat. XII.4.2; IV.11.4)³⁰⁹.

В панегирике неоднократно упоминалось «видение», подаренное императорами людям: «ex utrisque Alpium iugis vestrum nemun effulsit» (Pan. Lat. III. X. 4); «quale pietas vestra spectaculum dedit», когда августы предстали перед людьми, позволяя подданным поклониться божественным ликам (Pan. Lat. III. XI. 1). Один только облик императора побуждал подданных служить ему: «Всякий раз, как твои воины видят твой выход, они восхищаются и почитают тебя, следят за тобой глазами, запечатлевают в душе твой облик и думают, что служат богу, который имеет столь

³⁰⁵ Ibid. P. 296.

³⁰⁶ Bogdanović J. The Framing of Sacred Space: The Canopy of the Byzantine Church. Oxford, 2017; Michaelis H. Der Thronbaldachin (Zum Verständnis eines Herrschersymbols). // Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik II. / Hrsg. J. Irmscher. Berlin, 1957. S. 110–119.

³⁰⁷ Rees R. The look of the Late Antique Emperor and the art of praise. P. 101.

³⁰⁸ Lendon J. Empire of Honour. P. 135.

³⁰⁹ Rees R. The look of the Late Antique Emperor and the art of praise. P. 102.

же прекрасную внешность, сколь и не подлежащую сомнению божественность»³¹⁰ (здесь и далее пер. И.Ю. Шабаги). Одной только возможности увидеть императора достаточно для того, чтобы воодушевить публику: «Первая твоя заслуга заключается в том, что, благодаря своим частым выходам, ты являешь себя толпам ожидающих тебя людей; ты позволяешь не только себя лицезреть, но и запросто с собой общаться; ты принимаешь просьбы всех своих подданных, так что любой обратившийся к тебе с просьбой человек, даже если он (что бывает крайне редко) получит отказ, все же уносит с собой воспоминание о виденном божестве» (Pan. Lat. XII. 1).

Более того, сакральный характер фигуры императора и сокрытость последнего предполагают религиозные коннотации его восприятия подданными. Так, балдахин позволял скрывать или раскрывать императора, выполняя «мистическую» функцию, т.е. утаивая «сакральное» от «профанного». Иоанн Златоуст, описывая таинство евхаристии, упоминает завесу: «Когда слышишь: помолимся все вместе; когда видишь, что поднимается завеса, – то представляй себе, что разверзаются небеса и свыше нисходят ангелы»³¹¹.

Он же снова упоминает занавес, однако уже прямо говоря об императоре: «Удивляемся мы царям и тогда, как слышим о порфире, диадеме, золотых одеждах и царском троне, но еще более удивляемся, когда, по открытии завес, видим самого (царя) сидящим на высоком престоле. То же надобно сказать и о Единородном. Когда увидим мы, что небесные завесы поднялись и Царь Ангелов сходит оттуда, окруженный небесными сонмами, тогда зрение представит нам это чудо в большем виде; да и каково, подумай, увидеть, что наша природа носится на херувимах и окружена всей ангельскою силою!»³¹². Сокрытие императора за завесой балдахина нередко встречается и в описаниях светских событий. Так, Афанасий Великий в защитительном слове перед Констанцием II упоминает бывшего *magister officiorum* Евгения, который стоял у завесы (πρὸ τοῦ βηλοῦ)³¹³ императора и слышал, о чем тот разговаривал с никейцем (Ath. Apol. Contr. Ar.

³¹⁰ Pan. Lat. VII. XVII. 4: Itaque tu cum ingredientem milites vident, admirantur et diligunt, sequuntur oculis, animo tenent, deo se obsequi putant, cuius tam pulchra forma est quam cetera divinitas

³¹¹ Chrys. in Eph. III. 5: ὅταν ἀκούσης, Δεηθῶμεν πάντες κοινῇ, ὅταν ἴδῃς ἀκελκόμενα τὰ ἀμφίθυρα, τότε νόμισον διαστέλλεσθαι τὸν οὐρανὸν ἄνωθεν, καὶ κατεῖναι τοὺς ἀγγέλους.

³¹² Chys. De diab. I. 2: ἀλλ' ὥσπερ ἐπὶ τῶν βασιλέων ἀκούοντες τὴν ἀλουργίδα καὶ τὸ διάδημα καὶ τὰ χρυσᾶ ἱμάτια καὶ τὸν θρόνον τὸν βασιλικόν, θαυμάζομεν μὲν, μειζόνως δὲ τοῦτο πάσχομεν, ὅταν τῶν παραπετασμάτων συνελκυσθέντων ἴδωμεν αὐτὸν ἐφ' ὑψηλοῦ τοῦ βήματος προκαθήμενον· οὕτω καὶ ἐπὶ τοῦ Μονογενοῦς· ὅταν ἴδωμεν τὰ παραπετάσματα τῶν οὐρανῶν συνελκυσθέντα, καὶ καταβαίνοντα τὸν βασιλέα τῶν ἀγγέλων ἐκεῖθεν καὶ δорυφορούμενον ὑπὸ τῶν οὐρανίων δήμεν, τότε μεῖζον ἀπὸ τῆς ὀψεως τὸ θαῦμα δεχόμεθα.

³¹³ Однако в русском переводе (Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. 2. // Защитительное слово Афанасия, архиепископа александрийского, перед царем Констанцием. Сергиев Посад, 1902. С. 41–76) словосочетание πρὸ τοῦ βηλοῦ переводится как «при дверях», в то время как в английском (A Select Library of the Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church. Second series / Ed. Philip Schaff. Vol. 4: St. Athanasius: Select works and letters. Grand Rapids, 1957), французском (Athanasius Alexandrinus. Apologie à l'Empereur Constance ; Apologie pour sa fuite / Trad. J.-M. Szymusiak. Paris, 1958.) и немецком (Athanasius der Große. Apologia ad Constantium. Des Heiligen Athanasius Schutzschrift an Kaiser Konstantius. // Ausgewählte Schriften des Heiligen Athanasius, Erzbischofs von Alexandria und Kirchenlehrers. In 2 Bd. / übers J. Fisch. Kempten, 1875. Bd. 1. S. 176-213): «veil», «voile»

3). Однако практическое значение балдахина и занавеса, к нему крепящегося, мы рассмотрим позже.

§2.1.3. Внешний вид императора

Внешний облик императора как в рамках придворных церемоний V в., так и в своей гражданской роли отражен в большом числе иконографических и письменных источников. Неоднократно процитированный Корипп описывает вид августа следующим образом: «Он выходит и одевает свое благочестивое тело в тунику, покрывая себя золотой одеждой, в которой весь он сиял белизной, источал свет и прогонял тьму, еще не рассеянную небесным светилом. Голени были обуты в пурпурный сверкающий котурн, а ноги облекла царственная повязка из парфянской кожи, окрашенной кампанийской краской, превосходящей кровавые розы, прославленной своей краснотой. Пояс, блиставший благородными камнями и переплавленным золотом, опоясал владычьи чресла. И божественная одежда, с подоткнутой складкой, ниспадала до колен, белая с драгоценной каймой. Плечи кесаря покрыла пурпуром горящая хламида, вокруг ниспадая, украшенная сверкающим металлом, так что открытая правая рука государя превосходила [все] своим сиянием...»³¹⁴.

В поздней Античности любые литературные описания внешнего облика тесно перекликаются с иконографией, и этот текст Кориппа, написанный в VI в., четко ассоциируется со знаменитой мозаикой Сан-Витале в Равенне, на которой запечатлен император Юстиниан (рис. 8). Мы наблюдаем ту же позолоченную мантию, пурпурные сапоги, пурпурную хламиду с фибулой и повсюду драгоценные украшения. Однако поэт не упоминает диадему, которая являлась неотъемлемым компонентом «церемониального» образа императора. Эти изображения относятся к VI в., однако в основном они соответствуют императорскому имиджу, канонизированному еще в конце III–IV вв.

и «vorhang» соответственно – именно этим вариантам мы и следуем, поскольку βηλός переводится дословно как «порог» или «граница», в данном контексте (αὐτὸς γὰρ εἰστῆκει πρὸ τοῦ βηλοῦ, καὶ ἤκουεν ἄλλερ ἡξιούμεν αὐτὸν καὶ ἄλλερ αὐτὸς κατηξίου λέγειν ἡμῖν) имелось в виду, что Евгений стоял как бы «у порога» трона, т.е. рядом с занавесью, которой трон укрывался. Однако возможно, что понималась другая занавеска, которая отделяла тронный зал от другого помещения, однако в таком случае неясно, как на таком расстоянии Евгений мог слышать разговор императора.

³¹⁴ Corr. In laud. Iust. II. 100–120: egreditur, tunicaque pios inducitur artus, / aurata se veste tegens, qua candidus omnis / enituit lumenque dedit, fuscasque removit / aetherea nondum prolata luce tenebras. / purpureo surae fresonant fulgente cothurno, / cruraque puniceis induxit regia vinclis, / Parthica Campano dederant quae tergora fuco, / sanguineis praelata rosis, laudata rubore / ... nobilibus gemmis et cocto lucidus auro / balteus effulgens lumbos praecinxit eriles, / substrictoque sinu vestis divina pendit / poplite fusa tenus, pretioso candida limbo. / Caesareos umeros ardenti murice textit / circum fusa chlamys, rutilo quae ornata metallo / principis exerta vincebat lumina dextra»

Так, историк IV в. Аврелий Виктор пишет о Диоклетиане: «Он первый стал надевать одежды, сотканые из золота, и пожелал даже для своих ног употреблять шелк, пурпур и драгоценные камни» (Aug. Vict. Caes. 39. 2, пер. В.С. Соколова). Об этом же императоре сообщает и Евтропий: «Носил одежду и обувь, украшенную драгоценными камнями. Прежде императорское отличие в одежде заключалось только в пурпурном плаще, остальное же ничем не выделялось» (Eutr. IX. 26, пер. А.И. Донченко). Даже византийский историк XII в. Зонара, разумеется, опираясь на более ранние тексты, приписывает Диоклетиану введение нового императорского облачения: «Он обогатил свою одежду и обувь золотом и драгоценными камнями, а императорские украшения сделал гораздо более дорогими, чем прежде. Ибо несомненно, что императоры, его предшественники, не получали почестей, отличных от тех, что получали консулы, и что у них не было другого знака достоинства, кроме пурпурной мантии» (Zon. XII. 31).

Никто из вышеназванных авторов не упоминает наличие у августа диадемы. Действительно, ее введение обычно приписывается Константину Великому³¹⁵. Например, анонимный автор конца IV в. сообщает, что Константин «украсил императорскую одежду драгоценными камнями, а на голове постоянно носил диадему» (Epit. De caes. 41. 14), Иоанн Малала же прямо сообщает, что именно этот император «впервые надел на свою голову диадему, украшенную жемчугами и камнями» (Malal. Chron. XIII. 8, пер. Н.Н. Болгова)³¹⁶. Аналогичным образом Евсевий Кесарийский, описывая похороны Константина, отмечает: «В золотом высоко поставленном гробе лежало по царскому порядку, накрытое порфирой и диадемой, тело василевса» (Euseb. Vit. Const. IV. 66), а также в слове Константину: «Златотканая же, расшитая разными цветами одежда, царская багряница и диадема» (Euseb. Laud. Const. V. 6). Однако, разумеется, диадема не была «изобретением» Константина: и ранее в истории империи встречались ее прототипы³¹⁷.

Как бы то ни было, мы не будем затрагивать проблему появления диадемы как императорской инсигнии в рамках заданной темы, для нас достаточно того факта, что по крайней мере с конца 330-х гг. наряду с драгоценностями и пурпурным одеянием она уже была неотъемлемым компонентом императорского образа. Мы привели тексты первой половины IV и VI вв., схожую картину рисуют и тексты второй половины IV в. В частности, в речи Кв. Аврелия Симмаха, обращенной к Валентиниану II, содержится краткое описание императорского

³¹⁵ Миролюбов И.А. О практике ношения диадемы Константином Великим. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 52–58; Alfoldi A. Monarchische Repräsentation S. 263–8; Delbrück R. Spätantike Kaiserporträts. S. 56–66; Kolb F. Herrscherideologie in der Spätantike. Berlin, 2001. S. 72–80.

³¹⁶ Также Chron. Pasch. 529.

³¹⁷ См. Epit. de Caes. 35.5; Malal. Chron. XIII. 20; Delbrueck R. Spätantike Kaiserporträts. S. 56–58; Alfoldi A. Monarchische Repräsentation . S.142–11.

одеяния: «Пусть священные плечи покрывает роскошное одеяние из соединенных драгоценностей, и трабея³¹⁸ украшена разноцветной каймой: тем не менее, более значительным является то украшение, которое заслуживает Рейн и которое принимает граница» (Symm. Or. II. 1). В том же духе, как Корипп, в начале V в. живописует Клавдиан: «На юношеских шеях несут твой золотой трон, и новые украшения придают божеству вес. Драгоценные камни Индии усыпают твоё одеяние, ряды зеленых изумрудов обогащают швы; там сверкает аметист, и блеск испанского золота заставляет темно-синий сапфир тускнеть от его скрытых огней. И в плетении такого одеяния не было достаточной красоты; работа иглы увеличивает его ценность, нити из золота и серебра сверкают; множество агатов украшают вышитые одеяния, а жемчуг Океана дышит разнообразным узором. ...Кто осмелился искать среди раскаленных песков богатые заросли кораллов? Кто мог нанести драгоценные камни на алый цвет и так смешать сияние Красного моря и вод Финикии? Тир давал свои краски, Китай – шелка, Гидасп – драгоценности»³¹⁹.

Данные тексты, как и прочие, подчеркивают ключевые составляющие императорского одеяния, включая наличие пурпурной хламиды, триумфальной трабеи и *campagi* – все это украшено драгоценными камнями и вышито золотом и шелком. Интересно отметить, что, несмотря на свою значимость, диадема упоминается относительно редко в описаниях внешнего облика императора. Тем не менее, она остается неотъемлемым атрибутом императорской власти и часто, таким образом, упоминается в текстах. В целом же иконография подтверждает нарративные источники. Наиболее наглядные изображения императоров в рамках придворного церемониала содержатся на миссории Феодосия конца IV в. (рис. 9)³²⁰. На данной чеканке

³¹⁸ Trabea, toga picta, toga palmata. В VI-VII в. она стала называться *loros* (Joh. Lyd. mag. II. 2.5). Предполагалось, что император носил всегда именно триумфальную трабею, сотканную из пурпурной ткани и золотой парчи и украшенную жемчугом и драгоценными камнями. В период республики она надевалась по случаю триумфу, однако поздние императоры всегда носили именно ее, об этом см. следующую главу. О символической значимости трабеи см. Dewar M. Spinning the Trabea: Consular Robes and Propaganda in the Panegyrics of Claudian. // Roman Dress and the Fabrics of Roman Culture. / Ed. A. Keith. Toronto, 2008. P. 217–23.

³¹⁹ Claud. De. IV cons. Hon. 585–600: portatur iuvenum cervicibus aurea sedes / ornatuque novo gravior deus. asperat Indus / velamenta lapis pretiosaque fila smaragdis / ducta virent; amethystus inest et fulgor Hiberus / temperat arcanis hyacinthi caerulea flammis. / nec rudis in tali suffecit gratia textu; / auget acus meritum picturatumque metallis / vivit opus: multa remorantur iaspide cultus / et variis spirat Nereia baca figuris. / quae tantum potuit digitis mollire rigorem / ambitiosa colus? vel cuius pectinis arte / traxerunt solidae gemmarum stamina telae? / invia quis calidi scrutatus stagna profundis / Tethys invasit gremium? quis divitis algae / germina flagrant inter quae sivit harenas? / quis iunxit lapides ostro? quis miscuit ignes / Sidonii Rubrique maris? tribuere colorem / Phoenices, Seres subtegmina, pondus Hydaspes»

³²⁰ Анализ данного памятника см. в MacCormack Art and ceremony. P. 216; Leader-Newby R. E. Silver and Society in Late Antiquity. Functions and Meanings of Silver Plate in the Fourth to the Seventh Centuries. Aldershot, 2004. P. 11–61; Corso A. Observations Concerning the Theodosian Silver Dish at Madrid and a Few Sasanian Comparanda. // Numismatica e antichità classica. 2016. Vol. 45. P. 239–256; Kiilerich B. Representing an Emperor: Style and Meaning on the Missorium of Theodosius I. // El Disco de Teodosio. / Ed. M. Almagro Gorbea et al. Madrid, 2000. P. 273–280.

размещены три императора: Феодосий I в сопровождении двух младших соправителей – Аркадия и Валентиниана II. Все трое, облаченные в пышные одежды, восседают на троне под сводчатыми перемычками в сопровождении императорской гвардии. Их туники с орнаментальной каймой подпоясаны, императорские плащи скреплены на плечах украшенными драгоценными камнями фибулами, их сандалии инкрустированы драгоценностями. Каждый из них носит диадему, состоящую из двух нитей жемчуга с большим драгоценным камнем посередине.

Другое изображение содержится в хронографе 354 г. из кодекса Барберини³²¹ (рис. 10), где также наблюдается и императорский трон с балдахином и завесой. Хотя художественные условности и неточности в передаче и создают немного отличающиеся картины в разных источниках, невозможно отрицать присутствие незыблемых атрибутов императорской власти. Наиболее полно анализ императорских изображений представлен в работах Р. Дельбрюка, Х. Л'Оранжа, А. Альфелди, Р. Смита, А. Грабара и Я. Елснера – все они в общих чертах согласны относительно уже названных ключевых атрибутов церемониального облика императора. К сожалению, мы не можем привести нумизматический материал, поскольку монеты того времени представляют императора прежде всего как полководца, облаченного в кирасу и шлем, но крайне редко изображает его фигуру в условиях придворных церемоний. Единственный элемент, постоянно присутствующий на монетах, который мы можем связать с описанным обликом, это диадема.

Разумеется, великолепие и богатство императорской одежды служило не только для того, чтобы украсить интерьер дворца и соблюсти приличия церемонии – все это также демонстрировало статус и власть августа. Дорогой пурпур, одежда, сотканная из золота, или шелк (*sericum*), привезенный из Китая, – все это принадлежало только императору, и всякий, кто пытался приобрести такую одежду или ее часть для себя, подвергался суровому наказанию. Так, в 424 г. Феодосий II издал указ, касающийся «той материи, которая предназначена только для императора и его домочадцев»³²². Такая одежда была запрещена всем лицам любого пола, кроме членов императорского дома. Соответственно, на всей территории империи было запрещено ткать или владеть такой одеждой, а всем лицам было приказано немедленно и безвозмездно сдать в казну все имеющиеся у них такие одежды под угрозой обвинения, «аналогичного обвинению в государственной измене»³²³.

³²¹ Это копия XVII в. более древнего Люксембургского кодекса IX в., который являлся копией оригинала IV в. См. Burgess R.W. *The Chronograph of 354: Its Manuscripts, Contents, and History*. // *Journal of Late Antiquity*. 2012. Vol. 5 (2). P. 345–396; Salzman M.R. *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity*. Berkeley, 1991.

³²² CTh. X. 21. 3: *Temperent universi, qui cuiuscumque sunt sexus dignitatis artis professionis et generis, ab huiusmodi speciei possessione, quae soli principi eiusque domui dedicatur.*

³²³ CTh. X. 21. 3: *alioquin ad similitudinem laesae maiestatis periculum sustinebit*

Из конституции Феодосия II и Валентиниана III от 436 г. мы узнаем о грубых нарушениях не только относительно использования *sacer murex*³²⁴, но и о шелке. Около 300 фунтов шелка, окрашенного в пурпурный цвет, было тайно произведено для частного использования, *non sine laesae maiestatis crimine*, и немалое количество пурпурного красителя было вывезено из мастерских и продано (CTh. X. 20. 18). Мало того, что были нарушены конституция 424 г. и более ранние законы, касающиеся пурпурного шелка, так еще и было совершено мошенничество, поскольку «шелк, принадлежащий частным лицам, окрашивался пурпуром, принадлежащим государству»³²⁵.

Однако не только шелк и пурпур регулировались императорскими законами, но и жемчуг, и драгоценные камни. Так, эдикт, изданный императором Львом I, гласил: «Никому не разрешается прикреплять или вставлять жемчуг, изумруды и сапфиры на уздечки, седла и пояса. ...Они должны использовать такие застежки на одеяниях, которые драгоценны только из-за золота и мастерства (в их изготовлении). ...Ни одному частному лицу не должно быть позволено изготавливать из золота и драгоценных камней то, что относится к императорской одежде и украшениям»³²⁶.

О высокой символической значимости пурпура в Риме подробно писали М. Рейнхольд, В. Авери и Г. Блум³²⁷. В общих чертах эти авторы приходят к выводу о чрезвычайной ценности пурпурного цвета из-за его редкости и особенностей добычи, в результате обладание им изначально было признаком богатства и власти. Поэтому каждый аристократ в Античности старался продемонстрировать наличие хотя бы толики пурпурного цвета в своем одеянии. Однако в эпоху поздней Античности обладание пурпурными тканями стало прерогативой исключительно императора, тем самым все прочие влиятельные персоны лишались возможности даже приблизиться к тому уровню власти, которой владел август. Таким образом, пурпурная ткань являлась материальным выражением обезличенной императорской власти и играла большую роль в придворных ритуалах, о чем скажем ниже. Даже цвет военного знамени в

³²⁴ Моллюск, из которого изготавливалась пурпурная краска.

³²⁵ CTh. X. 20. 18: Quoniam trecentas paene libras blattae sericae clandestina fucatione non sine laesae maiestatis crimine coloratas et adaeratum conchylii non minimum pondus patefactum est, quaestione prodente, quibus sollemniter artibus, quibus consciis ac ministris metaxa cum privata fiscalis aequaliter publico murice tingebatur, purpurae nundinas, licet innumeris sint constitutionibus prohibitaе, recenti quoque interminatione vetamus

³²⁶ CI. XI.1 2. 1: Nulli praeterea privatorum liceat (exceptis scilicet ornamentis matronalibus et tam muliebrium quam virilium anulorum habitu) aliquid ex auro et gemmis quod ad cultum et ornatum imperatorium pertinet facere neque illud sub hoc colore et praetextu praeparare, quod velit clementiae principali velut aliquod munus offerre: pietas enim mea huiusmodi dona non expetit neque regium sibi offerri a privatis cultum requirit.

³²⁷ Blum H. Purpur als Statussymbol in der griechischen Welt. Bonn, 1998; Reinhold M. History of Purple as a Status Symbol in Antiquity. Bruxelles, 1970; Avery W. The "Adoratio Purpurae" and the Importance of the Imperial Purple in the Fourth Century of the Christian Era. // Memoirs of the American Academy in Rome. 1940. Vol. 17. P. 66–80.

середине IV в. сменился с традиционного красного на пурпурный³²⁸, ведь военные успехи Рима отныне ассоциировались уже не с Марсом, а только с императором.

Важно учитывать тяжеловесность и непрактичность подобной одежды – едва ли в таком облачении император мог свободно передвигаться. Огромное количество тяжелых тканей, расшитых золотом и украшенных множеством драгоценностей, *capragi*, инкрустированные самоцветами, делали августа малоподвижным. Однако императору во время церемонии и не нужно было ходить, только лишь принимать подобострастные взгляды и наблюдать за самой церемонией. Его одежды, компоненты которых происходили из разных уголков римского мира, представляли *emolumenta imperii*. В этом и заключалась церемониальная роль императора. Его помпезный, невероятно богатый внешний облик должен был вписываться в общий интерьер дворца, ничуть не уступавшего ему в великолепии.

Мы уже отмечали важность наличия освещения в императорском дворце, о чем свидетельствуют непрестанно повторяемые авторами замечания о «свечении» и «блеске», а также сравнения с солнцем и небом. Действительно, сочетание мягкого света от большого количества свечей и масляных ламп, а также чистого и яркого солнечного света, проникающего в окна, освещающего пурпурные хламиды и отражающегося в ряби и переливах десятков тысяч позолоченных стеклянных тессеров, должно было создавать поразительный, неземной образ³²⁹. Озаренный золотым сиянием зал для аудиенций Большого дворца вызывал ассоциации с императорским «солнцем» и двором Небесного Отца. В центре всего этого великолепия посреди отражающих и сверкающих поверхностей находился император, вознесенный на престол в сиянии и величии, окруженный множеством придворных, также облаченных в пышные одежды, сановников в красных одеждах и телохранителей во всем белом, «так что казалось, будто звезды сияют на земле» (Marc. Diac. V. Porph. 47).

Тем не менее, мы должны с особым вниманием подходить к иконографическим источникам, поскольку существует высокая степень вероятности, что изображаемые символы были лишь художественными топосами, которые символизировали статус и власть императора, но не являлись реальными отражениями его облика. Если относительно соответствия изображаемых одежд императора их реальным прототипам сомневаться трудно, то такие императорские регалии, как *orbis terrarum*, регулярно встречающийся в иконографии, а также скипетр подтверждаются с большим трудом.

Так, медиевист П. Шрамм, исследуя смысл и происхождение королевских и императорских регалий Средних веков, озадачился этим вопросом и пришел к выводу, что в

³²⁸ Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. London, 2017. P. 186.

³²⁹ Rollinger C. Another heaven. P. 115.

действительности античные и средневековые монархи не обладали сферой, с которой они регулярно изображались³³⁰. Данное исследование нашло отклик у большого числа специалистов по истории Рима и Византии, которые все-таки в большинстве своем выразили несогласие с мнением П. Шрамма. Р. Дельбрюк, Й. Дир, А. Альфелди и М. Радноти-Альфелди почти единогласно пришли к выводу, что *orbis terrarum*, находящийся в руках императоров, – это обязательный атрибут августа³³¹. И он, судя по всему, хранился вместе со всеми остальными регалиями, о чем нам сообщает Пасхальная хроника: «...Народ принес из дворца Плациллианы, как он называется, императорские знаки отличия, которые там хранились, и возложил их на голову того же Ипатия, а на его шею – золотой ключ. И когда об этом стало известно императору, дворец заперли, а народная масса взяла того же Ипатия, и Помпея патриция, и Юлиана, бывшего префекта претория, и повела того же Ипатия в императорскую ложу, желая вынести из дворца императорский пурпур и диадему и короновать его как императора» (Chron. Pasch. 532).

Согласно мнению названных выше исследователей, суть репрезентативного образа состоит в том, чтобы запечатлеть личность в ее конкретной функции и правильно отразить ее ранг, который в этом отношении является определяющим. Изображение императора почиталось так же, как и сам император, поэтому оно должно было быть как можно более точным и соответствовать идее «императорства»³³². Таким образом, знаки различия, указывающие на звание и статус, обязательно представлены в форме и – если позволяет материал изображения – в цвете³³³.

Здесь уместна аналогия с магией: образы богов должны особенно тщательно воссоздавать их атрибуты, иначе они не будут работать³³⁴. *Orbis terrarum* был таким же неотъемлемым атрибутом императора. Если раньше его держал в руках Юпитер, то теперь каждый правитель, и таким образом сфера из символа всемогущества превратилась в средство демонстрации императорской власти, в конце концов она стала символом императора как такового³³⁵. Й. Дир утверждает, что и в рамках придворных церемоний, будь то прием иностранных посольств или назначение высших чиновников, *orbis terrarum* неизменно присутствовал в руках августа³³⁶. Даже такой символ, как нимб, имел реальное воплощение. Ранее мы уже отметили большое

³³⁰Schramm P.E. Sphaira, Globus, Reichsapfel: Wanderung und Wandlung eines Herrschaftszeichens von Caesar bis zu Elisabeth II. Stuttgart, 1958.

³³¹Deer J. Der globus des spätrömischen und byzantinischen Kaisers. Symbol oder Insignie? // Byzantinische Zeitschrift. 1961. Bd. 54. S. 291–318; Delbrueck R. Spätantike Kaiserporträts; Alföldi A. Insignien und Tracht; Radnoti-Alföldi M. Die Bedeutung des Repräsentationsbildes in der Spätantike (1980). // Gloria Romanorum. / Hrsg. M. Radnoti-Alföldi, H. Bellen, H.-M. Kaenel. Stuttgart, 2001. S. 244–250.

³³²Об этом подробнее в 4 гл.

³³³Alfoldi M.R. Op. cit. 245.

³³⁴Ibid.

³³⁵Alfoldi A. Insignien und Tracht. S. 119.

³³⁶Deer J. Op. cit. S. 70.

внимание к свету и блеску вокруг фигуры императора – сияние вокруг головы императора действительно могло создаваться благодаря игре освещения и блеска драгоценностей на голове императора. В то же время Ф. Колб не согласился с критиками П. Шрамма и считает, что *orbis terrarum* не имел материального воплощения, а оставался символом господства императора над миром³³⁷. Действительно, Корипп, как и некоторые другие древние авторы, несмотря на детальное описание императорского облика с упоминанием всех ключевых элементов его одеяния, никогда не упоминает сферу в руке августа. Однако многие описания, Кориппа в частности, оставляют без внимания и диадему, относительно существования которой сомнений гораздо меньше, ведь она чаще упоминается, изображается, наличествует в ритуале «коронации». Мы можем предположить, что не все церемонии требовали наличия диадемы или *orbis terrarum*, потому они и не упоминаются при восхвалении образа императора в конкретной ситуации, а, значит, мы не можем вынести конкретного суждения о существовании данной регалии. Как бы то ни было, обездвиженная величественная поза и торжественные жесты, запечатленные на изображениях, небезосновательно могли являться частью церемоний ввиду их особого театрального характера.

§2.2. *Adoratio purpurae, salutatio, supplicatio* и *προσκύνησις*

Мы уже отметили, что иерархизация и стратификация двора, создание отдельных должностей и рангов были важным инструментом императора не только для наведения порядка, но и для защиты собственного положения как источника всех остальных статусов. Сложный церемониал регулировал жизнь придворного общества, но прежде всего он определял степень близости, которую отдельные лица и статусные группы могли устанавливать, поддерживать и демонстрировать своему монарху и самим себе. Таким образом, церемониал служил, среди прочего, средством инсценировки и демонстрации ранга и статуса как для правителя, так и для придворных. Наиболее регулярным и, в некотором роде – повседневным элементом церемониала был ритуал, которому должен был следовать подданный в случае появления перед императором. В период ранней империи он назывался *salutatio*, позже, его стали обозначать как *adoratio* или *προσκύνησις*.

О важности и регулярности этого ритуала свидетельствует большое количество источников. Так, *adoratio* регулярно упоминается в законодательных текстах (CTh. VI. 24. 4; VII.1.7; VIII. 1. 13;7. 16; XII. 1. 70). Евсевий Кесарийский в своем описании погребения тела Константина в Большом дворце указывает, что придворные и стража продолжали воздавать

³³⁷ Kolb F. Op. cit. S. 52–54.

почести императору даже после его смерти: «Комиты, военные ижемоны, военные архонты (ἀρχόντων τάγμα), которым при жизни государя долг повелевал приходить к нему с приветствиями (προσκυνεῖν)³³⁸, нисколько не изменяя этого порядка, приходили и теперь в установленные часы к лежавшему во гробе, как бы к живому василевсу и, преклоняя колена, приветствовали умершего. После них являлись и то же делали сенаторы и все важные лица» (пер. при Санкт-Петербургской духовной академии, 1848–1849 гг.)³³⁹. К этому отрывку мы еще вернемся, сейчас же нам важно зафиксировать, что исполнение этого ритуала понималось как обязательное поведение в присутствии августиана.

Регулярность проскинезы и ее нехарактерность для культуры классического Рима стали причинами того, что традиционная историография вслед за античными авторами наряду с новым императорским одеянием определила ее в признаки «восточного деспотизма», который Рим заимствовал в эпоху упадка. Так, Евтропий писал, что Диоклетиан «... первым в Риме ввел царские обычаи вместо прежней римской свободы. Приказал себе кланяться, в то время как раньше его просто приветствовали»³⁴⁰. Схожим образом отзывался и Аммиан Марцеллин: «Этот способ приветствия учредил впервые по обычаю чужеземных царей император Диоклетиан, тогда как ранее государей приветствовали так же, как и сановников»³⁴¹. На основании этих текстов многие классики антиковедения пришли к выводу о восточном влиянии на римский церемониал. Например, А. фон Домашевски в своей монографии 1909 г. пришел к выводу, что Диоклетиан привил сасанидский церемониал к нравам римского военного лагеря, подобного рода мнение высказывал и М.И. Ростовцев, а также другие исследователи, о чем подробно написал Х. Леппин³⁴².

В то же время современный иранист М. Канепа заметил, что подобные ритуалы не имеют ничего общего с персидскими обычаями, более того – Сасаниды скорее всего сами заимствовали

³³⁸ Традиционный перевод этого отрывка на русский язык весьма неточен, хотя верен по смыслу. Дословно перевод звучал бы так: «А руководители всего войска, комиты и весь ряд чиновников (архонтов), для которых закон всегда был преклоняться перед императором (т. е. совершать проскинезу)».

³³⁹ Euseb. Vit. Const. 4.67.1: Οἱ δὲ γε τοῦ παντὸς στρατοῦ καθηγεμόνες κόμητές τε καὶ πᾶν τὸ τῶν ἀρχόντων τάγμα, οἷς τὸν βασιλέα καὶ νόμος πρότερον ἦν προσκυνεῖν, μηδὲν τοῦ συνήθους ὑπαλλαξάμενοι τρόπον τοῖς δέουσι καιροῖς εἰσὼ παριόντες τὸν ἐπὶ τῆς λάρνακος βασιλέα οἷά περ ζῶντα καὶ μετὰ θάνατον γονυκλινεῖς ἡσπάζοντο. μετὰ δὲ τοὺς πρώτους ταῦτ' ἐπραττον παριόντες οἱ τ' ἐξ αὐτῆς συγκλήτου βουλῆς οἱ τ' ἐπ' ἀξίας πάντες, μεθ' οὓς ὄχλοι παντοίων δῆμων γυναιξὶν ἅμα καὶ παισὶν ἐπὶ τὴν θέαν παρήεσαν.

³⁴⁰ Eutr. IX. 26: Diligentissimus tamen et sollertissimus princeps et qui imperio Romano primus regiae consuetudinis formam magis quam Romanae libertatis invexerit adorarique se iussit, cum ante eum cuncti salutarentur.

³⁴¹ Amm. Marc. XV. 5. 18: Diocletianus enim Augustus omnium primus extero ritu et regio more instituit adorari, cum semper antea ad similitudinem iudicum salutatos principes legerimus.

³⁴² Domaszewski A. Geschichte der römischen Kaiser. Bd. 2. Leipzig, 1909. S. 320; Leppin H. Zum deutschen Diokletiansbild im 19. Jahrhundert. // Diokletian und die Tetrarchie. Aspekte einer Zeitenwende. / Hrsg. A. Demandt, A. Goltz, H. Schlange-Schöningen. Berlin, 2004. S. 193–208.

многие элементы римского придворного церемониала³⁴³. Однако первым исследователем, кто оспорил взгляд на римский церемониал Поздней империи как на «восточное влияние», был А. Альфелди в 1935 г.³⁴⁴ Венгерский ученый утверждал, что многие церемониальные аспекты, в том числе *adoratio*, а именно преклонение перед императором, практиковались еще в период Ранней империи, а потому не могли быть заимствованы с востока в поздний период, равно как и не могли быть представлены Диоклетианом как некое новшество³⁴⁵.

Действительно, особое регулирование практики приветствия императора с подданными, в особенности с аристократией, имеет давнюю историю, берущую начало со времени первого императора – Октавиана Августа, однако в то время этот ритуал назывался *salutatio*³⁴⁶. О нем сообщает, в частности, Светоний: «К общим утренним приветствиям он (Август. – В.К.) допускал и простой народ, принимал от него прошения с необычайной ласковостью: одному оробевшему просителю он даже сказал в шутку, что тот подает ему просьбу, словно грош слону. Сенаторов в дни заседаний он приветствовал только в курии на их местах, к каждому обращаясь по имени, без напоминания; даже уходя и прощаясь, он не заставлял их вставать с места» (пер. М.Л. Гаспарова)³⁴⁷. Светоний подчеркивает, что практика *salutatio* на тот момент была уже обыденностью, и заостряет внимание скорее на особенности следования ей Августом, но не на самом факте.

Точно в таком же контексте упоминает *salutatio* и Дион Кассий: «Когда он (Адриан. – В.К.) возвращался домой, то предпочитал пользоваться паланкином, чтобы никого не обременять необходимостью его сопровождать. В неприсутственные и заповедные дни он оставался дома и, если только не случалось какое-нибудь неотложное дело, никого не допускал, даже для приветствия, чтобы избавить людей от лишних хлопот» (Dio Cass. LXIX. 7. 2, пер. А.В. Махлаюка)³⁴⁸. Имеется большое число и иных примеров упоминания в источниках *salutatio* как обязательного элемента поведения сенаторов в присутствии императора (Dio Cass. LIV. 30. 1; LVI. 41. 5; Dio Cass. LVII. 11. 1; Suet. Aug. 60; Tac. Ann. IV. 74. 3–4; Plin. Pan. 48.2; Fronto. Ad M.

³⁴³ Canepa M. The Two Eyes of the Earth Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran. Berkeley, 2009. P. 149–153

³⁴⁴ Alföldi A. Insignien und Tracht der römischen Kaiser; Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche.

³⁴⁵ Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche.

³⁴⁶ Иванова Е.С. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса. // *Via in tempore*. История. Политология. 2024. Т. 51 (1). С. 34–43.

³⁴⁷ Suet. Aug. 52. 2–3: *Promiscuis salutationibus admittebat et plebem, tanta comitate adeuntium desideria excipiens, ut quendam ioco corripuerit, quod sic sibi libellum porrigere dubitaret, "quasi elephanto stipem."* Die senatus numquam patres nisi in curia salutavit et quidem sedentis ac nominatim singulos nullo submonente; etiam discedens eodem modo sedentibus valere dicebat.

³⁴⁸ Dio Cass. LXIX. 7. 2: ἔν τε ταῖς ἱπποδρομίαις αὐτοὺς ἐτίμα. καὶ οἴκαδε ἀνακομιζόμενος ἐν φορείῳ ἐφέρετο, ὅπως μηδὲνα συνακολουθοῦντά οἱ ἐνοχλοῖη. ἐν δὲ ταῖς μῆτε ἱεραῖς μῆτε δημοσίαις ἡμέραις οἱκοὶ ἔμενε, καὶ οὐδὲνα οὐδ' ὅσον ἀσπάσασθαι προσεδέχετο, εἰ μὴ τι ἀναγκαῖον εἴη, ἵνα μὴ πάνυ

Caes. V. 48 (63), etc.). К. Давенпорт отметил, что *salutatio* было средством приручения сенаторской аристократии и регулирования придворного общества – приветствуя императора, поданные как бы выражали свою преданность и определяли свое место в придворной иерархии³⁴⁹. Так, во II в. появился порядок очередности допуска императору. Эпитафия Л. Плотия Сабина, сенатора преторианского ранга, гласит, что он “*habenti quoq(ue) salutation(em) secundam Imp(eratoris) Antonini Aug(usti) Pii*” (также вторым имел *salutatio* от императора Антонина Августа Пия) (CIL. VI. 1111).

Нам же интересен вопрос о том, как *salutatio* осуществлялась на деле, чтобы определить степень сходства этой церемонии с более поздним ритуалом *adoratio*. Римская аристократия обычно приветствовала друг друга поцелуем в губы (Plin. Nat. Hist. XXVI. 2–3). Принцепсы I–II вв., чтобы продемонстрировать, что они на самом деле всего лишь «первые среди равных», также целовали в губы сенаторов и всадников, при этом обнимая их³⁵⁰. Плиний Младший, например, хвалил Траяна за то, что тот продолжал целовать своих коллег-сенаторов даже после того, как стал принцепсом, поскольку такое поведение демонстрировало его *humanitas* (Plin. Pan. 24. 2). Т. е. поцелуй в губы подтверждал, что император и сенаторы являются членами одного аристократического сообщества, в то время как предоставление императором для поцелуя руки или щеки означало акцент на превосходстве августа, равно как и степень знатности того человека, которого император приветствовал³⁵¹.

Некоторые принцепсы пытались изменить и/или расширить границы принятых церемониальных действий. Калигула целовал лишь некоторых сенаторов, а в ответ предоставлял для поцелуя руку или, что еще хуже, ногу, что напоминало римлянам поведение персидских царей и тиранов (Sen. Ben. 2.12; Suet. Calig. 56.2). Однако было бы ошибкой утверждать, что подобные требования были проявлением тирании, а не являлись тем, чего поданные сами искали, чтобы хотя бы таким образом приблизиться к императору. Знатные люди могли льстить и тем императорам, которые славились своей *civilitas*. Фронтон в письме Антонину Пию, извиняясь за то, что пропустил празднование *dies imperii*, обещает исправиться в следующем году: «Я дважды обниму тебя в этот самый день, и я с нежностью поцелую твою грудь и руки еще дважды» (Front. Ad Anton. Pium 5)³⁵². Фронтон, таким образом, прося прощения и предлагая целовать именно

³⁴⁹ Davenport C. Envisioning Audiences at the Roman Imperial Court. // The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity. / Ed. C. Davenport, M. McEvoy. Oxford, 2023. P. 293–294.

³⁵⁰ Ibid. P. 304.

³⁵¹ Про поцелуй в римском обществе см: Pharr M.B. The Kiss in Roman Law. // The Classical Journal. 1947. Vol. 42 (7). P. 394.

³⁵² Front. Ad Anton. Pium 5: Sed apud lares, penates deosque familiares meos et reddidi et suscepi vota et precatus sum uti anno insequenti bis te complecterer ista die, bis pectus tuum et manus exoscularer praeteriti simul et praesentis anni vicem persequens.

руки и грудь принцепса, сознательно занимал подчиненную позицию, что было вполне допустимо и приемлемо в отношениях между императором и аристократией.

При этом важно учесть, что демонстрация подчиненного положения была уместна только в ситуации, когда подданный просил о чем-то императора. Например, Фронтон в приведенном эпизоде просил о прощении. Падение к ногам или прижимание к коленям правителя были формами мольбы, засвидетельствованными еще Гомером – в римском обществе это называлось *supplicatio*³⁵³. Такое поведение не было редкостью и в период Принципата, например, когда родственники участников заговора Пизона простерлись ниц перед Нероном и целовали его правую руку с мольбами о прощении на устах (Тас. Ann. XV. 71. 1).

Тацит приводит показательный случай: «Рассказывают, что Гатерий, явившись во дворец, чтобы отвести от себя гнев Тиберия, и бросившись к коленям его, когда он проходил мимо, едва не был убит дворцовой стражей, так как Тиберий, то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал. Его не смягчила даже опасность, которой подвергся столь выдающийся муж; тогда Гатерий обратился с мольбою к Августе, и лишь ее усердные просьбы защитили его» (пер. Г.С. Кнабе)³⁵⁴. В этом контексте Гатерий умолял Тиберия принять императорский титул, т.е. на тот момент наследник Августа еще даже не был императором, а значит простираение ниц было возможно не только в отношениях между властителем и аристократом, но и между самими аристократами, когда один публично просил о какой-то важной услуге другого. В любом случае сама практика простираения ниц была давно знакома римлянам, поэтому ни о каких восточных заимствованиях в этой связи говорить не приходится.

Причина, по которой антиковеды XIX в. воспринимали демонстрацию подчиненного положения сенатора перед императором исключительно в негативном ключе, заключается в том, что падение ниц одного свободного человека перед другим даже в какой-то крайней ситуации прочно ассоциировалось с *προσκύνησις*. Этим словом греческие авторы обычно называли акты поклонения, которые совершались перед алтарями богов или восточными монархами. В античной же культуре проскинесис полагалось совершать только перед святынями – обращаться с мольбами к человеку означало оказывать ему божеские почести (Hdn. III. 11. 8; Plotin. Enn. V. 5. 3; Ael. Arist. Or. 35.19). Подобное поведение придворных отражало тот факт, что императоры, с точки зрения официальной идеологии, считались богоподобными³⁵⁵. Напрямую об этом сообщает Дион Кассий, описывая «чудесное» спасение Ювентия Цельса от наказания за участие в заговоре против Домициана: «Накануне вынесения приговора он заявил, что ему нужно кое-

³⁵³ Davenport C. Court and Ceremony. P. 306

³⁵⁴ Тас. Ann. I. 13. 7: constat Haterium, cum deprecandi causa Palatium introisset ambulantisque Tiberii genua advolveretur, prope a militibus interfectum quia Tiberius casu an manibus eius inpeditus prociderat. neque tamen periculo talis viri mitigatus est, donec Haterius Augustam oraret eiusque curatissimis precibus protegeretur.

³⁵⁵ Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. S. 45–6.

что по секрету сказать императору, на встрече с ним, склонившись ниц (*κάν τούτῳ προσκυνήσας αὐτῷ*), несколько раз назвал его господином и богом (так к нему уже обращались и другие) и сказал: “Я не совершал ничего подобного, но, если мне предоставят отсрочку, я не только выведаю для тебя все, но выступлю с обвинением и выведу на чистую воду очень многих [заговорщиков]”³⁵⁶.

Таким образом, мы не можем не согласиться с А. Альфельди в отношении того, что практика *adoratio* не возникла на пустом месте под влиянием восточных деспотий, но имела глубокие корни в античной культуре и появилась в связи с изменением восприятия личности императора. Однако венгерский исследователь настаивал и на том, что Диоклетиан, которого античные авторы считали инициатором проскинесиса, в действительности не был таковым, при нем лишь усилились уже существовавшие тенденции к обожествлению императора. К. Роллингер в этом отношении не согласен с А. Альфельди и считает, что хотя ритуал преклонения перед августом не был чем-то неслыханным, он, тем не менее, был официально закреплён в качестве компонента строгого придворного церемониала, введенного Диоклетианом вместе с другими элементами императорского имиджа, о которых шла речь в предыдущем разделе. Иными словами, в эпоху Принципата коленопреклонение перед императором, мольбы и целование ног были инициативой поданных, но не требованием императоров.

Действительно, точно установить время утверждения ритуала преклонения довольно трудно, хотя большинство источников и относит его к числу нововведений Диоклетиана. Геродиан, писавший в период между 240 и 260 гг., сообщает о том, как при Септимии Севере (193–211) префект претория Плавтиан подговорил одного из своих трибунов убить императора. После этого трибун «простерся ниц, как будто он (Плавтиан) уже был императором» (*προσκυνήσας τε ὡς ἤδη βασιλέα*) (Hdn. III. 11. 8). Филострат (170–247) рассказывает, как Адриан Тирский (II в.), находясь на смертном одре, после получения известия о назначении его на должность *ab epistulis*, призвал муз, как он обычно делал, распростерся (*προσκυνήσας*) перед императорским письмом, а затем испустил дух рядом с кодицилем, который стал его посмертной почестью (Philostorg. Vit. Sophist. II. 10. 9).

В этих свидетельствах проскинесис упоминается не в контексте мольбы о милости или установлений тирана, но как вполне обыденная вещь, характерная для конца II – начала III в. Об *adoratio* как традиции говорит и анонимный галльский панегирист из Трира в речи, адресованной

³⁵⁶ Cass. Dio LXVII. 13. 3-4: Ἰουουέντιος μέντοι τις Κέλσος συνομόσας τε ἀνὰ πρώτους μετά τινων ἐπ' αὐτῷ καὶ κατηγορηθεὶς ἐπὶ τούτῳ θαυμαστῶς ἐσώθη. μέλλων γὰρ ἀλίσκεσθαι ἠτήσατο δι' ἀπορρήτων εἰπεῖν τι αὐτῷ, κὰν τούτῳ προσκυνήσας αὐτῷ, δεσπότην τε καὶ θεόν, ἃ παρὰ τῶν ἄλλων ἤδη προσηγορεύετο, πολλάκις ὀνομάσας, ‘οὐδὲν μὲν’ ἔφη ‘πεποίηκα τοιοῦτον, ἂν δ’ ἀναβολὴν λάβω, πολυπραγμονήσω πάντα, καὶ συχνούς σοι καὶ μηνύσω καὶ ἐξελέγξω.’ ἀφεθεὶς τε ἐπὶ τούτῳ οὔτε ἐνέδειξε τίνα, καὶ ἄλλοτε ἄλλας προφάσεις προτείνων διήγαγε μέχρις οὗ Δομιτιανὸς ἀπέθανεν.

императору Максимиану: «Какой спектакль устроили вы, когда толпа, пришедшая поклониться вашему священному образу, вошла во дворец в Медиолануме (in Mediolanensi palatio) и взирала на вас обоих вместе, а вы неожиданно нарушили обычай почитания одного императора своим двуединым божеством! Установленные правила порядка почитания божеств не могли быть соблюдены: все остались неподвижны, продлевая акт поклонения, непреклонно выполняя свой долг – принести свою преданность дважды. Однако, как если бы этот акт исключительного почитания происходил во внутренних покоях святилища, он поразил лишь умы тех, кто был достаточно высокопоставлен, чтобы заслужить право на ваше присутствие»³⁵⁷.

Если следовать вышеприведенным примерам, то мы вынуждены согласиться с А. Альфелди, что традиция проскинесиса и *adoratio* гораздо более древняя и не была введена Диоклетианом. В то же время мы не можем отвергать свидетельства Евтропия и Аммиана Марцеллина, в связи с этим К. Роллингер заметил, что при Диоклетиане действительно прослеживается новшество, которое ранее в источниках не встречалось, а именно целование императорского пурпура: как раз оно стало тем нововведением, о котором пишут древние авторы³⁵⁸. В историографии этот ритуал получил название *adoratio purpurae* после статьи В. Авери 1940 г.³⁵⁹, в источниках данная формулировка не встречается. Если раньше *salutatio* императора предполагала поцелуй в губы, в щеку или целование руки, а *adoratio purpurae* – лобызание какой-либо части богато украшенного императорского одеяния, то, с точки зрения К. Роллингера, совершенно естественным является предположение, что введение этого ритуала следует связывать с тем императором, который впервые ввел в придворный церемониал столь богатое облачение. Утвердиться в этом мнении помогает уже процитированный отрывок из «Истории» Аммиана Марцеллина. Автор сообщает: «Немедленно он (Урсицин. – В.К.) был приглашен через магистра приемов, что являлось наиболее почетным способом приглашений, и когда он вошел в зал совета, более любезно, чем когда-либо прежде, позволено было ему поцеловать пурпур. Этот способ приветствия учредил впервые по обычаю чужеземных царей император Диоклетиан ...»³⁶⁰.

³⁵⁷ Pan. Lat. XI. 11. 1–3: Quale pietas uestra spectaculum dedit, cum in Mediolanensi palatio admissis qui sacros uultus adoraturi erant conspecti estis ambo, et consuetudinem simplicis uenerationis gem inato num ine repente turbastis! Nemo ordinem num inum solita secutus est disciplina; omnes adorandi mora restiterunt duplicato pietatis officio contumaces. Atque haec quidem uelut interioribus sacrariis operata ueneratio eorum modo animos obstupefecerat quibus aditum uestri dabant ordines dignitatis.

³⁵⁸ Rollinger C. These boots aren't made for walking. Tetrarchic court ceremonial as a language of authority. // The Tetrarchy as Ideology Reconfigurations and Representations of an Imperial Power / Ed. F. Carla-Uhink, C. Rollinger. Stuttgart, 2023. P. 104.

³⁵⁹ Avery W. The "Adoratio Purpurae" and the Importance of the Imperial Purple in the Fourth Century of the Christian Era. // Memoirs of the American Academy in Rome. 1940. Vol. 17. P. 66–80.

³⁶⁰ Amm. Marc. XV. 5. 18: ingresso consistorium offertur purpura multo quam antea placidius. Diocletianus enim Augustus omnium primus extero ritu et regio more instituit adorari. Русский перевод не совсем точен: Аммиан не говорит, что Урсицину «было позволено поцеловать пурпур», а ему «был предложен пурпур». Поцелуй

Как же выглядел этот ритуал? Действительно ли он предполагал «целование» императорской мантии? Из описания Евсевием похорон Константина следует, что покойного императора *γονυκλινεῖς ἠσπάζοντο* (Eus. Vit. Const. IV. 67. 1); в русском переводе это словосочетание передано как «преклоняя колена, приветствовали»³⁶¹, в английском – “saluting their coffined sovereign with bended knee”³⁶², а в немецком – “auf die Kniee gesunken, ihre Huldigung darzubringen”³⁶³. В то же время глагол *ἁσπάζομαι* имеет значение «целовать», что вместе с более ранними традициями поцелуев дало исследователям основания считать, что приветствие включало именно целование императорской хламиды после того, как подданный опустился на одно колено.

Однако наиболее значимые свидетельства поклонения пурпуру предоставляет сочинение VI в. – «Тайная история» Прокопия Кесарийского: «Издrevле (πάλαι) сенат, являясь к василевсу, обычно воздавал ему почет следующим образом. Муж-патрикий приветствовал его, припадая к правой стороне его груди (αὐτοῦ προσεκύνει τὸν δεξιόν). Василевс же, поцеловав его в голову, отпускал его. Все остальные же удалялись, преклонив перед ним правое колено (γόνυ κλίναντες τὸ δεξιόν)»³⁶⁴. Т. е. Прокопий отмечал, что до нововведений Юстиниана и Феодоры существовал абсолютно иной порядок поведения в ходе придворных церемоний, описание которого он приводит и который соответствует тому, что сообщают Евсевий и Аммиан Марцеллин.

Примечательно, что Прокопий не упоминает поцелуев императорской хламиды, а говорит только о приближении головы подданного к правому плечу, прикрытому, соответственно, пурпурной хламидой. В. Авери также отметил, что ни один из источников напрямую не упоминает поцелуй, однако же во всех случаях имеется в виду именно он³⁶⁵. Мы уже объясняли причину такого положения вещей: это давняя традиция обмена поцелуями при приветствии или лобызания разных частей тела в качестве мольбы. Кроме того, Прокопий в том же самом тексте высказывает возмущение тем фактом, что «те, которые имели сан патрикия, оказавшись в их

Аммианом не упоминается, а слово *adoratio* встречается только в следующем предложении, В. Авери именно в этом тексте вычленил слова *purpura* и *adorare*, предложив называть ритуал целования императорской мантии *adoratio purpurae*. Тем не менее, нельзя быть до конца уверенным, что пурпур именно целовали.

³⁶¹ Четыре книги о жизни блаженного василевса Константина. // Евсевий Памфил. Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии : в 2 т. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1848-1852. Т. 2. С. 51–285.

³⁶² Eusebius Pamphilus. Church History / transl. Arthur Cushman McGiffert. // Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church. Second Series. Vol. 1 / Ed. P. Schaff, H. Wace. Buffalo., 1890.

³⁶³ Eusebius von Cäsarea. Vier Bücher über das Leben des Kaisers Konstantin und des Kaisers Konstantin Rede an die Versammlung der Heiligen (Vita Constantini et Oratio ad coetum sanctorum). // Ausgewählte Schriften / übers. P. Pfäffisch und A. Bigelmair. München, 1913.

³⁶⁴ Proc. Anec. XXX. 21-23: *πάλαι μὲν ἡ σύγκλητος βουλή παρὰ βασιλέα ἰοῦσα τρόπῳ τοιῷδε προσκυνεῖν εἴθιστο. Πατρίκιος μὲν τις ἀνὴς παρὰ μαζὸν αὐτοῦ προσεκύνει τὸν δεξιόν. Βασιλεὺς δὲ αὐτοῦ καταφιλήσας τῆς κεφαλῆς ἐξίει, οἱ δὲ λοιποὶ ἅπαντες γόνυ κλίναντες βασιλεῖ τὸ δεξιὸν ἀπηλλάσσοντο.*

³⁶⁵ Avery W. Op. cit. P. 67. N. 15.

присутствии, тотчас падали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают им обе ноги (τῇ χεὶρὶ ποδὸς ἑκατέρου ἀψάμενοι)» (Proc. Anec. 30. 21-23)³⁶⁶. Вероятно, акцент на «лобызание» ног сделан Прокопием неслучайно – именно целование ступней считалось наиболее унижительным, но не поцелуй вообще, который был допустим в отношении других частей тела. Во всяком случае, Прокопий говорит о «ранее» существовавшем порядке коленопреклонения перед императором и приближения головы (προσεκύνει) к правому плечу, и мы можем с полным основанием связать установление этой практики с деятельностью Диоклетиана.

Таким образом, в эпоху принципата инициатива целовать руки, ноги или другие части тела императора, а также простираться перед ним ниц за редкими исключениями исходила от подданных – они либо просили прощения или молили о милости, либо льстили императору, почитая его как бога и утверждая собственное подчиненное положение. Другие же сенаторы имели возможность традиционным способом приветствовать императора через ритуал *salutatio*.

Диоклетиан же унифицировал систему приветствий, так что отныне приветствовать следовало путем осуществления ритуала *adoratio purpurae*, т.е. через поцелуй императорской мантии. Это новшество являлось частью серии реформ Диоклетиана, направленных на укрепление государства и создание системы управления, описанной в первой главе. Конечно, *adoratio purpurae* являлась проявлением сверхчеловеческой сущности августа³⁶⁷, его могущества и превосходства над остальными гражданами Рима – церемониал не в последнюю очередь был призван продемонстрировать императорскую власть всему придворному сообществу, равно как и пропасть между священной особой императора и знатью. Однако же одним из наиболее важных аспектов изменения традиции приветствия императора был социальный.

Так, в 340 г. египетский солдат Флавий Абинней подал прошение императору Констанцию II. Вопрос был простой: после тридцати трех лет службы в Египте Абинней выбрали сопровождать посольство Блемиса (нубийское племя) в Константинополь. Там «ваше божество повелело мне в звании дукенария поклониться вашему досточтимому пурпуру» (me e ducenario divinitas vestra venerandam purpuram suam ador[ar]e iussit) (P. Abinn. 1.8).

Затем последовало повышение и назначение командовать кавалерийским отрядом при Дионисии в Фаюме. Но когда три года спустя, по возвращении в Александрию, Абинней явился на службу, ему сказали, что есть и другие кандидаты на тот же пост, поддерживаемые Валацием,

³⁶⁶ Proc. Anec. XXX. 21-23: Βασιλίδα μέντοι προσκυνεῖν οὐδαμῇ εἵθιστο. Παρὰ δὲ Ἰουστινιανόν τε καὶ Θεοδώραν τὰς εἰσόδους ποιοῦμενοι οἱ τε ἄλλοι ἅπαντες καὶ ὅσοι τὸ πατρικίων ἀξίωμα εἶχον ἔπιπτον μὲν εἰς τὸ ἔδαφος εὐθὺς ἐπὶ στόμα, χειρῶν δὲ καὶ ποδῶν ἐς ἄγαν σφίσι τεταυσμένων τῇ χεὶρὶ ποδὸς ἑκατέρου ἀψάμενοι ἐξανίσταντο.

³⁶⁷ Понятие *adoratio*, равно как и *προσκύνησις* применялось не только в отношении светского общества, но и в религиозном контексте – *propitiare deos adoratione PM; religiosae adorationes Ap.*

командующим вооруженными силами в Египте. Абинней, чтобы оспорить их назначение и предложить свою кандидатуру, напомнил о своем случае *adoratio purpurae*: «Но, когда ваше священное письмо было представлено Валакию, его канцелярия ответила, что другие люди представили письма о повышении. Поскольку ясно, что они были продвинуты влиянием, но я вашим священным решением ... да сподобит вас ваше милосердие, чтобы назначен был я» (P. Abinn. 1. 12-15).

Однако мы знаем, что Флавий Абинней был не единственным солдатом, удостоенным чести поклонения пурпуру. Сохранилось распоряжение трибуна Флавия Гайола от 399 г., который отправлял 4 специально отобранных солдат к императорскому двору (*ad sacratissimum comitatum*) для того, чтобы те поклонились божественному пурпуру государей в дни Пасхи (*ad adorandam divinam p[ur]puram d[omi]norum / nostrorum principum die felicissimum pascharum*) (ChLA. XLV. 1328). Для дела такой важности трибун распорядился, чтобы солдат допустили к использованию *cursus publicus*, а также обеспечили пайком (*Ibid*). Во всяком случае, хотя не один лишь Флавий Абинней из числа солдат удостоился права на *adoratio*, он действительно имел все основания предполагать, что его участие в придворной церемонии, а именно право на *adoratio purpurae* ставит его гораздо выше других его товарищей, поскольку право на прикосновение к императорскому пурпуру было доступно далеко не всем и свидетельствовало о немалом престиже.

Мы уже неоднократно приводили отрывок из описания Евсевием похорон Константина. В нем церковный историк отмечал, что «комиты, военные игемоны, военные архонты (*αρχοντων ταγμα*), которым при жизни государя долг повелевал приходить к нему с приветствиями (*προσκυνην*)... После них являлись и то же делали сенаторы и все важные лица (*οἱ τ' ἐπ' ἀξίας πάντες*)» (Euseb. Vit. Const. IV. 67. 1), т. е. поклоняться императору имели право сановники, военачальники, сенаторы и другие лица высокого ранга, причем существовала некоторая очередность, как это было в эпоху принципата по случаю *salutatio*.

Другие источники нам сообщают об иных представителях знати, допущенных к *adoratio*. Так, в *Notitia Dignitatum* содержатся упоминания о том, что *principes* различных *officia* и *scholae* были допущены к поклонению: e.g. “*Principem de scola agentum in rebus ducenarium, qui adorata clementia principali cum insignibus exit transacto biennio*” (Not. Dign. Or. XXI. 6; XXII .34; XXIII. 16; XXIV. 21; XXV. 27; XXVIII. 48), по закону 386 г. *principes agentium in rebus* получили звание *consulares*, а затем все *principes* получали достоинство, равное викариям, т.е. звание *vir spectabilis* (CTh. VI. 27. 5; VI .27. 20–21). Лишь элитные части телохранителей августа – *domestici* и *protectores* – имели право прикасаться к императорскому пурпуру (CTh. VI. 24. 4: *contingere nostram purpuram digni sunt aestimati*).

Обоснованием апелляции Флавия Абиннея к факту его *adoratio purpurae*, помимо того, что этим правом обладала высшая знать империи, служили регулярные попытки недобросовестных граждан получить это право нечестным образом. Закон 365 г. гласит, что многие из различных подразделений (*plures de diversis numeris*) достигали неоправданных почестей путем подкупа и покровительства (*suffragiorum ambitione*). А затем они в незаслуженно приобретенном статусе поклонялись императорскому пурпуру (*eos purpuram adorasse*) (CTh. VII. 1. 7). Значительное число указов препятствует подобной практике, угрожая виновным применением смертной казни (*capitali supplicio subiugandi*) (CTh. VIII. 1. 13; VIII. 7. 16; VI. 24. 4; XII. 1. 70). Все это свидетельствует о том, что поклонение императорскому пурпуру являлось для многих желанной привилегией, которая сулила значительную выгоду.

Таким образом, ритуал *adoratio purpurae*, утвердившийся при Диоклетиане, был важной чертой придворного церемониала V в. В эпоху Принципата знатнейшие сенаторы удостоивались *salutatio* от императора, тем самым они устанавливали свою связь с ним, постулируя аристократическую близость. Со временем все больше римских граждан вместо *salutatio* прибегали к *supplicatio*, поскольку росли могущество императора и значимость его места в политической системе римского государства, а значит, аристократия прибегала к лести или низкопоклонству для улучшения своего положения вместо попыток установить равенство.

При Диоклетиане, а затем и Константине ставка на традиционную аристократию, которая могла претендовать на социальное равенство с августом, сошла на нет – отныне предполагалось, что основные рычаги правления в империи будут сосредоточены в руках служилой аристократии, приближенной к императору – основному источнику власти (этот процесс был рассмотрен в I главе). По мнению Д. Шлинкerta, в условиях постоянного повторения *adoratio* в повседневной жизни при дворе этот ритуал формировал поведение придворной элиты и, таким образом, служил «приручению» сенаторов, всадников и комитов, которые служили при императорском дворе – *sacer comitatus*³⁶⁸.

Однако *adoratio purpurae* была также призвана регулировать придворную и чиновничью иерархию. Другими словами, преклонение коленей и склонение головы к императорской мантии не только утверждали подчинение человека августу, но и создавали видимость особых отношений между правителем и подданным. Основным признаком влияния римского гражданина в поздней Античности была близость к императору, а символической формой близости была возможность осуществления *adoratio purpurae*. Поклонение императорскому пурпуру стало признаком статуса римского гражданина, который наглядно демонстрировался в

³⁶⁸ Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. S. 478.

придворных церемониях, а также сообщался окружающим для подтверждения власти каждого чиновника.

Adoratio purpureae сводила к полной ясности степень почести, которая была дарована императором конкретному индивиду³⁶⁹. В конечном итоге любые публичные интеракции императора с поданными включали различные формы приветствия: если подданный подходил близко к августу и принимал лицом к пурпуру, то для всех это являлось знаком его исключительного ранга. Следующей по важности была возможность присутствовать в том же помещении, что и император, преклонившись перед ним. *Adoratio purpureae* как часть более масштабной церемонии мы рассмотрим в следующем параграфе.

§2.3. Императорская аудиенция, прием посольств и *convivium*

Наиболее наглядно императорское величие и общественный консенсус в отношении проводимого августом политического курса демонстрировались во время придворных аудиенций³⁷⁰. Аудиенции – прием иностранных послов или придворных в рамках заседаний консистория – были полностью подчинены регламенту. В предыдущей главе мы выяснили, что *magister officiorum* со штатом подчиненных отвечал за организацию придворных церемоний. Петр Патрикий, автор древнейшей части «Книги церемоний»³⁷¹, занимал должность магистра оффиций и потому значительное внимание уделял распорядку церемоний, следя за порядком их проведения, поскольку это входило в его обязанности. Именно благодаря его тексту мы можем судить об императорских приемах.

Почти все источники, описывающие придворные церемонии, были созданы на востоке, поэтому мы можем говорить, как правило, лишь о церемониях при константинопольском дворе. Однако есть основания полагать, что в целом восточные церемонии были схожи с западными – это станет очевидно по ходу повествования. В восточной части Римской империи церемонии проходили в Большом дворце, в глубине лабиринта многовекового скопления жилых и административных зданий, занимавших весь юго-восточный угол Константинополя. Это место

³⁶⁹ Lendon J. *Empire of Honour*. P. 135.

³⁷⁰ Об аудиенциях см.: Becker A. *Dieu, le souverain et la cour*. P. 149–254; Rollinger C. *The Importance of Being Splendid: Competition, Ceremonial and the Semiotics of Status at the Court of the Late Roman Emperors (4th–6th Centuries)*. // *Gaining and Losing Imperial Favour in Late Antiquity: Representation and Reality* / Ed. K. Choda, M. Sterk de Leeuw, F. Schulz. Leiden, 2020. — P. 36–72; *Another heaven; Zeremoniel und Herrschaft*.

³⁷¹ Удальцова З.В. *Дипломатия ранней Византии в изображении современников*. // *Культура Византии*. IV — начало VII в. М., 1984; Antonopoulos P.T. *Petrus Patricius: Some Aspects of his Life and Career*. // *From Late Antiquity to Early Byzantium: Proceedings of the Byzantinological Symposium*. / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1985. P. 49–53.

позволяло церемониймейстерам полностью контролировать мизансцену и тех, кто принимал участие в самом действе: они определяли участников церемоний, путь, по которому они попадали в назначенный зал, а также решали, что именно эти люди увидят по ходу дела – интерьеры, произведения искусства, мебель и пр.

В таких условиях для императорских «гостей» исключалась возможность увидеть нечто неожиданное, то, что могло бы как-то исказить или принизить общее впечатление образцового имперского порядка и величия, – то впечатление, которое и должна была создать церемония. Порой публичные церемонии имели совершенно непредвиденный эффект: в 431 г. Феодосия II толпа забросала камнями (Marc. Com. 431. 3), а на ипподроме в адрес Анастасия или Юстиниана могли выкрикиваться насмешки, выдвигаться дерзкие требования и даже устраивались беспорядки (Marc. Com. 512. 2–8; Malal. Chron. XVIII. 121). Однако при дворе весь процесс контролировался придворными, подчиненными магистру оффиций. Если же кто-то нарушал церемониальные тонкости, то этот эпизод оставался скрытым от посторонних глаз.

§2.3.1. Императорские приемы

В первом параграфе мы описали пространство консистория и внешний облик императора, заседавшего в нем. Сохранилось лишь незначительное количество описаний официальных приемов, которыми император удостоивал своих подданных (по большей части они уже были приведены выше). Например, в тексте Аммиана Марцеллина о приглашении Урсицина на прием к императору содержатся сведения о том, что это действо происходило по приглашению придворного должностного лица, в данном случае – *per admissionum magistrum* – в консистории (Amm. Marc. XV. 5. 18). Мы можем утверждать, что официальный прием проводился публично. Публичность императорской аудиенции поддерживала социальную иерархию в государстве, ведь она предполагала не только взаимодействие августа и его гостя, но и участие всего двора – тех, кто имел право заседать *in consistorio*.

Среди тех, кого император удостоивал аудиенции, были придворные, представители местных администраций, знать, епископы и солдаты, выполнявшие почетные миссии. Как писал Кассиодор, чтобы укрепить почетное положение, необходимо было поклониться пурпуру среди

трибунов и нотариусов³⁷². Назначения на высшие должности всегда производились императором лично, равно как и присвоение почетных титулов (а иногда и раздача жалованья)³⁷³.

Иллюстрацией одной из таких церемоний служит ранее упомянутый миссорий Феодосия (рис. 9). То, что это сцена повышения в должности, становится ясно благодаря изображению согбенной фигуры чиновника, подобострастно приближающейся к правой руке Феодосия, чтобы принять от императора *codicillum* о своем назначении. Этот памятник датируется 388 г., в то же время единственные сохранившиеся описания церемонии повышения сановника в должности содержатся в первой книге церемоний Константина Багрянородного, в главах, написанных Петром Патрикием, а именно в 84, 85 и 86-й. Они в свою очередь датируются первой половиной VI в., соответственно, сопоставление двух этих источников позволит нам реконструировать церемониал назначения на должность в V в.

В 84 главе описывается протокол повышения в ранге *comes admissum*, *comes scholae*, *curopalates*, в 85 – *augoustalios* (префекта Египта) и проконсула, а в 86 – *silentiarii*, *referendarii*, *vestitores*, *candidati*. Начинается церемония так: *magistrum officiorum* приглашает чиновников, достойных находиться в императорской консистории. После того, как все занимают свои места в соответствии с рангом, он вызывает прежнего *comes admissum*, который должен уйти в отставку, чтобы тот публично озвучил декуриону имя своего предполагаемого преемника. Затем декурион уходит, возвращаясь с кандидатом. Представ перед императором, тот получает кодицилл и целует ноги императора³⁷⁴. Сменщик в свою очередь должен представить своего предшественника, чтобы тот, поцеловав ноги императора, получил кодицилл *viri illustris* и встал перед другими *viri illustres* (De cer. I. 84, R387).

Имея в виду описанное ранее облачение императора во время придворных церемоний, нам значительно легче разобраться с сухим описанием протокола церемониального повышения в должности. Последовательность событий строго формализована, каждый знает свое место и обязанности. Уходящий с поста приводит своего преемника и ведет его к императору, а тот в свою очередь ведет уже своего предшественника – оба совершают проскинесис, получают кодициллы и целуют пурпурные туфли правителя. Стоящие за тронem *notarii* следят за тем, чтобы

³⁷² Cassiod. Var. 11.20: Olim quidem efficaciter peragens imperata multorum meruisti bona iudicia: sed nunc et divino favore commendatus erigeris, quando militiae laboribus perfunctus esse monstraris. Quapropter spectabilitatis honore suffultus inter tribunos et notarios venerandam purpuram adoraturus accede, ut per sacros aspectus principis tuae subsistat firmitas dignitatis.

³⁷³ Rollinger C. Zeremonien und Herrschaft. S. 208.

³⁷⁴ Т. е. совершает *adoratio*. Необходимо иметь в виду, что это описание относится ко времени VI века, когда вместо традиционного *adoratio purpurae* как поцелуя пурпурной мантии, стал принят поцелуй пурпурной обуви.

соответствующие документы были выданы и готовы. Сами кодициллы великолепно украшены золотом и слоновой костью³⁷⁵.

Вся эта церемония дает понять, что статус и престиж чиновников, равно как и их формальная власть, сосредоточены на императоре и исходят только от него. В то же время эти перемещения в пространстве зала не являются бессмысленной формальностью. Церемония демонстрирует перестановки, происходящие внутри императорского двора и придворной иерархии. Мы уже неоднократно упоминали о том, что императорские чиновники размещались в строгом соответствии с их статусом. Именно поэтому Петр Патрикий уделяет такое внимание тому факту, что новый *comes admissionum* помещает своего предшественника перед другими знатными *viri illustres*, тем самым подчеркивая тот факт, что назначением своим он обязан императору, а не собственному знатному происхождению³⁷⁶.

В общих чертах в главе 85, посвященной назначению августалиса и префекта, повторяется предыдущий протокол, но с другими действующими лицами. Описанная церемония вполне соответствует упомянутому изображению на миссории – император, сидя на троне, вручает кодицилл согбенному претенденту на должность. Перспектива императорского образа построена таким образом, что мы видим только его трон, соседствующий с младшими соправителями и телохранителями, но не видим остальное пространство консистории и не можем сделать вывод о присутствии там остальных придворных.

Однако мы знаем, что назначение *silentiarii*, *referendarii*, *vestitores*, по всей видимости, проводилось не в консистории, поэтому присутствие остальных чиновников не требовалось. Скорее всего, это связано с тем, что перечисленные должности входили в ведение *praepositus sacri cubiculi*, т. е. евнуха, заведовавшего личными покоем императора. Однако этим лицам также передавались атрибуты назначения, в случае *silentiarius* – золотой посох.

Особенно отличается назначение *candidati*. «Когда император идет на ипподром, или, когда он идет в какой-либо процессии, магистр должен подготовить присутствие *comites* шестой или седьмой *schola*, *primicerii candidati*, наличие *torques* и того, кто должен был *candidatus*, предварительно облачив его в красную тунику и белую хламиду. ...И как только император войдет, *comes scholae*, если он присутствует, а если нет, то *primicerius* передает магистру *torques*, а тот, стоя справа от императора, держит его двумя руками и подносит императору. Август в свою очередь передает его кандидату, который, получив знак отличия, целует императорские

³⁷⁵ Об этом см. IV главу.

³⁷⁶ De ser. I.84, R387: καὶ δεξιόμενος αὐτὸς φιλεῖ τοὺς πόδας αὐτοῦ κάτω, καὶ λαβὼν αὐτὸν ὁ κόμης τῶν <ἀδμισσιόνων> ἀπάγει καὶ ἵστησιν αὐτὸν ἐν τῷ τόπῳ αὐτοῦ μετὰ τοὺς ἀγέντες πρὸ πάντων τῶν ὀνομαρίων ἰλλουστρίων

ноги и встает»³⁷⁷. Таким образом, *candidati* также не назначались в консистории публично в присутствии всех остальных чиновников. Все это можно объяснить тем обстоятельством, что упомянутые в 86 главе должности входили в ближний круг императора, охраняли его личные покои и являлись в первую очередь собственными слугами императора, а вовсе не гражданскими служащими.

Наиболее наглядно церемония приема у императора содержится в главах, касающихся прибытия иностранных посольств. В главах 87 и 88-й первой книги церемоний содержится описание приема августом Львом I послов западного императора Антемия, которые в 467 г. прибыли к восточному двору вместе с изображениями нового императора: тот факт, что восточный император принял эти изображения, означал, что он тем самым признал легитимность власти своего западного коллеги³⁷⁸. Данные главы важны по двум причинам. Во-первых, они содержат самые ранние описания приемов при императорском дворе. Во-вторых, они демонстрируют практику взаимодействия западного и восточных дворов; кроме того, они позволяют выявить сходство придворных церемоний на западе и на востоке. По мнению Одри Бекер, если Петр Патрикий взял на себя труд описать церемонию, организованную в честь прибытия портретов Антемия, то, вероятно, потому, что это был единственный случай со времен узурпации власти Максимом, когда императорские изображения претендента на власть были приняты и приветствовались при одном из двух дворов³⁷⁹. Это дает основание предполагать, что все элементы церемонии были заранее тщательно продуманы с точки зрения того послания, которое Лев I намеревался отправить не только Западу, но и своему собственному двору. Церемония предполагала равенство между двумя императорами, и, значит, должна была быть унифицирована.

В первую очередь Петр Патрикий отмечает, что ни в коем случае не могла быть нарушена придворная иерархия западного двора и встречать послов с запада должны люди того достоинства, которое бы соответствовало достоинству гостей – иерархия восточного двора тем самым приравнивалась к иерархии западного. Так, если среди послов есть *ἐπαρχος ἢ ἐπαρχοι*

³⁷⁷ De cer. I.86, R391-392: προευντρεπίσαι τόν κόμητα τῆς ἑκτῆς ἢ ἐβδόμης σχολῆς καί τοὺς πριμικηρίους τῶν κανδιδάτων καὶ μασιάκιν· καὶ αὐτὸν τὸν μέλλοντα γίνεσθαι κανδιδάτον, φοροῦντα ρούσσειον πεκτοράριν καὶ λευκὸν χλανίδιν, ἀνιόντος τοῦ βασιλέως εἰς τὸ ἵππικόν, δεῖ στήναι ἐμπρὸς τῆς θύρας τῆς μετὰ τὰ πούλιπτα ποτε, νῦν δὲ, εἰληματικῆς γενομένης σκάλης παρὰ τοῦ εὐσεβοῦς ἡμῶν δεσπότου Ἰουστινιανοῦ, τὸν μέλλοντα προάγεσθαι ἔνθα ἴστανται οἱ βάρβαροι καὶ προσκυνοῦσιν. Καὶ ἅμα εἰσέλθῃ ὁ βασιλεὺς, ὁ κόμης τῆς σχολῆς εἰς παρῇ, εἰ δὲ μὴ πάρεστιν, ὁ πριμικέριος, ἐπιδίδωσιν τῷ μαγίστρῳ τὸ μασιάκιν· καὶ ὁ μάγιστρος, ἐστὼς ἐκ τῶν δεξιῶν τοῦ βασιλέως, κρατεῖ ταῖς δύο χερσὶν καὶ προσφέρει τῷ βασιλεῖ· καὶ ὁ βασιλεὺς ἐπιδίδωσιν αὐτῷ τῷ κανδιδάτῳ· καὶ φιλεῖ τοὺς πόδας αὐτοῦ καὶ ἀνίσταται.

³⁷⁸ MacCormack S. Art and ceremony. P. 67–73; Kolb F. Herrscherideologie in der Spätantike. S. 46.

³⁷⁹ Becker A. Op. cit. P. 170.

(*praefectus aut praefecti*), то *πρώζιμος τῶν ἀδμισιόνων* (*proximus admissionum*)³⁸⁰ отправляется к ним и приглашает их. Если же посол – это *μάγιστρος* (*magister officiorum*), то *ὁ βοηθὸς τοῦ μαγίστρου* (*adiutor*) приводит его во дворец. Если же он *κόμης λαργιτιόνων* (*comes largitionum*) или кто-то, занимающий другую должность в ранге *illustis*, то его сопровождает *ἀδμισιονάλιος* (*admissionalis*). Ни один *silentarius* не должен приветствовать *praefectus praetorio* или *praefectus urbi*.

В конечном итоге Петр Патрикий подытоживает, что *οὔτε ἄλλο τί ποτε τῶν εἰωθότων ἐπὶ ταῖς ἐνταῦθα ἀρχαῖς γίνεται* («ничего другого из того, что обычно происходит при местных властях, не совершается») (De ser. I. 87, R394). Эта фраза уточняет, что практики придворного взаимодействия с западными послами в соответствии с их достоинством осуществляется по тем же правилам, что и в Константинополе. Т. е. западные придворные должности приравниваются к восточным: это может служить намеком на то, что на западе восточные придворные должности так же приравнивались к западным, а, значит, придворный церемониал не отличался от восточного.

После того, как послов встретили и поселили во дворце, спустя несколько дней в назначенное время они отправляются к императору. По пути они «входя, приветствуют *candidatos*, подражая другим архонтам» (*εἰσερχόμενοι προσαγορεύουσιν τοὺς κανδιδάτους κατὰ μίμησιν τῶν ἄλλων ἀρχόντων*) (Ibid). Затем их встречает *praepositus sacri cubiculi* и приветствует в соответствии с их рангами (*ἀσπάζομαι*, т.е. *salutat*), после чего послы переодеваются в церемониальную хламиду (*ἀτραβάτικα*) (Ibid). При этом подчеркивается, что *candidati* остаются за пределами консистория, ведь «послы не являются варварами» (*διὰ τὸ μὴ εἶναι βαρβάρους τοὺς πρεσβευτάς*).

Когда все располагаются в пространстве консистория в соответствии с придворной иерархией, *κόμης τῶν ἀδμισιόνων* (*comes admissionalium*) говорит: “*λεβὰ*” (*leva*), т.е. отдергивается занавеска, разделяющая консисторий и антиконсисторий, после чего входят послы, приветствуют августу, целуя его ноги (*φιλοῦσιν τοὺς πόδας τοῦ βασιλέως*), и занимают свое место в центре зала, где они излагают суть своей миссии (Ibid, R395).

В том случае, если император признает власть своего коллеги, западный *magister officiorum* становится равнозначен восточному, префекты запада становятся равны в своем достоинстве префектам востока и получают право использовать в торжественных случаях *τὸ περσίκην*. Вероятнее всего, имеется в виду скипетр с императорским изображением, который являлся атрибутом сана префекта. Столь необычному наименованию скипетра дает объяснение

³⁸⁰ Главное должностное лицо, ответственное за прием высокопоставленных гостей, находилось в подчинении *magistri officiorum*.

Иоанн Лид. Он сообщает, что Феодосий Малый, будучи в совсем нежном возрасте, не имел возможности приветствовать магистратов самостоятельно, а потому поставил вместо себя изображение и постановил, чтобы оно приветствовало префекта вместо него самого, а потому народ стал называть скипетр *περσίκιον*, потому как римляне “ἑαυτοῦ” (себя самого) говорят “*per se*” (Ioan. Lyd. De mag. II. 9). Таким образом, с момента признания власти Антемия префект запада имел полное право использовать на востоке этот скипетр. Более подробно о скипетре мы расскажем в IV главе.

Необходимо отметить и тот факт, что после признания Львом I августа Антемия послы в рамках императорского двора занимали то же место, что и их коллеги. Они, находясь ранее в центре зала, теперь становились вдоль его стен (De cer. I.88, R397). Теперь речь шла не столько о приеме послов, сколько об инсценировке идеального разделения империи, две половины которой стали единым целым по этому случаю, ведь во время данной церемонии рядом с императором Львом находилось и изображение Антемия – западного августа.

После того, как император решает отпустить послов, *magister officiorum* должен записать решение о подарках послам и их свите и сообщить об этом *comes largitionum*. Далее прием продолжается «как обычно»: приходят просители, приветствуют императора, излагают свои просьбы, только западные послы, как уже говорилось, занимают место среди своих коллег. Когда император встает, послы, если они не патриции, совершают перед ним проскинесис и уходят (Ibid, R398).

В тексте описания приема послов западного императора при константинопольском дворе, помимо явной необходимости регламентации порядка действий, наблюдается заикленность на соблюдении придворных рангов и порядка взаимодействия сановников. Так, мы наблюдаем, что *candidati* не должны присутствовать в зале с высокопоставленными римскими чиновниками, ведь они «не варвары». Не допускалась ситуация, при которой послы могли быть оскорблены тем фактом, что их встречали люди недостаточно высокого ранга, равно как и наоборот – слишком высокого. Крайне важным было расположение придворных в рамках консистория – никто не должен был нарушать предписанное ему в соответствии с его рангом место. Как уже отмечалось, придворный церемониал служил формированию общественного консенсуса относительно распределения власти вокруг императора – весь порядок церемониального воздействия был рассчитан именно на это.

Сохранилось сделанное Петром Патрикием описание приема персидского посольства, прибывшего в Константинополь в 547, 551 или 557 гг. Эти даты не удовлетворяют хронологическим рамкам нашей темы, при этом традиционная консервативность церемониала, как и наличие в его описании устаревших для VI в. латинских слов, дает нам основание предполагать, что приемы иностранных гостей при дворе в V в. происходили сходным образом.

В общих чертах, аудиенция персидских послов имела те же цели, что и любая другая, а именно: утверждение величия империи и могущества императора. Регламент приема иностранных посольств, изложенный Петром Патрикием, мы можем сравнить с панегириком Кориппа, в котором он описывает прием Юстином II посольства аваров.

Когда объявляли о прибытии персидской миссии, *magister officiorum* посылал представителя двора на границу для ее встречи (De ser. I. 89, R398). Если в случае приема послов с запада было важно соблюсти придворную иерархию и отправить для встречи лицо соответствующего ранга, то в случае с приемом иноземных послов магистр сам определял чиновника, который должен был исполнить эту задачу. Степень гостеприимства, которая выражалась в наличии письма от императора, количества лошадей, подарков и средств на постой, зависела от того, какое впечатление на послов хотел произвести император (ibid, R399). На каждом из этапов путешествия разные чиновники обеспечивали послов ночлегом и необходимым комфортом (ibid, R400–401). Нас же больше интересует тот момент, когда *magister officiorum*, которого посольская свита приветствует проскинесисом, сообщает послу о соизволении императора на аудиенцию (ibid, R403).

Посол прибывал во дворец не один: на пути к форуму Константина, а затем к Августеону его сопровождали *ἄρχοντες* в великолепных придворных одеяниях³⁸¹. *Magister officiorum* встречал посла у τῆς σχολῆς, где осматривал и фиксировал персидские подарки императору (ibid). Затем *ἄρχοντες* размещались в консистории, а посол ожидал в антиконсистории, в то время как император приветствовал придворных. Одновременно с этим магистр приводил в зал *καυδιδάτων armatus καὶ πόερας εὐσχήμους* (т.е. вооруженную гвардию), чего как раз не происходило при приеме западных послов. Только после того, как все *ἄρχοντες* приветствовали императора и разместились в соответствии с их рангом, *magister officiorum* приказывал пригласить посла и вооруженную охрану императора (ibid, R405).

Как только *candidati* расположились в зале консистория перед *ἄρχοντες*, но позади консуляров, декурион выходил наружу и, увидев, что посол готов, кричал: “Leva!”. Когда занавес поднимался, посол должен был броситься на пол, где находилась плита из порфирового мрамора, и, поклонившись, вставал. После того как он переступал порог консистория, он снова должен был броситься на землю и совершить поклон. Затем уже посреди консистория он также совершал проскинесис, после чего подходил, чтобы поцеловать ноги императора. Вернувшись к центру зала, посол передавал письмо и на словах приветствовал императора (ibid, R406). Обменявшись приветствиями, послы выходили из зала, чтобы взять свои подарки, которые они до того

³⁸¹ Ibid, R404: προέρχονται δὲ πάντες οἱ ἄρχοντες ἀπὸ ὀλοσηρίκων, καὶ εἰσέρχεται ὁ πρέσβεις διὰ τῆς ῥίγας

передали для осмотра, и вручить августу лично – по ходу этого маршрута персы также должны были трижды поклониться императорскому трону (*ibid.*, R407).

Схожим образом Корипп описывает посольство аваров. Только после того, как император во всем своем великолепии расположился на троне в окружении своих слуг и телохранителей, приглашались гости (*Corip. In laud. Iust. III. 230*). Тогда «их взоры (аваров – В.К.) устремились на скамьи и восторженную толпу, и они совершили *adoratio* перед троним императора. Но когда, с отдернутым пологом, раскрылись внутренние двери и засверкали залы золотого дворца, и кесарева глава заблестала священным диадемом, авар из Тергаза воззрился вверх, и, трижды преклонив колени, пал ниц и почтил, и, припав к земле, остался неподвижен»³⁸². Главным отличием является то, что Корипп помещает переговоры императора с послами в тот же день, однако Петр Патрикий уточняет, что они проводятся только спустя какое-то время (*De ser. 1.90*, R408), поскольку послы главным образом должны были передать письмо, с которым необходимо было ознакомиться. Корипп же, создавая панегирик, приводит речи послов и императора целиком.

Согласно книге церемоний, передача даров – это завершающее событие церемонии. При выходе из консистории послы вновь трижды совершали проскинесис, затем снова опускались занавесы, а магистр отдавал приказ “*Stranfer!*”³⁸³, после чего декурион сопровождал к выходу *candidates*. Последним поднимался император, а τὰ λοιπὰ πάντα γίγνεται κατὰ τὸ ἔθος (все остальное делалось согласно обычаю) (*ibid.*, R409).

Таким образом, прослеживается явное различие между церемониалом приема послов из западной части Римской империи и послов варварских племен. Если западные гости интегрировались в императорский двор, их придворный ранг приравнивался к восточному, что давало им право приветствовать императора так же, как это делали сановники соответствующего ранга на востоке. В то же время послы варваров занимали в придворном церемониале гораздо более низкое положение, поскольку, как правило, не были интегрированы в императорский двор. В соответствии со своим низким социальным статусом по сравнению с придворными они трижды склонялись перед императором и были вынуждены наблюдать блеск римского оружия, что делалось, как сообщает Корипп, с целью устрашения.

Чтобы передать подчиненное положение аварских послов, вынужденных взирать на императора снизу вверх и неоднократно трижды ему поклоняться, поэт сравнивает консисторий с цирком, а варваров – с гирканскими тиграми, которые «ведомые наставником по краю арены,

³⁸² *Corip. In laud. Iust. III. 250-260: caveam turbasque faventes | lustrant, et pronae solium regnantis adorant. | verum ut contracto patuerunt intima velo | ostia, et aurati micuerunt atria tecti, | Caesareumque caput diademate fulgere sacro | Tergazis suspexit Avar, ter poplite flexo | pronus adoravit, terraeque adfixus inhaesit.*

³⁸³ I.e. transfer – приведи.

они, непривычные к жестокости, рычат, но, входя, осматривают тысячи зрителей и учатся смягчать свой гнев в великом страхе; они отбрасывают ярость, радуются подчинению жестоким оковам и прохождению через центр (арены)»³⁸⁴. Этот отрывок из Кориппа говорит о том, что дипломатический протокол сознательно использовал пространство и расположение различных действующих лиц, чтобы продемонстрировать превосходство императорской власти. В то время как император и его двор оставались совершенно неподвижными, варварские посланники были единственными, кто перемещался по консistorию, чтобы исполнить проскинесис и поцеловать ноги императора.

Явно подчиненное положение послов, которые находились в богато украшенном, покрытом золотом и пурпуром зале, в окружении таких же величественных имперских сановников и императорских телохранителей в сияющих доспехах, и преклоняли колени перед сидящим на золотом троне императором, одетым в богатые одежды, инкрустированные драгоценными камнями и золотом, на голове которого сияла корона, дало основание К. Роллингеру сравнить императорский двор с “another heaven” («другими небесами»). Императорская власть приобретала сакральный характер, двор августа сравнивался с двором Небесного Отца, а, значит, имперский порядок, с официальной точки зрения, имел небесное происхождение³⁸⁵. Целью всей церемонии было вызвать чувство благоговения перед императорским величием, священного трепета перед мощью императора и империи, а также изумления перед великолепием и богатством двора. Все это несло в массы послание об экзистенциальном превосходстве римского государства над варварами – как западными, так и восточными.

§2.3.2. Императорский пир

Совместный прием пищи в истории и в античности в частности был важным элементом построения сообщества³⁸⁶. Это событие служило не только демонстрацией богатства и власти императора, но и выполняло социальную функцию: оно укрепляло чувство единства среди

³⁸⁴ Coripp. In laud. Iust, III.245-252: Spectari gaudent hilaresque intrare uideri : | non secus Hyrcanae quotiens spectacula tigres | dat populis noua Roma suis, ductore magistro | non solita feritate fremunt, sed margine toto | intrantes plenum populorum milia circum | suspiciunt magnoque metu mitescere discunt, | deponunt rabiem, gaudent fera uincla subire, | per medios intrare locos.

³⁸⁵ Rollinger C. Another heaven.

³⁸⁶ Трапеза в древних обществах нередко удостаивалась внимания исследователей. См., напр.: Одиссей. Человек в истории. Трапеза / Ред. А. Я. Гуревич. М., 1999; Кнабе Г.С. Древний Рим-история и повседневность. М., 1986. Гл. IV Обед, социальные микрообщности и принципы стилизации; Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды. СПб., 1996. Римский банкет: Dunbabin K. The Roman Banquet: Images of Conviviality. Cambridge, 2003; Garnsey P. Food and Society in Classical Antiquity. Cambridge, 1999; Wallace-Hadrill A. Houses and Society in Pompeii and Herculaneum. Princeton, 1994; Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима. СПб., 1964.

элиты, приглашенной разделить трапезу с правителем. Как и в рамках аудиенций, место гостя за обеденным столом четко отражало его статус при дворе: чем ближе к императору, тем выше положение. Само приглашение на такой пир считалось большой честью и являлось показателем благосклонности императора. Если императорский пир в эпоху Принципата скорее подчеркивал близость августа к сенаторскому сословию, создавалось ощущение аристократической общности, то в поздней Античности была наглядно видна социальная пропасть между августом и его подданными. Отныне банкет, как и прочий придворный церемониал, являлся наглядной иллюстрацией распределения влияния в обществе – оно зависело от близости расположения к императору.

О помещениях, в которых происходили императорские банкеты, трудно сказать что-то определенное. Вероятно, они проводились в одном из залов императорского дворца. По крайней мере, нам известно, что в Константинополе V – нач. VI вв. они имели место в триклинии 19 лож – одном из залов Дафны³⁸⁷. В IX – X вв. он назывался «Большой» или «Императорский» *accubitum* (De cer. I.1, R22): τὸ μέγα ἀκκοῦβίτον; *ibid.* I. 41, R214): τὸ βασιλικὸν ἀκκοῦβίτον. Мы можем предположить, что этот зал был также богато и помпезно украшен, как и все прочие залы дворца. В книге церемоний упоминается, что императорская часть триклиния была также укрыта занавесками, чтобы скрыть императора³⁸⁸. Причем пиршественный зал мог включать огромное количество гостей, например, Евсевий сообщает, что Константин приглашал за свой стол одновременно более 250 епископов (Eus. Vit. Const. III. 8. 15).

Ранее пирующие *in convivio* располагались на традиционных прямоугольных ложах, поставленных в форме буквы «П» вокруг стола. Однако с IV в. они все чаще заменялись ложами, которые сужались к центру (где лежал император) и сдвигались вместе, образуя полукруг, напоминающий лунарную сигму. Поэтому такие ложа стали называли сигмами, а также *stibadium*/στίβαδιον или *accutibum*/ἀκκοῦβίτον. Они были покрыты στίβάδιον (матрасами) и имели подушку в головной части, на которую опирались пирующие, лежа на левом боку³⁸⁹. Как отметил Эллис, «переход от триклиния к полукруглому стибадии отнюдь не означал ослабление формальности, а скорее указывал на большую ритуализацию и формализацию развлечения»³⁹⁰.

Картина пира в присутствии императора запечатлена в «Венском бытии» – иллюминированной рукописи Книги Бытия, датированной VI в.³⁹¹ Здесь изображался фараон, однако в условиях VI в. автор миниатюры воспроизводил современную ему картину. Мы

³⁸⁷ Rollinger C. Zeremoniel und Herrschaft. S. 147.

³⁸⁸ De cer. I. 1, R25: ἐν τοῖς γὰρ ἀργυροῖς κίσοι τοῦ αὐτοῦ ἀκκοῦβίτου χρέμανται βῆλα

³⁸⁹ Rollinger C. Zeremoniel und Herrschaft. S. 236.

³⁹⁰ Цит по: *Ibid.*

³⁹¹ Приложение 11. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / Ed. K. Weitzmann. New York, 1979. No. 410.

наблюдаем возлежание императора и его гостей на сигмавидном ложе, причем император, лежа на боку, находился с левого края. Расположение августа и его гостей на пиру осветим ниже.

Право присутствия на банкетах как свидетельство исключительного статуса оговаривалось и в законодательных памятниках. Так, в эдикте Гонория и Феодосия от 413 г. говорится: «Препозитов и трибунов схол, которые приглашаются на божественные пиршества (*divinis epulis*) и с древних времен имеют право приветствовать императора ...»³⁹². Т.е. возможность *adorare augustum*, о значимости которой шла речь в предыдущем параграфе, приравнивалась к возможности присутствия на церемониальной трапезе. По сообщению Сульпиция Севера, на пир этот собрались, словно на праздничное торжество, главнейшие и выдающиеся мужи (*summi atque illustres viri*), префект, он же консул Эводий, муж, справедливее которого никогда не было, двое комитов, наделенных высшей властью, брат императора и дядя³⁹³.

Приглашение же на трапезу человека, которой не должен был на ней присутствовать по праву, воспринималось как исключительная почесть. Например, Филосторгий сообщает, что Констанций II, свергнув узурпатора Ветраниона, «не причинил ему никакого иного ущерба, но даже пригласил на собственную трапезу и, отослав затем в Вифинский город Прузу, назначил богатое и роскошное содержание, заботясь, чтобы он не испытывал нужды ни в чем, необходимом для счастливой жизни частного человека»³⁹⁴. Противопоставление церковным историком справедливого воздаяния мятежнику через оборот “ἀλλὰ καὶ” и приглашения на пир служит доказательством того, что участие в тризне было признаком большого почета. Евсевий же приглашение к императорскому столу сравнивал с посещением царства Христова (Euseb. Vit. Const. III. 15). Как Абинней упоминал факт своего *adoratio*, так и в эпитафии Проба помещено сообщение об его присутствии за царским столом: «Ты радовался прежде чести за царским столом / беседе с принцепсом, дружбе с царем»³⁹⁵. А Фемистий, будучи приглашен на обед Константином II, быстро дал знать друзьям об этом, отчего Либаний попросил упомянуть в застольной беседе хотя бы его имя (Lib. Ep. 52).

К сожалению, нет практически никаких достаточно подробных описаний императорской трапезы V в. Основные имеющиеся свидетельства – книга церемоний Константина

³⁹² CTh VI. 13. 1: Praepositos ac tribunos scholarum, qui et divinis epulis adhibentur et adorandi principis facultatem antiquitus meruerunt...

³⁹³ Sulp. Sev. V. Mart. XX. 4: convivae autem aderant, velut ad diem festum evocati, summi atque illustres viri, praefectus idemque consul Euodius, vir quo nihil umquam iustius fuit, comites duo summa potestate praediti, frater regis et patruus: medius inter hos Martini presbyter accubuerat, ipse autem in sellula iuxta regem posita consederat.

³⁹⁴ Philostorg. Hist. eccl. III. 22. 5: μηδὲν δὲ κακὸν ἐπεργασάμενος ἄλλο, ἀλλὰ καὶ τραπέζης αὐτῷ κοινωνήσας εἰς Προῦσαν τῆς Βιθυνίας ἐκπέμπει λαμπρὰς καὶ μεγαλοπρεπεῖς ἀφορίσας αὐτῷ τὰς χορηγίας, μηδενὸς ὑστερεῖσθαι, ὥν ἀνθρώπου βίος ὡς ἐν ιδιώταις εὐδαιμονεῖ, προνοησάμενος.

³⁹⁵ CIL. VI. 1756B. 11–12: laetabare prius mensae regalis honore, / principis alloquio, regis amicitia

Багрянородного и «Клеторология» Филофея – датируются IX – X вв., а потому не могут быть использованы для реконструкции пиршеств более раннего времени, хотя К. Роллингер и С. Малмберг полагают, что в V – VI вв. банкеты в общих чертах проводились схожим образом³⁹⁶. Отметим только ключевую особенность описаний Филофея – расположение гостей в строгом иерархическом порядке (Philoth. Klet. 167).

В своем рассказе об узурпации Сильвана Аммиан упоминает, что Урсицин, посланный против Сильвана от имени Констанция, поначалу был благосклонно принят при дворе узурпатора: «Поскольку ему был предоставлен свободный доступ и почетное место за императорским столом, он имел преимущество перед другими и поэтому также принимал участие в тайных консультациях по самым важным вопросам»³⁹⁷.

Сидоний Аполлинарий также с большим вниманием к деталям описывает порядок рассадки на одном из банкетов Майориана: «Первым гостем слева был консул-ординарий Северин [...]; рядом с ним – Магн, давно занимавший пост префекта, а недавно ставший консулом [...]; за ним – Камилл, сын его брата, который, уже сам занимая два высоких поста, почтил проконсульство отца и консульство дяди тем же способом. Рядом с ним лежал Пеоний, а за ним – Афиний, человек, испытанный в превратностях испытаний и политических обстоятельств. За ним следовал Гратианенсис [...], который был позади Северина по рангу, но намного опережал его по благосклонности. Я был на последнем месте в том месте, где левая сторона пурпуноносца тянулась вдоль правого края»³⁹⁸. В этом описании крайне удивительным представляется то обстоятельство, что Сидоний, находясь рядом с императором, занимал последнее место. Подчиненное положение этого места вытекает из позы обедающих. Сидоний, находясь рядом с императором на сигмавидном ложе, видел только спину августы, сам же август Сидония не видел вовсе. Соответственно, самое почетное место оказывалось на противоположном конце ложа – там, где император мог разглядеть гостя лучше всего. По сообщению Сидония, таким человеком был ординарный консул Северин, за ним же следовал префект Магн.

Добровольное занятие своего места в пространственно- визуализированной иерархии триклиния было не чем иным, как признанием того, что именно император был ее создателем. Это являлось свидетельством согласия со своим статусом, установленным августом и способом

³⁹⁶ Rollinger C. Zeremoniel und Herrschaft. S. 244; Malmberg S. Visualising Hierarchy at Imperial Banquet. // *Feast, Fast or Famine. Food and Drink in Byzantium.* / Eds. W. Mayer, S. Trzcionka. Brisbane, 2005. P. 23.

³⁹⁷ Amm. Marc. XV. 5. 27: ... facilitate aditus honoreque mensae regalis adeo antepositus aliis, ut iam secretius de rerum summa consultaretur.

³⁹⁸ Sidon. Ep. I. 11. 10: primus iacebat cornu sinistro consul ordinarius Severinus [...]; iuxta eum Magnus, olim ex praefecto, nuper ex consule [...], recumbente post se Camillo, filio fratris, qui duabus dignitatibus et ipse decursis pariter ornaverant proconsulatum patris, patris consulatum; Paeonius hinc propter atque hinc Athenius, homo litium temporumque varietatibus exercitatus, hunc sequebatur Gratianensis [...], qui Severinum sicut honore postibat, ita favore praecesserat, ultimus ego iacebam, qua purpurati latus laevum margine in dextro porrigebatur

его демонстрации всем прочим сановникам. Политическое значение визуализации ранга и статуса также очевидно, когда оно намеренно нарушается.

Иллюстрацией этого служит жизнеописание Святого Мартина, составленное Сульпицием Севером. На пиру знатнейшие люди заняли на ложе свои места в соответствии с рангом, «он же сам (Мартин. – В.К.) сел на маленький стульчик, поставленный рядом с царем» (пер. А.И. Донченко)³⁹⁹. Спустя какое-то время «слуга передал царю чашу. Тот приказал поскорее передать ее святому епископу, ожидая и надеясь, что Мартин примет кубок из его рук. Однако Мартин, отпив, передал чашу своему пресвитеру, тем самым показывая, что он не придает никакого значения тому, кто будет пить первым после него, что ему все равно кого предпочесть пресвитеру: самого царя или его приближенных. Этим поступком император и все, кто там присутствовал, были весьма удивлены, ибо тем самым Мартин и их унизил»⁴⁰⁰. Т.е. имело значение не только расположение присутствующих, но и очередность ритуальных действий – в данном случае питье из чаши. Мартин, нарушив порядок, оспорил социальный статус не только императора (поскольку предполагалось, что он пьет первый), но и всех прочих сиятельных мужей. Обязательную очередность совершения тех или иных ритуальных действий на пиру подчеркивал и Филофей в IX в. (Philoth. Klet. 167).

Кроме питья из чаши, известно, что частью застольной церемонии являлись аккламации. Филофей сообщает, что, когда βουκάλλοι⁴⁰¹ начинали аккламации, гости должны были вставать и их поддерживать. То же самое они должны были делать, когда звучала новая музыка, когда ставилась новая пьеса для развлечения или когда с императорского стола отправляли еду избранным гостям (Philoth. Klet. 169–171).

В 75 главе книги церемоний, которая датируется X в. приведены аккламации, написанные на латинском языке греческими буквами. В Константинополе X в., конечно, латинский язык не был в ходу, однако его использование в церемониях свидетельствует об их древнем происхождении, когда латинский язык был общепринят – как минимум, до VII в. Соответственно, в 75 главе содержится следующий текст: «Когда император садится за стол и совершаются обычные церемонии, а также когда по знаку препозита приглашенные гости собираются сесть, пять βουκάλλοι говорят: *Conservet Deus imperium vestrum*, что переводится как “Да хранит Бог твое царствование”. Пятый подхватывает это и говорит: *Bona tua semper*, что

³⁹⁹ Sulp. Sev. V. Mart. XX. 4: ipse autem in sellula iuxta regem posita consederat.

⁴⁰⁰ Sulp. Sev. V. Mart. XX. 5-7: pateram regi minister obtulit. ille sancto admodum episcopo potius dari iubet, exspectans atque ambiens, ut ab illius dextera poculum sumeret. sed Martinus ubi ebibit, pateram presbytero suo tradidit, nullum scilicet existimans digniorem, qui post se prior biberet, nec integrum sibi fore, si aut regem ipsum aut eos, qui a rege erant proximi, presbytero praetulisset. quod factum imperator omnesque qui tunc aderant ita admirati sunt, ut hoc ipsum eis, in quo contempti fuerant, placeret.

⁴⁰¹ По всей видимости, певцы, искаженное латинское vocalis.

переводится как “Пусть добро всегда будет твоим”. И снова четвертый подхватывает и говорит: *Victor sis semper*, что означает: “Да будешь ты вечно победоносным”. Затем третий говорит: *Multus annus ficiadiath Deus*, что переводится как “Пусть он всегда делает тебя победоносным”. Затем второй говорит *Victor facia semper*, что переводится как “Пусть ты всегда будешь приносить победу”. И в конце первый говорит *Deus prenset*, что переводится как “Пусть Бог даст это”»⁴⁰². Необходимость привести перевод, а также неправильное написание латинских слов также свидетельствует о древности этих аккламаций. Когда император наполнял вином кубок, все кричали: “*Vivite, domini inperatores, in multos annos! Deus omnipotens prenset!*”. При подаче жареного мяса произносится: «Благодарите Бога и наслаждайтесь, δεσπότει!». Когда император кладет на стол свою салфетку и гости встают, βουκάλιοι произносят: “*Bono domno, semper*”, что в переводе означает: «Честь доброму Господу всегда!» (De. cer. I. 75, R371).

Само же пиршество сопровождалось различными увеселениями. Например, Олимпиодор упоминает мимов, с которыми беседовал сам август Константин (Olymp. Fr. 23). Аммиан пишет, что в дома часто приглашают певцов и мастеров потешных дел⁴⁰³. Клавдиан замечает: «Ни звуки кифары, ни игривые песни мальчиков не сопровождают пиршества»⁴⁰⁴. Также и Сидоний рассказывает о своем опыте пиршества: «Правда, иногда (нечасто) во время ужина допускается балаган низких комиков, но им не разрешается издеваться над гостями желчью своего языка. Во всяком случае, здесь не звучат гидравлические органы, и ни одна концертная партия под его началом не гремит хором; здесь нет музыки лиристов, флейтистов или дирижеров, тамбуристок или кифаристок; ибо император находит очарование только в струнной музыке, которая утешает душу добродетелью так же, как и успокаивает слух мелодией»⁴⁰⁵.

Созомен же передает такой случай: непосредственно перед походом против узурпатора Евгения Феодосий I ввел дополнительные налоги для финансирования войны – это привело к беспорядкам в Антиохии, в ходе которых были опрокинуты статуи императора. Император был в ярости и имел намерение покарать бунтовщиков. Антиохийский епископ Флавиан поспешил

⁴⁰² De cer. I. 75, R370-371: Τοῦ βασιλέως ἀκουμβίζοντος ἐπὶ τῆς τραπέζης καὶ τῆς συνέθους τάξεως πάσης τελουμένης, ἐπειδὴν διὰ νεύματος τοῦ πραιποσίτου ὀφείλωσι καθεσθῆναι οἱ κεκλημένοι φίλοι, λέγουσιν οἱ πεντε βουκάλιοι· „κονσέρβεθ· Δέους ἡμπέρηοιμ βέστρουμ“, ὃ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον· „φυλάξει ὁ Θεὸς τὴν βασιλείαν ὑμῶν.“ Εἶτα δέχεται ὁ πέμπτος καὶ λέγει· „βόνα τοῦα σέμπερ“, ὃ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον· „τὰ ἀγαθὰ σου διηνεκῶς.“ Καὶ ἄλιν λέγει ὁ τέταρτος· „βίκτωρ σῆς σέμπερ“, ὃ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον· „τροπαιοῦχος ἔση αἰεῖ.“ Καὶ εἴθ’ οὕτως λέγει ὁ γ’· „μοῦλτους ἄννοус φικίδιαθ Δέους“, ὃ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον· „νικοποῖόν σε ποιήσει πάντοτε.“ Καὶ εἰθοῦτως λέγει ὁ δεύτερος· „βίκτωρ φατζία σέμπερ“, ὃ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον· „νικοποῖός ἦς πάντοτε.“ Καὶ τελευταῖον λέγει ὁ πρῶτος· „Δέους πρένσπεθ“, ὃ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον· „ὁ Θεὸς παρέξει.“

⁴⁰³ Amm. Marc. XIV. 6. 18: pro philosopho cantor et in locum oratoris doctor artium ludicrarum accitur.

⁴⁰⁴ Claud. De cons. Stil. II.151–152: nullo citharae convivium cantu, non pueri lasciva sonant

⁴⁰⁵ Sidon. Ep. I. 2. 9: sane intromittuntur, quamquam raro, inter cenandum mimici sales, ita ut nullus conviva mordacis linguae felle feriat; sic tamen quod illic nee organa hydraulica sonant nee sub phonasco vocalium concentus meditatam acroama simul intonat; nullus ibi lyristes choraules mesochorus tympanistria psalteria canit, rege solum illis fidibus delenito, quibus non minus mulcet virtus animum quam cantus auditum.

отправиться ко двору с ходатайством за горожан. Он был приглашен Феодосием на пир и сумел уговорить «молодых людей, которые раньше пели за императорским столом»⁴⁰⁶, спеть некоторые псалмы, которые исполнялись во время процессий в его епархии. Убедившись в красоте песнопения, Феодосий воздержался от репрессивных действий.

Стол императора, конечно, отражал величие дворца и величие самого императора, а также соответствовал высокому статусу приглашенных гостей. Существует множество свидетельств того, что обивка мебели, скатерти и салфетки были сделаны из драгоценной пурпурной ткани, а иногда и из высококачественного льна. Сидоний отмечает, что утварь и мебель были украшены пурпуром, резьбой и драпировками, либо же состояла из тончайшего льна (Sid. Ep. I. 2. 6). Блюда же привлекали искусным приготовлением, а не дороговизной, тарелки – блеском, а не весом драгоценных металлов в них (ibid). Сидоний, подводя итог, отмечает, что за императорским столом можно было найти греческую элегантность, галльское изобилие, италийскую резкость, государственную помпезность, аккуратность частного дома и дисциплину императорской власти (ibid). Корипп отмечает, что на столы ставились золотые блюда, еще более утяжеленные драгоценностями. При этом повсюду были изображения Юстиниана (Corr. In. laud. Iust. III. 111). Возможно, Корипп имел в виду то, что сами блюда были украшены изображениями императора, как миссорий Феодосия, либо же пиршественный зал был украшен мозаиками с образами августа, как в знаменитой базилике Сан-Витале.

Сидоний был частым гостем на императорских банкетах, а потому часто сообщал о них своим друзьям в переписке. Пример – стихотворение, которое он написал после пира у императора Майориана: «Пусть иноземная утварь представит вытканые горы Ктесифона и Нифата и зверей, несущихся по пустому полотну, ярость которых разжигает рана, прекрасно изображенная алым цветом – словно по вине дрота, пронзившего (тело), изливается бескровная кровь; где парфянин, свирепый и искусно изогнувшийся с обращенным вспять лицом, скачет на коне вперед, а стрелу пускает назад, убегая от изображенных зверей и обращая их в бегство»⁴⁰⁷. Таким образом, императорский пир включал не только музыку, актеров, увеселения, богатый стол с различными яствами и дорогой посудой, но и дорогие покровы с изображениями мифологических сюжетов.

⁴⁰⁶ Soz. VII. 23: πέπεικε τοὺς παρὰ τὴν βασιλικὴν τράπεζαν ᾄδειν εἰωθότας νέους τὰς ἐν ταῖς λιταῖς τῶν Ἀντιοχείων ψαλμωδίας εἰπεῖν

⁴⁰⁷ Мы его приводим в прозаическом переводе. Sidon. Ep. IX. 13. 5: Rutilum toreuma bysso | rutilasque ferte blattas, | recoquente quas aeno | Meliboea fucat unda, | opulentet ut meraco | bibulum colore vellus. | peregrina det supellex | Ctesiphontis ac Niphatis | iuga texta beluasque | rapidas | vacante panno, | acuit quibus furorem | bene ficta plaga cocco | iaculoque ceu forante | cruor incruentus exit | ubi torvus et per artem | resupina flexus ora | it equo reditque telo, | simulacra bestiarum | fugiens fugansque Parthus.

Вино, которое подавалось на стол августа, разумеется, было фалернским – самым качественным и дорогим (Sidon. Ep. IX. 13. 5; Cor. in laud. Iust. IV. 87-99). Пакат Дрепаний упоминает, что его летом смешивали со льдом, а зимой украшали лепестками роз, как бы подчеркивая, что и времена года подвластны императору (Pan. Lat. XII. XIV. 1). Любопытно, что Аммиан Марцеллин и Либаний, как выразители традиционного сенаторского мировоззрения, обвиняют августов в излишней расточительности при сервировке стола (Lib. Or. 18. 130; Amm. Marc. XXI. 4. 10), а панегирики, наоборот, восхваляют умеренность и скромность императорского стола (Pan. Lat. XII. 14).

Богатство и пышность императорского пира подчеркивали могущество государства и мощь властителя – ему оказываются доступны все дары, которые производятся в отдаленных уголках империи и сосредотачиваются при дворе. Те сановники, которые неизменно присутствовали на банкете августа, по праву могли считать себя частью сообщества, наделенного статусом и влиянием в государстве, власть которого концентрировалась вокруг императора. Их расположение за столом и порядок исполнения ритуалов служили закреплению созданной августом иерархии – участие в этом процессе являлось выражением согласия с установленным порядком.

Вывод

Дворец стал центром императорской власти, где проходили все ключевые церемонии, такие как аудиенции, приемы посольств и банкеты. Пространство дворца, особенно зал консистория, было организовано таким образом, чтобы подчеркнуть величие императора. Трон, балдахин, богато украшенные интерьеры и присутствие вооруженной стражи создавали атмосферу сакральности и могущества. Император в пурпуре и одеждах с драгоценными камнями, восседающий на троне, окруженный придворными и телохранителями, символизировал собой центр империи, а его образ ассоциировался с божественным порядком.

Императорский церемониал стал ключевым механизмом для регулирования доступа к властителю и поддержания иерархии при дворе. Ритуалы, такие как *adoratio purpurae* и *proskynesis*, стали неотъемлемой частью придворной жизни. Они подчеркивали сакральный характер императорской власти, сравнивая двор с небесным царством, где император занимал место, подобное божеству. С их помощью не только демонстрировалось подчинение подданных императору, но и утверждался статус высших чиновников. Т. е. церемонии служили средством укрепления придворной иерархии, где сановник своей близостью к императору мог продемонстрировать собственное влияние во властной системе империи. Возможность приблизиться к императору, поцеловать его пурпурную мантию или участвовать в

церемониальных трапезах была привилегией, которая строго регулировалась и символизировала близость к власти. А варвары, вынужденные трижды поклоняться императору и наблюдать за великолепием двора, должны были осознать свое подчиненное положение и превосходство римской цивилизации.

Церемониальные аспекты императорской власти в V в. стали важным инструментом для поддержания порядка и стабильности в государстве. Посредством сложных ритуалов, тщательно организованных церемоний и символического использования пространства императорского дворца августы утверждали свою власть и подчеркивали свою священную природу. Подобная практика не только укрепляла внутреннюю иерархию, но и демонстрировала сторонним наблюдателям мощь и величие Римской империи.

Глава 3. «Где пребывает Август»: церемониальные точки императорского присутствия

До сих пор мы придерживались логики, согласно которой значимость социальной группы или государственного института зависела от степени близости к фигуре императора. То же применимо и к позднеантичным городам – роль императорской резиденции значительно повышала важность города в системе репрезентации власти августа. Как правило, это были наиболее крупные и богатые города Римской империи – в них располагались *sacer comitatus*, императорский дворец, высшее чиновничество и, что немаловажно, многочисленный народ, который до сих пор не упоминался как наблюдатель за императорской репрезентацией, однако от его настроения и поведения в том числе зависела реальная власть императора.

В 1992 г. Э. Флэйг сформулировал идею «Kaiserakzeptanztheorie», согласно которой не существовало никакого института, который наделял бы императора легитимностью через конкретный акт «узурпации». Скорее, император зависел от того, чтобы быть принятым несколькими социальными группами – армией, сенатом и городским населением Рима – посредством постоянных ритуальных актов общественного консенсуса. Таким образом, появление нового императора, который оспорил бы власть своего предшественника, было не узурпацией власти, а имманентным проявлением политической системы, которая предполагала, что нарушение коммуникативных отношений между правящим императором и «группами принятия», чьи ожидания не оправдались, ведут к подрыву легитимности августа, а, значит, он лишается оснований для своей власти⁴⁰⁸.

Исследователи позднеантичной императорской власти с энтузиазмом приняли идею Э. Флэйга. В построении сюжетов, касающихся легитимности августа, М. Макэвой, М. Икс, Х. Берм, Ш. Дифенбах, М. Майер, Р. Пфайльшифтер, К. Роллингер, Й. Сзидат опирались на эту концепцию, пытаясь найти в позднеримском обществе как эти группы принятия, так и коммуникативные проявления консенсуса⁴⁰⁹. Этот подход применялся прежде всего для обоснования легитимности восточного императора, поскольку именно в Константинополе, где император прочно обосновался в V в., «группы принятия» были представлены в полной мере и

⁴⁰⁸ Flaig E. Den Kaiser herausfordern. S. 174–207.

⁴⁰⁹ McEvoy M. An Imperial Jellyfish? The Emperor Arcadius and Imperial Leadership in the Late Fourth Century AD. // Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD. / Ed. E. Manders, D. Slootjes. Stuttgart, 2020. P. 181–197; Icks M. The Inadequate Heirs of Theodosius: Ancestry, Merit and Divine Blessing in the Representation of Arcadius and Honorius. // Millennium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 2014. Bd. 11. S. 69–99; Börm H. Westrom: Von Honorius bis Justinian. Stuttgart, 2018; Diefenbach S. Op. cit; Meier M. Der monarch auf der suche nach seinem platz; Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel; Rollinger C. Another heaven; Szidat J. Usurpator tanti nominis: Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.). Stuttgart, 2010.

их взаимодействие проявлялось особенно наглядно. В нашем исследовании также именно Константинополь окажется в центре внимания по причине большей репрезентативности в источниках. Тем не менее, мы имеем достаточные основания для того, чтобы экстраполировать особенности репрезентации императорской власти в Константинополе того времени на другие регионы державы, поскольку формального раздела империи никогда не было и высочайшие указы имели равную силу в обеих частях государства, как это убедительно показал в 2008 г. К. Сандберг, до сих пор не встретив в научном сообществе обоснованной критики⁴¹⁰.

§3.1. Выбор императором места своей резиденции

Если относительно местоположении восточного императора в Константинополе со времени его основания сомневаться не приходится, то с главной резиденцией западного властителя вопрос не столь очевиден. В течение V в. правители Западной Римской империи нередко пребывали в Равенне – резиденции императора Гонория, месте рождения Валентиниана III; именно там был смещен последний номинальный император Запада Ромул Августул. А когда Западная Римская империя *de facto* прекратила свое существование, германские вожди Одоакр и Теодорих также пребывали в Равенне; там же находилась и византийская администрация после завоевания Италии Веллизарием. Все вышеперечисленное создавало впечатление наличия у Равенны статуса главного города Западной Римской империи, где постоянно пребывали августы V в. – эта точка зрения отражена и в историографии⁴¹¹. Однако большинство современников, таких как галльский хронист Идаций, историк Приск, поэт Сидоний Аполлинарий, переносят все ключевые события в Рим и именно о нем говорят, как о наиболее значимом городе Запада (Hvd. Chron. 120, 148, 210, 235 etc.; Prisc. Fr. 20. 3; 30. 1; 32; 36. 2 etc.; Sidon. Ep. I. 6. 2). Только Иордан считал главным городом Италии Равенну (Iord. Get. 147), вероятно, в связи с тем, что в его время двор Остготского королевства находился именно там.

Действительно, в *Notitia dignitatum* мы обнаруживаем строчку: «*Praefectus classis Ravennatum cum curis eiusdem civitatis, Ravennae*» («Начальник флота Равенны, отвечающий за тот же город Равенну») (Not. Dig. Occ. XLII. 7). Она свидетельствует о том, что в Равенне императором был создан флот, префект которого должен был заботиться и о городе. Мы знаем, что в IV в. западные императоры пребывали в Милане, но ситуация изменилась в 401 г., когда

⁴¹⁰ Sandberg K. The So-Called Division of the Roman Empire in AD 395: Notes on a Persistent Theme in Modern Historiography. // *Arctos: Acta Philologica Fennica*. 2008. Vol. 42. P. 199–213.

⁴¹¹ Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire; Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. S. 93, 116; Bury J. History of the Later Roman Empire. V. 1. P. 163, 260; Brown P. The World of Late Antiquity. P. 126; Demandt A. Geschichte der Spätantike das Römische Reich. S. 219, 374.

вестготы под предводительством Алариха вторглись в Северную Италию и угрожали Милану, где в то время находился двор Гонория⁴¹². Нападение Алариха вынудило Гонория бежать, и император немедленно укрылся за болотами Равенны, где ему удалось выдержать осаду Алариха.

Это решение было обусловлено рядом факторов, главным из которых было расположение Равенны: во-первых, она была окружена дорогами, ведущими на юг Италии, а также в Рим (вдоль *via Flaminia*, *via Rimini*); во-вторых, она контролировала сообщение с Востоком благодаря постоянному присутствию флота; и в-третьих, она лежала близко к северным итальянским равнинам, которые имели решающее значение как в военном отношении, так и в плане снабжения зерном. В то же время, конечно, естественная защита и близость флота делали Равенну почти неприступной крепостью. Хотя вскоре после этого Гонорий посетил Рим, уже начав комплексную перестройку стен старой столицы, разграбление Рима Аларихом в 410 г. закрепило вновь обретенную роль Равенны как главной императорской резиденции, которая переживала невиданный расцвет⁴¹³.

Ф. Карла, опираясь на труды Маццарино и Калдерини, высказывает точку зрения, что перемещение двора в Равенну могло быть задумано и как попытка противостоять влиянию миланской аристократии, которая соперничала с Римом⁴¹⁴. Небольшой и незначительный город Равенна, получив *sacer comitatus*, мог стать совершенно новым политическим и социальным пространством – городом, основанным новыми элитами *de novo* и предназначенным для вытеснения существующих моделей власти и управления, чтобы подорвать конкурирующие фракции (i.e. «группы принятия», по терминологии Э. Флэйга) и создать новые модели лояльности. Д. Дельянис отмечает, что Гонорий, возможно, рассматривал Равенну как «стратегически полезную и лишенную сильного языческого ядра чистую доску, на которой можно было бы построить новую христианскую столицу» наподобие Константинополя⁴¹⁵.

Т.е. с 401 г. Равенна стала основным *sideo augusti* и, по мнению значительного числа исследователей, оставалась таковой и позднее, даже когда римские императоры сменились на германских королей. Однако А. Жиллет, опираясь на «*Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit*» О. Зеэка и ряд незатронутых немецким классиком источников, проследил местоположение августа и пришел к

⁴¹² Об этих событиях см.: Kulikowski M. *The tragedy of empire: from Constantine to the destruction of Roman Italy*. Cambridge, 2019. P. 122; Halsall G. *Barbarian Migrations and the Roman West, 376-568*. Cambridge, 2007; Boin D. *Alaric the Goth: An Outsider's History of the Fall of Rome*. New York, 2020.

⁴¹³ Christie N., Gibson S. *The City Walls of Ravenna*. // *Papers of the British School at Rome*. 1988. Vol. 56. P. 156–197.

⁴¹⁴ Carla-Uhink F. *Milan, Ravenna, Rome: Some Reflections on the Cult of the Saints and on Civic Politics in Late Antique Italy*. // *Rivista di Storia e Letteratura Religiosa*. 2009. Vol. 45 (2). P. 220.

⁴¹⁵ Deliyannis D.M. *Ravenna in Late Antiquity*. Cambridge, 2010. P. 48. О Равенне как императорской столице также см.: Herrin J. *Ravenna*; Deichmann F.W. *Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes*. 3 Bde. Wiesbaden, 1969–1989.

выводу, что по меньшей мере с 440 г. Валентиниан III избрал Рим своей основной резиденцией⁴¹⁶, в одной из своих новелл прямо назвав Город «главой империи»: «urbis Romae, quam merito caput nostri veneramur imperii» (Nov. Val. V. praef).

Последующие императоры также пребывали главным образом в Риме. Именно там Петроний Максим был провозглашен императором и пребывал вплоть до своей гибели⁴¹⁷. Авит был провозглашен августом в Арле и сразу же отправился в Рим, чтобы заручиться поддержкой местных элит (Hyd. Chron. 163; Sidon. Carm. VII. 8). Где конкретно вошел на престол Майориан, неясно, однако, судя по всему, этот император чаще находился в Равенне и Арле, чем в Риме⁴¹⁸. Тем не менее Идаций сообщает, что Рицимер убил Майориана, когда тот возвращался в Рим (Hyd. Chron. 210), как если бы последний был его основной резиденцией. Либий Север, ставший тогда императором в Равенне, переместился в древнюю столицу, где оставался⁴¹⁹. Антемий, будучи ставленником Востока, обосновался именно в Риме⁴²⁰. Там же получил власть римский и остался сенатор Олибрий⁴²¹. Гликерий, ставленник Гундобада, при поддержке армии стал императором в Равенне и сразу же отправился в Рим, где и находился все время своего правления⁴²². Юлий Непот из Восточной империи прибыл в Равенну, откуда отправился в свою постоянную резиденцию, т.е. в Рим, затем бежал оттуда в Далмацию, будучи смещен Орестом (Anon. Val. VII. 36). Последний же возвел на трон своего сына Ромула в Равенне, где тот впоследствии был свергнут. Таким образом, после 440 г. императоры пребывали чаще всего именно в Риме. Августы могли быть провозглашены таковыми в Равенне или Арле, если они происходили из армейских рядов или из среды галльской аристократии, однако затем все равно устремлялись в Рим.

В то же время пребывание в старой имперской столице было для императоров далеко не безопасным. Прежде всего, Рим был уязвим для вражеских вторжений, о чем свидетельствуют, в частности, нападения на Город вестготов под предводительством Алариха в 410 г. и вандалов во главе с Гейзерихом в 455 г. А в 472 г. Рим стал полем битвы в ходе войны между Рицимером и Антемием, когда первый провозгласил императором Олибрия и осаждал Рим в течение пяти месяцев (Prisc. Fr. 64. 1). Это событие имело разрушительные последствия для города, ведь осажденным приходилось долгое время голодать, городская инфраструктура страдала от уличных боев, и вся экономическая жизнь города замирала (Ioan. Ant. 232; Prisc. Fr. 64).

⁴¹⁶ Gillet A. Rome, Ravenna and the Last Western Emperors. // Papers of the British School at Rome. 2003. Vol. 71. P. 146

⁴¹⁷ Ibid. P. 148.

⁴¹⁸ Ibid. P. 150.

⁴¹⁹ Ibid. P. 151.

⁴²⁰ Ibid. P. 152-153.

⁴²¹ Ibid. P. 153-154.

⁴²² Ibid. P. 154.

Однако в Риме все еще оставалось весьма многочисленное население; властям в условиях периодических разрушений и разграблений приходилось обеспечивать его всем необходимым и следить за порядком, что не всегда удавалось и было чревато мятежами и переворотами. Например, 456 г. народ обвинял Авита в голоде, из-за чего в Городе возникли стихийные волнения (Prisc. Fr. 32). Кроме того, влиятельные сенаторские группировки могли оказывать давление на власть. Например, в гражданской войне 472 г. часть сенаторов поддерживала Антемия, а часть – Рицимира (Prisc. Fr. 64; Ioan. Ant. 232. 1). Нередко императоры ощущали угрозу со стороны своих приближенных и карали их за измену, как, например, сенатора Романа и преторианского префекта Арванда (Cassiod. Chron. 1289; Prisc. Fr. 62; Sidon. Ep I. 7. 5). Однако ни один из перечисленных факторов не заставил императоров окончательно покинуть древнюю столицу и укрыться в Равенне, где находился верный гарнизон и можно было жить в относительной безопасности перед лицом варварских вторжений.

Чем же была мотивирована важность Рима для императоров, несмотря на большое количество издержек пребывания в Городе? Сам А. Жиллет объясняет это присутствием в Риме значительного числа представителей сенаторской аристократии, которая отличалась богатством и влиянием. Пребывание императора в непосредственной близости от упомянутой группы людей облегчало установление над ней политического контроля⁴²³. Однако, например, М. Зальцман полагает, что императоры были вынуждены считаться с местными элитами по причине их значительного влияния на настроения масс, в противном случае они рисковали потерять власть⁴²⁴. Другие высказывали мнение, что появление императора в Риме означало для сенатской аристократии возможность принимать участие в управлении⁴²⁵.

Таким образом, с одной стороны, императоры старались держаться к сенаторам как можно ближе, чтобы иметь возможность осуществлять над ними контроль, а с другой – они были вынуждены получать от сената одобрение по тем или иным политическим вопросам. В 440–476 гг. к власти приходило немало «сенатских» императоров, однако сомнительно, что именно приведенный факт является свидетельством значительного влияния сената на управление тем, что оставалось от империи, поскольку, к примеру, Майориан отсутствовал в Риме и в то же самое

⁴²³ Ibid. P. 163.

⁴²⁴ Salzman M. *The Falls of Rome. Crises, Resilience, and Resurgence in Late Antiquity*. Cambridge, 2021.

⁴²⁵ Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425*. Oxford; New York, 1975. P. 358–360; McEvoy M. *Rome and the transformation of the imperial office in the late fourth-mid-fifth centuries AD*. // *Papers of the British School at Rome*. 2010. Vol. 78. P. 173; Humphries M. *From emperor to pope? Ceremonial, space, and authority at Rome from Constantine to Gregory the Great*. // *Religion, Dynasty, and Patronage in a Christian Capital: Rome, 300–900*. / Ed. K. Cooper, J. Hillner. Cambridge, 2007. P. 41.

время с легкостью получал одобрение сената по случаю назначений должностных лиц или собственной инаугурации⁴²⁶. Да и прежде сенат никогда не отклонял императорских инициатив.

Более того, во внутренней политике военные обладали гораздо более весомым влиянием. Например, те же сенатские императоры, хотя и происходили из знатных семей и имели широкие гражданские полномочия, оказывались в полной зависимости от авторитетного военного магистра – сначала Рицимера, а потом Гундобада или Ореста (например, Либий Север (Cassiod. Chron. 461, Marc. Com. 461), Олибрий (Marc. Com. 472)). Напротив, более или менее значительной свободой действий располагали «солдатские» императоры, особенно поддержанные Константинополем. Однако главные политические решения все же принимались в Риме, хотя рост влияния сенатской аристократии в V в. сомнению не подлежит⁴²⁷. Именно представители римских аристократических родов Дециев, Анициев, Акониев и некоторых других занимали наиболее значительные и почетные должности в римской администрации (Cassiod. Var. III. 5, 6, 12; IV. 25; V. 3, 4; IX. 22). Так, только они, за редкими исключениями, являлись префектами претория и префектами Рима, *quaestores sacri palatii*, *comites largitionum*, *magistri officiorum*, консулами и т.д.

Однако М. Макэвой в то же время отмечает, что Рим тогда сохранял еще и свое большое символическое значение, поскольку обладал необходимой инфраструктурой для проведения впечатляющих демонстраций императорского величия – это, по ее мнению, и стало причиной местопребывания там августов⁴²⁸. Однако важно отметить не только это, но и возможности для взаимодействия с максимально широким кругом «групп принятия», которые предоставляют город. Константинополь, основанный Константином в 330 г., включал в себя новый сенат и новый двор, а также являлся с этого момента бесспорным местом сосредоточения восточной элиты (основных «групп принятия») – Фессалоники, Эфес, Антиохия и Александрия также являлись значимыми восточными городами, однако не могли конкурировать с Константинополем. На западе разные города претендовали на соответствующий статус: в первой половине V в. главным городом считалась Равенна, а во второй половине – снова Рим.

⁴²⁶ McEvoy M. Shadow emperors and the choice of Rome (455–476 AD). // *Antiquite Tardive*. 2017. No 25. P. 104.

⁴²⁷ Salzman M. The Falls of Rome; Jones A.H.M. TLRE. P. 466, 468; Dey H. The Afterlife of the Roman City. P. 30; Machado C. The Roman Aristocracy and the Imperial Court, before and after Sack. // *The Sack of Rome in 410 A.D.: The Event, Its Context and Its Impact*. Palilia. Bd 28. / Eds. J. Lipps, C. Machado, P. von Rummel. Wiesbaden, 2013. P. 51; Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History. // *Past & Present*. 1990. No. 129. P. 28.

⁴²⁸ McEvoy M. Shadow emperors and the choice of Rome. P. 96.

§3.2. Ритуал *accessio augusti*

Сосредоточение «групп принятия» в крупных городах, если следовать концепции Э. Флэйга, позволяет проследить основы стабильности императорской власти. Династическая политика не была определяющей: даже сыновья правящих императоров, багрянородные на языке последующих веков, не становились автоматически императорами по праву рождения. Хеннинг Берм сказал об этом так: «Сын августа наследовал только право на правление, но не само правление»⁴²⁹. Для того, чтобы сызмальства быть императором, необходимо было быть провозглашенным августом еще при жизни правящего отца.

На Востоке преемственность обеспечивали жены августов – Пульхерия и Ариадна⁴³⁰. Лев I сделал соправителем своего внука Льва II, а тот провозгласил августом своего отца Зенона. На Западе же ситуация была значительно более сложной. В период после смерти Валентиниана III, восшествие на престол которого, кстати, тоже не было гарантировано, несмотря на то, что он был сыном августа и августы, императоры регулярно сменялись, а трон в период с 455 до 476 г. суммарно пустовал два года⁴³¹.

Источники, как правило, однозначно называют «создателями» западных августов военачальников или восточных императоров, однако Й. Сзидат в труде «*Usurpator tanti nominis*» отмечает, что это упрощение. В действительности же восшествию на престол того или иного кандидата предшествовали продолжительные переговоры между различными «группами принятия», поскольку в рамках публичных церемоний инвеституры отказ принять кандидатуру был невозможен⁴³². Именно в этом ключе особенности проведения ритуала провозглашения императора играли решающую роль – ритуал символизировал общественный консенсус, согласие на воцарение нового императора. Август становился августом и признавался таковым в момент его публичного провозглашения. Ровно так же мы можем заключить, что отсутствие церемонии воцарения означает отсутствие императора, а неучастие в ней – непризнание нового августа.

⁴²⁹ Börm H. Born to Be Emperor: The Principle of Succession and the Roman Monarchy. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. Oxford, 2014. P. 252.

⁴³⁰ Holum K.G. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley, 1982; Doyle C. Honorius: The Fight for the Roman West AD 395–423. London, 2019; McEvoy M. Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455. Oxford, 2013.

⁴³¹ Feeney A. The Emperor is Dead, Long Live the Emperor: Imperial Interregna in the Fifth Century. // *The Fifth Century: Age of Transformation.* / Eds. K. Feeney, S. Northrup, J. W. Drijvers, N. Lenski. Bari, 2019. P. 185–196.

⁴³² Szidat J. S. 77.

Как выразился К. Роллингер, «церемониал инвеституры – это перформативное представление решений, которые уже были приняты заранее»⁴³³. Т.е. публичное участие в них выражало консенсус римского общества в плане оценки правления нового императора. Не менее точно в этом отношении выразился Ш. Дифенбах: «Не существовало конкретного авторитета, который наделял бы императора легитимностью. Скорее, император зависел от того, чтобы быть принятым несколькими авторитетными группами [...] через постоянные ритуализированные акты консенсуса»⁴³⁴. Соответственно, чем шире был круг участников подобных ритуалов, тем более очевидным становилось признание нового императора, а его власть воспринималась как обладающая большей легитимностью.

Именно в этом ключе наблюдается и значительное отличие Запада от Востока, поскольку Константинополь играл весомую роль в ритуале восшествия на престол, и сосредоточение в Новом Риме основных «групп принятия» в полной мере обеспечивало легитимность восточного августа. Для разъяснения этой позиции необходимо понять, что представляла собой эта церемония и определить ее особенности применительно к Западу. Особенно важно рассмотреть возвышение императора в момент отсутствия правящего императора, т.е. приход к власти нового августа.

Наиболее полное описание этой церемонии содержится в «Книге церемоний» за авторством Петра Патрикия⁴³⁵. В целом возвышение августа всегда происходило по общей схеме, восходящей к периоду тетрархии⁴³⁶. Оно происходило перед собранием солдат на трибуне, украшенной знаками отличия, и состояло в основном из объявления об избрании, облачения, аккламаций и раздач⁴³⁷.

В 457 г. Лев I⁴³⁸ был провозглашен августом армией на Марсовом поле (De ser. I. 9, R410) в Евдомоне – пригороде на юго-западе Константинополя, который расположен в 4 км от Золотых

⁴³³ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 450.

⁴³⁴ Diefenbach S. Op. cit. P. 37.

⁴³⁵ См. также: Бибииков М.В. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. / Ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 40-44; Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. / Ред. В.Н. Гращенков М., 1973. С. 33–42; Чекалова А.А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV - первая половина VII в.). // Византийский Временник. Т. 62. 2003. С. 6–20.

⁴³⁶ Barnes T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, 1982; Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284-324. Oxford, 2000; Demandt A. Die Spätantike Romische Geschichte. S. 212–231

⁴³⁷ Kolb F. Herrscherideologie in der Spätantike. S. 99.

⁴³⁸ Всестороннее изучение жизни и политики этого императора, в том числе его ритуала восхождения см. в: Siebig G. Kaiser Leo I: Das oströmische Reich in den ersten drei Jahren seiner Regierung (457–460 n. Chr.). Berlin, 2010.

ворот Константинополя по направлению к Эгнациевой дороге на берегу Мраморного моря⁴³⁹. На этом месте его ждали архонты (*οἱ ἄρχοντες*), *scholae*, константинопольский епископ Анатолий и *magister officiorum* Μαρτιάλιος (PLRE II, 729, Martialis). В то время как знамена и штандарты лежали на земле (*τῶν λαβάρων καὶ τῶν σίγων ἐπ' ἐδάφους κειμένων*), вся собравшаяся публика кричала: «Слушай, Боже, мы умоляем тебя; услышь нас, Боже: да здравствует Лев! Слушай, Боже: да царствует Лев! Бог, любящий человечество, общественное благо требует Льва как императора; армия требует Льва как императора; законы ждут Льва; дворец ждет Льва; это молитвы дворца; это прошения армии; это молитвы сената; это молитвы народа; мир ждет Льва; армия ждет Льва; пусть общее благо, Лев, придет; пусть общее благо, Лев, воцарится! Слушай, Боже, мы умоляем тебя!»⁴⁴⁰. Любопытно, что Петр Патрикий передает аккламации на греческом, хотя, вполне вероятно, что они выкрикивались на латыни, как было показано в предыдущей главе.

После озвучивания этих требований избранный император поднимался на трибуну, и *καμπιδούκτωρ* возлагал на его голову *τόν μανιάκιν*, т.е. *torques*, тогда как другой *καμπιδούκτωρ* вручал такой же предмет императору в руки. Затем армия сразу же поднимала свои знамена и кричала: «Лев, Август, да будешь ты победоносным, да будешь ты благочестивым, да будешь ты почитаемым! Бог даровал тебя; да хранит тебя Бог; почитая Христа, да будешь ты всегда победителем; да царствует Лев много лет! Да хранит Бог крепко христианское царство!» (De cer. 1. 91, R411). Важно обратить внимание, что Льва стали именовать в аккламациях августом именно после того, как он получил *torques*. Т.е. для собравшейся публики обретение претендентом на власть этой регалии делало его императором.

Описанная церемония восходит к провозглашению августа Юлиана, описанному Аммианом Марцеллином. Император Констанций II, встревоженный ростом популярности Юлиана в армейской среде, приказал ему передать часть своего войска якобы для готовившегося похода против персов. Армия Юлиана воспротивилась приказу Констанция и вопреки воле своего военачальника приняла решение провозгласить его августом. Церемонию провозглашения Аммиан описывает следующим образом: «Его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы, и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был

⁴³⁹ Demangel R. Contribution à la topographie de l'Hebdomon. Paris, 1945; Беляев Д.Ф. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1906. С. 57–92.

⁴⁴⁰ De cer I.91, R410–411: εἰσάκουσον, ὁ Θεός, σὲ παρακαλοῦμεν, ἐπάκουσον, ὁ Θεός. Δέοντι ζωῇ. εἰσάκουσον, ὁ Θεός. Δέων βασιλεύσει. Θεὲ φιάνθρωπε Δέοντα βασιλέα τὸ πρᾶγμα τὸ δημόσιον αἰτεῖ. ὁ στρατός Δέοντα βασιλέα αἰτεῖ. Δέοντα οἱ νόμοι ἐχδέχονται. Δέοντα τὸ παλάτιον ἐχδέχεται. αὗται εὐχαὶ τοῦ παλατίου. αὗται ἐντεύξεις τοῦ στρατοπέδου. αὗται εὐχαὶ τῆς συγκλήτου. αὗται εὐχαὶ τοῦ λαοῦ. Δέοντα ὁ κόσμος ἀναμένει. Δέοντα ὁ στρατός ἐχδέχεται. τὸ κοινόν καλόν, Δέων, ἐλθέτω. τὸ κοινὸν ἀγαθόν, Δέων, βασιλεύσει. εἰσάκουσον ὁ Θεός, σὲ παρακαλοῦμεν.

провозглашен августом. Требовали диадему, и на его заявление, что такой он никогда не имел, – какого-нибудь шейного или головного украшения его супруги» (Amm. Marc. XX. 4. 17). Однако надевать женское украшение новоиспеченный император отказался, как и конскую фалеру, тогда «некто по имени Мавр... сорвал с себя цепь (*torquem*), которую носил как знаменосец, и дерзко возложил ее на голову Юлиана. Чувствуя шаткость своего положения и понимая, что если он будет противиться, то жизнь его окажется в опасности, Юлиан обещал всем солдатам по пяти золотых и по фунту серебра»⁴⁴¹. Крайне трудно усомниться в правдоподобности этого сообщения, поскольку его в таком же виде упоминает Либаний (Lib. Or. XVIII. 99), а также сам Юлиан⁴⁴², Зосим⁴⁴³ (Zos. III. 9. 2), Сократ Схоластик (Soc. III. 1. 35). Судя по всему, *torques* с тех пор стал неотъемлемым элементом, поскольку он снова упоминается Аммианом в контексте возвышения узурпатора Фирма (Amm. Marc. XXIX. 5. 20), а также Сидонием в панегирике Авиту (Sidon Carm. VII. 578).

Разумеется, этот сюжет укладывается в троп *recusatio imperii*, поэтому мы не можем быть уверены в том, что венчание гривной изначально было случайностью, которая позднее вошла в практику коронации, как это интерпретирует В. Энслин⁴⁴⁴. Однако с уверенностью можно утверждать, что использование в ритуале коронации гривны вместо диадемы имело выгодные для императора коннотации. Так, *torques* – это шейное ожерелье из цепей, которое раньше ассоциировалось с варварами. Однако теперь оно уже было вполне римским украшением, распространенным среди военных, а потому связанным с армейской доблестью⁴⁴⁵.

Коронация с помощью предмета с военной коннотацией подчеркивала, что армия не только приняла нового императора, но и создала его. По той же причине после обретения императором торквеса с земли поднимались армейские знамена – это было символическим жестом обретения армией нового полководца. Корипп в своем панегирике Юстину Младшему прямо заявляет, что торквес на голову императора надел солдат по имени *Armatus*, заявив при этом: «Augusti, Iustine, locum tibi confero», т.е. «Юстин, я предоставляю тебе место августа» (Corr. in laud. Iust. II. 133).

Таким образом, *torques* использовался при коронации более поздних восточных императоров, которые еще меньше ассоциировались с армией и не имели полководческих функций – венчание гривной на востоке сохранилось вплоть до императора Ираклия. Префект

⁴⁴¹ Amm. Marc. XX. 4. 18: Maurus nomine quidam, ... abstractum sibi torquem, quo ut draconarius utebatur, capiti Iuliani inposuit confidenter, qui trusus ad necessitatem extremam iamque periculum praesens vitare non posse advertens, si reniti perseverasset, quinos omnibus aureos argentine singula pondo, promisit.

⁴⁴² Iul. ep. Ath. 284: οὐκ οἶδα οὐτινός μοι στρατιώτου δόντος μανιάχην περιεθέμην καὶ ἦλθον εἰς τὰ βασίλεια.

⁴⁴³ Правда он упоминает диадему (διάδημα).

⁴⁴⁴ Ensslin W. Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl. // Klio. 1942. Bd. 35. S. 275.

⁴⁴⁵ Speidel M.P. Late Roman Military Decorations I: Neck- and Wristbands. // Antiquité Tardive. 1996. Vol. 4. P. 235–243.

востока Иоанн Лид в VI в. писал: «Поэтому и сейчас знаки (*σύμβολα*) императорской власти не надеваются на правителя до тех пор, пока командующие армиями не наденут на шею действующего императора *στρεπτός* (*torques*) и не объявят его достойным императорства, представив как цезаря»⁴⁴⁶. Таким образом, венчание гривной подразумевало не просто участие армии в коронации, но и ее главенство в ходе самой церемонии.

Ту же тенденцию подтверждает продолжение церемонии. Получив *torques*, император, укрытый стеной из щитов (*σχελαστός ἀπὸ χελῶνος*), облачался в императорские одежды и надевал диадему, чтобы затем явиться народу (*οὕτω φανεῖς τῷ δήμῳ*) также со щитом и копьем в руках⁴⁴⁷ (*De mag.* I. 95, R411). Это довольно показательный момент: император, скрытый за щитами, приобретал знаки отличия, будучи невидим для основной массы присутствующих. Соккрытие императора в момент его провозглашения чрезвычайно важно, поскольку оно символизировало ритуальное преобразование, обозначая мистическое «до» и «после»: простой человек был сокрыт, чтобы явиться перед народом уже в качестве священного августа. В предыдущей главе мы подчеркнули чрезвычайную важность «сокрытия» при исполнении императорских церемоний. Здесь же императора скрывала не завеса под балдахином, а солдатские щиты, которые как бы олицетворяли становление императора в лоне армии.

Так, Аммиан Марцеллин не только засвидетельствовал, что Юлиан был первым императором, кого венчали гривнами, но и отметил, что нового августа при провозглашении подняли на щите⁴⁴⁸. Валентиниан I, по сообщению Филосторгия, при своем провозглашении также был поднят на щите (*Philostorg. Hist. Eccl.* VIII. 8), хотя Аммиан Марцеллин об этом факте умалчивает, равно как и не упоминает торквес, ограничиваясь общим словом *corona* (*Amm. Marc.* XXVI. 2. 3). Затем ритуал поднятия на щиты упоминается вновь применительно к Анастасию I (*De cer.* I. 92, R423), Юстину I (*De cer.* I. 93) и Юстину II (*Cor. in laud. Iust.* II. 137–141), а также Фоке (*Ioan. Ant.* 318) упоминается вновь ритуал поднятия на щите.

Императора Льва I щитами скрывали, дабы потом явить его народу, однако Э. Канторович поднятие на щит также интерпретировал как «богоявление» нового императора⁴⁴⁹. В этом отношении важно отметить, что как Юлиан, так и Анастасий, Юстин I и Юстин II получили прочие знаки императорского отличия (диадему и пурпур) только после того, как были подняты

⁴⁴⁶ *Jon. Lyd. De mag.* II. 3: πρὶν στρεπτόν τῷ τραχήλῳ περιθέντες αὐτῷ οἱ ἐν τέλει τῆς στρατιᾶς ἄξιον εἶναι τῆς βασιλείας ἀποφῆνωσι, Καίσαρα δεικνύντες αὐτὸν καθάπερ τὸν νέον Καίσαρα καὶ τῆς τοῦ πρώτου Καίσαρος ἄξιον τιμῆς τε καὶ προσηγούρας

⁴⁴⁷ Распространенное изображение императоров V в. аверсах монет по всей видимости отсылает именно к облику императора в момент коронации (*RIC.* X. 2804; *RIC.* X. 30; *RIC.* X. 617; *RIC.* X. 2633; *RIC.* X. 202 etc.)

⁴⁴⁸ *Amm. Marc.* XX. 4. 17: *Inpositusque scuto pedestri et sublatius eminens nullo silente Augustus renuntiatus.* Также см. *Zos.* III. 9. 4.

⁴⁴⁹ Kantorowicz E.H. *Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship.* Berkeley, 1963. P. 153.

на щите и венчаны гривнами. Т.е. символы, которые прочно ассоциировались с армией, предшествовали традиционным регалиям, введенным еще тетрархами, однако не являлись обязательными знаками императорского отличия – мы их не находим ни в иконографии, ни в описаниях облика императора⁴⁵⁰. Они служили лишь инструментами, которыми армия отмечала своих избранников и с помощью которых она «создавала» императора.

В этом отношении возникает вопрос о значении императорского пурпура и диадемы в ходе ритуала *accessio*, если они, являясь неотъемлемыми атрибутами августа, не были главенствующими. С. Маккормак рассматривает венчание гривнами как проявление милитаристского характера императорской власти, который впоследствии уходит на задний план по мере того, как император лишался военной власти, сохраняя власть исключительно гражданскую⁴⁵¹. Другие же исследователи, занимая аналогичную позицию в отношении гривен, рассматривали диадему как свидетельство избрания императора Богом⁴⁵². В первом случае неясно, почему в период тетрархии в качестве неотъемлемых атрибутов императора зафиксировались именно диадема и пурпур, а не различные военные украшения – тем более что тогда августы выступали в качестве полководцев в значительно большей степени, чем в V в.

Во втором случае остается совершенно неясным, почему Анастасий I, Юстин I и Юстин II в первую очередь венчались гривнами, а лишь затем диадемой, в то время как их власть уже совершенно лишилась милитаристских коннотаций, а сама церемония переместилась на ипподром, где влияние армии было ограничено, а степень участия патриарха увеличилась⁴⁵³. В то же время у нас действительно есть основание интерпретировать диадему и пурпур в V в. как атрибуты гражданской власти. Так, например, Лев предстает перед народом именно после того, как он приобрел диадему и пурпур (De cer. I. 91, R411). Лишь тогда *ἄρχοντες* поклоняются ему (разумеется, в соответствии с порядком «κατὰ τάξιν»), когда он облачен в пурпур и увенчан диадемой. И тогда же он обещал каждому солдату *νομισμάτων καὶ λίτραν ἀργύρου* (5 монет и фунт серебра), после чего вместе с чиновниками и солдатами удалялся в *μυστατόριον*, где производились все выплаты (*λογάρια γίγεται καὶ ἀναπληροῦνται*). Впоследствии же в ходе ритуала *adventus*, о котором пойдет речь ниже, император носил диадему и пурпур, а *torques* перестал упоминаться вовсе.

Более того, известно, что в случае возвышения августа или цезаря уже действовавшим августом поднятие на щите и венчание гривнами не происходило. Так, Констанций II облачил на трибуне Юлиана перед собравшейся армией только в пурпур (Amm. Marc. XV. 4. 11), Диоклетиан

⁴⁵⁰ См. главу II.

⁴⁵¹ MacCormack S. Art and ceremony. P. 241–242.

⁴⁵² Martin J. Zum Selbstverständnis, zur Repräsentation und Macht. S. 130; Boak A.E.R. Imperial coronation ceremonies. P. 46.

⁴⁵³ Например, он венчал диадемой Анастасия и облакал его в пурпур (De cer. I.92, R423).

в таких же условиях облачил в пурпур Максимиана Дазу и Флавия Севера (Lact. De mort. pers. 19. 5), однако в этом случае назначались только лишь цезари, а не августи. В то же время августи возвышались схожим образом. Феодосий, как пишет Филосторгий, «сына своего Аркадия еще мальчиком облек в знаки императорского достоинства» (Philostorg. Hist. Eccl. X. 5), а затем «возложил императорский венец на одного из своих сыновей, Гонория» (ibid. XX. 2), таким же образом Лев στέψαι (венчал) τὸν βασιλέα своего сына (De ser. I. 94, R432). Таким образом, венчание гривнами не было непременным условием возведения императора на престол, но лишь в том случае, если император уже существовал – именно он мог наделить частное лицо императорской властью.

Однако в случае отсутствия легитимного правителя армия брала на себя ритуальное «создание» августа, проводя церемонию венчания гривнами. Лишь после этого сокрытый император как бы давал самому себе право облачиться в пурпур и надеть диадему. Диадема, таким образом, служила символическим подтверждением статуса августа – он получал право ее носить только после того, как был провозглашен августом либо другим правителем, либо армией. О. Беккер на основании этого предположила, что одного лишь венчания гривнами было достаточно для того, чтобы сделать частное лицо полноправным августом – гривны служили подтверждением выбора императора людьми, в то время как диадема была знаком проявления божественной воли⁴⁵⁴. В этом отношении необходимо внимательнее рассмотреть армейские аккламации, которые сопровождали провозглашение Льва I.

Первоначально армия просит Бога сделать Льва августом (De ser. I.91, R410–411) и после этого венчает его гривнами. Как только венчание произошло, Лев уже прямо именуется августом, после чего объявляется, что его ниспослал народу Бог (De ser. I. 91, R411), лишь тогда Лев венчается диадемой. Та же последовательность прослеживается и в провозглашении Анастасия I и Юстина I. Таким образом, после продолжительных переговоров различных «групп принятия» о выборе достойного кандидата на императорский трон возникала необходимость провозглашения его армией, символом чего было венчание гривнами. Это было свидетельством божественной избранности частного лица и законности его претензий на власть, оно же в свою очередь даровало ему право быть венчанным диадемой и облаченным в пурпур, что уже подтверждало богоизбранность. В этом отношении удачно выразился Б. Хейм, назвавший свою работу “Vox exercitus, vox dei”⁴⁵⁵, опираясь на Аммиана Марцеллина, который связывал воцарение Валентиниана I с «внушением Бога небесного» (Amm. Marc. XXVI. 1. 5: Valentinianus

⁴⁵⁴ Becker A. Op. cit. P. 152–153.

⁴⁵⁵ Heim F. Vox exercitus, vox Dei. La designation de l’emperereur charismatique au IVe siècle. // Revue des études latines. 1990. T. 68. P. 160–172.

nulla discordante sententia numinis adspiratione caelestis electus est), и Фемистия⁴⁵⁶. В некотором роде все эти действия не просто символизировали обретение легитимной императорской власти; они приводили ее в действие, ведь солдаты говорили голосом Бога.

До сих пор мы описывали провозглашения лишь восточных императоров V в., потому остается открытым вопрос, насколько мы можем переносить эту церемонию также на западных императоров. С одной стороны, как мы уже отмечали выше, империя в течение всего времени своего существования считалась единой, поэтому правовые практики между Востоком и Западом не различались. С другой стороны, у нас есть косвенные основания переносить описания восточного церемониала на западные реалии. Во-первых, Сидоний прямо говорит о венчании гривнами императора Авита (Sidon. Carm. VII. 578). Во-вторых, сама по себе церемония *accessio* своими корнями уходит в западную традицию. В-третьих, мы знаем, что императоры Авит, Майориан (MGH (AA) IX. 305), Либий Север (ibid.), Антемий (Cassiod. Chron. 1283), Олибрий (PLRE II. 796-798) и Юлий Непот (Anon. Val. VII. 36) были провозглашены императорами недалеко от города, т.е., вероятно, в военном лагере.

Таким образом, в рамках «теории принятия», сформулированной в начале главы, церемония возвышения императора выступала в качестве инструмента преобразования частного лица в императора. Венчание гривнами, армейские аккламации и поднятие на щите были выражением избрания августа армией, которое в действительности маскировало согласие армии с уже сделанным выбором. В то же время эта церемония была необходима для подтверждения легитимности августа. Публичное участие в церемонии олицетворяло публичный консенсус относительно правления нового императора, равно как и участие в придворных церемониях являло согласие установленным императором порядком. Однако церемония, проводившаяся на Марсовом поле близ города-резиденции правителя, не могла включать все «группы принятия» – главными ее участниками становились армия и члены «внутреннего двора». По этой причине церемония провозглашения Анастасия I, как и все последующие, проводилась уже на ипподроме Константинополя. Предшествующие же ей церемонии обязательно включали торжественный въезд императора в город – *adventus*, в ходе которого жители города встречали императора и своим приветствием принимали его воцарение.

⁴⁵⁶ Icks M.Op. cit. P. 74. N. 21.

§3.3. *Adventus augusti*

Римский город, а в особенности *statio augusti*, в поздней Античности преобразался в соответствии с идеей главенства императора, которому своим происхождением была обязана всякая власть, в том числе городская. В историографии последних лет рассмотрение позднеантичного города как пространства исполнения ритуала и императорского самовыражения занимает весьма значительное место⁴⁵⁷. Констатируем факт: совокупность идеологических и политических причин привела к обустройству города в имперском ключе. В городском пространстве возводились административные постройки и здания для проведения публичных мероприятий. Города стали преобразаться ввиду присутствия в них имперских институций и чиновников, действовавших от имени императора. Обновленный облик приобрели Арль⁴⁵⁸, Тараскон⁴⁵⁹, Трир, Милан, Фессалоники, Константинополь, Никомедия и Антиохия, поскольку они являлись резиденциями императора или префекта претория. Свой расцвет переживает строительство дворцов, церквей, оборонительных стен, резиденций крупных чиновников⁴⁶⁰.

Однако же основным средством обеспечения символической коммуникации императора и города служила церемония *adventus*, в ходе которой осуществлялись ритуализированные акты принятия императора его подданными, благодаря чему утверждалась легитимность правителя⁴⁶¹. Для описания ритуала адвента нам представляется уместным использовать метафору театра, поскольку он подразумевает установленный порядок в осуществлении конкретных действий, а также имеет три составных элемента: это определенным образом оформленные сцены и задники, действующие лица и представление как таковое. Все три элемента напрямую связаны и зависят друг от друга, что создает целостность восприятия. Так же необходимо расценивать и императорское самовыражение, при котором в роли задника и сцены выступает город, оформленный в соответствии с задачами спектакля, в роли действующего лица – не столько сам император, сколько его образ, а самым действием является *adventus*.

⁴⁵⁷ Two Romes / Eds. L. Grig, G. Kelly. New York, 2012; Grig L. Op. cit. P. 559; Bauer F.A. Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity; Van Nuffelen P. Playing the Ritual Game; Machado C. The city as stage: aristocratic commemoration in late antique Rome. // Les frontières du profane dans l'antiquité tardive. / Ed. C. Sotinel, E. Rebillard. Rome, 2010. P. 287–317; Dey H. Afterlife of the roman city.

⁴⁵⁸ Loseby S.T. Arles in Late antiquity. // Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages. / Ed. N. Christie, S.T. Loseby. Aldershot, 1996. P. 45–70.

⁴⁵⁹ Keay S Tarasco in Late Antiquity. // Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages. / Ed. N. Christie, S.T. Loseby. Aldershot, 1996. P. 18–44.

⁴⁶⁰ Dey H. Afterlife of the Roman city. P. 33.

⁴⁶¹ Конопаткин В.А. Церемониал адвента в Риме в последние десятилетия Западной Римской империи (440–476 годы) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 1. С. 7–20.

В самом общем смысле *adventus* – это торжественный въезд императора или высшего чиновника в город при общих овациях и последующих празднествах. Мы утверждаем, что городская планировка, как с точки зрения районирования, так и с точки зрения своего наполнения была подчинена в первую очередь исполнению этого ритуала. *Adventus* – это наследник римского триумфа. Триумф предполагал строгий распорядок действий, а кроме того — назначался сенатом в случае победы над внешним врагом⁴⁶². Однако в случае поздней Античности в научной литературе не сложилось четкого понимания того, что являлось адвентом, а что – триумфом. Некоторые исследователи, к которым относятся, например, М. Маккормик и С. Маккормак, интерпретируют любые торжественные шествия одинаково, только первый называет их триумфами⁴⁶³, а вторая – адвентусом⁴⁶⁴. Другие же ученые, такие как Р. Пфайльшифтер или П. Ливерани, различают эти два явления, при этом последний утверждает, что как таковых триумфов с начала V в. более не проводилось⁴⁶⁵. И действительно – триумф в традиционном понимании предполагал возвращение победоносного полководца в обстановке всеобщего ликования и общегородского празднования, в ходе которого публике демонстрировались трофеи и пленные, император уподоблялся Юпитеру и завершал свое шествие в храме Юпитера Капитолийского. Со времени Константина жертвоприношение в Капитолии более не совершалось, император не уподоблялся Юпитеру, а к V в. он даже уже не являлся полководцем. Более того, не демонстрировались ни трофеи, ни пленные главным образом потому, что праздновались победы в гражданских войнах.

Переломным пунктом в истории римского триумфа стало 29 октября 312 г., когда – впервые в римской истории – голова поверженного императора Максенция был пронесена по городу на глазах ликующей публики. До этого момента в истории Рима никогда не проводились триумфы по случаю побед в гражданских войнах (Pan. Lat. IX. XVIII. 3). В данном случае подразумевалось, что Максенций был тираном и не имел права на императорскую власть. Константин таким образом ликвидировал императорскую идентичность семьи Максимиана, не затронув собственного престижа, хотя свергнутый император являлся зятем Константина.

Победитель в гражданской войне, проливший кровь сограждан, стал мощным символом нового понимания триумфального шествия. Своей победой Константин открыл в Риме серию

⁴⁶² См.: Beard M. The Roman Triumph. London, 2007; MacCormack S. Art and ceremony.

⁴⁶³ McCormick M. Eternal Victory. P. 16, 35–79.

⁴⁶⁴ MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity: The Ceremony of “Adventus”. // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1972. Bd. 21 (4). P. 726; MacCormack S. Art and Ceremony. P. 55, 73, 80.

⁴⁶⁵ Pfeilschifter R. Der römische Triumph und das Christentum. // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike. / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin, 2017. S. 463; Liverani P. Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale. // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike. / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin, 2017. S. 500.

триумфов, которые кардинально трансформируют образ триумфатора⁴⁶⁶. Роль императора как харизматичного воина и победителя отныне вышла на передний план римской императорской саморепрезентации. Теперь преобладала отнюдь не римская идентичность, а монополия императора на интерпретацию лозунгов «*liberatio*» и «*recuperatio*» – август становился единственным фундаментом римского порядка. Триумфатор все более превращался в *miles Dei*, который приписывал свою победу космическому источнику⁴⁶⁷. Отныне каждый въезд властителя в город, оформленный как *adventus*, становился триумфальным. Т.е. теперь император именовался победителем безотносительно к тому, против кого он воевал. Слово *victor* со временем стало титулом императора⁴⁶⁸. Это дало основание И. Винанду назвать свою работу «*Der Kaiser als Sieger*»⁴⁶⁹, ведь после Константина воспевалась не какая-то конкретная победа, а *victoria* и *invictum augusti* в принципе.

Как бы то ни было, *adventus* – это торжественный въезд императора в город, во время которого горожане приветствовали августа, выкрикивали поздравления и слова поддержки в его адрес. Сам город всячески украшался, готовился к пышному празднованию, которое следовало после императорского триумфального шествия. Момент адвента становился апогеем императорского торжества: правитель утверждал свою власть над Городом и подданными, которые демонстрировали свою лояльность суверену. Более того, в то время, когда римляне были разделены по религиозному признаку – на язычников и христиан, торжества в честь императора обеспечивали общность церемониала, в котором принимали участие все горожане независимо от их религиозной принадлежности.

Подробное описание церемонии *adventus* оставил Аммиан Марцеллин в связи с прибытием Констанция II в Рим в 357 г. (Amm. Marc. XVI.10.4–12). Император во всем величии со сверкающими золотыми знаменами и окруженный свитой, что демонстрировало коллективную власть, въезжал в город, в котором толпа, не надеявшаяся увидеть ничего подобного, криками приветствовала августа. В этом ритуале, согласно исследованию С. Маккормак, демонстрировался не столько конкретный император, сколько обезличенная, абсолютная власть, пребывающая в теле императора — «вечное присутствие», ниспосланное с небес⁴⁷⁰.

⁴⁶⁶ Wienand J. O tandem felix civili, Roma, Victoria! Civil-War triumphs from Honorius to Constantine and Back. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. Oxford, 2014. P. 187.

⁴⁶⁷ Ibid. P. 197.

⁴⁶⁸ Конопаткин В.А., Скворцов А.М. Титулатура императоров Поздней Римской империи (конец III – середина V вв.). // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2022. Т. 9 (2). С. 214–223.

⁴⁶⁹ Wienand J. *Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I.* Berlin, 2012.

⁴⁷⁰ MacCormack S. *Art and ceremony.* P. 43.

Описание *adventus* есть и у Паката Дрепания. Он описывал торжественное прибытие императора Феодосия в 388 г. в Гемону, а затем в Рим: «И благочестивая Гемона, получив известие о твоём скором прибытии, тут же, настезь распахнув ворота, выступила тебе навстречу... Навстречу шли толпы пляшущих людей. Все оглашалось звуками песен и стуком кастаньет. Один хор воспевал твой триумф, другой пел траурные погребальные песни тирану... Как описать целые семьи, устремившиеся на улицы? Стариков, благодарных за то, что они дожили до этого дня; юношей, выражающих желание всегда быть под твоей властью; радостных матерей и находящихся в безопасности девушек?» (Pan. Lat. XII. 37. 1–4). Таким же образом рассказывалось о прибытии Феодосия в том же году в Рим (Pan. Lat. XII. 47. 3).

Схожим поэтическим и глубоко метафорическим выглядит описание Клавдием Клавдианом прибытия Гонория в Рим в 396 и 404 гг.⁴⁷¹ Адвент по случаю третьего консульства Гонория Клавдиан описывает так: «Сколько юношей, сколько матрон отбросили скромность, стремясь увидеть тебя! Суровые седобородые старцы боролись с мальчишками за места, откуда можно было бы увидеть тебя в нежных объятиях твоего повелителя, проносимого через центр Рима на триумфальной колеснице, украшенной лишь тенью простой лавровой ветви. Кто не думал тогда, что видит утреннюю звезду вместе с розовым солнцем или громовержца, сияющего в согласии с Вакхом? Со всех сторон к нему тянутся воинства с плюмажами, каждый из которых воспекает хвалу тебе на своем языке; блеск бронзы ослепляет взор, а боевой блеск леса нерасчехленных мечей удваивает свет дня. Одни украшены луками, другие ошетинились дальнобойными копьями или пиками для ближнего боя. Они поднимают штандарты, украшенные летящими орлами, вышитыми драконами или извивающимися змеями, которые тысячами словно оживают под дуновением ветра, развевающего их то в одну, то в другую сторону и заставляющего их шелестеть со звуком, похожим на шипение живой змеи» (Claud. III cons. 134–150)⁴⁷². Подобным образом описывается и адвент, случившийся через 8 лет (Claud. VI cons. 1–147; 361–425; 642–660). В общих чертах можно отметить, что Аммиан как ненавистник Констанция II давал почти такое же описание *adventus* (несмотря на всю язвительность описания)⁴⁷³, как и панегирист Пакат Дрепаний и придворный поэт Клавдий Клавдиан. Все они

⁴⁷¹ О прибытии Гонория в Рим в 417 г. сообщает Проспер (Prosp. Tiro. Chron. 1263).

⁴⁷² Claud. III Cons. Non. 134–150: Quanti tum iuvenes, quantaе sprevere pudorem / spectandi studio matres, puerisque severi / certavere senes, cum tu genitoris amico / exceptus gremio mediam veherere per urbem / velaretque pios communis laurea currus! / quis non Luciferum roseo cum Sole videri / credidit aut iunctum Bromio radiare Tonantem? / floret cristatis exercitus undique turmis, / quisque sua te voce canens. praestringit aena / lux oculos, nudique seges Mavortia ferri / ingeminat splendore diem. pars nobilis arcu, / pars longe iaculis, pars comminus horrida contis; / hi volucres tollunt aquilas, hi picta draconum / colla levant, multusque tumet per nubila serpens / iratus stimulante Noto vivitque receptis / flatibus et vario mentitur sibila tractu.

⁴⁷³ С. Шмидт-Хофнер в работе “Schmidt-hofner S. Trajan und die symbolische kommunikation bei Kaiserlichen rombesuchen In Der spätantike. // Rom in der Spätantike. Historische Erinnerung im städtischen Raum. / Hrsg. R. Behrwald, C. Witschel. Stuttgart, 2012”

подчеркивали радость и ликование толпы от возможности увидеть императора и насладиться величием его фигуры на протяжении всей процессии⁴⁷⁴.

Согласно исследованию С. Маккормак, сам ритуал *adventus* становился своего рода произведением искусства⁴⁷⁵, сочетающийся с монетами, колоннами, статуями, рельефами — текстами в широком смысле этого слова. Император, исполняя роль триумфатора, замирал, обретал вид статуи. Кроме того, в ходе самой процессии слуги несли портрет императора, поскольку существовала связь между изображением и его прототипом: в изображении, как считалось, была заключена душа человека⁴⁷⁶. Римлянин, воспринимая образ государя как обезличенную власть, должен был ощутить ее присутствие, тем самым обеспечивалась уверенность в невозможности существования другой власти, кроме императорской.

Прибытие императоров напоминает адвент Христа в Иерусалим⁴⁷⁷ — ритуалы, действительно, практически идентичны. И в этой связи возникает вопрос о том, насколько новая, как отмечалось некоторыми исследователями⁴⁷⁸, христианская империя стремилась подражать вхождению Иисуса в Иерусалим на осле, описанному в евангельских текстах, чтобы придать сотериологический смысл торжеству⁴⁷⁹. Однако нам представляется более обоснованной точка зрения С. Маккормак и О.М. Фрейденберг, согласно которой изображение пришествия Иисуса накладывалось на уже сложившиеся образы триумфального въезда императоров и только позднее адвенту стали приписываться христианские смыслы⁴⁸⁰.

отстаивает точку зрения, что Аммиан в действительности описывал *adventus* Феодосия в 389 г. Во-первых, Аммиан по всей видимости писал свой труд в 390-е гг. Во-вторых, критика Аммианом триумфа по случаю пролития кровью граждан гораздо лучше вписывается в ситуацию 389 г., когда Феодосий только что победил Максима, чем победа Констанция II над Магненцием, имевшая место в 353 г, до есть за четыре года до адвента Констанция. В-третьих, претензия в том, что император одерживал победы только в гражданской войне, но никогда против внешних врагов, также больше относится к Феодосию, чьими крупными военными успехами были победы над узурпаторами Максимом и Евгением в 394 г., тогда как с главными противниками империи — готами и персами — заключались мирные договоры без значимых побед. Констанций II, с другой стороны, был одинаково успешен на германском и персидском фронтах в 350-х годах. Наконец, изумление Констанция перед статуей Траяна и признание, что ему под силу будет только воспроизвести коня, на котором Траян восседал, но не саму статую, по всей вероятности, являлось отсылкой на строительство Феодосием I в Константинополе форума Феодосия, который был построен по образцу форума Траяна (s. 38). Таким образом, критика, вероятно, была направлена против Феодосия, а не Констанция.

⁴⁷⁴ У Аммиана читаем: «Переноса свои взоры на народ, он приходил в изумление, с какой быстротой съехались в Рим люди со всех концов земли. ...Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях» (XVI. 10. 6; 9).

⁴⁷⁵ MacCormack S. Art and ceremony. P. 55.

⁴⁷⁶ Ibid. P. 67.

⁴⁷⁷ Dillon J. N., Nicholson O. «adventus». // The Oxford Dictionary of Late Antiquity, Oxford, 2018. P. 23.

⁴⁷⁸ Напр.: Кулаковский Ю.А. История Византии.

⁴⁷⁹ См. дискуссию об этом в Dufraigne P. Op. cit. P. 41–92.

⁴⁸⁰ MacCormack S. Art and ceremony. P. 58, 64–65; Фрейденберг, О.М. Въезд в Иерусалим на осле. // Миф и литература древности. М., 1998. С. 491–531.

Многие исследователи, безусловно, отмечают христианизацию празднования императорского прибытия в V в.⁴⁸¹ Так, мы уже отмечали, что с IV в. отсутствуют жертвоприношения и шествие не заканчивается более на Капитолии. Но ни в одном из сохранившихся описаний адвента нет никаких упоминаний о христианском характере праздника. Лишь Августин в двух своих проповедях сообщает, что Гонорий в ходе своего шествия остановился перед гробницей Адриана и повернул в сторону гробницы Петра, где находится его базилика (August. Serm. Pag. ingred. 26; De psalm. 21. Serm. 4). Там был совершен «акт смирения», как пишет Иоанн Златоуст о Константине, также посетившем гробницу Петра: «Тот, кто носит пурпур и диадему, отбросив свою гордыню, умолял рыбака стать его защитником» (Chrys. In ep. II ad Cor. XXVI. 5). То же самое сделал Теодорих, отдавая дань своим предшественникам, в 500 г. (Anon. Val. 65–7). Это и дало исследователям основание утверждать, что императорский церемониал был христианизирован.

В то же время Р. Пфайльшифтер, например, скептически отнесся к сообщению Августина, поскольку невозможно определить, являлось ли посещение гробницы частью триумфального шествия, и каким-то образом его датировать⁴⁸². Однако триумфальные арки и колонны, построенные в V в., через которые триумфатор должен был пройти, располагались как раз на пути к базилике Петра рядом с гробницей Адриана – по дороге из Палатина к мосту Элия: это является аргументом в пользу того, что посещение базилики Петра было обязательной частью церемонии адвента⁴⁸³.

На востоке же на форуме Аркадия колонна демонстрировала новое понимание концепции императорской победы. На рельефах в основании колонны фигуры императоров и их свита изображены вместе со знаками христианской победы – христограммой и крестом⁴⁸⁴. Такое сочетание христианских образов с традиционным визуальным языком имперского триумфа было беспрецедентным. Военный успех, таким образом, понимался как дар христианского Бога. Исток такого понимания лежит в традиции, заложенной Евсевием при описании победы Константина у Мульвиева моста, что нашло свое отражение и в диптихе Гонория (Euseb. Vit. Const. I. 26–31).

Мы описали особенности исполнения церемонии, но пока остался без внимания один из ключевых элементов репрезентации власти императора в рамках нашей модели «спектакля» — это городское пространство и его материальное наполнение. Для любого спектакля важны декорации и задник для создания полноты картины. Это касается и театрального представления власти императора, где в полной мере использовалось городское пространство. Изменения в

⁴⁸¹ Liverani P. Op. cit. S. 505; MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity. S. 726.

⁴⁸² Pfeilschifter R. Der römische Triumph und das Christentum. S. 468–468.

⁴⁸³ Liverani P. Op. cit. S. 505.

⁴⁸⁴ Bauer F.A. Platz und Denkmal in der Spätantike. Mainz, 1996. S. 203–212.

обустройстве городов происходили не только в связи с политическим переустройством империи, но и ввиду возросшей необходимости продвижения имперской идеологии – сам город теперь подчинялся этой цели. Создавались специальные районы с публичными зданиями, строились улицы – все это также заполнялось скульптурами и портретами.

В ставшей уже классической работе, посвященной римским улицам как средству репрезентации императорской власти, Э. Уоллес-Хэдрил выдвинул тезис о том, что императорская власть старалась установить в городах строгий порядок, выражавшийся, во-первых, в более строгом районировании с учетом интересов местных групп, а во-вторых, в установлении четкой сетчатой планировки с выделением главных улиц⁴⁸⁵. Данная система демонстрировала имперский порядок как таковой и возможность власти осуществлять столь масштабные проекты. В целом применительно к поздней Античности эта тенденция сохранилась, однако в рамках города появились новые ориентиры, вокруг которых выстраивалась топография.

Стены, ворота, улицы города становились монументальными полотнами или, лучше сказать, декорациями, на фоне которых императоры, крупные чиновники, епископы разыгрывали представления своего собственного спектакля – *adventus*. Вместо того, чтобы быть рассеянной коллекцией сооружений, представляющих абстрактный идеал цивилизованной жизни, города все больше сосредотачивались вокруг весьма ограниченной серии маршрутов, разработанных для соединения и обрамления нескольких привилегированных фокусных точек – это дворцовая зона и ворота. Об этом писала С. Маккормак: «Как часть имперских церемоний, панегирики (или другие ритуалы) нуждались в обстановке, архитектурных рамках: обширная имперская строительная программа поздней Римской империи, таким образом, может быть рассмотрена в контексте имперских церемоний, которые нуждались в заднем фоне, декорациях»⁴⁸⁶.

Первым городским элементом на пути церемониального шествия императора становились стены и ворота. Защитные стены, разумеется, являлись важнейшей частью любого города в поздней Античности, особенно приграничного. Имперские власти не жалели средств на возведение обширных и крепких защитных сооружений. Однако Х. Дей, исследовав несколько образцов стен в городах поздней Римской империи, их структуру и особенности строительства, пришел к выводу, что они имели не столько защитную функцию, сколько идеологическую⁴⁸⁷. Основанием для подобного суждения послужили их размеры, дороговизна, монументальность оформления, нерациональное использование ресурсов при строительстве, а также сам факт их

⁴⁸⁵ Wallace-Hadrill A. The streets of Rome as a Representation of Imperial Power. // The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. - A.D. 476). / Ed. L. De Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. De Kleijn, S. Mols. Rome, 2002. P. 189–206.

⁴⁸⁶ MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity. P. 42.

⁴⁸⁷ Dey H. Art, Ceremony, and City Walls. P. 17–19.

возведения в самых разных городах (например, галльских) вне зависимости от близости к врагу. Эти доводы легли в основу мнения, что одна из ключевых функций стен – это демонстрация имперского величия не только в связи с наличием у императора возможности построить нечто столь грандиозное, но и ввиду значимости стен для осуществления ритуала *adventus*. Схожих позиций придерживаются и исследователи сборника «Городские стены в поздней Античности»⁴⁸⁸.

С. Маккормак заметила, что ранние описания и изображения императорских приездов, как правило, были сосредоточены на ликующей толпе, возможно, находившейся у ворот, стен или даже на них, многие тексты и изображения, созданные между 290 и 315 гг., часто помещают сами укрепления в центр внимания⁴⁸⁹. В частности, акцент на воротах делается в панегирике, зачитанном в 311 г. по случаю приезда Константина в Отон (*Pan. Lat. V. 7; 6*). Схожее описание имеется для 297 г. (*Pan. Lat. VIII. 19. 1–2*). Тексты перекликаются со знаменитым медальоном из Арраса (*RIC. VI. 34*). На этом изображении императора, восседающего на коне, принимает человек, стоя на коленях и вознося руки к августу, как бы умоляя того о пощаде или благодеянии. Фигура, вероятнее всего, является персонификацией Лондиния. За ней наблюдаются две круглые башни, располагавшиеся у ворот, через которые предстоит пройти победителю. Выдающееся положение стены и ворот в композиционной схеме произведения бросается в глаза, что свидетельствует об их значимости как символов.

Схожую картину можно наблюдать на арке Галерия⁴⁹⁰ в той части, где изображен триумфальный въезд императора по случаю успешного окончания персидской кампании. Тримя доминирующими элементами сцены являются сам император в своей триумфальной колеснице, празднично украшенные ворота с городскими стенами и ликующая толпа⁴⁹¹. Две башни присутствуют и в Россанском кодексе, где изображен въезд Иисуса в Иерусалим⁴⁹².

Нельзя не обратить внимание и на константинопольские золотые ворота, которые являлись неотъемлемым элементом триумфального въезда императора в столицу. К сожалению, информации о золотых воротах сохранилось немного, однако можно с уверенностью утверждать об их оформлении в ключе возвеличивания империи и государственной власти: ворота были огромных размеров, а над ними возвышалась квадрига, запряженная слонами, с императором в

⁴⁸⁸ City Walls in Late Antiquity: An Empire-wide Perspective. Proceedings of a Conference held at the British School at Rome and the Swedish Institute of Classical Studies in Rome on 20–21 June 2018. / Eds. E. Intagliata, S.J. Barker and C. Courault. Oxford; Philadelphia, 2020.

⁴⁸⁹ MacCormack S. Art and ceremony. P. 31.

⁴⁹⁰ Darling J. Architecture of Greece. Oxford, 2000. P. 84–86

⁴⁹¹ Hannestad N. Roman Art and Imperial Policy. Aarhus, 1986. P. 315.

⁴⁹² Лихачева В. Д. Искусство Византии IV - XV веков. М., 1986. С. 78–80.

ней⁴⁹³. В других городах величественные врата также присутствовали, что на большом археологическом материале доказали С. Курчик⁴⁹⁴ и другие исследователи⁴⁹⁵.

Упоминание и изображение защитных сооружений в контексте ритуала *adventus* имели свою значимость, выступая в роли начальных декораций имперского самовыражения. Чем более внушительными и заметными были стены и ворота, тем более величественным становился император не только как номинальное лицо, под властью которого строились и поддерживались такие укрепления, но и как участник самой церемонии. Император должен был выглядеть величественно, когда он проходил через недавно построенные грандиозные стены, которые сами по себе были символами его величия.

На въезде императора в ворота ритуал торжественной встречи не заканчивался, поскольку он имел конечную цель — дворцовую зону, однако к ней мы обратимся позже, поскольку особой важностью обладает главная улица, по которой осуществлялось императорское шествие. Существует немало источников, позволяющих восстановить ее облик: археологические, изобразительные и письменные.

Феодорит Кирский сообщает, что улицы, идущие от городских стен ко дворцу, были обрамлены двухэтажными портиками, отходившими от ворот в городской стене с «двумя высокими башнями» (Theod. Hist. Ecc. IV. 26. 1–2). Гораздо более полное представление об этих улицах нам дает изображение слоновой кости из Трира⁴⁹⁶, вероятно, IV в., на которой изображен *adventus*, составной частью которого являются как раз величественные портики, заполненные людьми, встречавшими триумфатора. Схожую картину представляет т.н. карта из Мадабы, изображающая Иерусалим, разрезанный пополам широкой улицей, обрамленной величественными колоннами⁴⁹⁷.

Археологические данные также подтверждают наличие улиц с колоннадами в большинстве городов империи. В Риме начиная с конца IV в. несколько самых загруженных и наиболее символически важных маршрутов были украшены обширными фасадами с портиками — это улица, ведущая на север через Марсово поле к мосту Элия, за которым находится мавзолей Адриана, а впоследствии был возведен и собор Святого Петра. Другая подобная улица в Риме проходила через *Porta Ostiensis* в стене Аврелиана вдоль остийской дороги к собору Святого Павла, через ворота Тибуртина вдоль дороги Тибуртина к церкви Сан Лоренцо. Подробно рассматривал реконструкцию этих улиц в своей работе Г. Дей⁴⁹⁸.

⁴⁹³ Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate. P. 173–188.

⁴⁹⁴ Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven, 2010.

⁴⁹⁵ City Walls in Late Antiquity.

⁴⁹⁶ Wortley J. The Trier Ivory Reconsidered. // Roman and Byzantine Studies. 1980. Vol. 21 (4). P. 381–394.

⁴⁹⁷ Leal B. A Reconsideration of the Madaba Map. // Gesta. 2018. Vol. 57 (2). P. 123–143.

⁴⁹⁸ Dey H. Afterlife of the Roman city. P. 69.

В Милане также присутствовала подобным образом украшенная улица, идущая от т.н. римских ворот в сторону Рима. Как в старой столице империи, так и в Милане эти улицы проходили через триумфальную арку. В свете новых археологических свидетельств установлено, что портики практически синхронны базилике апостолов, построенной епископом Амвросием между 382 и 386 гг. На этом основании можно полагать, что Амвросий намеренно расположил первую и самую престижную из своих трех (или четырех) больших церквей близко к императорскому триумфальному пути, декорированному портиками⁴⁹⁹. О портиках в Константинополе свидетельствуют как нарративные (Malal. Chron. XIII. 8), так и археологические данные⁵⁰⁰.

Однако не только главные улицы, украшенные грандиозными колоннами, формировали триумфальный путь, но и различные элементы городского пейзажа, примыкавшие к главным улицам. В качестве таковых мы уже отмечали церкви в Милане, но кроме них в процессе *adventus*, проезжая вдоль главных улиц, император созерцал публичные здания, городские площади и другие свидетельства монументального величия империи, обрамлявшие ход торжественных процессий⁵⁰¹. Например, в Трире к главной улице примыкали триумфальная арка, кафедральный комплекс, общественные бани, преторий, форум и, конечно, дворец, являющийся отдельным элементом городского пейзажа, о котором будет сказано ниже⁵⁰². К триумфальной дороге в Филиппополе примыкали бани, тетрапилон (монументально оформленная арка на перекрестке⁵⁰³), форум и дворцовая зона⁵⁰⁴. В «новом городе» Антиохии – бани, храм, тетрапилон, дворец⁵⁰⁵.

Ярче всего данная система прослеживается на примере Константинополя. Мы уже отметили важность городских стен и золотых ворот. Далее на пути императора в конце IV в. находился Капитолий⁵⁰⁶. Сооружение представляло собой украшенную экседру и открытое квадратное пространство, но, к сожалению, назначение его неизвестно. Только при Феодосии I оно стало использоваться в качестве учебного заведения⁵⁰⁷. Поблизости от Капитолия находился Филадельфион – площадь, которую украшали императорские статуи.

Далее на пути императора находился форум Константина. Он был окружен портиками, к нему примыкали здание константинопольского сената и фонтаны, а в самом центре находилась

⁴⁹⁹ Dey H. *Afterlife of the Roman city*. P. 73.

⁵⁰⁰ Ibid. P. 73

⁵⁰¹ Humphries M. *Cities and the Meanings of Late Antiquity*. P. 34.

⁵⁰² Dey H. *Afterlife of the Roman city*. P. 46, fig. 2.6.

⁵⁰³ Ball W. *Rome in the East: The Transformation of an Empire*. London, 2000. P. 273, 276.

⁵⁰⁴ Dey H. *Afterlife of the Roman city*. P. 22, fig. 2.1.

⁵⁰⁵ Ibid. P. 26, fig. 2.2.

⁵⁰⁶ Ibid. P. 78, fig. 3.3.

⁵⁰⁷ Bauer F. A. *Urban space*. P. 30.

порфировая колонна, на вершине которой стояла величественная статуя императора в образе Непобедимого Солнца, управлявшего лошадьми. Такая композиция в некотором смысле принимала участие в ритуале *adventus*⁵⁰⁸. Со временем вдоль Месы собственные форумы с колоннами и статуями возвели Феодосий I и Аркадий⁵⁰⁹.

Таким образом, в городах империи архитектурное пространство главных улиц наполнялось символическим содержанием. К этим улицам прилегали ключевые гражданские здания, являвшиеся воплощением порожденных империей удобств и благоденствия, а также способом возвеличивания императора путем размещения повсюду его изображений и других произведений монументального искусства. Однако об императорских статуях и их роли в Поздней Римской империи мы скажем в следующей главе.

Но немаловажной является и конечная точка *adventus* – дворцовая зона. В Антиохии дворцовый квартал имел приблизительно круглую форму и был окружен непрерывным контуром стен. Либаний описывает, что сам дворец занимал четверть внутрдворцовой территории, которая, в свою очередь, была пересечена двумя главными колоннадными проспектами, оформлявшими величественный подход ко дворцу (Lib. Or. XI. 203–208). Он точно так же, как и в Константинополе, назывался Регией и отходил от арки, известной как тетрапилон слонов (Malal. Chron. XIII. 19). Л. Лаван утверждает, что концентрация надписей позволяет делать выводы о месте осуществления ритуалов в ходе адвента – там императоры выходили из своих экипажей, чтобы поприветствовать толпу⁵¹⁰.

Представление об этой части города в Антиохии дает также мозаика, известная как «Мегалоскопическая охота в Антиохии». На одном из ее фрагментов мы видим изображение зданий, составлявших дворцовую зону: ипподром, дворец, колонны и церковь. Это наиболее ключевые и значимые элементы городского пейзажа. Схожая картина наблюдается и в Фессалониках: ипподром, улицы с колоннадами, дворец, ротонда⁵¹¹.

Подробно дворцовую зону при Константине в Константинополе описывает Иоанн Малала: «Он (Константин. – В.К.) также завершил ипподром и украсил его бронзовыми статуями и украшениями различного вида, а также построил в нем кафизму так же, как в Риме, для императора, чтобы смотреть гонки. Он также построил большой и красивый дворец, в равной степени по образцу единственного в Риме, близ ипподрома; путь от дворца к кафизме ипподрома шел по лестнице, известной как Кохлий» (Malal. Chron. XIII. 7, пер. Н.Н. Болгова). И далее: «Константин построил от входа во дворец до его форума две великолепные колоннады,

⁵⁰⁸ Иванов С. А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям, 2011. С. 254–257.

⁵⁰⁹ Bauer F. A. Urban space. P. 37–38.

⁵¹⁰ Lavan L. Political topography of the late antique city. // Late Antique archaeology. 2003. Vol. 1. P. 329.

⁵¹¹ Ćurčić S. Architecture in the Balkans. P. 53–54.

украшенные статуями и различными изделиями из мрамора, и назвал это место колоннадами Регия. По соседству он построил базилику с большими колоннами и статуями снаружи. Это место он назвал Августейон. Точно так же он завершил общественные бани так называемого Зевкsipпа и украсил колоннами из разноцветного мрамора и бронзовыми статуями» (Malal. Chron. XIII. 8).

В некоторых городах просматривается подражание римской планировке, например, в Фессалониках и Константинополе. Так, дворец и ипподром там располагались бок о бок, что явно напоминает близость императорской резиденции на Палатине и Великого цирка⁵¹². Подобная ситуация наблюдалась в Трире – к дворцовой зоне приводила монументальная дорога, ведущая от главных ворот – «Черных», где располагались непосредственно резиденция правителя, ипподром и театр⁵¹³. В империи дворцовая зона, являясь конечной точкой триумфального шествия, была, с одной стороны, демонстрацией возможности императора создать грандиозные строения, а с другой – попыткой связать императорский образ с активной общественной жизнью, о чем мы скажем ниже.

Церемониал торжественного прибытия был важным компонентом деятельности императора по утверждению своей легитимности. Если в ходе собственного провозглашения в военном лагере август взаимодействовал с армией и небольшим числом высших чиновников, то в городе, в особенности там, где располагалась его резиденция, император встречался с народом, местной аристократией и другими чиновниками, не находившимися в военном лагере. Этот ритуал должен был внушить подданным мысль о невозможности никакой другой власти, а демонстрация добродетелей правителя подразумевала благие последствия его власти для подданных. По мнению С. Маккормак, стремление римлян увидеть императора означало их внутреннее согласие с его правлением⁵¹⁴.

Кроме того, полноценными участниками *adventus* оказывались и местные элиты, которые встречали августа, организовывали все торжества и сопровождали его. Это давало им возможность привлечь внимание императора к себе и получить повышение по службе – как это действительно произошло с Сидонием⁵¹⁵. Часто подготовка к ритуалу предполагала возведение памятников, реконструкцию старых зданий или строительство новых. Своими присутствием, речью и щедростью император осязаемым образом демонстрировал власть над городом, население которого не видело его в обычные дни⁵¹⁶. А в период, когда императоры снова избирали

⁵¹² Humphries M. Cities and the Meanings of Late Antiquity. P. 34.

⁵¹³ Dey H. Afterlife of the Roman city. P. 45.

⁵¹⁴ MacCormack S. Art and Ceremony. P. 6-8, 46-48.

⁵¹⁵ McEvoy M. Shadow emperors and the choice of Rome. P. 104.

⁵¹⁶ Humphries M. From emperor to pope? Ceremonial, space, and authority at Rome from Constantine to Gregory the Great. // Religion, Dynasty, and Patronage in a Christian Capital: Rome, 300–900. / Eds. K. Cooper, J. Hillner. Cambridge, 2007. P. 31.

своей резиденцией древнюю столицу, адвент демонстрировал *concordiam augusti senatusque*, ведь обе стороны оказывались его полноправными участниками. Более того, в период правления Валентиниана III (425–455 гг.) участие сената в управлении империей активно подчеркивалось. Например, Валентиниан III обнародовал Кодекс Феодосия через сенат, посольство к Атилле было отправлено от имени принцепса и сената римского народа (Prosp. Chron. 1367), Майориан, Ливий Север и Антемий объясняли свое возвышение содействием сената (Nov. Maior. I; Hyd. Chron. 211; Prisc. Fr. 50; Sidon. Carm. II. 13, 19, 221, 478–482), судебные дела об измене заслушивались в сенате (Sidon. Ep. I. 7. 9–10).

Однако С. Маккормак – главный и самый авторитетный специалист по адвенту – утверждает, что на Западе после 404 г. адвент больше не проводился⁵¹⁷, поскольку отсутствуют его описания. Последний адвент датируется 404 г., и упоминание о нем принадлежит придворному поэту Гонория Клавдию Клавдиану. В дальнейшем ничего подобного не отмечено, хотя Сидоний Аполлинарий стал автором трех панегириков в честь императоров Авита, Антемия и Майориана и, по словам С. Маккормака, подражал Клавдиану. Однако мы не можем полностью согласиться с исследовательницей, ведь намеки на *adventus* в текстах Сидония все-таки присутствуют. Писатель говорит о будущем императорском триумфе Майориана «на манер предков [...] золотой Капитолий будет взирать на закованных в цепи царей» (Sidon. Carm. V. 586–593), и современные исследователи однозначно полагают, что *recitatio* панегирика Майориану проходила в условиях адвента⁵¹⁸. Когда в 416 г. Гонорий отпраздновал победу над Приском Атталом, была организована традиционная триумфальная процессия; в ней по улицам Рима провели побежденного узурпатора в оковах (Prosp. Chron. 1263). Приезд Гонория в Рим и празднование императорского триумфа – это не что иное, как *adventus*⁵¹⁹. Император представал перед гражданами в образе умиротворителя империи, подражая Константину Великому, победившему Максенция.

Неисследованным пока остается вопрос о проведении церемоний адвента после смерти Гонория (423 г.), поскольку не сохранилось не только их описаний, но даже упоминаний о самом факте торжественного въезда императора в Рим. Однако имеется большое количество косвенных данных, на основании которых можно утверждать, что традиция проведения столь значимого ритуала сохранялась вплоть до конца Западной Римской империи.

⁵¹⁷ MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity. S. 743.

⁵¹⁸ Stoehr-Monjou A. Sidonius' Panegyrics. // The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris. / Eds. G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh, 2022. P. 321.

⁵¹⁹ Liverani P. Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale. P. 488.

Х. Дей⁵²⁰, Л. Лаван⁵²¹, П. Ливерани⁵²², изучая топографию Рима IV–V вв., восстанавливали гипотетический путь триумфального шествия. Прежде всего они отмечали *porticus maximus*, который соединял цирк Фламиния с мостом Элия – он проходил через арки Феодосия I, Валентиниана II и Грациана (CIL. VI. 1184), там же находились арки, посвященные Аркадию, Гонорию и Феодосию II (CIL. VI. 1196)⁵²³. Другая важная для адвента улица вела от ворот Святого Павла в стене Аврелиана вдоль *via Ostiensis* к церкви Святого Павла, еще одна – от Тибуртинских ворот вдоль Тибуртинской дороги по направлению к базилике Сан-Лоренцо. Вероятно, эти упомянутые улицы продолжали использоваться для торжественных процессий на протяжении всего V в., тогда как ни о каком сооружении новых маршрутов говорить не приходится в связи с общим упадком городской инфраструктуры, усугубленным разгромами Рима в 455 и 472 гг. Неслучайно упомянутые дороги вели к базиликам. Как мы уже отмечали выше, вполне вероятно, теперь триумфальное шествие вело напрямик к христианским церквям, а не к языческим храмам.

С учетом вышеизложенного косвенным свидетельством проведения адвента является письмо Валентиниана III Феодосию II (450 г.) о посещении им Рима с целью помолиться в храме Святого Петра (Leo Ep. LV. 5), также мы знаем, что и Антемий в 467 г. посетил этот храм (CSEL. XXXV. Ep. XCV. 61). В своей хронике Кассиодор отмечает, что «Антемий был послан императором Львом в Италию [в 467 году], а он [Антемий] принял власть на третьей вехе от Города в месте под названием Бронтоны» (Cassiod. Chron. 467); кроме того, Идаций сообщает, что Антемий был провозглашен августом в восьми милях от Рима (Hyd. Chron. 231). Традиционно прибытие императора, обычно в сопровождении своей армии, ожидалось сенатом и народом Рима заблаговременно: к нему готовились. Делегация из представителей всех сословий покидала Город, чтобы поприветствовать августа в заранее условленном месте за городскими стенами. После этого формального приветствия император въезжал в Город в торжественном облачении, а его появление сопровождалось громкими приветственными кликами. Совокупность косвенных признаков, отраженных в источниках, позволяет нам утверждать, что адвент Антемия в Рим действительно имел место, ведь посещение им храма Святого Петра описано в том же ключе, что и посещение храма Гонорием, который, по общему убеждению исследователей, совершал *adventus*. Об этом же говорят и свидетельства из разных источников о принятии императором власти вне городских стен.

⁵²⁰ Dey H. Afterlife of the Roman city.

⁵²¹ Lavan L. Public Space in the Late Antique City: in 2 vols. Leiden, 2021.

⁵²² Liverani P. Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale.

⁵²³ Ibid. P. 505.

Император Лев, провозглашенный императором вне городских стен за 4 года до Антемия, совершил торжественное вступление в Константинополь, о чем нам сообщает Петр Патрикий (De ser. I. 91). Картина вступления в Город Антемия, провозглашенного августом вне городских стен Рима, без какой бы то ни было торжественной процессии, таким образом, представляется маловероятной. Мы уже упоминали, что Авит, Майориан, Либий Север, Олибрий и Юлий Непот тоже были провозглашены августами за пределами Вечного города и прибыли в Рим уже в качестве императоров (Hyd. Chron. 163; Marc. Com. Chron. 472. 2; Iord. Chron. 338; Marcell. Com. Chron. 475. 2). Все эти августы, получив власть, сразу же отправлялись в Рим. Вероятно, их встреча в древней столице была оформлена в соответствии со всеми правилами адвента. Немаловажными являются нумизматические свидетельства: императоры V в. регулярно изображались на монетах в позах, характерных для адвента, т.е. с поднятой правой рукой, при этом они могли находиться на коне: Гонорий (RIC. X. 47c; RIC. IX. 29c; RIC. X. 369), Феодосий II (RIC. X. 370), Лев (RIC. X. 644), Маркиан (RIC. X. 501).

Кроме того, известно, что «изображения императора Маркиана вошли в Рим на третий день перед апрельскими календами» (Prosp. Chron. 490). По-видимому, здесь идет речь о церемониале *adventus*. Мы также отмечали торжественную встречу в Константинополе послов западного двора, несущих *imagines augusti* (De Ser. I. 87). Изображения императора должны были рассматриваться как символы его зримого присутствия при физическом отсутствии. Таким образом, достаточно обоснованным представляется суждение о том, что если в источнике упоминается торжественная встреча императорских изображений, то и сам император *de facto* удостоивался аналогичных почестей в ходе адвента.

После 476 г. церемония *adventus* на Западе вовсе не канула в лету. В 500 г. состоялась пышная церемония вступления в Рим короля Теодориха Великого, во время которой были соблюдены многие традиции помпезных императорских встреч: за городскими стенами властителя приветствовала делегация сената, на всем пути следования торжественной процессии его встречали ликующими возгласами восторженные толпы горожан, по мере продвижения шествия Теодорих про-износил речи перед сенатом и народом, он поселился в императорском дворце, в дальнейшем демонстрировал свою щедрость, организовав зрелища в цирке, раздачу хлеба и вина, а также реставрацию общественных зданий (Anon. Val. 65–7. 48).

Теодорих, безусловно, в полной мере осознавал символический характер своего визита; недаром он торжественно объявил народу, что сохранит привилегии, дарованные прежними императорами римскому плебсу. После этого король-арианин посетил базилику Святого Петра. Впоследствии средневековые монархи, короли и императоры тоже исполняли ритуал адвента.

Судя по хронике Фредегара, сначала это делали Меровинги, а затем и Карл Великий⁵²⁴. То же относится и к римским папам⁵²⁵. Таким образом, даже в Средневековье ритуал адвента продолжал жить в качестве элемента репрезентации как светской, так и духовной власти, поэтому, безусловно, знаменитый адвент Гонория ни в коем случае не мог быть на Западе последним. Таким образом, на всем протяжении V в., когда императоры нередко посещали Рим, а некоторые из них жили в нем практически постоянно, ритуал адвента, скорее всего, проводился довольно часто, хотя применительно к периоду 423–476 гг. не сохранилось ни одного последовательного описания этого помпезного церемониала.

Наиболее показательную функцию выражения ритуального согласия в процессии адвента можно продемонстрировать на примере все того же текста Петра Патрикия. Иконография, поэтические и нарративные описания лишь демонстрировали важность адвента как главного торжества августа и момента единства империи, в ходе которого масса подданных встречала своего благодетеля. Книга церемоний же подчеркивала порядок процедуры адвента, ведь только правильно исполненная церемония могла подтвердить легитимный статус правителя. Соответственно, после того, как Лев был провозглашен августом на Марсовом поле, он первым делом отправлялся в *παπλεῶνα*⁵²⁶, дабы там помолиться (De ser. I. 91, R413). Затем в сопровождении *ἄρχοντες* он шел в церковь Иоанна Крестителя⁵²⁷. Там он снова снимал диадему в знак смирения и передавал ее *praepositus sacri cubiculi*, который относил ее к алтарю. Там император брал диадему и клал ее на алтарь, после чего начинал молиться. Затем он передавал ее обратно препозиту, двигался к *μυσταῳριον* и снова надел диадему. Император не только молился у алтаря, но и преподносил драгоценные дары церкви в *присутствии comes privatarum largitionum* (ibid.).

Далее император, также в сопровождении свиты, отправлялся в *Ἐλενιανῶν*, т.е. во дворец Еленианы. Там его принимал *ὁ φύλαξ τοῦ παλατίου*⁵²⁸, который, если это не воскресенье, преклонял перед ним колени (*προσκυνεῖν*). Если же *φύλαξ* являлся *ἄξιωματικὸς* (достойный, т.е. высокого ранга), то он удостоивался *στόματος* – тем самым выстраивалась придворная иерархия, о которой шла речь в предыдущей главе. Тут же его ожидал крест, водруженный прямо на земле, по правую руку от императора и поддерживаемый веститорами. Август снова переодевался и надевал *camptagi, διβητήσιον*⁵²⁹ и пурпурную хламиду, что довольно странно, ведь ранее он уже облачался

⁵²⁴ Latham J. Rolling Out the Red Carpet, Roman-Style: The Arrival at Rome from Constantine to Charlemagne. // Urban Developments in Late Antique and Medieval Rome. / Eds. G. Kalas, A. van Dijk. Amsterdam, 2021. P. 137.

⁵²⁵ MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity. S. 747.

⁵²⁶ Мαρτιριум св. Карпа и Папила в Саматее.

⁵²⁷ Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Paris, 1969. P. 413–415.

⁵²⁸ Дословно: страж дворца. Т.е., вероятно, управляющий дворцом.

⁵²⁹ Длинная до пола туника, перехваченная поясом, с золотыми вставками на ключицах.

в этот наряд – К. Роллингер объясняет данный казус неоднородностью текста: в протоколе записи изначально описывался адвентус, не связанный с возвышением, и что здесь была упущена адаптация к конкретной ситуации⁵³⁰.

В этом облачении император садился в повозку, перед которой несли крест⁵³¹ и *περσικίων*⁵³². В повозку к императору поднимался первый патрикий или тот, кого император желал пригласить; войдя в повозку, он целовал императору руку. Два *comites scholarum* шли рядом, держась за ручки колесницы (*τὰ μῆλα τῆς καρούχας*). Любопытно, что этот факт упоминается только через две страницы общего повествования, что подтверждает точку зрения К. Роллингера о неоднородности текста. Остальные *ἄρχοντες* продвигались впереди экипажа.

Приехав на Форум Константина, император сходил с повозки и принимал префекта города и сенат. Предводитель сената (*ὁ πρῶτος τῶν συγκλητιῶν*) вместе с префектом города преподносил августу золотой венок (*μοδίολον χρυσοῦν*) (De cer. I. 91, R413–414). Это довольно важный момент, на котором стоит остановиться подробнее. В начале данной главы мы отмечали, что легитимность избранного императора строилась вокруг согласия различных групп влияния «принять» нового августа. В данном случае Лев обменивался символическими приветствиями с наиболее влиятельными гражданами города – префектом и сенатом, а они, в свою очередь, выражали согласие с его правлением, преподнося ему золотой венок, служащий символическим подтверждением их лояльности. К тому же, надо полагать, их приветствия проводились в строгом порядке придворного церемониала, о чем свидетельствует упоминание Петром Патрикием слова *στόματος*⁵³³, обозначающего неотъемлемую часть *adoratio purpureae* (ibid). Не стоит забывать, что все это осуществлялось в присутствии толп народа и в соответствующих декорациях триумфального шествия.

После того, как сенат и префект города выражали согласие с правлением нового императора, он снова садился в повозку, теперь уже один. Между тем его также сопровождали *ἄρχοντες* и сенаторы, и в таком составе август отправлялся через площадь Августеон в храм Св. Софии. Как водится, в храме император снова снимал диадему и передавал ее препозиту. Тот брал ее, а затем перед алтарем возвращал августу, и он уже клал ее на святой престол. Далее император делал пожертвование церкви, размер которого зависит от его усмотрения, слушал чтение евангелия, возможно, причащался, а затем получал венец от патриарха (De cer. I.91, R415). Тем самым новый император признавался Церковью, как ранее он был признан сенатом и префектом города.

⁵³⁰ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 501.

⁵³¹ *ὁ σταυρός*. Наличие креста в церемонии прослеживается со времени Аркадия и Феодосия II (Soz. VII.8; Soc. VI).

⁵³² Т. е. скипетры с изображением августа. См. II главу.

⁵³³ Т.е. поцелуя.

Только после этого император отправлялся в Большой Дворец, и его встречали остальные комиты схол, охранявших здание. Они приветствовали нового августа по правилам, продиктованным церемониалом, а после сенаторы и префекты⁵³⁴ преподносили августу *πιπτάκιον* в три тысячи фунтов серебра. Император принимал его и тотчас возвращал назад. Затем в сопровождении всех присутствующих он входил в Большой Дворец и вступал во владение им. Здесь вновь проявляется строгое разграничение допуска в различные части императорского дворца: чем выше ранг чиновника, тем дальше он мог сопровождать императора. Префекты сопровождали императора в консисторий, где по желанию нового правителя могло произойти заседание с выдачей пробаторий и кодицилов, а также с чтением панегириков. Сенаторы и *ἄρχοντες* сопровождали императора дальше, вероятно, в один из внутренних дворов или в триклиний. Только патриции сопровождали императора в кубикулум, т.е. в самый центр дворца (De cer. I. 91, R416). Затем наступали празднования, первоначально в виде банкета во дворце, а затем и городские торжества.

В этом отношении можно отметить и значительную разницу между западной частью империи и восточной. Церемониальное прибытие в Рим или Равенну для утверждения нового императора в качестве августа не обладало той же значимостью, что и прибытие в Константинополь, поскольку западная часть Римской империи была в значительной мере более регионализована и децентрализована⁵³⁵. К «группам принятия» западного императора кроме традиционных элит относились также восточный император, варварские короли и региональная элита, не представленная в Риме. На востоке август провозглашался таковым либо при жизни своего предшественника и при содействии августы, либо, как было в случае Анастасия I, Юстина I и Юстина II и далее, – уже только на ипподроме, где император вступал в коммуникацию с городом в целом⁵³⁶.

Западный же император, насколько мы можем судить, провозглашался исключительно армией – только она была той постоянной силой, от которой зависела легитимность императора. Этим же объясняется и бóльшая значимость роли *magister militum*: без его участия никакой кандидат не мог получить статус августа. Но точно так же одна лишь армия не могла

⁵³⁴ Префект города и, возможно, претория. Либо же под словом *ἐπαρχος* мог пониматься *magister officiorum*.

⁵³⁵ Старостин, Д. Н. Регионализм и идея единства империи в истории галльской церкви III - VI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: история. 2014. №4. С. 52–63; Weisweiler J. Universal Monarchy and Transregional Aristocracy in the Fourth; Szidat J. Gaul and the Roman Emperors of the Fourth Century. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Eds. Wienand J. P. Oxford, 2014; Kulikowski M. Regional Dynasties and Imperial Court; Poulter A. The Transition to Late Antiquity, on the Danube and Beyond. Oxford, 2012; Leone A. Changing Townscapes in North Africa from Late Antiquity to the Arab Conquest. Bari, 2007; Sears G. Late Roman African Urbanism. Continuity and Transformation in the City. Oxford, 2007; Matthews J. Western aristocracy and imperial court.

⁵³⁶ Главным образом см. Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel.

провозгласить императора самостоятельно, поскольку новоиспеченный август должен был быть принят в качестве такового различными группами подданных. Именно по этой причине императорский трон на западе часто был вакантен, и тому же Рицимеру приходилось искать компромиссы, а само положение западного императора было не настолько крепко, ведь его провозглашение подразумевало значительно более скромное участие разнообразных «групп принятия». На востоке же после провозглашения Анастасия I на ипподроме связь императора с городом лишь укрепилась.

§3.4. Император и публичные празднества

После того, как император Лев I был провозглашен на Марсовом поле и в ходе церемонии *adventus* обосновался в Большом дворце, начались массовые народные празднества, в рамках которых публика снова могла лицезреть августа в моменты его торжества и наивысшего могущества. Стремление подданных увидеть своего императора означало их искреннее одобрение его политики, а в случае «восшествия на трон» – согласие с этим. Панегирик августу Феодосию содержит следующие слова: «Какими толпами изумленных людей, какой многочисленной аудиторией я буду окружен, когда скажу: “Я видел Рим, я видел Феодосия, я видел их одновременно!”» (Pan. Lat. XII. 42. 5). В этом отношении автор панегирика выступает в роли Абиннея, который в качестве аргумента в пользу своего повышения по должности заявлял о своем пребывании при императорском дворе.

Создатели панегириков подчеркивали, что возможность увидеть императора представлялась редко, зато она всегда приводила публику в восторг. Авторы, и не только панегиристы, считали, что император должен был быть доступен публике, а исчезновение его из поля зрения подданных – это свидетельство невовлеченности августа во внутренние дела империи. В то же время акцент, который многие панегиристы делали на восторженном впечатлении от встречи с императором, особенно в городах, которые не являлись его резиденциями, свидетельствует о растущем понимании того, что такое зрелище ни в коем случае не должно было считаться обыденным или само собой разумеющимся, а являлось привилегией⁵³⁷.

Позднейшие исследователи придерживаются сходной точки зрения относительно появления императоров на публике⁵³⁸. В частности, постоянное присутствие императора в

⁵³⁷ Icks M. Keeping up Appearances. Evaluations of Imperial (in)Visibility in Late Antiquity // Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD. / Eds. E. Manders, D. Slootjes. Stuttgart, 2019. P. 177.

⁵³⁸ Van Nuffelen P. Playing the Ritual Game in Constantinople. P. 184.

Константинополе привело к созданию византийского гражданского церемониала, который включал как светские, так и церковные мероприятия. Он обеспечивал единение народа и императора, а также укреплял лояльность подданных по отношению к властителю⁵³⁹. По выражению К. Келли, Константинополь был парадным городом⁵⁴⁰. В субботние, воскресные и праздничные дни в нем проводились литургические процессии, в ходе которых использовались серебряные кресты, освященные свечи, пелись псалмы. Наиболее запоминающимися были пышные церемонии, посвященные прибытию святых реликвий. А присутствие императоров, иногда вместе с другими членами императорской семьи, преображало эти события, придавая им еще большую значимость – император становился соучастником и инициатором этих событий⁵⁴¹.

Тема праздников в Римской империи довольно неплохо представлена в историографии⁵⁴². Празднества оказывались важным элементом полисной идеологии, и участие в них определяло гражданский статус участника⁵⁴³. Праздники назывались *feriae* или *dies feriales*. Традиционно они были приурочены к каким-либо священным дням, которые принадлежали богам, а потому в эти дни нельзя было заниматься коммерческой или судебной деятельностью. Во время этих праздников проводились различные ритуалы, процессии, жертвоприношения, пиры, ну и, конечно, игры, гладиаторские бои, театральные представления.

В поздней Античности в связи с распространением христианства, которое препятствовало проведению празднеств в честь языческих божеств, такие обязательные компоненты языческого культа, как молитвы в храме и совершение жертвоприношений, были теперь вовсе невозможны⁵⁴⁴. В течение IV–V вв. христианские праздники стали *feriae publicae* (такие как воскресенье, Пасха, Пятидесятница, Рождество, Богоявление) (СTh. II. 8. 1; II. 8. 18); одновременно с этим языческие *feriae* становились обычными рабочими днями (СTh. II. 8. 22). Более того: в дни христианских праздников были запрещены популярные в народе зрелища (гладиаторские бои, ристания колесниц), равно как и по воскресеньям, за некоторыми

⁵³⁹ Van Nuffelen P. Playing the Ritual Game in Constantinople. P. 185; Diefenbach S. Op. cit. P. 63–64; Wiemer H.-U. Akklamationen im spätrömischen Reich. Zur Typologie und Funktion eines Kommunikationsrituals. // Archiv für Kulturgeschichte. 2004. Bd. 86. S. 63; Croke B. Reinventing Constantinople: Theodosius I's imprint on the imperial city. // From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture, 284–450 CE. / Eds. S. McGill, C. Sogno, E. Watts. Cambridge, 2010. P. 251, 260.

⁵⁴⁰ Kelly C. Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. Cambridge, 2013. P. 42.

⁵⁴¹ MacCormack S. Art and ceremony. P. 6–8, 46–48.

⁵⁴² Scullard H.H. Festivals and Ceremonies of the Roman Republic. London, 1981; Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. // Человек и общество в античном мире. / Ред. Л.П. Маринович. М., 1998. С. 295–362; Rüpke J. 1998: Fasti. // Der Neue Pauly. Bd. 4. Metzler–Stuttgart, 1998. S. 434–439; Graf F. Roman Festivals in the Greek East. Cambridge, 2015; Kahlos M. Religious Dissent in Late Antiquity. Oxford, 2020. См. нашу статью: Конопаткин В.А. Власть римского императора и публичные празднества в конце IV–V вв. // ПИФК. 2024. № 4 (86). С. 115–125.

⁵⁴³ Маринович Л. П. Указ. соч.

⁵⁴⁴ Schiavo S. Christian Feasts and Administration of Roman Justice in Late Antiquity. // Law as Religion, Religion as Law. / Eds. D.C. Flatto, B. Porat. Cambridge, 2022. P. 315.

исключениями, о которых мы скажем ниже (Chrys. De anno Serm. IV. 1; CTh. II. 8. 20; XV. 5. 5). Тем не менее, *ludi* и *circenses* активно проводились при императорской поддержке, но только при условии отсутствия «каких-либо жертвоприношений или проклятых суеверий» (CTh. XVI. 10. 17; XV. 5. 3; II. 8. 23, 24). Запретить же сами языческие празднества оказалось невозможно, религиозные коннотации, конечно, исчезли, но традиции празднования либо сохранялись, либо перенимались в новой христианской оболочке⁵⁴⁵. Например, многие элементы *Isidis navigii* вошли в репертуар средневекового карнавала, то же самое произошло с сатурналиями⁵⁴⁶. Кроме того, запрет языческих коннотаций в празднованиях и осуждение их христианами авторами вовсе не означает, что плебс не видел в своем участии некоего сакрального подтекста.

Существуют исключительно значимые и ценные источники, которые сообщают нам о том, какие праздники и в честь какого события проводились. Один источник происходит из Рима (354 г.), это т.н. Календарь Филокала⁵⁴⁷, а другой – из Лугдуна (449 г.) за авторством Полемиа Сильвия⁵⁴⁸. Их изучение интересно потому, что они были созданы христианами, следовательно, мы можем быть твердо убеждены в их ангажированности, когда речь заходит о составлении распорядка года. Однако в обоих календарях наряду с христианскими праздниками упоминаются и языческие, в более позднем календаре их на порядок меньше⁵⁴⁹. Помимо самого наименования праздника, в календарях отмечались и дни проведения *ludorum* и *circensium*, которые сами по себе не являлись *dies feriae*. Нас же в данной работе интересует не религиозная жизнь позднеантичного общества, а порядок почитания императоров. Праздники и церемонии, связанные с императором и его семьей, являются наиболее частыми и важными из всех, значительное количество *ludi* и *circenses* проводились именно в их контексте⁵⁵⁰.

Таковыми значимыми днями были дни рождения самого императора или кого-то из членов его семьи, годовщина восшествия на престол, *adventus*, громкие победы. Более того, как указывалось выше, в воскресенье, а также в дни христианских праздников запрещалось проводить какие-либо увеселительные мероприятия, однако знаменательные даты жизни августов оказывались исключениями (CTh. II. 8. 20). Императоры в целом проявляли немалую заботу о том, чтобы увеселения проводились либо в их честь, либо по какому-либо другому

⁵⁴⁵ Ibid. P. 316.

⁵⁴⁶ Salzman M. R. On Roman Time. P. 240; Alföldi A. Isis-szertartások Rómában a negyedik század keresztény császárai alatt. Budapest, 1937. P. 46.

⁵⁴⁷ Salzman M. R. On Roman Time; Burgess R.W. The Chronograph of 354: its Manuscripts, Contents, and History. // Journal of Late antiquity. 2012. Vol. 5. P. 345–396.

⁵⁴⁸ Paniagua D. Intorno alla lettera prefatoria e all'introduzione del 'Laterculus' di Polemio Silvio. // Il calamo della memoria V. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità. / Eds. L. Cristante, T. Mazzoli. Trieste, 2012. P. 155–174; Chastagnol A. Notes chronologiques sur l'Histoire Auguste et le Laterculus de Polemius Silvius. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1955. Bd. 4 (2–3). S. 173–188.

⁵⁴⁹ Salzman M. R. On Roman Time. P. 244.

⁵⁵⁰ Salzman M. R. On Roman Time. P. 131.

поводу: «Точно так же, как мы уже отменили светские обряды спасительным законом, мы не позволяем отменять праздничные собрания граждан и общее удовольствие для всех. Следовательно, мы постановляем, что, согласно древнему обычаю, людям должны быть предоставлены развлечения, но без каких-либо жертвоприношений или каких-либо проклятых суеверий, и им должно быть разрешено посещать праздничные банкеты, когда того потребует общественная воля» (CTh. XVI. 10. 17).

Из других источников нам известно, что отмечались дни выдающихся свершений, например, на Западе по случаю свержения Приска Аттала (Prosp. Chron. 1263), на Востоке после победы над Гайной: в честь этого события позднее была возведена колонна Аркадия, открытие которой тоже сопровождалось торжеством⁵⁵¹. С помпой проводились свадьбы императора или его детей: к примеру, свадьбы Серены и Стилихона в Константинополе (Claud. III cos. Hon. 155–56), Гонория и Марии в Милане (Claud. Epith. 295–300), Аркадия и Евдоксии в Константинополе (Chron. Pasch. 395). Крещение членов императорской семьи также становилось торжественным мероприятием (Soc. VI. 11). Прибытие священных реликвий сопровождалось торжествами, обычными для адвента, причем император ставил подобное событие себе в заслугу и принимал участие в процессии, только уже в религиозном ключе (Chrys. Hom. in Rel. Mart. II, III). О многих праздниках, которые устраивались в честь императора или были с ним так или иначе связаны, сообщает Константин Багрянородный: праздничными он называет дни восшествия на престол, рождения наследника, день рождения императора, а также много внимания уделяет народным увеселениям (De cer. I. 47, 48, 52, 69, 70, 77, 78, 79, 82).

Разумеется, светские и религиозные праздники отмечались по-разному; остановимся именно на светских. Сократ сообщает, что по случаю свадеб высокопоставленных лиц, близких ко двору, народ плясал и украшал себя венками (Soc. V. 3. 4.), об этом упоминает и Зосим (Zos. V. 3. 4). Когда женился Стилихон, его сопровождали солдаты в белых плащах, увенчанные лавром и миртом, бросали в толпу пурпурные цветы и пели о достижениях своего полководца и его удаче⁵⁵². В целом же большинство праздничных шествий включало в себя три повторяющихся пространственных элемента: торжественно украшенные улицы и площади, возведенные по случаю развлекательные здания типа павильонов или декораций и храмы. Из источников становится ясно, что со второй половины IV в. праздничные процессии проходили по форуму/агоре и украшенным портиками с колоннами улицам городов⁵⁵³. Театры, скорее всего, обычно являлись конечной точкой таких процессий. Так было в городах Африки (Aug. Serm. 198. 2) и в Антиохии (Chrys. Hom. Matt. VII. 6).

⁵⁵¹ Bauer F. A. Platz und Denkmal in der Spätantike. P. 203–212.

⁵⁵² Lavan L. Public spaces. P. 166–167.

⁵⁵³ Ibid.

Любопытно, что о деталях торжеств мы зачастую узнаем от христианских авторов, которые эти торжества не только не одобряли, но даже обращались к своим единоверцам с их осуждением, как, например, Тертуллиан в трактате «О зрелищах» (Tertul. Spect. 3. 30). Так, Августин в 198-й проповеди упоминает мимов, пантомимы, гонки на колесницах, травлю зверей, театры (Aug. Serm. 198. 2). Все это, по мнению Августина, отравляет душу, однако же людям нравилось участвовать в подобных увеселениях.

Августин не был одинок в своем мнении, аналогичным образом высказывался и Иоанн Златоуст. Он вспоминал, как многие из его паствы отправились на скачки вместо церкви и «наполнили весь город воплями и беспорядочными восклицаниями» (Chrys. Contra Lud. 263). Иоанн слышал это из своего дома, и ему было стыдно за своих прихожан, которые посещали эти игры и стали «пленниками дьявола» по вине зрелищ (ibid. 263-264). Спустя сто лет Севир Антиохийский скажет о том, что нет никакого оправдания тем, кто идет на скачки, но даже если они не пойдут туда, он знает, что паства любит зрелища и стремится к ним «в эти святые дни поста» (Sev. Ant. Hom. 18. 27), ведь там раздаются звуки флейты, цимбал и сатанинские песни (ibid. 28). В одном из своих гимнов Севир утверждает, что «ужас охватит тех, кто смотрит зрелище, а его самого – великий страх [за] тех, кто слушает этот постыдный шум» (Sev. Ant. Hymn. 269). Далее он предупреждает своих читателей о том, что, посещая эти зрелища, они будут «внутренне наполнены образами безнравственности и развратной распущенности» (loc. cit.). В конце Севир умоляет Бога помочь ему спасти его паству от этих безнравственных поступков, чтобы братья-христиане могли должным образом поклоняться Творцу (loc. cit.).

Светские писатели, как ни странно, тоже не особо жаловали различные увеселения, поскольку эти последние свидетельствовали о разврате и распущенности плебса. Например, Аммиан Марцеллин был зол на людей за то, что они были преданы удовольствиям и роскоши, а Прокопий Кесарийский критиковал за то же самое императорскую чету (Юстиниана и Феодору), потакавшую бесчинствам цирковых партий (Procop. Anec. VII. 17, 20-22). Аммиан Марцеллин высмеивал жителей Рима за их преданность «цветным» фракциям и веру в то, что государство рухнет, если фракция, которую они поддерживают, проиграет состязание (Amm. Marc. XXVIII. 4. 29). Далее он пишет, что «их храм, их жилище, их собрание и вершина всех их надежд – это Circus Maximus» (loc. cit.). Аммиан Марцеллин отмечает, что эта преданность конкретной фракции перетекла в их повседневную жизнь, где они вступали в конфронтацию с представителями других фракций, каждая из которых была уверена в том, что, если их фракция проиграет, безопасность империи окажется под угрозой (ibid. 30).

Императоры старались угодить разным слоям населения, поэтому еще в 325 г. римское законодательство запретило участие преступников в гладиаторских боях, тем не менее сами бои продолжались до середины IV в. на Востоке и были окончательно запрещены Гонорием в 404 г.

на Западе⁵⁵⁴. Только в конце V в. гладиаторские игры и травли зверей (*venationes*) были, наконец, полностью отменены; на Востоке они *de facto* прекратились еще в конце IV в., хотя попытки запретить их предпринимались еще в 325 г. (СТh. XV. 12. 1). Карфагенский собор в 401 г. настаивал на том, чтоб императоры отменили публичные угощения. Собор указал, что язычники заставляли христиан там присутствовать, и это якобы напоминало возврат гонений (CCSL. 149, 196–197). Впрочем, императоры ничего не стали запрещать, а, напротив, всячески поощряли публичные увеселения.

Даже такой благочестивый император⁵⁵⁵, как Феодосий II Малый, отнюдь не игнорировал зрелища. Сократ Схоластик упоминает два случая на ипподроме. В одном Феодосий после получения вести о гибели западного узурпатора Иоанна призвал народ забыть о зрелище и пойти в храм «возносить благодарственные молитвы Богу, чья рука низвергла тирана» (Soc. VII. 23. 11–13). В другом – август перед лицом непогоды призвал публику молиться (Soc. VII. 22. 16). По свидетельству церковного историка, после слов императора все люди якобы в едином порыве отправились воздавать хвалу Богу. Тот факт, что оба эти случая застигли императора на ипподроме, может иметь два объяснения. С одной стороны, Сократ Схоластик таким образом противопоставляет молитву и увеселения. С другой – именно на ипподроме август мог максимально эффективно взаимодействовать с многочисленной аудиторией, кроме того, здесь он находился в центре общего внимания. Недаром в Константинополе императорский дворец прилегал к ипподрому, так что из внутренних покоев август мог пройти прямо в императорскую ложу, чтобы быть на виду у всех присутствующих⁵⁵⁶.

Впрочем, есть все основания считать, что эффективность этих императорских проповедей либо была преувеличена автором, либо они не были встречены публикой с таким единодушным энтузиазмом. По свидетельству того же Сократа Схоластика, однажды в константинопольском амфитеатре была устроена травля зверей, и народ стал кричать, чтобы с диким животным сразился кто-нибудь из отважных смельчаков. «А вы не знаете разве, — отвечал народу император, — что мы привыкли смотреть на зрелища человеколюбиво?». «Сказав это, [он] научил народ впоследствии довольствоваться такими зрелищами, в которых нет ничего бесчеловечного» (Soc. VII. 22. 6–12, пер. И.В. Кривушина). А префект Константинополя Кир из Панополиса, занимавший свой пост в 439–441 гг., наоборот, всячески обустроивал амфитеатры, ипподромы и оплачивал зрелища. За это он получал от народа одобрение, которое публично высказывалось, из-за чего в глазах людей он представлял едва ли не вторым Константином (Malal.

⁵⁵⁴ Köhne E. Bread and circuses. The politics of entertainment. // *Gladiators and Caesars: The Power of Spectacle in Ancient Rome*. / Eds. E. Köhne, C. Ewigleben, Jackson R. Berkeley, 2000. P. 30.

⁵⁵⁵ Kelly C. Theodosius II. P. 219–284.

⁵⁵⁶ Smith R. The Imperial Court of the Late Roman Empire, c. AD 300 – c. AD 450. // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. / Ed. A.J.S. Spawforth. Cambridge, 2007. P. 189.

Chron. IV. 15–16; Chron. Pasch. 450). Т.е. устроители игр пользовались в народе гораздо большей популярностью, нежели проповедники.

Эпизод с Киром свидетельствует также о том, что обязанность финансировать зрелища ложилась на местные власти. С одной стороны, можно было опасаться, что популярность, которую принесут организатору успешные игры, повредит авторитету императора, с другой – устройство игр было делом чрезвычайно дорогим, что вело к разорению местных элит. На это в VI в. жалуется Иоанн Лид: по его словам, он «изобильное богатство от себя источает гражданам наподобие снежных хлопьев» (Ioan. Lyd. De mag. II. 8, пер. М.М. Синеца). О том же свидетельствует историк начала V в. и современник рассматриваемых событий Олимпиодор. Он сообщает, что суммы, потраченные сенаторами разного достатка на игры в Риме в конце IV в., варьировались от 1200 фунтов золота до 4000 – цифры, близкие к годовым доходам этих людей (Olymp. Fr. 41. 2)⁵⁵⁷. Итак, зрелища устраивались за счет местных элит, но во славу императора и от его имени, тем более что в конце IV–V вв. на все должности люди назначались по воле императора. Следовательно, аристократия использовала организацию торжеств и зрелищ в своих интересах, пытаясь выслужиться перед императором и получить от него похвалу.

Однако проведение игр на ипподроме Константинополя заслуживает отдельного внимания. Начиная с V в., по крайней мере, значительная часть представлений и организации имперских празднеств была возложена на профессиональные ассоциации, называемые в исследованиях «цветами», «демами», «цирковыми партиями» или просто «партиями», организационная и политическая роль которых особенно ярко проявилась в VI в. Всестороннее исследование этого процесса принадлежит перу А. Кэмерона, на которого мы всецело полагаемся в этом вопросе⁵⁵⁸. В источниках они обычно упоминаются либо только как цвета (например, *οἱ πράσινοι* или *βενέτοι*), либо как парсы или *τὰ μέρα* (например, *τῶν Πρασίνων*). Такие выражения, как *οἱ δῆμοι* (например, *τῶν Βενέτων*) или *οἱ δῆμοι τοῦ μέρους* (например, *τῶν Βενέτων*) для «партий» и *δημόται* для членов, встречаются редко и в основном ограничиваются специализированными публикациями, такими как церемониальная книга. В этих записях, во избежание недоразумений, проводится четкое различие между остальными людьми, собравшимися на ипподроме (*ὁ λαός*)⁵⁵⁹.

С точки зрения А. Кэмерона, цирковые «партии» были прежде всего спортивными объединениями, которые развились из их предшественников времен ранней империи, специализировавшихся на конкретных видах развлечений. Сами «партии» он рассматривает прежде всего как профессиональные объединения, т.е. как группы людей, которые

⁵⁵⁷ Об этом также: Jones A. H. M. TLRE. P. 537–542.

⁵⁵⁸ Cameron A. I. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 13–44.

организовывали и проводили гонки на колесницах и различные представления⁵⁶⁰. В условиях IV–V вв., когда вся власть все более концентрировалась вокруг императора, в особенности в Константинополе, эти цирковые объединения также становились зависимыми от императора, поскольку теперь *sacrum largitionum* занимался их финансированием⁵⁶¹.

Невозможно сказать, стала ли зависимость организации игр от государственных финансов основной причиной того, что игры приобрели статус значимых церемоний взаимодействия императора с подданными, или наоборот. Но мы однозначно можем сказать, что присутствие императора на ипподроме во время ристаний колесниц или же на любых других зрелищах оказывало существенное влияние на уровень его популярности в массах. Отныне ипподром стал выполнять важную общественную функцию – здесь народ мог высказывать свою радость или недовольство, выражать прошения и просьбы. В конечном счете ипподром становился пространством, где народ ритуального признавал власть императора.

Попытки императоров ублажить зрелищами плебс и одновременно не раздражать христианских иерархов продолжались на протяжении всего периода поздней Античности; императоры нуждались в поддержке простого народа, чтобы оставаться у власти, и, следовательно, не могли пойти на слишком большие уступки Церкви и отказаться от организации зрелищ, которых жаждало население. Люди нуждались в играх, чтобы здесь свободно доводить свое мнение до сведения императора; последний тоже нуждался в зрелищах, чтобы демонстрировать подданным свою власть и великодушие либо посредством личного присутствия, либо через иконографию, отраженную в памятниках на территории ипподрома⁵⁶².

В условиях, когда ипподром и проводимые там мероприятия приобретали настолько высокую значимость для подтверждения легитимности августа, необходима была строгая регламентация осуществляемого церемониала. На ипподроме у каждой из сторон были свои собственные, по-разному оформленные места и ярусы. Мы знаем, что для них были зарезервированы специальные трибуны, называемые в источниках *οἱ δῆμοι*, тот же термин, который используется в Книге церемоний для характеристики самих партий⁵⁶³. Со времени императора Феодосия II «зеленые», как любимцы императора, сидели слева от кафизмы, а «синие», соответственно, стали сидеть справа, на менее почетном месте (Malal. Chron. XIV. 1).

Значимость расположения объяснялась так же, как и важность расположения на пиру: возможностью смотреть на императора. Об этом прямо сообщает Иоанн Малала, цитируя

⁵⁶⁰ Ibid.

⁵⁶¹ Puk A. Das römische Spielwesen in der Spätantike. Berlin; Boston, 2014. S. 153.

⁵⁶² Bauer F. A. Stadt, Platz und Denkmal in der Spätantike; Humphrey J.H. Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing. Berkeley, 1986; Safran L. Points of View: The Theodosian Obelisk in Context. // GRBS. 1993. Vol. 34. P. 409–435.

⁵⁶³ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 575.

Феодосия: «Он сказал префекту Киру: “Хочу, чтобы те, кого я поддерживаю, смотрели напротив меня”» (ibid. XIV. 1–2). Их пребывание в таком месте было важно еще и с той точки зрения, что они выступали в качестве организаторов коммуникации императора с подданными – их роль зачинателей имела смысл лишь в том ключе, что они могли обращаться напрямую к императору, смотря на него.

Значение публики на ипподроме демонстрирует церемония возведения на престол Анастасия I, проводившаяся уже в этом месте. После смерти императора Зенона, пока его тело еще лежало во дворце, ипподром уже наполнился кричащими людьми. Как только императрица Ариадна вышла к народу, ее тут же оглушили многочисленные крики: «Ариадна, Августа, да будешь ты победительницей; святой Господь, даруй долгих лет жизни ей! Господи, помилуй! Много лет Августе! Православного императора для империи!»⁵⁶⁴. После того, как Ариадна с помощью чиновника выразила свое удовлетворение верностью народа, тот снова потребовал от нее императора, и тогда Ариадна заявила о выборе достойного мужа, чтобы тот стал августом (ibid). Выбор остановился на Анастасии, которого в назначенный день на ипподроме армия провозгласила императором, возложив на его голову гривны и подняв его на щите (ibid., R423). Саму церемонию преобразования частного лица в императора мы уже рассмотрели, в данном случае нам интересна реакция публики на ипподроме. Нового императора народ встречал, судя по всему, теми же аккламациями, что и армия Льва, а также: «Август, σεβαστέ (достопочтенные)»; «Процветания империи! Как вы жили, так и царствуйте! Безупречные архонты для империи!»⁵⁶⁵; «Господи, помилуй! Сын Божий, помилуй его! Анастасий, августейший, да будешь ты победителем! Да хранит Господь благочестивого императора! Бог дал тебя; да хранит тебя Бог»⁵⁶⁶ и др.

До сих пор мы, упоминая аккламации, не вдавались в особенности этого явления⁵⁶⁷. В источниках понятия *conclamatio*, *adclamatio*, *φωνή*, *ἐνφρημία*, *εὐλογία* и ряд однокоренных глаголов *βοᾶν* и *κράζειν* в основном использовались как синонимы⁵⁶⁸. Они были неотъемлемой частью античной жизни. В Империи широко использовались аккламации, как на греческом, так и на латинском языках, причем обращены они были не только к императору. Например,

⁵⁶⁴ De cer. I. 92, R418: Ἀριάδνη αὐγούστα, σὺ νικᾷς. εὐσεβῆ Κύριε, ζωὴν αὐτῇ. Κύριε ἐλέησον εἶπον, πολλὰ τὰ ἔτη τῆς αὐγούστης. ὀρθόδοξον βασιλέα τῇ οἰκουμένῃ.

⁵⁶⁵ De cer. I.92, R424: ἄφθονα τῇ οἰκουμένῃ. ὡς ἔζησας, οὕτως βασιλεύσον: ἀγνοὺς ἄρχοντας τῇ οἰκουμένῃ.

⁵⁶⁶ Ibid: Κύριε ἐλέησον υἱὲ Θεοῦ, σὺ αὐτὸν ἐλέησον. Ἀναστάσιε αὐγούστε, τοῦμνηκας. εὐσεβῆ βασιλέα ὁ Θεὸς φυλάξει. ὁ Θεὸς σε ἔδωκεν, ὁ Θεὸς σε φυλάξει.

⁵⁶⁷ Литература об аккламациях: Wiemer H.-U. Akklamationen im spätrömischen Reich; Maas P. Metrische Akklamationen der Byzantiner. // BZ. 1912. Bd. 21. S. 28–51; Roueché C. Acclamation in the Later Roman Empire: new Evidence from Aphrodisias. // Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74. P. 181–199; Biville F. Le rituel des acclamations : de Rome à «Byzance». // Latin in Byzantium I: Late Antiquity and Beyond. / Eds. A. Garcea, M. Rosellini, L. Silvano. Turnhout, 2019. P. 247–263.

⁵⁶⁸ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 577.

скандирование «Níka!» было так же знакомо императорам, как и возницам, таким как Порфирий. Законодательство настаивало на аккламации правителей и предписывало, чтобы содержание аккламаций, а также скандированной критики докладывалось императору (CTh. I. 16. 6). Бывшие обладатели титулов *magister officiorum*, *quaestor sacri palatii*, а также *comes rei privatae* и *comes sacrarum largitionum* также приветствовались аккламациями (CTh. VI. 9. 2). Аккламации часто были формой народной краткой похвалы, но они также могли использоваться в политических переговорах, например, при подаче прошения о назначении. Аккламация также могла выражать одобрение группой людей предложений церковного собора, канонов и других подобных заявлений, а также приветствовать объявление о назначении епископа (Aug. Ep. 213).

Армия удостаивала императора аккламаций по случаю его восшествия на престол на Марсовом поле, а в городе их выкрикивал народ. Х. Вимер так определяет роль народных аккламаций, звучавших по случаю публичных торжеств: «Главным стимулом для увеличения и расширения аккламаций во всех сферах общественной жизни, несомненно, было намерение позднеантичного императора привлечь как можно больше людей к участию в как можно большем количестве церемоний, которые вновь и вновь гарантировали ему необходимую и желанную легитимность»⁵⁶⁹. Соответственно, легитимность императора строилась вокруг постоянных ритуальных актов его принятия в ходе различных церемоний: армия на Марсовом поле, сенат и аристократия во дворце и в ходе ритуала *adventus*, народ же – в рамках публичных выступлений на ипподроме с помощью аккламаций. Аккламация, таким образом, служила перформативным выражением согласия подданных императора с его правлением.

Тот факт, что в различных текстах подчеркивался факт выкрикивания аккламаций тысячами людей, свидетельствует о важности создания впечатления *consensus omnium*. Недаром все аккламации содержали упоминания лояльности, признания власти правителя и пожелания ему долгих лет жизни. Единодушие голосов демонстрировало гармонию империи, консенсус подданных, согласие с правлением императора⁵⁷⁰. К. Роллингер отмечает, что сам факт совместной аккламации создавал чувство единства среди участников⁵⁷¹.

Действительно, в источниках в отношении аккламаций часто встречается выражение, что именно «народ», «толпа», или просто «все» выкрикивают слова одобрения. Почти всегда прямо подчеркивается, что восклицания были произнесены единодушно, «как бы из одних уст»⁵⁷². Идея о том, что такое единство имеет божественное вдохновение, всегда находила отклик: даже выборы епископов в конечном итоге осуществлялись путем аккламации на основе

⁵⁶⁹ Wiemer H.-U. Akklamationen im spätrömischen Reich. S. 60.

⁵⁷⁰ Rouché C. Acclamations in the Later Roman Empire. P. 188.

⁵⁷¹ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 582.

⁵⁷² Wiemer H.-U. Akklamationen im spätrömischen Reich. S. 54.

божественного вдохновения. Так, Евсевий, описывая выбор Фабиана в качестве епископа, сообщает, что весь народ в едином порыве, словно по внушению Духа Божия, единодушно возгласил «достойн» и немедленно посадил его на епископскую кафедру после того, как ему на голову сел голубь (Euseb. Hist. eccl. VI. 29). Афанасий сообщает, что люди «всенародно молили Христа», дабы был назначен в качестве епископа Афанасий (Ath. Apol. Contr. Ar. 6; Soc. IV. 30; Paulin. V. Ambr. 6)⁵⁷³. Аналогичным образом единодушие народа на ипподроме не только было призвано продемонстрировать традиционный политический *consensus universorum*, но и само стало знаком божественного одобрения императорской власти⁵⁷⁴.

§3.4.1. Император на ипподроме

Об организации гонок на колесницах на ипподроме мы знаем из более поздних источников. Так, в 69 параграфе книги церемоний имеется сообщение, датированное X в., о том, что гонки на колесницах обычно объявлялись не позднее, чем за день до их начала. Император приказывал препозиту водрузить на главных воротах ипподрома знамя, обещавшее населению запланированное зрелище. Основания относить эту процедуру также и к V в. нам дает Иоанн Малала, который пишет: «Божественный император Зенон поднял флаг, открыв заезды колесниц» (Malal. Chron. XV. 5). Для наглядности мы приведем сведения об остальных аспектах проведения гонок, однако важно учитывать, что относить их и к V в. возможно только с большой долей условности. Конечно, церемония X в. включала более древние элементы, как и любая другая византийская церемония, но все-таки с течением времени она значительно видоизменилась.

После того, как была публично проведена жеребьевка, а участники состязаний приветствовали друг друга, они уходили готовиться (De ser. I. 69, R310–323). Затем в назначенный день представители фракций торжественно являлись на ипподром (De ser. I. 72, R360–362). Пока собравшаяся публика пребывает в ожидании правителя, специальные представители «партий», которые отвечали за организацию поддержки, начинают аккламации: «Господи, спаси такого-то и такого-то, императоров римских!». После каждой реплики за ними народ трижды повторяет одни и те же слова: «Господи, спаси!» После этого факции заводят: «Помоги августейшим, Ты, восхваляемый в Троице!»; «Охраняй тех, кто в пурпуре, ты, прославленный в небесах!»; «Укрепи империю; укрепи и факцию “синих”!»; «Трижды святой,

⁵⁷³ И другие случаи: Soc. IV. 30; Paulin. v. Ambr. 6.

⁵⁷⁴ Roueché C. Acclamations in the Later Roman Empire. P. 188. Wiemer H.-U. Voces populi. Akklamationen als Surrogat politischer Partizipation im spätrömischen Reich. // Genesis und Dynamiken der Mehrheitsentscheidung. / Hrsg. E. Flaig. München, 2013. S. 192.

помоги правителям!»; «Увеличивай годы их жизни!» (De cer. I. 69, R316). Характер аккламаций также заставляет полагать, что церемония X в. в отношении императора отличалась несильно от тех, что проводились в V в., тем более в тексте Константина Багрянородного упоминается должность актуария, которая встречается уже в институции Феодосия (CTh. VIII. 7. 22). Тем временем император проводил прием в своем дворце (De cer. I. 68, R306).

Как только дела во дворце заканчивались, актуарий передавал соответствующий знак предводителю ведущей «партии», после чего она зачинала аккламацию со словами: «Восстань, боговдохновенная императорская власть» или «Взойди, выбор Троицы!», а народ отвечал им словами «Взойди!»⁵⁷⁵. Затем император являлся перед народом у кафизмы и там перед троном благословлял зрителей, совершая крестное знамение правой рукой, обернутой в хламиду, сначала в сторону «центра», т.е. в сторону «малых» демов, сидевших между «зелеными» и «синими», затем в сторону «синих» и, наконец, в сторону «зеленых». А в это время публика желала императору долгих лет правления, восхваляла его силу, всеобщую к нему любовь и победу (De cer. I. 69, R317). П. Вейн на этом основании пришел к выводу, что удовольствие, которое население получало от зрелищ, соответствовало стремлению императора к популярности в массах — именно ему доставалась вся слава, поскольку в стандартную формулу восхвалений, звучавших во время зрелищ, включалось пожелание августу долголетия и благополучного правления⁵⁷⁶. Примечательно, что пожелание победы выкрикивалось на латыни — *tu vincas*, что говорит о древности этой аккламации (ibid., R318). В то же время в отношении врагов империи выкрикивались слова: «Пусть те, кто не любят императора, пусть будут повешены, как Иуда!»⁵⁷⁷.

Ценным источником, проливающим свет на облик императора в ходе церемоний на ипподроме, является пьедестал обелиска Феодосия 389 г., возведенного по случаю победы над узурпатором Магном Максимом (CIL. III. 737)⁵⁷⁸. Пьедестал с четырех сторон был украшен рельефами, изображающими императора, членов его семьи и остальных придворных в кафизме ипподрома. Л. Сафран предположила, что рельефы различались в зависимости от аудитории, которая на эти рельефы смотрела — лучше всего зрителям были видны изображения на восточной и западной частях, потому они наиболее важны⁵⁷⁹. Рельеф на западной стороне, который был виден активным болельщикам, представителям цирковых «партий», сидящим напротив императора, показывает четырех императоров: Феодосия I, Валентиниана II, Аркадия и Гонория. Все они одеты в типичную императорскую хламиду, но лишь у Феодосия и Валентиниана

⁵⁷⁵ De cer. I. 68, R316: «ἀνάτειλον ὁ δεῖνα καὶ ὁ δεῖνα αὐτοκράτορες Ῥωμαίων» φθογγεῖ καὶ ὁ λαός ἐκ γ', ἀνάτειλον".

⁵⁷⁶ Veyne P. Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism. London, 1992. P. 400.

⁵⁷⁷ De cer. I. 69, R318: ἀπάγξεται ὡς ὁ Ἰούδας ὁ μὴ φιλῶν τοὺς ἰδίους δεσπότης.

⁵⁷⁸ Safran L. Op. cit.

⁵⁷⁹ Ibid. P. 423.

имеются диадемы – главный атрибут власти августа. Их обрамляют две коринфские колонны и арка, что напоминает устройство императорского дворца, который мы описывали в предыдущей главе. Сами правители находятся в центре, рядом с ними их телохранители и придворные. Ниже богато украшенные перила отделяют кафизму от стамы, где побежденные варвары приносят императору дань. В этом отношении император представал перед публикой покорителем народом и победителем: смотря на этот рельеф, люди выкрикивали “*tu vincas*”.

Восточный рельеф в целом схож с западным. Однако здесь август стоит в одиночестве с венком в руках, рядом с ним его сыновья, а позади – четыре телохранителя. За границами колонн в стройном ряду располагаются одетые в тоги люди, возможно, также придворные или сенаторы. Судя по всему, на этом рельефе император находится не в том же самом месте, что на предыдущем изображении, поскольку обстановка в целом отличается. Е. Иверсон предположил, что в этом случае император находится не в кафизме, а в стаме, и здесь запечатлен процесс награждения, о чем говорит и наличие венка в руке августа⁵⁸⁰. Нижняя же часть, отделенная от верхней богато украшенными перилами, изображает три ряда зрителей, танцоров и музыкантов, а также два водяных органа. В этом отношении император представлен скорее не победителем, а награждающим победителя. В некотором роде в этом случае можно расценивать роль императора как благодетеля и устроителя всенародной радости.

Другая пара рельефов – это северная и южная. Здесь император не исполняет никакой роли. На изображениях четыре правителя восседают в кафизме, обрамленной парой колонн и аркой, слева и справа от них стоят сановники и телохранители. Внизу расположены ярусы высокопоставленных зрителей, путь к которым от императорской кафизмы пролегает через ворота и лестницу, по обе стороны от которой стоят две фигуры: одна в тоге, другая в тунике. Последняя держит в руках *тарра* – белую ткань, которую обычно председательствующий магистрат (консул, претор, а иногда и диктатор) использовал для подачи сигнала к началу гонки колесниц на ипподроме, бросая ее на арену⁵⁸¹. В иконографии Римской империи *тарра* была символом консульской власти, лишь с VI в. она стала атрибутом и императора⁵⁸². Учитывая, что пьедестал датируется концом IV в., мы можем утверждать, что человек с *тарра* в руках – это консул. Возможно, игры начинались по его сигналу, а рядом с ним находился второй консул. По всей видимости, рельефы на северной и южной сторонах являлись отражением имперской иерархии, где во главе находились императоры, рядом с ними – высшие чиновники и патриции,

⁵⁸⁰ Iversen E. *Obelisks in Exile*. Vol. 2: The Obelisks of Rome. Copenhagen, 1972. P. 18.

⁵⁸¹ "Mappa" // *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities* / Ed. W. Smith, W. Wayte, G.E. Marindin. London, 1890.

⁵⁸² "Mappa" // *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A. Kazhdan. Vol. 2. New York; Oxford, 1991. P. 1294–1295.

заметное место принадлежало по прежнему престижной должности консула, а ниже располагались прочие чиновники и сенаторы.

Важно учесть, что надписи также находились только на восточной и западной сторонах пьедестала – ведь только с восточной и западной трибун их было возможно прочесть. Интересно, что на западной стороне язык текста греческий, в то время как на восточной – латинский. Это так же имело смысл с той точки зрения, что император и его чиновники использовали именно латынь, в то время как население Константинополя, представителями которого были цирковые «партии», говорили на греческом⁵⁸³. Текст излагается от лица обелиска, поднятого при Феодосии I, и общее ее содержание можно свести к фразе: OMNIA THEODOSIO CEDVNT SVBOLIQVE PERENNI (все уступает Феодосию и его вековечному потомству) – прославлению власти императора.

На символическом уровне ипподром в Константинополе выполнял целый ряд различных функций. Десятки тысяч людей в зависимости от их значимости и близости к императорскому двору были рассажены по своим местам на возвышающихся трибунах арены в соответствии с тонкой иерархией рангов и престижа. Создаваемая картина была олицетворением всей социальной иерархии в государстве – каждый посетитель таким образом был отражением любого другого императорского подданного, который не находился на ипподроме. Конечно, это взгляд из Константинополя, игнорировавший всех прочих римлян, которым не доводилось бывать в Новом Риме и при этом бывших такими же римскими гражданами – о них мы скажем в следующей главе. Однако взгляд на то, что архитектурная форма Ипподрома функционировала *pars pro toto* как отражение *imperium Romanum* и даже всего мироздания, а жители Константинополя были представителями всех римлян и в то же время единственными, кто «имел значение» в церемониальном и политическом отношении, был чрезвычайно распространен, что показал Р. Пфайльшифтер⁵⁸⁴.

Уже Тертуллиан, описывая цирк в Риме, отмечает, что он посвящен солнцу, которому там воздвигнут храм, и лучезарный образ сияет на вершине храма (Tert. De spec. 8). Об этом же сообщает и Исидор Сивильский, однако добавляет: «Римляне, чтобы оправдать суеверия своих пустых верований, утверждают, что цирковые игры представляют собой первоначала мира»⁵⁸⁵. Схожим образом цирковые игры описывает и Иоанн Малала, связывая их с сегодняшним днем, предлагая читателю историю происхождения цветов цирковых «партий». Он сообщает, что огромная толпа из каждого района и города приходила смотреть годовые царские состязания.

⁵⁸³ Safran S. Op. cit. P. 420-423.

⁵⁸⁴ Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel. S. 41–75, 294–354.

⁵⁸⁵ Isid. Etim. XVIII. 29: Fingunt autem Circensia Romani ad causas mundi referre, ut sub hac specie superstitiones vanitatum suarum excusent.

Жители прибрежных городов, островов и деревень, а также матросы молились за победу участника в «синих» одеждах – символе Посейдона. Они воспринимали исход состязания как предзнаменование успеха, а поражение представителя морского божества сулило исчезновение всех видов рыб в море, кораблекрушения и беды от бурь. Жители внутренних районов, крестьяне и все, кто был связан с земледелием, молились о победе атлета в зеленых одеждах – символе Деметры. Поражение же ее представителя обещало неурожай зерна, вина, масла и других культур (Malal. Chron. VII. 4). По сведениям Иоанна Малалы, Ромул был первым, кто учредил состязания в Риме, также в честь Солнца и четырех стихий, подвластных ему. Гонки квадриг символизировали земле, морю, огню и воздуху. Ромул дал названия этим четырем факциям: «зеленой» факции – от земли из-за ее зелени; «голубой» факции – от моря, т.е. воды из-за ее синевы; «красной» факции – от огня из-за его алого цвета; наконец, «белой» факции – от воздуха из-за его «белизны» (ibid., 4).

Кассиодор, также возводя происхождение игр к празднованию в честь солнца, описывает возведение *Circus Maximus*. Он включал «отражения великих вещей» (*magnarum rerum indicia*): двенадцать ворот были равны двенадцати знакам зодиака, цвета были отражением четырех сезонов, тем самым сменялся целый год, проходя через 12 знаков зодиака. Колесница с двумя лошадьми была придумана как подражание луне, а с четырьмя – солнцу. Лошади наездников, на которых служители цирка объявляют о предстоящих заездах, имитируют скорость утренней звезды, предшественницы солнца. Гонки проводятся вокруг семи столбов, которые олицетворяют семь дней недели. Сами же столбы, в соответствии с зодиакальным делением, имеют по три вершины, которые гонщики подобно быстрым колесницам Солнца, стремительно объезжают. Высокие обелиски возвышаются до небесных высот: более высокие посвящены солнцу, более низкие – луне, а тайны древних обозначены на них халдейскими знаками (т.е. иероглифами), как бы буквами (Cass. Var. III. 51. 4–9).

Итак, гонки на колесницах и цирковые представления были отражением объективного миропорядка, установленного богами, однако теперь, как минимум с V в., когда император стал верховным распорядителем игр и главным их организатором, он сам воплощением этого порядка⁵⁸⁶. Об этом изменении прямо сообщает Коринп: «Но когда создатель солнца решил дать увидеть себя под солнцем, и когда Бог принял человеческий облик от Девы, тогда игры в честь

⁵⁸⁶ Об этом также: Meier M. Die Abschaffung der venationes durch Anastasios im Jahr 499 und die "kosmische" Bedeutung des Hippodroms. // Feiern und Erinnern: Geschichtsbilder im Spiegel antiker Feste. / Hrsg. H. Beck, H.-U. Wiemer. Berlin, 2009. S. 203–232.

солнца были отменены, а почести и игры были предложены римским императорам, приятные развлечения цирка – Новому Риму»⁵⁸⁷.

Таким образом, император как бы перенял роль солнца. Мы не будем подробно останавливаться на значении культа Солнца в репрезентации римской императорской власти. *Sol invictus* занимал значительное место в образе императора со II в., в III в. император стал почти отождествляться с солнцем – оно стало неотъемлемой частью его иконографии⁵⁸⁸. Значимую роль в изменении восприятия солнечного культа сыграл Константин Великий⁵⁸⁹. Даже Евсевий подчеркивал особую близость императора к *sol invictus*: «Словно восходящее солнце, позволяющее всем обильно делиться лучами света, Константин также появился перед императорским дворцом одновременно с восходящим солнцем, как если бы он восходил вместе с небесной звездой. Он сиял лучами своего личного совершенства всех, кто предстал перед его лицом» (Euseb. Vit. Const. I. 43. 3).

В предыдущей главе мы подчеркивали важность расстановки света в императорском дворце, дабы от головы императора исходило свечение – в этом также прослеживаются ассоциации императора с солнцем. Однако на ипподроме этот факт играл еще более значимую роль. Кафизма находилась на востоке, а состязания начинались рано утром. Публика звала императора словами «ἀνάτειλον» – это же слово использовалось в отношении солнца. Т.е. зрители ранним утром призывали императора явиться перед ними таким же образом, как они могли призывать солнце взойти из-за горизонта. Явление императора в кафизме, являвшейся высшей точкой ипподрома, было сравнимо с восходом солнца: публику ослепляли лучи солнца как с неба, так и через отражения драгоценных металлов императорского одеяния. Торжественная и богатая обстановка ипподрома включала обелиски, памятники, мозаики и прочие предметы декора, отделанные металлами, отражавшими свет – весь он концентрировался на фигуре императора, создавая вокруг него сверхъестественное свечение⁵⁹⁰.

Ранее мы отмечали, что с IV в. в ходе адвента стала отмечаться абстрактная победоносность императора, не привязанная к конкретному случаю. Победа всегда занимала важную часть императорского самовыражения. Т. Хельшер полагал, что в античности победы над внешними врагами властители всегда старались конвертировать в политическую власть – в

⁵⁸⁷ Corr. In laud Iust. I. 339-344: sed factor solis postquam sub sole videri | se voluit formamque deus de virgine sumpsit | humani generis, tunc munere solis adempto | principibus delatus honor munusque Latinis | et iucunda novae circensia gaudia Romae.

⁵⁸⁸ См.: Berrens S. Sonnenkult und Kaisertum von den Severern bis zu Constantin I. (193–337 n. Chr.). Stuttgart, 2004; Hijmans S. E. Sol: Image and Meaning of the Sun in Roman Art and Religion. Leiden, 2024.

⁵⁸⁹ Wallraff M. Constantine's Devotion to the Sun after 324. // Studia Patristica. 2001. Vol. 34/38. P. 256–269; L'Orange H.P. Sol Invictus Imperator: Ein Beitrag zur Apotheose. // Norwegian Journal of Greek and Latin Studies. 1935. T. 14 (1). P. 86–114.

⁵⁹⁰ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 614.

Римской империи этот процесс достиг апогея. Символические проявления победы закрепляли идею господства императора как среди подчиненных народов, так и среди самих римлян, которых победоносность августа убеждала в его легитимности⁵⁹¹. Идея победы была важной частью имперской идеологии, особенно проявившей себя в отношении жителей империи в целом, о чем мы скажем в следующей главе. Сейчас важно остановиться на идее, что в V в., особенно на востоке, прославление победоносности императора было перенесено на ипподром⁵⁹². Так, Евагрий Схоластик и Марцеллин Комит сообщают, что мятежники Лонгин Селинунций и Инд, скованные по рукам и ногам железными цепями, в 498 г. были торжественно проведены по ипподрому (Marc. Com. 498; Evagr. Schol. Hist. Eccl. III. 35).

Поскольку мероприятия на ипподроме проводились по случаю одержанных побед, то публика аккламациями неизменно прославляла победу августа, рельефы пьедестала обелиска Феодосия представляли императора победителем и триумфатором. Даже трофейные слоны по случаю скачек совершали поклон перед императором в знак подчинения ему, по сообщению Иоанна Эфесского (Ioan. Eph. Hist. Eccl. II. 48). Константинополь был полон конными статуями императоров в роли победителей и триумфаторов⁵⁹³. Сами представления также были отмечены почитанием августа как победителя. Как пишет П. Вейн, «победа одной из группировок колесничих в цирке была хорошей возможностью отпраздновать в символическом ритуале вечную победу монарха и превратить цирковые церемонии в своего рода триумф»⁵⁹⁴. Та же картина имела место не только в Константинополе, но и в Риме на арене Большого Цирка⁵⁹⁵.

Выводы

В позднеантичный период значение города в системе репрезентации императорской власти было напрямую связано с его близостью к фигуре императора. Города, где располагались императорские резиденции, такие как Константинополь, Рим и Равенна, приобретали особый

⁵⁹¹ Hölscher T. The Transformation of Victory into Power: From Event to Structure. // *Representations of War in Ancient Rome*. / Ed. S. Dillon, K. E. Welch. Cambridge, 2009. P. 27. См. также Gagé J. Op. cit.

⁵⁹² McCormick M. *Eternal Victory*. P. 92.

⁵⁹³ Stewart P. Representations of Power and Imperial Manliness in the Reign of Theodosius II. // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2013. Vol. 37 (2). P. 157–176; Bauer F. A. Stadt, Platz und Denkmal. S. 158, 201; Mango C. The Columns of Justinian and His Successors. // *Studies on Constantinople*. / Ed. C. Mango. Aldershot, 1993. S. 3–8; Грабар А. Указ. соч. С. 28, 37, 51, 68; Bassett S. The Topography of Triumph in Late-Antique Constantinople. // *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike* / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin, 2017. P. 511–554.

⁵⁹⁴ Veyne P. Op. cit. P. 400.

⁵⁹⁵ Humphries M. Emperors, Usurpers, and the City of Rome Performing Power from Diocletian to Theodosius. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. / Ed. J. Wienand. Oxford, 2014. P. 153.

статус, становясь центрами политической и символической власти. Легитимность императора зависела от принятия его различными группами – армией, сенатом, влиятельными сановниками и городским населением, – которые прежде всего были сосредоточены в крупных городах или рядом с ними. На Западе города не могли исполнять ту же роль, что и Константинополь, поскольку в Риме и Равенне находились разные социальные элиты, с которыми императоры не могли взаимодействовать в рамках одних и тех же церемоний, как это было на востоке. Кроме того, западный император был вынужден считаться со своим восточным коллегой и многочисленными варварскими королями.

Согласно «теории принятия», церемония восшествия императора на трон служила ключевым инструментом превращения обычного человека в августа. Такие элементы ритуала, как венчание гривнами, армейские аккламации и поднятие на щит, символизировали избрание императора армией, хотя на самом деле они отражали согласие военных с решением, уже принятым другими влиятельными группами населения. Эта церемония была крайне важна для подтверждения легитимности нового правителя. Публичное участие в ней демонстрировало всеобщее согласие с его правлением, подобно тому как участие в придворных ритуалах подчеркивало поддержку установленного императором порядка.

Однако церемония, проводимая в военном лагере близ императорской резиденции, не могла охватить все «группы принятия» – в ней участвовали в основном армия и приближенные ко двору чиновники. Именно поэтому, начиная с Анастасия I, такие церемонии стали проводиться на ипподроме Константинополя, где могли быть представлены более широкие слои общества. Ранее же обязательной частью процесса было проведение *adventus* – торжественного въезда императора в город, во время которого жители приветствовали его, выражая тем самым согласие с его властью. Однако степень репрезентативности «групп принятия» в церемонии возвышения была прямо пропорциональна степени легитимности августа. Если на Востоке Константинополь создавал пространство, в котором основные группы влияния были представлены в полной мере, то на Западе такого центра не было, как и не было единой элиты. Армия оставалась основным источником принятия власти императоров, частично этим и объясняется ее чрезвычайное влияние.

Вся топография и оформление городов оказывались подчинены цели адвента. Бани, ипподром, арки, императорский дворец и собор — все они были связаны единой улицей, оформленной грандиозными колоннами, и представляли собой кульминацию «имперской» архитектурной парадигмы, сформировавшейся в конце III в. Процесссионные улицы, разделявшие пополам сердце ведущих политических и административных центров поздней империи, стали главным и наиболее мощным архитектурным проявлением идеального консенсуса между правителями и подданными. Они были сценой, которая создавала и воплощала

социальный порядок городского коллектива, его составные части. Жители позднеантичного города выстраивались в колоннадах вдоль главного процессионного пути, чтобы засвидетельствовать торжественное шествие своих властителей. Присутствующие стояли рядом со статуями императоров и выставленными здесь же указами и прокламациями.

На улицах города император встречал своих подданных разной степени влиятельности и знатности, однако все они в ходе ритуальных актов принятия выражали свою лояльность августу. С аристократией и сановниками император вступал в символическую коммуникацию, обмениваясь церемониальными приветствиями и обещанием совместной работы, народу же август демонстрировал свое величие и победоносность – гарантию будущего благополучия империи. Однако главным пространством взаимодействия императора и подданных становился ипподром, который в некотором роде следует рассматривать в том же ключе, что и императорский двор. Поведение императорских чиновников, организаторов игр, руководителей активной части болельщиков подчинялось строгому регламенту, который записывался в протоколе церемоний, дабы он не был нарушен.

Если при дворе августа присутствовали выстроенные в строгом иерархическом порядке придворные и редкие гости, то на ипподроме в аналогичном по значению действе принимала участие также значительная часть константинопольского населения, рупорами которого являлись представители фракций, также организованные в соответствии с установленными императором правилами. Они не могли совершать *adoratio*, чтобы подтвердить собственную лояльность императору и согласиться с его правлением, как это делали чиновники и аристократы – в их случае такую функцию выполняли аккламации. Всенародные крики поддержки в адрес императора – *consensus omnium* – являлись актами принятия его власти, свидетельствами легитимности августа. Однако зрители на ипподроме, возможно, не были единственными адресатами подобных проявлений лояльности. Таковыми вполне могли быть сенат и двор: картина всенародной поддержки августа и невероятный энтузиазм публики создавали впечатление незыблемости власти императора, которой элиты не могли противостоять, а, значит, были вынуждены ее принимать и одобрять.

Глава 4. Тотальная видимость власти: механизмы репрезентации «in omnibus locis»

До сих пор мы фокусировали свое внимание исключительно на императорском дворце и крупнейших городах империи. Однако власть императора не ограничивалась лишь этими центрами. Даже в V в. Римская империя, несмотря на потерю целого ряда территорий, продолжала занимать обширные земли с многочисленным населением. Если жители Константинополя, Равенны или Рима могли лицезреть священную особу императора, то провинциалы или солдаты, которые несли службу на границах, такой возможности были лишены. Тем не менее каждый подданный империи так или иначе постоянно сталкивался с проявлениями государственной власти: граждане служили в армии, платили налоги, участвовали в судебных разбирательствах, состояли в гильдиях, занимались торговлей, а также подчинялись законам и местным чиновникам или военачальникам. Повседневный опыт взаимодействия с государством, общий для жителей как самой восточной, так и самой западной провинции, являлся ключевым признаком принадлежности к населению Римской империи.

Традиционно в античных городах управленческие функции сосредотачивались в руках выборных магистратов, происходивших из местной элиты. В эпоху поздней Античности эти же функции стали выполнять, как правило, те же люди, но уже в качестве императорских чиновников. В первой главе мы показали, что вся власть в государстве исходила от императора, включая назначение любого чиновника, который формально действовал от имени августа. Таким образом, любая политическая активность так или иначе сводилась к фигуре императора. Однако именно с чиновниками взаимодействовала значительная часть населения Поздней Римской империи. Во второй и третьей главах нами были рассмотрены ритуалы выражения лояльности императору со стороны армии, аристократии и столичного населения, которые подтверждали легитимность власти августа. Однако в этой сложной системе признания императорской власти чиновникам не уделялось должного внимания, хотя именно они непосредственно воплощали в жизнь волю правителя и обеспечивали функционирование государственного аппарата. В этой связи было необходимо установить связь между фигурой императора, императорским чиновником и рядовым подданным в повседневной гражданской жизни провинций.

§4.1. Иерархия по воле императора: система статусных пожалований в Поздней империи

Под чиновниками в данном случае мы понимаем главным образом региональных наместников: это *praefecti*, *vicarii*, *praesides*, *correctores*, *consulares*, *proconsules*, а также посланцы от императорского двора – *palatini*. Формально именно император решал, достоин ли (*dignus*) кандидат занять какую-либо должность, например, *iudex* (судьи) и соответствует ли он установленным требованиям⁵⁹⁶. Противоречить решению императора было серьезным преступлением, даже святотатством (*sacrilegium*), поскольку «не подобало подвергать сомнению решение императора»⁵⁹⁷. В то же время никому из куриалов или чиновников не дозволялось претендовать на *dignitatem* иначе, как после выслуги лет или личного назначения императора⁵⁹⁸. Узурпация статуса была серьезным преступлением в том смысле, что нарушитель не только претендовал на роль, которой не заслуживал и тем самым нарушал социальную иерархию, но и ставил под сомнение роль августа как единственного легитимного источника *ordo dignitatum*. Именно император обладал монополией на распределение ключевых позиций в обществе⁵⁹⁹, и ничто не должно было нарушать этот порядок, как был озаглавлен 5 титул 6 книги Кодекса Феодосия – «ut dignitatum ordo servetur» («дабы соблюдался порядок званий») (CTh. VI. 5). Значимость порядка «званий и почестей» (*dignitates et honores*) заключалась в точном определении места человека в обществе в целом и среди иных социальных групп в частности⁶⁰⁰.

Статус приобретался в результате императорского пожалования после того, как чиновник достигал определенной выслуги. В этом отношении стоит вспомнить классическую работу М.

⁵⁹⁶ CTh. I. 6. 9: disputari de principali iudicio non oportet: sacrilegii instar est dubitare, an is dignus sit, quem elegerit imperator

⁵⁹⁷ CI. I. 23. 5: sacrilegii instar est divinis super quibusdam administrationibus vel dignitatibus promulgandis obviare beneficiis; CTh. XVI. 2. 25: qui divinae legis sanctitatem aut nesciendo confundunt aut neglegendo violant et offendunt, sacrilegium committunt.

⁵⁹⁸ CTh. XII. 1. 65: Omnes curiales, qui qualibet gratia prius ad altiore gradum properaverint, quam munia universa percurrerint, ad ordinem necessitatum suarum revocentur nec ante ad usurpatam dignitatem admittantur, quam quae patriae debentur impleverint ...; XII. 1. 85: Omnes iudices provinciarumque rectores a consuetudine temerariae usurpationis abstineant sciantque neminem omnino principalium aut decurionum sub qualibet culpae aut erroris offensa plumbatarum cruciatibus esse subdendum ...; VI. 35. 13: Omnes, qui in palatio militando diversis actibus paruerunt, secundum legem domini germani nostri in tantum eius dignitatis, cuius meruerint missionem, optinere norint insignia, ut his omnibus praeferantur in ordine atque consessu, qui posteriore tempore regendas provincias dignitatesque susceperint palatinas.

⁵⁹⁹ Schlinkert D. Ordo Senatorius und Nobilitas: die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike; Mit einem Appendix über den Praepositus Sacri Cubiculi, den 'Allmächtigen' Eunuchen am Kaiserlichen Hof. Stuttgart, 1996. S. 78. См также: Löhken H. Ordines Dignitatum. Untersuchungen zur formalen Konstituierung der spätantiken Führungsschicht. Cologne; Vienna, 1982.

⁶⁰⁰ Зайцева Е.С. Социальный статус римских сенаторов по данным Кодекса Феодосия: законодательство и реальность. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24 (3). С. 203.

Мосса «Очерк о даре»⁶⁰¹, в которой описано, как посредством императорских «даров» устанавливалась иерархия. Император, даруя подданному то, чем обладал только он, тем самым устанавливал свое превосходство, поскольку получатель дара не мог ответить аналогичным образом, а, значит, становился должником, обязанным ответить дарителю какой-либо услугой. М.А. Бойцов и Г. Альтхоф, изучив материалы средневековой истории, отмечали, что дары означают больше того, чем являются: они обладают символическими свойствами. Они олицетворяют желание и готовность дарителя вступить в определенные отношения с одариваемым/одариваемыми или продлить такие отношения. А сведущему наблюдателю они еще много скажут о качестве этих отношений, о тех связях, которые либо уже возникли между дарителем и одариваемым, либо же возникнут в случае, если дар будет принят⁶⁰².

Под «дарами», безусловно, понимается не только некое материальное вознаграждение, но и «дарение статуса», что имело место в отношениях между императором и имперскими служащими. Только август как единственный носитель верховной власти мог наградить подданного, передав ему частицу своей власти. Награда гарантировала реципиенту приобретение высокого социального статуса, ведь это было свидетельством близости к императору. Взамен сановник был обязан верно нести свою службу и выказывать лояльность. Тем самым в обществе складывалась система, при которой исполнители императорской воли были одарены императором свыше и приводили в жизнь установленный августом порядок, а не узурпировали власть нечестным путем – это создавало атмосферу взаимопонимания между чиновниками и рядовыми гражданами, которые были основными адресатами трансляции образа императора как благодетеля.

Действительно, в Кодексах Феодосия и Юстиниана присвоение социального статуса изображается как обмен дарами, который происходил в ритуальных формах и с особым распределением ролей. Каждое продвижение по социальной лестнице в *ordo dignitatum* выступает как благодеяние от щедрого императора – *dignitas indulta*. Существует несколько схожих понятий, которыми обозначается дарование августом частному лицу должности или статуса. Во-первых, император *indulget*⁶⁰³; во-вторых, он «уступает» (*concedit*)⁶⁰⁴, а также «дарит»

⁶⁰¹ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 134–285.

⁶⁰² Альтхоф Г. Введение. // На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Ред. М. А. Бойцов, Г. Альтхоф. М., 2016. С. 8.

⁶⁰³ CTh. XII. 1. 41: *permanentibus dignitatum titulis quas eisdem constat indultas*; VI. 4. 10. 1; VI. 2. 26; CJ. IX. 29. 3: *nisi hoc cuidam ultronea liberalitate per divinos adfatus Imperator indulgeat*; CTh. XI. 16.16: *neque enim potest esse perpetuum, quod non rebus, sed personis contemplatione dignitatis atque militiae indulsisse nos constat*.

⁶⁰⁴ CTh. XII. 1 74: *honores concessi*; VI. 35. 7: *praerogativa concessi honori*; XII. 1. 109: *concessa dignitas*; XII. 1. 122, 127.

(*donat*)⁶⁰⁵. При этом в текстах подчеркивалось, что награждение социальным статусом происходило не из соображений выгоды императорского двора, а по причине добродетельности императора: он оказывал благодеяние (*beneficium*), выражал щедрость и великодушие (*largitas*, *munificentia*, *liberalitas*), являл благорасположение (*serenitas*) и милость (*gratia*)⁶⁰⁶. Однако в нормативных текстах отразился и тот факт, что император оказывал милость в ответ на честное исполнение долга (*debitum*) и своих обязанностей⁶⁰⁷. Хотя, разумеется, оба этих дара не могут быть соразмерны: император изменял статус человека в общественной иерархии, а подданный лишь исполнял то, что должен был исходя из своей должности.

В то же время в ситуации, когда установленный августом порядок кем-либо оспаривался, следовало суровое наказание. Так, например, в отношении людей, проигнорировавших указания претора, применялись следующие санкции: «Если кто-либо из судей переступит через эти предписания или по безумию беспрецедентного самомнения нарушит то, что было освящено Нашими санкциями, он будет рассматриваться как враг общества и разрушитель того, что было создано для общего блага. Таким образом, если он поступит вопреки решениям Сената, то получит клеймо совершенного преступления по Нашему решению и вашему суду. Подобному обвинению подвергнутся и те, кто, находясь в одном с ним положении, забыв о собственном достоинстве, прикроют позорнейшую низость лелью. И, конечно, не будет позволено таким преступникам даровать прощение, ибо они, пользуясь покровительством судей, пытались опозорить сенатское собрание и продавали римское право с аукциона»⁶⁰⁸. Таким образом, виновный в правонарушении лишался своего статуса, получая клеймо преступника, поскольку он и все причастные к этому делу вмешивались в императорский дарообмен.

⁶⁰⁵ CTh. XII. 1. 127: quicumque decursis perfunctus officiis primum obtinuerit in sua curia sequentibus ceteris locum, comitivae tertii ordinis habeat dignitatem, ut ab omnibus eum iniuriis dignitas concessa defendat, ita tamen ut hoc honore **donatus** a nexu propriae originis non recedat; VI. 26. 16: ... in quos hanc stipendiorum meritis clarissimus dignitatem conferimus; I. 32. 6: perfectissimus honore donati; XIII. 3. 12: comitivae honore donatus.

⁶⁰⁶ CTh VI. 4. 23: ... qui consulares ac praetorios codicillos suo excellenti merito ac nostro sunt **beneficio** consecuti; 27. 13: **beneficio** nostrae liberalitatis; 32. 2: divino **beneficio**; XI. 20. 4: **largitates** nostrae clementiae; VII. 7. 4: **largitate** nostri numini; VI. 8. 1: ... in eodem ordine permantes in quo nunc eos nostra **liberalitas** constituit...; XI. 18. 1: regiae **liberalitatis**; I. 9. 3: ii quoque quos sua virtus cum nostra **munificentia** gradibus honoravit sive dignos effecit...; IX. 38. 9: teneant honores suos quos meritis ac laboribus perceperunt et a nostra **serenitate** sumpturi sunt.

⁶⁰⁷ Schlinkert D. Ordo senatorius. S. 103.

⁶⁰⁸ CTh.VI. 4. 22: Quod si quisquam iudicum haec praecepta transscenderit vel novae praesumptionis insania, quae sunt sanctionibus consecrata, violarit, ut hostis publicus atque expugnator utilitatis inventae contra senatus consulta importuni furoris temeritate congregietur, et arbitrio nostro et vestro iudicio notam perpetrati criminis sortietur; similis culpa in simulatione plectendis, qui cum eodem residentes propriae nobilitatis obliti adulantis gratiae turpissimam praetexerint vilitatem. nec sane fas erit huiusmodi reis veniam relaxari, qui per patrocina iudicum distrahentes et senatus temptaverint infamare collegium et sub auctione vendiderint ius romanum; VIII. 11. 4.

Indulgentia (снисхождение) осуществлялось в строгих церемониальных рамках, о которых мы рассуждали в предыдущей главе. Процедура присвоения титула изначально должна была быть оформлена в письменном виде, чтобы гарантировать обязательную силу и сделать формальный процесс понятным. Сенатор или сановник получали от императора письменное разрешение на осуществление полномочий, равно как и на определенные действия от имени правителя. Этим письменным разрешением были *probatoriae* и *codicilli*. Первые составлялись в одной из трех скриний при императорском дворе и вручались чиновникам, являясь свидетельствами о занятии лицом определенной должности. Кодицилы же были удостоверениями о назначении на высшие гражданские и военные должности или дарование высшего ранга, которые вручались лично императором. По всей видимости, они изготавливались из слоновой кости и были украшены золотом (Them. Or. XVIII. 224b; XXIII. 293b), а также на них был изображен император⁶⁰⁹.

Чрезвычайная важность установления тесных отношений между императором и исполнителями его воли на местах объясняется также принципами управления государством. Ф. Миллар в работе «Император в Римском мире» предположил, что империя управлялась посредством обмена петициями, обращенными к императору, и последующими на них ответами, созданными императорскими секретарями. В этой системе императоры, по сути, реагировали на сигналы, побуждаемые к действию благодаря запросам от наместников с периферии или обращения провинциалов⁶¹⁰. По всей видимости, в поздней Античности в общих чертах эта система сохранялась, о чем писал в других своих работах тот же Ф. Миллар, а также П. Айх и Н. Ленски⁶¹¹. Итак, управление осуществлялось посредством постоянного обмена сообщениями, при этом последнее слово всегда оставалось за императором. Однако его решения претворялись в жизнь провинциальными наместниками. Таким образом, император определял статус сановника не только из необходимости выстраивания социальной иерархии, архитектором которой он являлся, но и потому, что сановник действовал от его имени. Для рядового жителя империи власть наместника была ничем иным, как воплощением императорской воли,

⁶⁰⁹ Об этом см.: Cameron A. The Origin, Context and Function of Consular Diptychs. // Journal of Roman studies. 2013. Vol. 103. P. 174–179; Seeck O. Codicilli. // RE. Bd. IV, 1. Stuttgart, 1900. Sp. 167–170; Grigg R. Portrait-Bearing Codicils in the Illustrations of the Notitia Dignitatum? // Journal of Roman studies. 1979. Vol. 69. P. 107–124.

⁶¹⁰ Millar F. Emperor in the Roman World.

⁶¹¹ Millar F. De la frontière au centre. La monarchie centralisée de Théodose II (408–450 ap. J.-C.). // La mobilité des personnes en Méditerranée de l'Antiquité à l'époque moderne. / Ed. C. Moatti. Roma, 2004. P. 567–589; Millar F. A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408–450). Berkeley, 2006; Eich P. Centre and Periphery. Administrative Communication in Roman Imperial Times. // Rome, a city and its empire in perspective. / Ed. S. Benoist. Leiden, 2012. P. 85–108; Mathisen R. Adnotatio and Petitio: The Emperor's Favor and Special Exceptions in the Early Byzantine Empire. // La pétition à Byzance. / Ed. D. Feissel, J. Gascou. Paris, 2004. P. 23–32; Lenski N. Op. cit.

независимо от того, кто ее исполнял. Именно поэтому август с особым вниманием относился к тем, кто занимал в государстве ключевые должности или повышал свой статус.

§4.2. «Вечное присутствие» императора

Отношения императора и его многочисленных слуг строились на основе регулярных актов символического обмена, которые находили свое отражение в законодательных текстах, титулах, статусе сановника, а также в выдаче кодициллов (назначений на должность). Таким образом, в высших эшелонах власти выстраивалась строгая система подчинения. Однако все это в гораздо меньшей степени касалось жителей провинций, непосредственно находившихся под административным управлением. Они не могли претендовать на высокий социальный статус или высшие должности в императорской администрации, но в повседневной жизни неизбежно и регулярно взаимодействовали с государством, ожидая от императорской власти справедливого суда и обеспечения своей безопасности. Если при дворе и в столице лояльность императору выражалась лично перед его особой в окружении многочисленной свиты, то в провинциях это происходило перед теми сакральными предметами, которые могли его символически заменить.

Так, во всех городах Поздней Римской империи создавалась иллюзия постоянного присутствия императора, даже если в действительности он там никогда не был. Важность фигуры императора для обеспечения легитимности режима, конечно, зависела от идеологической роли правителя в целом. Л. Де Блуа, проанализировав труды таких позднеантичных философов, как неопифагорейцы и неоплатоники, например, Плотин, Порфирий, Экфант и др., на предмет восприятия ими носителя власти, пришел к выводу, что, согласно их учению, человек обладает наилучшей природой на земле, а природа вождя, царя или императора еще более превосходна и к тому же божественна – он сделан из того же материала, что люди, но по образу и подобию Творца⁶¹². Империя мыслилась как космос: мирозданием управлял Бог, и он же был источником власти для августа, стоявшего во главе государства. Эти представления, по мнению упомянутого исследователя, легли в основу имперской идеологии, в рамках которой концепция «императора» становилась главной частью общего организма – Империи⁶¹³.

⁶¹² De Blois L. *Emperorship in a period of crises: Changes in Emperor worship, Imperial Ideology and Perceptions of Imperial authority in the Roman Empire in the third century A.D.* // *The Impact of Imperial Rome on Religions, Ritual and Religious Life in the Roman Empire: Proceedings from the Fifth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. – A.D. 476).* / Ed. L. De Blois, P. Funke, J. Hahn. Münster, 2004. P. 275.

⁶¹³ Ibid. P. 278.

Таким образом, правитель начинал символизировать собою стабильность и даже больше — он был залогом нерушимости сложившегося порядка. На эти представления также накладывалось отношение к роли императора как наместника Бога, о чем сказано уже достаточно⁶¹⁴. Однако важно учитывать, что даже если в официальном дискурсе император изображался как находящийся под защитой Бога, правящий благодаря Его милости и воплощающий божественный порядок, он отнюдь не был застрахован от критики, сопротивления, восстаний или узурпаций. В этом контексте подтверждение лояльности через перформативные акты — участие в практиках, связанных с образом или упоминанием императора, — играло ключевую роль в создании *consensus universorum*. Именно совместное участие граждан империи в прославлении императора становилось важным свидетельством его легитимности. Более того, публичное пространство империи было перегружено разнообразными символами власти императора, что полностью затмевало репрезентацию местных или подчиненных элит. Такая репрезентация была, по сути, инструментом обеспечения власти, поскольку она убедительно демонстрировала превосходство имперских политических институтов над возможностями и источниками легитимации всех потенциальных соперников. Таким образом, пространство на уровне символики выражало идею о том, что никакая иная власть, кроме императорской, не была в принципе возможна.

§4.2.1. Между сакральным и политическим: функции императорских изображений

Одним из важнейших элементов городского пространства в Поздней Римской империи были императорские изображения. Они были не просто безжизненными памятниками, эстетическим украшением публичного места, которое передавало некое послание публике. Изображения сами по себе являлись неотъемлемой частью городского пространства и находились повсеместно. С одной стороны, они обеспечивали т.н. «вечное присутствие», говоря словами С. МакКормак⁶¹⁵, т.е. создавали ощущение постоянного пребывания императора в любой части государства одновременно. А с другой стороны, императорские статуи оказывались вовлечены в практики повседневных ритуалов жителей города.

Так, закон от 394 г., например, предписывает, чтобы картины пантомимов или актеров были обязательно удалены из общественных портиков (*publicis porticibus*) и других «почетных

⁶¹⁴ Mango C. *Byzantium: The Empire of New Rome*. New York, 1980. P. 151–158; Treitinger O. Op. cit; Procopé J. *Greek and Roman Political Theory*. // *Cambridge History of Medieval Political Thought*, c.350–1450. / Ed. H. Burns. Cambridge, 1988. P. 21–36; Jones A. H. M. *TLRE*. P. 321; Martin J. Op. cit.

⁶¹⁵ MacCormack S. *Art and ceremony*. P. 43.

мест» (*loco honesto*), в которых обычно (*solent*) устанавливаются императорские образы⁶¹⁶. Статуи правителя располагались в наиболее людных и публичных местах, где могли появиться и какие-либо неподобающие изображения, однако предполагалось, что рядовому жителю следуют созерцать не их, а исключительно священный лик императора. К сожалению, сами статуи императоров в большинстве своем не сохранились, равно как и осталось неизвестно их первоначальное местоположение⁶¹⁷.

Археологически расположение статуй проследить сложно, однако Г. Дей в своем исследовании позднеантичных городов с точки зрения репрезентации власти утверждает, что они являлись неотъемлемой частью оформления триумфального пространства – главных улиц, вокруг которых строилась репрезентация императорской власти⁶¹⁸. К схожим выводам приходит и ряд других авторов⁶¹⁹. Важно учитывать, что в городах по всей империи располагались не только статуи правивших в то время императоров, но и изображения уже давно умерших правителей. Так, например, в Константинополе сохранялись многочисленные форумы, созданные во времена правления разных императоров, где помещались их изображения, особенно в пространстве города были распространены статуи Константина. Известно, что в восточной столице одна из них ежегодно удостоивалась почестей от правящего императора вплоть до времени Льва I⁶²⁰. Статуи Константина занимали почетное место в Риме, а образ Феодосия I сохранялся в Константинополе вплоть до времени правления Анастасия и был убран только потому, что упал⁶²¹. Ш. Руше, исследовав город Афродизий, пришла к выводу, что

⁶¹⁶ CTh. XV. 7. 12: Si qua in publicis porticibus vel in his civitatum locis, in quibus nostrae **solent** imagines consecrari, pictura pantomimum veste humili et rugosis sinibus agitorem aut vilem offerat histrionem, ilico revellatur, neque umquam posthac liceat in loco honesto inhonestas adnotare personas; in aditu vero circi vel in theatri proscaeniis ut collocentur, non vetamus.

⁶¹⁷ The Last Statues of Antiquity.

⁶¹⁸ Dey H. Afterlife of the Roman city. P. 94.

⁶¹⁹ Bauer F.A. Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity; Platz und Denkmal in der Spätantike; Kelly C. Empire building. P. 173; Hopkins K. Slaves and Conquerors. P. 223; Lavan L. Political topography of the late antique. P. 323; Грабар А. Указ. соч. С. 28, 36–37; Roueché C. Performers and Partisans at Aphrodisias in the Roman and Late Roman Periods. London, 1993. P. 146; Written Display in the Late Antique and Byzantine City. // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. Pt.1. / Eds. E.M. Jeffreys, R. Cormack, J. F. Haldon. Aldershot, 2007. P. 4; Flower R. Tamquam figmentum hominis: Ammianus, Constantius II and the portrayal of imperial ritual. // The Classical Quarterly. 2015. Vol. 65 (2). P. 828; Davenport C. Imperial ideology and commemorative culture in the Eastern Roman Empire, 284-450 CE. // Byzantium, its neighbours and its cultures. / Eds. D. Džino, K. R. Parry. Brisbane, 2017. P. 46; Börm H. Westrom. P. 158; Eich A., Eich P. Thesen zur Genese des Verlautbarungsstils der spätantiken kaiserlichen Zentrale. // Tyche. 2004. Bd. 19. S. 96; Destephen S. Late Roman emperorship in Constantinople: embodiment and 'unbodiment' of Christian virtues. // BZ. 2022. Bd. 115 (1). S. 53–54; Lavan L. Political Talismans? P. 462.

⁶²⁰ Lavan L. Political Talismans? P. 465.

⁶²¹ Ibid. P. 466.

императорские статуи стояли в перистиле за пределами театра, где, по всей видимости, народ встречал прибытие изображения августа после его интронизации⁶²².

Даже статуи Юлиана, имевшего скверную репутацию в христианизированной империи, стояли на улицах и площадях в Эфесе, Сагалассосе, Сиде, Кесарии Филипповой, в Оксиринхе и Константинополе⁶²³. Также и изуродованные статуи гонителя христиан Максимиана Дазы «украшали» улицы городов во времена Григория Назианзина (IV в.) (Greg. Naz. Or. IV. 96). На улицах и площадях, обнаруженных археологами, сохранность императорских статуй замечательна – восточные города, такие как Эфес, Афродизий, Сагалассос и сирийская Антиохия, с гордостью выставляли на улицах и площадях памятники императорам IV в. (и даже I–III вв.) вплоть до конца VI или VII вв.⁶²⁴

Как отметил Захария Митиленский, только бронзовых статуй в Риме V в. было около 4 тысяч, при этом, неизвестным остается еще число мраморных или каменных статуй⁶²⁵. Это подтверждает высокую значимость императорских изображений. Публичных статуй в городском пространстве было очень много, поэтому их уникальность не имела большого значения. Важнее было общее впечатление монументальности и создание эффекта вездесущности императорской власти⁶²⁶. Неизвестный панегирист 310 г. прямо заявляет, что подданные хотят присутствия императора повсюду, словно это возможно в реальности (Pan. Lat. VII. XXI. 1), ведь от этого «увеличивается численность населения, растут городские стены и роскошные здания» (ibid. XII. XXII. 6). В панегирике цезарю Констанцию даже говорится, что мятежник, скрываясь от правосудия, «куда бы ни побежал, встретит силу императорской божественности везде, где поклоняются изображениям и статуям Августа» (Pan. Lat. VIII. XV. 6).

Таким образом, статуи и портреты императора были неотъемлемой частью имперского пространства и как бы санкционировали власть чиновников своим присутствием, однако они могли воздействовать на римлян и иначе. С. МакКормак показала, что в период поздней Античности различные способы репрезентации власти императора носили универсальный характер: ритуалы императорской саморепрезентации перекликались с текстами и изображениями⁶²⁷. В панегириках всячески подчеркиваются прозорливость императора и его сверхъестественные способности предвидеть грядущие события⁶²⁸. Он настолько проницателен,

⁶²² Roueché C. Looking for late antique ceremonial: Ephesos and Aphrodisias. // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos. / Hrsg. H. Friesinger, F. Krinzinger. Wien, 1999. S. 161–168.

⁶²³ Lavan L. Political Talismans? P. 466.

⁶²⁴ Ibid. P. 467.

⁶²⁵ Hopkins K. Conquerors and slaves. P. 220.

⁶²⁶ Weisweller J. Op. cit. P. 324.

⁶²⁷ MacCormack S. Art and ceremony. P. 181–186.

⁶²⁸ Об этом также см.: Rees R. The look of the Late Antique Emperor and the art of praise. P. 102; Smith R.R.R. The Public Image of Licinius I. P. 182.

что может отчетливо видеть не только настоящее, но и будущее и сравним с Линеем, который, по рассказам, проникал взглядом сквозь стены домов и стволы деревьев (ibid. IV. XI. 4). Взгляд императора не могут выдержать нерадивые слуги и те, кто вынашивает преступные помыслы (ibid. XII. XXXI. 1). Таким образом, присутствие императорских статуй на площадях и рынках выполняло и надзорную функцию. Находясь перед взором императора, пусть и воплощенного в виде статуи, злоумышленник сильно рисковал, ведь август все знает и за всем наблюдает, особенно если преступление совершено в непосредственной близости к изваянию. А убеждение, согласно которому, правитель и его образ чрезвычайно близки, было достаточно распространено⁶²⁹.

Например, Святой Афанасий сравнивает Бога с императором в попытках объяснить единство Отца и Сына. Он отмечает, что «атрибуты Отца говорят о Сыне, мы тем самым видим Отца в Сыне; и мы созерцаем Сына в Отце, когда то, что говорится о Сыне, говорится и об Отце ... Ибо тот, кто в этом смысле понимает, что Сын и Отец едины, знает, что Он в Отце, а Отец в Сыне; ибо Божество Сына принадлежит Отцу, и оно в Сыне; и кто вникает в это, тот убежден, что “Видевший Сына, видел Отца”; ибо в Сыне созерцается Божество Отца» (Пер. здесь и далее А. В. Горского)⁶³⁰. Это запутанное богословское суждение Афанасий разъясняет при помощи аналогии, которая должна быть понятна людям: «Ибо в образе [августа] – форма и облик императора, а в императоре – та форма, которая есть в образе. Ибо сходство с императором в образе точное, так что человек, который смотрит на образ, видит в нем императора; и тот, кто снова видит императора, понимает, что на образе именно он. И от того, что сходство не отличается, тому, кто вглядывается в изображение, желая рассмотреть императора, образ может сказать: “Я и император – одно, ибо я в нем, а он во мне; и что ты видишь во мне, то ты видишь в нем, и что ты видел в нем, то ты видишь во мне”. Соответственно, тот, кто поклоняется образу, в нем поклоняется и императору, ибо образ – это его форма и облик»⁶³¹. Иными словами,

⁶²⁹ Kelly C. Empire building. P. 173.

⁶³⁰ Athan. Or. III contr. Arian. V: Ὁ δὲ ἀκούων τὰ τοῦ πατρὸς λεγόμενα ἐφ’ υἱοῦ ὁψεται καὶ οὕτως τὸν πατέρα ἐν τῷ υἱῷ, θεωρήσει δὲ καὶ τὸν υἱὸν ἐν τῷ πατρί, ὅταν τὰ λεγόμενα ἐφ’ υἱοῦ λέγῃ ταῦτα καὶ ἐπὶ πατρός. διὰ τί δὲ τὰ τοῦ πατρὸς ἐφ’ υἱοῦ λέγεται ἢ ὅτι ἐξ αὐτοῦ γέννημά ἐστιν υἱός; διὰ τί δὲ καὶ τὰ τοῦ υἱοῦ ἰδιά ἐστι τοῦ πατρὸς ἢ ὅτι πάλιν τῆς οὐσίας αὐτοῦ ἴδιον γέννημα ὁ υἱός ... ὁ γὰρ οὕτως ἐγνωκώς, ὅτι ἐν εἰσιν ὁ υἱὸς καὶ ὁ πατήρ, οἶδεν, ὅτι αὐτὸς ἐν τῷ πατρί ἐστι, καὶ ὁ πατήρ ἐν τῷ υἱῷ· ἡ γὰρ τοῦ υἱοῦ θεότης τοῦ πατρὸς ἐστι, καὶ αὐτὴ ἐν τῷ υἱῷ ἐστι· καὶ ὁ τοῦτο δὲ καταλαβὼν πέπεισται, ὅτι «ὁ ἐώρακώς» τὸν υἱὸν «ἐώρακε τὸν πατέρα». ἐν γὰρ τῷ υἱῷ ἢ τοῦ πατρὸς θεότης θεωρεῖται.

⁶³¹ Ibid: τοῦτο δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ παραδείγματος τῆς εἰκόνης τοῦ βασιλέως προσεχέστερόν τις κατανοεῖν δυνήσεται. ἐν γὰρ τῇ εἰκόνι τοῦ βασιλέως τὸ εἶδος καὶ ἡ μορφή ἐστι, καὶ ἐν τῷ βασιλεῖ δὲ τὸ ἐν τῇ εἰκόνι εἶδος ἐστιν. ἀπαράσακτος γάρ ἐστιν ἡ ἐν τῇ εἰκόνι τοῦ βασιλέως ὁμοιότης, ὥστε τὸν ἐνορῶντα τῇ εἰκόνι ὁρᾶν ἐν αὐτῇ τὸν βασιλέα καὶ τὸν πάλιν ὁρῶντα τὸν βασιλέα ἐπιγινώσκειν, ὅτι οὗτός ἐστιν ἐν τῇ εἰκόνι. ἐκ δὲ τοῦ μὴ διασάττειν τὴν ὁμοιότητα τῷ θέλοντι μετὰ τὴν εἰκόνα θεωρῆσαι τὸν βασιλέα εἴποι ἂν ἡ εἰκὼν· «ἐγὼ καὶ ὁ βασιλεὺς ἐν ἐσμεν· ἐγὼ γὰρ ἐν ἐκείνῳ εἰμὶ κάκεινος ἐν ἐμοί, καὶ ὁ ὁρᾷς ἐν ἐμοί, τοῦτο ἐν ἐκείνῳ βλέπεις, καὶ ὁ ἐώρακας ἐν ἐκείνῳ, τοῦτο βλέπεις ἐν ἐμοί». ὁ γοῦν προσκυνῶν τὴν εἰκόνα ἐν αὐτῇ προσκυνεῖ τὸν βασιλέα. ἡ γὰρ ἐκείνου μορφή καὶ τὸ εἶδος ἐστιν ἡ εἰκὼν.

качества, присущие императору, а именно — могущество, святость, властность и благожелательность — наличествуют и в его образе, которому следует поклоняться так же, как самому императору.

Схожим образом Василий Великий объясняет соотношение сущность Святой Троицы — Бога-Отца, Сына и Святого Духа: «Как же, если один и единый, не два бога? Потому что мы говорим о царе и о царском образе, а не о двух царях. Величие не разделено на две части, и слава не разделена. Суверенитет и власть над нами едины, и поэтому доксология, приписываемая нам, не множественна, а едина; потому что честь, воздаваемая образу, переходит к прообразу. Что в одном случае образ — по подражанию, то в другом случае Сын — по природе; и как в произведениях искусства сходство зависит от формы, так и в случае божественной и несотворенной природы союз заключается в общении Божества» (Basil. De spirit. Sanct. XVIII. 45). Почитание императорского образа было актом признания и подчинения правителю, которого в провинциях заменял императорский образ.

В V в. епископ Севериан Гавальский также прибег к сравнению с императорского образа и невидимости Бога, который становится видим постольку, поскольку наполняет благодатью людей. Епископ вопрошал: «Разве не много префектов по всей империи? Император, не имея возможности присутствовать при всех своих подданных, вынужден размещать свое изображение в судах, на общественных площадях, в залах собраний, в театрах. Везде, где префект должен рассматривать дела, входящие в его компетенцию, находится Императорский портрет, чтобы придать действиям префекта должный авторитет. Поскольку он не человек, император не может присутствовать везде. Боже, опять же, люди не смогут этого увидеть» (Sev. Gab. De creat. Mund. Or. VI. 5). Эта аналогия означала, что, как благословенного человека наполняет Бог, так и императорский образ наполнен силой императора, и он обладает теми же качествами.

Таким образом, считалось, что императорский образ выражал присутствие самого августа. Об этом прямо сообщал Амвросий Медиоланский, когда сравнивал почитание Христа через Его образы до момента Его второго пришествия: «Ибо как в отсутствие императора Его изображение имеет власть, а при Его присутствии — нет»⁶³². Императорское изображение — репрезентация его персоны и статуса — было воплощением власти, которая принадлежала только августу. Изображение выступало как продолжение самого правителя. В позднеантичной идее императорства часть представляла целое, а образ, представляющий императора, был одним из нескольких способов, с помощью которых императорская власть проявлялась по всей империи.

⁶³² Ambros. In ep. Beat. Paul. ad Colos. II. 16-17: Sicut enim absente imperatore, imago eius habet auctoritatem, praesente non habet.

Все, что было связано с императором, обладало способностью заново представлять его в данном времени и месте: здесь – императорский дворец, там – императорский портрет⁶³³.

Этот феномен воплотился в императорском изображении, которое являлось репрезентацией власти правителя и демонстрировало ее присутствие. Оно рассматривалось как дублирование императорской персоны, которой оказывались те же почести и уважение. Евсевий Кесарийский, как и предыдущие авторы, отмечал: «Когда почитается образ и сам царь, то почитается один, а не двое; ибо нет двух царей — первого и истинного, и того, кто изображен на образе, но один, относящийся к обоим, не только мыслимый, но и именуемый, и почитаемый»⁶³⁴. Через акт почитания изображения в действительности почитался исключительно реальный император, который был тождествен своему образу. Тот факт, что целый ряд влиятельных богословов прибегал именно к сравнению с почитанием императорских изображений, говорит нам о широком распространении как этой практики, так и убеждения о соответствии образа и реального прототипа.

Для христиан поклонение статуям, пусть даже императорским, создавало известные трудности, поскольку это почитание считалось идолопоклонством. В анонимном трактате IV – V вв. *Consultationes Zacchaei et Apollonii*⁶³⁵, который представлял собой спор язычника и христианина, эта тема вынесена отдельно. Так, язычник заявляет: «Мы ведь [язычники – В.К.] поклоняемся (*adoramus*) их статуям или изображениям (*simulacra vel imagines*) – тех, кого либо по истинной религии мы считаем богами, либо по преданию древних знаем и не можем не знать, что они – боги»⁶³⁶. А затем он недоумевает: «Почему, вы, которые питаете отвращение к этому, поклоняетесь изображениям людей, нарисованным на воске или высеченным из металла, уважая честь, подобающую правителям, даже в общественном богослужении, и почему вы также воздаете людям то, что, как вы сами считаете, подобает только Богу? Если это противозаконно, то почему вы, христиане, делаете это и почему ваши священники не запрещают этого из опасения, что вы сознательно подвергаете себя, под предлогом долга, тому, в чем вы упрекаете нас, как в святотатстве, по отношению к нам, не знающим этого?»⁶³⁷.

⁶³³ Carile M. C. Imperial Icons in Late Antiquity and Byzantium The Iconic Image of the Emperor between Representation and Presence. // IKON. 2016. Vol. 9. P. 12.

⁶³⁴ Euseb. Demonstr. Evang. V. 4: τιμωμένης δὲ τῆς εἰκόνης καὶ τοῦ βασιλέως αὐτοῦ, εἷς ἂν εἴη ὁ τιμώμενος καὶ οὐ δύο· οὐ γὰρ δύο βασιλεῖς, ὃ τε πρῶτος καὶ ἀληθής καὶ ὁ ἐπὶ τῆς εἰκόνης τετυπωμένος, εἷς δ' ὁ κατ' ἀμφοτέρων, οὐ μόνον νοούμενος, ἀλλὰ καὶ ὀνομαζόμενος καὶ τιμώμενος.

⁶³⁵ Schär R. Consultationes Zacchei christiani et Apollonii philosophi: A Literary Dialogue Arguing for Monasticism. // Studia patristica. 2021. CXXIV (21). P. 181–190; Courcelle P. Date, source et genèse des “Consultationes Zacchei et Apollonii”. // Revue de l'histoire des religions. 1954. T. 146 (2). P. 174–93.

⁶³⁶ CZA. XXVIII. 2: Nos enim eorum simulacra vel imagines adoramus, quos vel vera religione deos credimus, vel antiquorum traditionibus docti deos non esse nescimus.

⁶³⁷ Ibid. 3-4: Vos vero, quibus istud abominatio est, cur imagines hominum, vel ceris pictas, vel metallis defictas, sub regum reverentia etiam publica adoratione veneramini, et, ut ipsi praedicatis, deo tantum honorem etiam hominibus datis? Quod si et illicitum legique contrarium est, cur hoc facitis, christiani, aut cur hoc vestri non

Однако, как это и подобает христианскому сочинению, у противника язычества есть вразумительный ответ. Христиане поклоняются изображениям по обычаю, однако и это в действительности не является почитанием божества: «...Тот, чьему изображению поклоняются, не называется богом, и перед изображениями не возжигают фимиам, они не ставятся на алтари для поклонения, но выставляются в память о заслугах, чтобы служить потомкам примером достойных деяний или чтобы обличать присутствующих за их заблуждения»⁶³⁸. Т. е. среди христиан действительно была практика почитания императорских статуй – это не отрицается, однако образ императора в этом отношении кардинально отличается от образа божества – делается явный акцент на качествах и функциях императора, которые следует почитать.

Однако же наибольшее количество обоснований почитания императорских статуй и их тождества августам приводит Иоанн Дамаскин, защищая почитание икон. Так, он цитирует Св. Кирилла Александрийского: «Если изображения представляют оригиналы, они должны вызывать такое же почтение» (Ioan. Dam. Or. III, здесь и далее пер. А. Бронзова). Приводит Иоанн и мнение Св. Василия: «Когда дьявол увидел, что человек создан по образу и подобию Божьему, то, не в силах бороться с Богом, он обрушил свою злобу на образ Божий. Точно так же разгневанный человек может побить камнями изображение царя, потому что он не может побить царя, ударив по дереву, на котором написано его подобие» (ibid.), а также: «Подобно тому, как человек, выражающий презрение к королевскому изображению, должен проявить его к самому королю, так осуждается и тот, кто выражает презрение к человеку, созданному по образу и подобию» (ibid.). И, наконец, мнение Севериана Гавальского: «Если в отсутствие царя его образ заменяет ему место, правители поклоняются, устраиваются праздники, князья выходят навстречу, а народ преклоняет колена, глядя не на материал, а на фигуру царя, явленную в представлении, невиданном в природе, то насколько больше образ Вечного Царя разверзнет небеса и всю вселенную, а не один только камень» (ibid.). Примечательно, что данные аргументы Иоанн Дамаскин приводит в борьбе против иконоборцев, считая сравнения с образом императора серьезным аргументом, поскольку, по всей видимости, ни у кого в империи не было сомнений в необходимости почитания императорских изображений.

Однако неизвестно, что конкретно представляло собой поклонение изображениям. Христианские авторы выделяют понятия *colo* и *adoro* (*προσκυνέω*); по отношению к императорским статуям применялось именно последнее, т.е. проскинеза, потому как первое в

prohibent sacerdotes, ne id quod ignorantibus nobis pro sacrilegio ascribitis, scientes sub officii excusatione subeatis?

⁶³⁸ Ibid. 8: Et licet hanc incautioris obsequii consuetudinem districtiores horreant christiani, nec prohibere desinant sacerdotes, non tamen deus dicitur, cuius efiigies salutatur, nec adolentur ture imagines aut colendae aris superstant, sed memoriae pro meritis exponuntur, ut exemplum facrotum probabilius posteris praestent aut praesentes pro abusione castigant.

большей степени означало религиозное почитание, что противоречило ценностям христианской религии⁶³⁹. Сама практика взаимоотношений между императором и подданным посредством *adoratio* и проскинезы рассмотрена во второй главе настоящей работы. Если исходить из точки зрения, что император и его образ были тождественны, то вполне обоснованным будет суждение, что императорская статуя или портрет выполнял ту же церемониальную функцию в провинциях, что и фигура настоящего императора во дворце.

Несомненно, статуя императора была более доступна публике, чем сам император, а потому она выполняла ряд исключительных функций. Главным образом она даровала беглецам возможность спрятаться. Григорий Назианзин в письме префекту Рима Прокопию говорит о солдате Аврелии, который укрывается под седидами префекта и священством Григория, словно под императорским образом (Greg. Naz. Ep. CXL). Также и Иоанн Златоуст сравнивал кровь агнца, которой Моисей советовал помазать ворота, со статуей императора: «Ибо как статуи императоров, не имеющие ни души, ни чувств, охраняют людей, наделенных душой и чувством, которые ищут в них убежища, не потому, что они из меди, а потому, что они — изображение императора, так и эта кровь, лишенная души и чувств, спасла людей, наделенных душой, не потому, что она была кровь, но потому, что она послужила прообразом крови Господа» (SC 50, 159).

Широкое распространение этой практики подтверждает указ Феодосия 386 г. Он гласил: «Мы не позволяем тем лицам, которые нашли убежище у статуй императоров, либо с целью избежать опасности, либо для создания злой воли, быть увезенными кем-либо до десятого дня или уйти по собственной воле; при условии, что, если у них были определенные причины, по которым они должны были бежать к статуям императоров, они будут защищены законом и статутами. Если же окажется, что они были уличены в желании создать ненависть к врагам своими уловками, против них будет вынесено карающее решение»⁶⁴⁰. По всей видимости, к возможности использования императорской статуи как прибежища относились крайне серьезно, так что даже люди со злым умыслом прибегали к этой практике: никто не смел их трогать в течение 10 дней.

Известно и о других задачах императорских статуй. Так, в Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως сохранилась следующая история: «Так называемая Πιττάκης — это статуя великого Льва Макеллы, которую воздвигла его сестра Евфимия, потому что там был ее дом. Император навещал ее

⁶³⁹ Setton K. M. Christian Attitude towards the Emperor in the Fourth Century especially as shown in Addresses to the Emperor. New York, 1941. P. 198.

⁶⁴⁰ CTh. IX. 44.1: Eos, qui ad statuas vel evitandi metus vel creandae invidiae causa confugerint, ante diem decimum neque auferri ab aliquo neque discedere sponte perpetimur; ita tamen, ut, si certas habuerint causas, quibus confugere ad imperatoria simulacra debuerint, iure ac legibus vindicentur; sin vero proditi fuerint artibus suis invidiam inimicis creare voluisse, ultrix in eos sententia proferatur.

каждую неделю, потому что она была мудрой и невинной. И все те, кто пострадал от несправедливости, будь то граждане или провинциалы со всего мира, клали свои прошения (πιττάκια) там на ступенях у подножия колонны, и стражники охраняли их там. И когда приходил император, стражники передавали их все императору, который немедленно принимал решения по их поводу. Когда император был во дворце, он каждое утро посылал ἐβδομαρίον, который собирал у стражников оставленные там прошения и уносил их. И каждый день император принимал постановления и решения по прошениям, передавал их ἐβδομαρίον или слуге опочивальни (κοιτωνίτης), и они отправлялись во двор Πιττακίου и передавали их солдатам, стоявшим на страже, которые в свою очередь передавали их просителям. Поэтому те, кто хотел быстрого решения, оставляли там петиции вечером и получали результат на следующий день, и по этой причине место называлось Πιττάκης» (Patria. II. 31). Это единственное известное нам сообщение, гласящее о подобной роли императорской статуи, однако можно предположить, что аналогичная практика была широко распространена, – люди часто обращались за помощью к императору с помощью петиций. Конкретно этот случай был зафиксирован в источниках не потому, что сама практика оставления прошений у статуй была исключительной, а потому, что обычно император не собирал их самостоятельно.

Важность императорского образа и регулярные обращения к нему со стороны горожан создавали необходимость урегулировать эту практику. Так, в 425 г. Феодосий II выпустил следующий указ: «Если в любое время, будь то в праздничные дни, как обычно, или в обычные дни, будут воздвигнуты Наши статуи или изображения, *iudex*⁶⁴¹ должен присутствовать, не прибегая к чрезмерному тщеславному поклонению (*adorationis*), но так, чтобы он мог показать, что его присутствие украсило день, место и Нашу память. Точно так же, если Наши изображения будут показаны на представлениях или играх, они должны продемонстрировать, что Наша божественность и слава живут только в сердцах и тайных местах умов тех, кто присутствует. Поклонение, превышающее человеческое достоинство, должно быть воздано Высшему Божеству»⁶⁴².

Конечно, это событие можно оценить как победу христианского мировоззрения, осуждающего поклонение императорским изображениям как языческим божествам и идолам. Однако это императорское замечание напоминает традиционную для принцев ложную скромность, которая стоит в одном ряду с показным отказом от власти, скромно организованными пирами, либо же напоминает отказ Августа или Тиберия от культового

⁶⁴¹ См. гл. I. Под *iudex* в источниках мог пониматься наместник провинции.

⁶⁴² CTh. XV. 4. 1: Si quando nostrae statuae vel imagines eriguntur seu diebus, ut adsolet, festis sive communibus, adsit iudex sine adorationis ambitioso fastigio, ut ornamentum diei vel loco et nostrae recordationi sui probet accessisse praesentiam. Ludis quoque simulacra proposita tantum in animis concurrentum mentisque secretis nostrum numen et laudes vigere demonstrent; excedens cultura hominum dignitatem superno numini reservetur.

почитания собственной личности⁶⁴³. Кроме того, этот указ, как и предыдущий указ о статуе как убежище показывает, что практика рьяного почитания образа августиана была широко распространена и люди, по всей видимости, верили, что всех, спрятавшихся у статуи императора, никто не посмеет тронуть. Также бытовал обычай падать ниц перед статуей, словно перед Богом.

Однако иногда народный гнев, направленный против власти, приводил к тому, что во время смут и мятежей горожане первым делом стремились избавиться от изображений августиана, причем зачастую достаточно изощренными методами. Либаний описывает, как в Антиохии бунтовщики в ответ на увеличение налогов направили свой гнев против изображений: «Взглянув на многие изображения на досках, разразившись против них ругательствами, потом пустив в них камнями, смеялись над пробитыми и сердились на те, что выдерживали удары. Затем, считая медные изображения более почетными и наглость, на них обращенную, более невыносимую, устремившись к ним и обвязав их за шеи канатами, сбросили их вниз и повлекли, одни, не разняв их на части, другие, – и это сделавши» (пер. С.П. Шестакова)⁶⁴⁴.

Созомен об этом событии сообщает менее красочно, но воспроизводит ту же канву: «Народ ниспроверг статуи царя и его супруги, потом, привязав к ним веревку, влачил их по городу, и при этом случае, как обыкновенно бывает у разъяренной черни, произносил оскорбительные выражения» (Soz. VII. 23). Этому событию Иоанн Златоуст посвятил 21 беседу, в которой умолял императора простить жителей города. Он отмечал, что сброшенные статуи могут быть заменены другими, более великолепными. Императорское прощение антиохийцев за нанесенное оскорбление антиохийцев побудило бы всех людей воздвигнуть императору статую, но не из бронзы, золота или инкрустированных драгоценных камней, чтобы поставить ее на рыночной площади, но статую человечности и нежного милосердия, высеченную в сердцах людей (Ioan. Chrys. Hom. de stat. XXI. 3).

Также и жители Эдессы однажды снесли бронзовую статую императора Констанция и протасили ее по улицам лицом вниз, избивая ремнями (Lib. Or. XIX. 48). На Тирском соборе в 335 г. противники Афанасия Александрийского обвинили его в клевете против пресвитера, который якобы бросал камни в императорские статуи (Soz. II. 25). Как бы то ни было, разрушение и повреждение императорских образов считалось страшным преступлением, и требовалось

⁶⁴³ Bowersock G. W. The imperial cult: perception and persistence. // Selected papers on Late Antiquity / Ed. G. W. Bowersock. Bari, 2000. P. 53–54. Другая точка зрения в: Rollin J. P. Untersuchungen zu rechtsfragen römischer bildnisse. Bonn, 1979. S. 181.

⁶⁴⁴ Lib. Or. XXII. 7-8: βλέψαντες δὲ εἰς τὰς πολλὰς τὰς ἐν ταῖς σάνισιν εἰκόνας βλασφημίας πρὸ λίθων ἐπ' αὐτὰς ἀφέντες ἐπὶ μὲν ταῖς ῥηγνυμέναις ἐγγέλων, πρὸς δὲ τὰς ἀντεχούδας ἡγανάκτου. ἔπειθ' ἡγούμενοι τὰς ἐν τῷ χαλκῷ τιμιωτέρας καὶ τὴν σὺν ἐκείναις παροιμίαν ἀφορητοτέραν δραμόντες ἐπ' αὐτὰς ἅμα σχοινίοις περιθέντες τοῖς αὐχέσι καταβαλόντες εἴλκον, οἱ μὲν οὐ διατεμόντες, οἱ δὲ καὶ τοῦτο ποιήσαντες.

заступничество многих влиятельных людей, чтобы это не повлекло негативных для города или человека последствий.

Таким образом, императорские статуи не только предполагали возможность через них обращаться к императору или искать возле них защиты, но и выступать против его власти, символически оспаривая легитимность августа и правомерность установленного порядка. Соответственно статуи охранялись и законодательно. Всевозможные изменения или несанкционированные копии императорских образов были строго запрещены. В законе 381 г. копирование «священных императорских черт, т. е. посягательство на их божественный лик» и «кощунственное подражание их почтенным образам» перечисляется в одной строке с такими преступлениями, как паррицид, инцест и отравление (CTh. IX. 38.6). А в указе 439 г. сказано: «Мы повелеваем, чтобы при воздвижении изображений и статуй Нашей светлости устранялись обиды, связанные с частными взносами, дабы никто из жертвователей не усматривал в этом чего-либо своего»⁶⁴⁵. Таким образом, даже финансовое участие в воздвижении статуи не давало гарантий на особые привилегии в отношении образа августа: он, как и сам император, не может никому принадлежать.

Несмотря на многочисленные упоминания об императорских статуях в письменных источниках позднеантичного периода, до наших дней сохранились лишь их единичные образцы⁶⁴⁶. Единственной сохранившейся статуей императора V в. (хотя некоторые исследователи датируют ее IV в.) является Барлеттский колосс⁶⁴⁷. Этот монументальный памятник наглядно демонстрирует характерные черты позднеримской императорской иконографии, где правитель неизменно изображался в полных доспехах, без шлема, но с диадемой на голове, чтобы подчеркнуть сакральный статус власти и сохранить узнаваемые черты лица.

Художественная традиция поздней Античности выработала устойчивый канон изображения императоров, где воинственный облик сочетался с подчеркнутой сакральностью. Правители неизменно представляли в нагрудниках, частично прикрытых императорским плащом (*paludamentum*), с выражением непоколебимой силы и властным взглядом. Этот стандартизированный образ, утративший индивидуальные портретные черты, служил визуальным манифестом имперской идеологии, подчеркивая воинскую доблесть (*virtus*) и

⁶⁴⁵ CI. I. 24. 3: In nostrae serenitatis imaginibus ac statuīs erigendis privatae collationis iniuriam propulsari praecipimus, ne quid in eo suum collator agnoscat.

⁶⁴⁶ См. The Last statues of antiquity.

⁶⁴⁷ Johnson F. P. The Colossus of Barletta. // American Journal of Archaeology. 1922. Vol. 29 (1). P. 20–25; Kiilerich B. The Barletta Colossus Revisited: The Methodological Challenges of an Enigmatic Statue. // Acta Archaeologica et Artium Historiam Pertinentia. 2015. XXVIII. P. 55–72; Demougeot É. 'Le Colosse de Barletta', Mélanges de l'École française de Rome. // Antiquité. 1982. T. 94/2. P. 951–978; Purpura G. Il Colosso di Barletta ed il Codice di Teodosio II. // Atti dell'Accademia romana di storia e scienze. 1989. T. 9. P. 457–480.

триумфальную природу власти даже тогда, когда реальные императоры вели преимущественно замкнутый образ жизни в столичных дворцах. Такие изображения создавали образ вечного победителя, способного одерживать победы как над внутренними врагами-узурпаторами, так и над внешними угрозами со стороны варваров⁶⁴⁸.

Подобная тенденция прослеживается и в сохранившихся фрагментах скульптурного убранства константинопольских колонн, которые продолжали воспроизводить традиционный воинственный образ правителей. Характерный пример – колонна, воздвигнутая в 402–403 гг. в столице в честь императоров Аркадия и Гонория. На двух из трех украшенных рельефами сторон ее основания оба августейших брата изображены в полном военном облачении: в доспехах, с копьями в руках и крылатыми Победами, склонившимися перед ними. Этот парадоксальный иконографический выбор особенно примечателен, учитывая, что ни Аркадий, ни Гонорий лично не участвовали в военных кампаниях.

В целом же, в конце IV–V вв. императорская иконография претерпела значительную трансформацию. Изображения правителей приобрели отстраненный, вневременной характер, резко контрастирующий с индивидуализированными портретами подданных. Этот сознательный уход от персональных черт в сторону унификации образа создавал эффект вечной, неизменной императорской власти, где конкретный правитель становился скорее воплощением абстрактного принципа властвования, чем узнаваемой личностью⁶⁴⁹.

Особенно показательной стала эволюция портретов восточноримских императоров, где черты лица приобретали все более геометризованные формы, а взгляд – глубокую, почти провидческую интенсивность. Эта стилистика подчеркивалась выбором колоссального формата для многих статуй, где монументальность исполнения дополнительно способствовала деперсонализации образа. Археологические находки демонстрируют серьезные сложности в атрибуции таких портретов – многие из них представляют собой более ранние изваяния, переработанные позднее, а большинство сохранились лишь фрагментарно – в виде оторванных от тела голов (см. LSA).

Парадоксальным образом, несмотря на христианизацию империи, официальная портретная традиция упорно избегала каких-либо отсылок к христианским добродетелям. Даже такие известные своим благочестием правители, как Феодосий II, изображались в рамках традиционной военно-триумфальной иконографии. Их личная набожность и аскетизм, хорошо

⁶⁴⁸ Smith R.R.R. Statue practice in the late Roman empire: numbers, costumes, and styles. // *The last statues of antiquity*. / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford, 2016. P. 13–19; Destephen S. Late Roman emperorship in Constantinople. P. 55.

⁶⁴⁹ Bergmann M., Kovacs M. Portrait styles. // *The last statues of antiquity*. / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford, 2016. P. 280–295; Destephen S. Late Roman emperorship in Constantinople. P. 284–285; Грабар А. Указ. соч.

документированные письменными источниками, находили выражение лишь в кратковременных, эфемерных проявлениях придворного церемониала, но не в монументальном искусстве. Это противоречие между христианскими идеалами правителя и традиционными визуальными канонами императорской власти наглядно демонстрирует глубину разрыва между меняющейся религиозной практикой и консервативными механизмами репрезентации власти в позднеримском обществе⁶⁵⁰.

Пристальное внимание к императорским статуям в источниках объясняется не только проблемой, которую для правоверного христианина представляло поклонение им, но и широким распространением практик взаимодействия с ними в эпоху поздней Античности. Как уже указывалось, статуи располагались в самых людных и значимых местах, где они символически санкционировали государственную власть, а горожане могли убедиться в заботе со стороны этой власти. Римлянин мог искать защиты у статуи или через нее обращаться за помощью напрямую к правителю, а в случае недовольства — вымещать гнев на образе авгу́ста. Таким образом, «вечное присутствие» императора достигалось благодаря вездесущности его изображений и распространению практики взаимодействия с ними. Поскольку император физически не мог находиться повсюду, чтобы обосновать право чиновника на власть или обязать подданных ему подчиняться, эту функцию брали на себя его изображения. При этом правитель в таком контексте — это не конкретное лицо, облаченное в пурпур в данный момент, а любой носитель императорской власти, запечатленный в конкретном образе. Наполнение городов императорскими статуями укрепляло государственный строй и правопорядок, придавая сакральности и легитимности тому пространству, в котором облаченный в пурпур правитель выступал главным благодетелем, арбитром и источником власти.

Единство политической системы основывалось не только на общих государственных институтах и налогах, но и на общих символах и ритуальных практиках. Культы императора и все, что было с ними связано, создавали контекст, в котором жители городов, разбросанных по всей империи, могли ощущать свою принадлежность к единому политическому порядку. Общий и доступный для всех императорский образ, а также сопутствующие ему повседневные практики являлись одним из важнейших элементов коллективного опыта римлян, призванного обеспечить единство империи. Власть императора зиждилась на постоянных актах ее признания со стороны подданных. Во дворце и столице это достигалось через различные церемонии императорского самовыражения, но в провинциях эту роль выполняли статуи. Их повсеместное присутствие, возможность обратиться к ним за помощью и требование совершать им поклонение — все это было частью коллективного опыта римских граждан, символизирующего их лояльность авгу́сту.

⁶⁵⁰ Destephen S. Late Roman emperorship in Constantinople. P. 65–66.

Почитание императорской статуи становилось выражением признания его власти и воплощением *consensus universorum*. В Константинополе горожане выражали недовольство через бунты на ипподроме и агрессивные выкрики в адрес правителя, а в провинциях — через акты вандализма в отношении статуй.

§4.2.2. Аккламации в позднеантичном городе

Однако ощущение «вечного присутствия» императора создавалось не только благодаря его статуям. Вся городская жизнь неизменно напоминала жителям, что происходящее находится под неусыпным надзором августа, санкционировано им и в конечном итоге им контролируется. Чиновники своей властью и внешним видом подчеркивали, что являются лишь представителями императорской власти. Даже такие аспекты городской жизни, как судебные заседания или зрелища на арене, не просто предполагали обязательное присутствие образа правителя — они требовали от граждан публичных аккламаций в честь августа.

Как мы уже отмечали, аккламации были обязательным элементом не только во время адвента самого императора или его репрезентативных образов, но и при назначении епископов, а также во время публичных зрелищ. Однако их значение не ограничивалось этими случаями — они пронизывали различные сферы городской жизни, становясь одним из важнейших элементов позднеантичного города. Их значимость подчеркивается эдиктом 371 г., позволяющим провинциалам использовать почтовую службу (*evection*) для передачи августу приветствий, что являлось древним обычаем римского народа⁶⁵¹.

Зачастую массовые аккламации были срежиссированы могущественными патронами, использовавшими профессиональных агитаторов, которые задавали толпе нужную повестку⁶⁵². Как свидетельствует Либаний в своих речах, практика коллективных аккламаций в адрес правителей была широко распространена, однако в Антиохии сложилась исключительная ситуация: группа из 400 человек демонстративно отказалась участвовать в этих ритуалах, требуя денежного вознаграждения (Lib. Or. 33.11–13; 41; 45.22; 46.17; 56). Отсутствие традиционных славословий во время публичных мероприятий производило угнетающее впечатление на городские власти, которые предпринимали активные попытки восстановить привычный порядок.

⁶⁵¹ CTh. VIII. 5. 32: *Evectionum copiam senatui, cum proficiscendi ad nos necessitas fuerit, serenitas nostra largita est. nam si adclamationibus populi Romani nostri aliisque antiquis et sollemnibus rebus concessa iugitas illibata servatur, provincialibus etiam, quando e re esse censerent, evectionum copia non negata est, ut ad nos sumpta evectione contendant, quanto magis huius arbitrii his facultas est deferenda, quos collegii merito videre frequentius cupimus?*

⁶⁵² Reitzenstein-Ronning C. Op. cit. P. 273.

Подобное рвение чиновников Либаний объясняет их чрезмерным честолюбием и подвергает резкой критике. Возможно, о той же группе упоминает Иоанн Златоуст в своем толковании Евангелия от Матфея, говоря о людях, которые продают свой голос и чье единственное занятие – это выкрики в театре (Chrys. Hom. Matt. XXXVII. 6).

Конечно, подобные вещи не ускользали от внимания императорских законотворцев, они не могли рисковать и позволять толпе выкрикивать собственные мысли и даже требования, ведь их неисполнение могло привести к открытому протесту. Например, в кодексе Юстиниана сохранилась институция, в которой август Лев предписывал следующее: «Ни в каких местах или городах не должны раздаваться оскорбительные крики (*tumultuosis clamoribus*) кого-либо, вызывающие беспорядки, и не должны произноситься дерзкие слова с единственной целью вызвать зависть к кому-либо. Пусть те, кто издает такие речи и сеет смуту, знают, что они никоим образом не получают пользы от своих требований, но будут подвергнуты наказаниям, которые древнейшие постановления установили для зачинщиков мятежей и беспорядков»⁶⁵³.

Имперское законодательство могло обрести силу даже через процедуру аккламации. Яркий пример приводит Дж. Харрис, описывая события 326 г., когда Константин Великий столкнулся с недовольством своих ветеранов⁶⁵⁴. После формальных приветственных возгласов воины отказались от продолжения традиционных славословий, выразив неудовлетворенность отсутствием особых привилегий. Император ответил риторическим заявлением о своем долге заботиться о благополучии ветеранов, что спровоцировало их официального представителя подать жалобу относительно обязательных государственных повинностей. На запрос Константина о деталях последовал ответ, что ситуация и так известна императору, после чего тот немедленно издал декрет об освобождении ветеранов от службы. Последующее включение этого эпизода в Кодекс Феодосия свидетельствует о признании его законодательной силы (CTh. VII. 20. 2). Примечательно, что в тексте императорской прокламации данное решение упоминается как «письмо» (*epistula*), которое приобретало силу закона уже в момент издания, даже без предварительного оглашения перед войсками. Этот случай имел большое значение для Константина, ведь он демонстрировал заботу о воинах и готовность оперативно реагировать на их нужды.

⁶⁵³ CI. IX. 30. 2: In nullis locis aut civitatibus tumultuosis clamoribus cuiusquam interpellatio contumeliosa procedat nec ad solam cuiusquam invidiam petulantia verba iactentur : scituris his, qui huiusmodi voces emisierint moverintque tumultus, se quidem fructum ex his quae postulant nullatenus habituros, subdendos autem poenis his, quas de seditionum et tumultus auctoribus vetustissima decreta sanxerunt.

⁶⁵⁴ Harries J. Law and Empire in Late Antiquity. P. 68.

Возгласы в честь императоров случались и в ходе судебных заседаний⁶⁵⁵, и во время любых других событий гражданской жизни позднеантичного города. Аккламации в поздней Античности в принципе, даже если они не были обращены напрямую к императору, обязательно содержали пожелания ему долгого правления и всякого блага. Например, опубликованные Шарлоттой Руше эпиграфические воззвания к Альбину в Афродисии были обрамлены формулами: «Во всем космосе Бог един! Много лет императору! Много лет эпарху [т.е. префекту претория]! Много лет сенату! Много лет митрополиту!»⁶⁵⁶. Папирус, содержащий протокол собрания (предположительно датированный началом IV в.), на котором требовали почестей для притана Диоскора, сохранил следующие возгласы: «На все времена правление римлян! Владыки августы! Владыки августы навеки! Долгой жизни владыкам-августам!»⁶⁵⁷. К. Роллингер приводит и другой папирус, в конце которого содержатся аккламации пагарху Арсиной: «Господи, спаси христолюбивого императора! Господи, спаси христолюбивого попечителя! Господи, спаси непобедимую империю!»⁶⁵⁸.

Как убедительно демонстрирует П. Ван Нуффелен, аккламации в муниципальных и церковных контекстах далеко не всегда служили выражением лояльности по отношению к императору⁶⁵⁹. Фактически они часто принимали форму требований или даже открытых оскорблений. Яркой иллюстрацией этого феномена служит визит императора Юлиана в Антиохию в 362 г.: вместо традиционных славословий он столкнулся с криками возмущения по поводу нехватки продовольствия (Iul. Misop. 339). Еще более показательным примером является восстание «Ника» в Константинополе в 532 г., когда аккламации стали инструментом открытого политического протеста.

Эти случаи убедительно свидетельствуют о том, что практика аккламаций представляла собой сложный механизм диалога между властью и обществом, который мог принимать как лояльные, так и оппозиционные формы. Однако в рамках нашего исследования особый интерес представляет иная их функция – поддержание концепции перманентного присутствия императорской власти. Обязательные возгласы с упоминанием имени августа и пожеланиями благополучного правления в ситуациях, когда сам император физически отсутствовал и

⁶⁵⁵ Hugoniot M. C. Les acclamations dans la vie municipale tardive et la critique augustiniennne des violences lors des spectacles africains. // *Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain. Hommage à Claude Lepelley*. / Ed. H. Inglebert. Paris, 2002. P. 179–180.

⁶⁵⁶ Roueché C. *Acclamation in the Later Roman Empire*. P. 191–194.

⁶⁵⁷ P. Oxy. 1.41: τοῖς Ῥωμαίοις εἰς [ἐ]ῶνα τὸ κράτος τ[ῶ]ν Ῥωμαίων, Ἀγούστοι κύριοι; τὸν κτίστην τῇ πόλει, Ἀγούστοι κύριοι εἰς τὸν ἔῶνα; Ἀγούστοι κύριοι εἰς τὸ [ν α]ἰῶνα. Анализ этого текста в: Kruse T. *The Magistrate and the Ocean: Acclamations and Ritualised Communication in Town Gatherings in Roman Egypt*. // *Rituals and Communication in the Graeco-Roman World*. / Ed. E. Stavrianopoulou. Liège: Centre International d'Étude de la Religion Grecque Antique, 2006. P. 297–315.

⁶⁵⁸ Rollinger C. *Zeremoniel und herrschaft*. S. 578.

⁶⁵⁹ Van Nuffelen P. *Playing the Ritual Game in Constantinople*. P. 184; *Beyond bureaucracy*. P. 238–240.

рассматриваемые вопросы не имели к нему прямого отношения, превращали фигуру правителя в постоянного незримого участника городской жизни. Эта ритуальная практика служила мощным инструментом идеологического воздействия, визуализируя тезис о том, что вся власть в городе — независимо от конкретного контекста — в конечном счете проистекает от императорской персоны.

§4.2.3. Знаки власти императорского чиновника

Символическая вездесущность императорской власти в провинциальной жизни проявлялась не только через обязательные славословия и присутствие статуй правителя на судебных и муниципальных заседаниях. Важную роль играла и визуальная репрезентация власти через атрибутику провинциальных наместников. Характерный пример — эволюция консульских инсигний в поздней Античности: консул отныне регулярно изображался со скипетром, наверху которого венчали бюсты правящих императоров. Данная трансформация наглядно прослеживается по сохранившимся консульским диптихам: Флавия Констанция 417 г., Феликса 428 г., Ареобинда 506 г., Клементина 513 г. и Анастасия 517 г.⁶⁶⁰, а также на консульском миссории Аспара⁶⁶¹.

К V–VI вв. консулат утратил прежние политические функции, превратившись в высшую почесть, дарованную императором⁶⁶². В этом контексте скипетр с императорским бюстом приобретал особое символическое значение: частное лицо, удостоенное этой чести, получало не только социальный престиж, но и часть сакрального авторитета, воплощенного в изображении августа. В знаменитом Хронографе 354 г., сохранившемся в кодексе Барберини (Vat. Barb. lat. 2154), представлено изображение императора Констанция II, держащего в руке скипетр с бюстом — предположительно, собственным изображением⁶⁶³. Хотя формально император мог быть изображен в консульском облачении, представленные регалии отражают, скорее, императорскую, нежели консульскую символику. Особый интерес представляет жест правителя: его правая рука рассыпает монеты перед народом — такова традиционная иконография императорской щедрости. Эта деталь дает нам основания поддержать интерпретацию К.

⁶⁶⁰ Delbrück R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler; Cameron A. The Origin, Context and Function of Consular Diptychs. // *Journal of Roman Studies*. 2013. Vol. 103. P. 174–207; Olovsson C. The Consular Image: An Iconological Study of the Consular Diptychs. Oxford, 2005. Также на монетах: Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Vol. X: The Divided Empire and the Fall of the Western Parts, AD 395–491. London, 1994. P. 49.

⁶⁶¹ Delbrück R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. S. 154–156

⁶⁶² Bagnall R. S., Cameron A., Schwartz S. R., Worp K. A. The Last Consuls of Imperial Rome. Atlanta, 1987.

⁶⁶³ Salzman M.R. On Roman Time; Burgess R. W. The Chronograph of 354.

Роллингера, согласно которой, изображение символизирует императора в роли дарителя консульского достоинства⁶⁶⁴.

Императорские изображения служили знаками власти не только для консулов, но и для высших административных чиновников. Согласно свидетельству Иоанна Лида (Ioan. Lyd. De mag. III. 10), префекты претория обладали особыми ларцами (*θηκαι*). Наиболее наглядное представление об этих инсигниях дают иллюстрации из *Notitia Dignitatum*: в разделе, посвященном префекту претория Иллирии (Not. Dign. Or. III), изображена официальная колесница, кодицилл, а также крупный ларец с рельефными портретами императоров. По всей видимости, подобные ларцы использовались для хранения письменных принадлежностей⁶⁶⁵. Однако их символическая функция выходила за рамки утилитарного назначения: размещение императорских изображений на этих предметах выполняло важную идеологическую задачу. С одной стороны, оно подчеркивало высокий статус префекта как представителя императорской власти, обладавшего судебными и гражданскими полномочиями, с другой – визуально воплощало идею производности его полномочий от верховной власти августа.

Ярким примером использования *θηκη* в официальной иконографии служит знаменитый диптих из слоновой кости Руфия Пробиана, занимавшего пост викария Рима около 400 г. и носившего ранг *vir clarrissimus*⁶⁶⁶. На лицевой стороне диптиха Пробиан представлен в парадном облачении позднеантичного чиновника: длинная туника с декоративными вставками (*segmenta*), поверх которой наброшена клетчатая хламида. Он восседает на возвышенном (двухступенчатом) официальном кресле (*sella curulis*), что подчеркивает его статус.

По обе стороны от префекта изображены фигуры двух его помощников меньшего масштаба (что отражает их подчиненное положение), одетых в аналогичные, но менее роскошные костюмы и держащих в руках записные книжки. Особый интерес представляет расположенная справа *θηκη*, конструкция которой разделена на три регистра: нижний ярус украшен геометрическим орнаментом; средний ярус содержит изображение процессии с фигурами, несущими какие-то предметы; верхний ярус отчетливо демонстрирует императорские портреты с вышитыми жемчугом диадемами и церемониальными трабеями. Право на трабею имели только высшие чиновники: на западе – префект претория Italiae, префект urbis Romae, проконсул Africae, все викарии, корректоры и президы; на востоке – префект претория Illyrici, проконсулы, comes Orientis, префект Augustalis, викарии и консулы⁶⁶⁷.

⁶⁶⁴ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 228.

⁶⁶⁵ Eckardt H. Writing and Power in the Roman World: Literacies and Material Culture. Cambridge, 2018. P. 145.

⁶⁶⁶ Cutler A., Kinney D. A Late Antique Ivory Plaque and Modern Response. // American Journal of Archaeology. 1994. Vol. 98. P. 457–480; Delbrück R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. S. 250–256.

⁶⁶⁷ Rollinger C. Zeremoniel und herrschaft. S. 228.

Также на миниатюрах Россанского кодекса VI в. наглядно проявляется использование императорских образов как неотъемлемого атрибута власти римских чиновников⁶⁶⁸. Особенно показательна в этом отношении сцена суда Понтия Пилата над Иисусом, где прокуратор изображен с характерными регалиями позднеантичного наместника. Пилат представлен восседающим на троне императорского типа (*solium*), держащим в руке свиток назначения (*codicillus*) и окруженным военными штандартами (*vexilla*) с портретами императора. Эта иконография полностью соответствует свидетельству Севериана Гавальского (Sev. Gab. De creat. Mund. Or. VI. 5) о необходимости присутствия императорского образа на судебных заседаниях для сакрализации и легитимации решений чиновника. Даже скатерть, покрывающая судейский трибунал Пилата, украшена императорскими портретами – эта деталь с особой выразительностью подчеркивает концепцию повсеместного присутствия августейшей власти. Подобный иконографический прием превращал судебное действие в сакрализованный ритуал, где каждое решение формально исходило от незримо присутствующего императора.

Художник Россанского кодекса сознательно наделил Пилата атрибутами *consularis Palaestinae*, адаптируя библейский сюжет к административным реалиям своей эпохи. Особого внимания заслуживают изображенные штандарты, выполненные в форме классического *vexillum* – квадратного синего полотнища на золотом древке с императорскими портретами. Этот тип знамени, служивший персональным штандартом императора со времен принципата, сохранял свое значение вплоть до правления Льва I (457–474 гг.), что подтверждается нумизматическими материалами⁶⁶⁹. Примечательно, что хотя Константин Великий и преобразовал *vexillum* в *labarum*, добавив христограмму, традиционная форма знамени продолжала использоваться в официальной иконографии.

На этой же миниатюре мы наблюдаем другой атрибут власти наместника – чернильницу, о которой также упоминает Иоанн Лид (Ioan. Lyd. De mag. II. 14. 2). Значимость этих чернил становится известна из рескрипта 470 г. императора Льва магистру служб Хилариану: «Священные изречения, какие бы ни записала власть нашего милосердия на каких бы то ни было страницах, да будут украшены не иным обликом или цветом, но исключительно пурпурным письмом. Они будут отличаться яркостью вареной багрянки и растертой раковины. И да позволено будет оглашать и произносить в судах лишь те рескрипты, на которых стоит подпись нашего рукоположения, начертанная на папирусах или пергаментях. Но пусть никому не будет дозволено или разрешено иметь, изготавливать или даже надеяться получить сей состав священных чернил. И если кто дерзнет сделать это с тираническим умыслом, то после

⁶⁶⁸ Loerke W. Op. cit; Лихачева В.Д. Указ. соч. С. 78–80.

⁶⁶⁹ Loerke W. Op. cit. P. 180.

конфискации всего имущества да понесет он заслуженную смертную казнь»⁶⁷⁰. Даже такой утилитарный предмет, как чернильница, превращался в важный инструмент власти, визуально и материально связывая провинциальную администрацию с фигурой императора. Таким образом, решения наместника были санкционированы не только символическим присутствием августа в виде его изображений, но и подписью, сделанной пурпурными чернилами, которыми дозволялось обладать лишь по разрешению императора.

Однако, по всей видимости, во время правления Юстиниана практика вынесения судебных решений провинциальными наместниками «от имени императора» стала претерпевать изменения. Так, в одной из новелл Юстиниан прямо сообщает: «Божественной памяти Феодосий и Валентиниан установили законом, чтобы явные причины апелляций квестор священного дворца совместно с префектом претория на Востоке (который в данное время занимает место вашего превосходительства) рассматривал согласно форме священных судебных разбирательств»⁶⁷¹. Однако мы узнали, что при таких разбирательствах совершается дело, недостойное как государства, так и самой императорской власти. Ибо тяжущиеся, их прокураторы и адвокаты, а также все, кто привлекается в качестве слуг для ведения дел, используют перед нашими магистратами облачения и обувь и употребляют такие выражения, как будто мы сами заседаем, и которые должны использовать и употреблять только те, кто предстает перед императором. Даже сами судьи выносят свои решения не так, как если бы они сами, а как если бы мы сами присутствовали и выносили их»⁶⁷².

Соответственно далее Юстиниан накладывает на это запрет: «Мы запрещаем, чтобы впредь подобное происходило в каком-либо суде, постановляя, чтобы квестор нашего священного дворца (кто бы он ни был в данное время) совместно с вашим превосходительством или префектом претория (кто бы ни занимал эту должность в данное время) рассматривал такого рода дела, и чтобы они выносили решения не от нашего имени, а от своего собственного, и

⁶⁷⁰ CJ. I. 23. 1. 6: *Sacri adfatus, quoscumque nostrae mansuetudinis in quacumque parte paginarum scripserit auctoritas, non alio vultu penitus aut colore, nisi purpurea tantummodo scriptione illustrentur, scilicet ut cocti muricis et triti conchylii ardore signentur: eaque tantummodo fas sit proferri et dici rescripta in quibuscumque iudiciis, quae in chartis sive membranis subnotatio nostrae subscriptionis impresserit. Hanc autem sacri encausti confectionem nulli sit licitum aut concessum habere aut quaerere aut a quoquam sperare: eo videlicet, qui hoc adgressus fuerit tyrannico spiritu, post proscriptionem bonorum omnium capitali non immerito poena plectendo.*

⁶⁷¹ CI. VII. 62. 32. В этой конституции описывается порядок принятия апелляций и судебных решений в соответствии с социальным статусом судей и акторов апелляции.

⁶⁷² Nov. Iust. 126. praef: *Theodosius et Valentinianus divinae memoriae lege constituerunt, ut manifestas causas appellationum quaestor sacri palatii una cum praefecto sacro per Orientem praetorio qui quoque tempore sedem tuae sublimitatis obtinet secundum formam sacrorum iudiciorum examinet. Comperimus autem in eiusmodi examinationibus rem fieri et re publica et ipso imperio indignam. Litigantes enim et procuratores et eorum advocati et omnes in eiusmodi causis ministrantes tamquam nobis ipsis sedentibus et audientibus tam vestitu quam calceis et verbis apud magistratus nostros utuntur, quibus eos solos uti decet qui ad imperatorem ingrediuntur; quin etiam ipsi iudices non ex sua persona, sed tamquam nobis ipsis praesentibus et interloquentibus suas sententias proferebant.*

постановляли приговор в соответствии с законом; чтобы, разумеется, обычные канцелярии выполняли свои обязанности при таких разбирательствах, и чтобы магистраты, судящие по подобным делам, знали, что если впредь будет совершено что-либо против этих установлений, они будут обвинены в преступлении против величества»⁶⁷³. Таким образом, Юстиниан совершил некоторый переворот в общепринятой практике, когда провинциальный судья принимал как бы императорское решение, а местные жители воспринимали судью как непосредственно исполнителя воли августа, что было гарантировано наличием императорских портретов и пурпурной краской.

§4.2.4. Оглашение императорских законов

В позднеантичный период законодательная деятельность приобрела особое идеологическое значение, выходящее далеко за рамки простого правового регулирования. Как убедительно продемонстрировали исследования К. Рейтценштейн-Роннинг и С. Шмидт-Хофнера, в эпоху Константина Великого и императоров-соправителей Валентиниана I и Валента II право превратилось в мощный инструмент конструирования социальной реальности⁶⁷⁴. Позднеримское законодательство не просто фиксировало существующие нормы, но активно формировало образ идеального общества, определяя параметры «справедливого порядка» и предлагая конкретные механизмы его достижения.

Этот процесс носил характер диалога: через петиции и обращения различные социальные группы империи участвовали в выработке представлений о должном мироустройстве, а императорская власть, выступая единственным источником законотворчества, позиционировала себя как гарант реализации этих идеалов⁶⁷⁵. Формулируя правовые нормы, август представал не просто как правитель, но как творец нового миропорядка, способный преодолеть разрыв между идеальной моделью и социальной практикой. Таким образом, позднеантичное право выполняло

⁶⁷³Nov. Iust. 126. 1: Quod in posterum in ullo iudicio fieri prohibemus, sancientes ut sacri nostri palatii qui quoque tempore quaestor est una cum tua sublimitate sive qui quoque tempore praefectus sacro praetorio est huiusmodi causas examinet, neu vero ex nostra sed ex suis personis interlocutiones proferant atque sententiam legibus agnitam ferant ; ut scilicet solita scrinia in eiusmodi cognitionibus ministerium suum praestent, sciantque magistratus qui de talibus causis iudicant si quid adversus ea in posterum ullo modo commissum sit, se maiestatis crimini obnoxios fore.

⁶⁷⁴ Reitzenstein-Ronning C. Op. cit; Schmidt-Hofner S. Ostentatious Legislation.

⁶⁷⁵ О принципах позднеримского права и петициях см: Millar F. De la frontière au centre la monarchie centralisée de Théodose II; Greek Roman Empire; Eich P. Centre and Periphery; Mathisen R. Adnotatio and Petitio. P. 23; Lenski N. Op. cit.; Harries J. Law and empire in late antiquity; Matthews J. Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code. New York, 2000; Riedlberger P. Prolegomena zu den spätantiken Konstitutionen. Nebst einer Analyse der erbrechtlichen und verwandten Sanktionen gegen Heterodoxe. Stuttgart, 2020.

двойную функцию – с одной стороны, оно отражало процесс общественных переговоров о природе справедливости, с другой – утверждало императора в качестве единственной силы, способной воплотить эти идеалы в жизнь.

К. Райтценштен-Роннинг пришел к выводу, что указы Константина (против злоумышленников) следует рассматривать не как прямой приказ о наказании, а как форму текстуальной постановки государственной кары: в воображении читавшего (или воспринимавшего на слух) данные документы жестокая казнь преступника осуществлялась еще до момента самого суда⁶⁷⁶. Таким образом, законодательство Константина в этой области, во-первых, инициировало правовой дискурс о функциях императорской власти по борьбе со злоупотреблением властью – император выступал в роли благодетеля, поскольку преступник ставил под угрозу процветание империи⁶⁷⁷. Во-вторых, текстовая, а иногда и ритуальная инсценировка императорской строгости представляла собой важную составляющую дискурса легитимного правления. Важным становилось не само исполнение закона, а текст документа, который апеллировал к власти императора.

Важно отметить, что императорские распоряжения предписывалось размещать в самом людном месте, где все могли их прочесть: *in celeberrimis locis urbium singularum* (CTh. XI. 5. 3; XVI. 5. 37). Разумеется, не все граждане умели читать, однако, как отметил К. Андо, особенностью римского общества было то, что неграмотные люди имели возможность в любой момент обратиться к грамотеям, число которых даже в период поздней Античности было велико⁶⁷⁸. Кроме того, прибытие нового правового акта было важным моментом для провинциального города – его встречали с церемонией почтения, совершая *adoratio*, что было характерно для любого проявления сакральной личности августа.

Так, в письме Аммон убеждает свою мать, что сможет добиться должности в Египте, потому как первосвященник в Александрии не сможет ему отказать, как только получит копию постановления Диоклетиана: «Ничто не может возобладать над письмом Диоклетиана ... теперь и сам первосвященник в страхе ждет императорского документа»⁶⁷⁹. Василий Великий писал, что отнесся к предыдущему письму своего друга как к императорскому посланию: «Я отдал ему

⁶⁷⁶ Reitzenstein-ronning C. Op. cit. P. 284.

⁶⁷⁷ Dillon J. The justice of Constantine. Law, communication and control. Ann Arbor, 2012. P. 165.

⁶⁷⁸ Ando C. Op. cit. P. 101.

⁶⁷⁹ P. Amon I. 3. IV. 24-27: οὐ [δε]δέν δὲ ἰσχύει [πρὸς] τὰ γράμματα τὰ Διοκλητιανοῦ γὰρ δὲ/ τέως αὐτ[ὸς παρὰ] τοῦ ἀρχιερέως λαμβάνω τὸ μέρος [κα]τὰ [τ]ὰ γράμματα [α] τὰ Διοκλητ[ιανοῦ] καὶ ἤδη λαμβάνω· α[ὐ]τὸς γάρ μοι ὁ ἀρχιερεὺς προσέπεμψεν μετανοήσα[ς] διότι καὶ ἐχύλωσεν προστάτου τὸν χρόνον[ν] ὃ δὲ καὶ αὐτὸς φοβηθεὶς [τὰ γρά]μματα τὰ βα[σιλ]ικὰ π[ρο]σδοκᾷ οὐδ[ε] . . . ἐὰν θεὸς θέλη!

должное почтение, как будто это было какое-то воззвание императора, и когда я сломал печать, я стоял в благоговении при виде его»⁶⁸⁰.

Однако императорские постановления не только читались приватно, но и оглашались публично. Так, Иоанн Златоуст пишет, что при получении «божественных законов» к ним следует относиться с не меньшим почтением, чем при оглашении императорских указов: «Если при чтении императорского указа бывает великая тишина и прекращается всякий шум и беспорядок, потому что все стоят с напряженным вниманием и желают услышать то, о чем возвещает царская грамота, а тот, кто хотя немного зашумит и прервет последовательность чтения, подвергается великой опасности, то тем более здесь нужно стоять со страхом и трепетом, наблюдать глубокое молчание и избегать волнения мыслей, чтобы и понимать предлагаемое, и удостоиться за послушание еще больших даров от Царя небесного» (Chrys. Hom. in Gen. XIV. 2). В другой беседе автор отмечает, что императорские указы зачитывались и в театрах в полной тишине (ibid. Hom. in Matt. I. 8).

Также и гонец с императорским указом облачается большей важностью по причине значимости своего дела: «Когда царь, облеченный диадемою, посылает приказ, то, хотя бы приносящий ее сам по себе не имел никакой важности, был человек незначительный, и иногда такой, который не может насчитать сколько-нибудь (важных) своих предков, сам неизвестный и происхождения неизвестного, — однако те, которые получают грамоту, не обращают на то внимания, а, ради царской грамоты, и ему воздают великую честь и указание от него принимают с великим страхом и благоговением» (ibid. Hom. in Gen. XLIV. 1). В своих новеллах Феодосий даже обговаривает должности людей, которые должны быть ответственны за опубликование закона — это *comes rerum privatarum* и *magister militum* (Nov. Theod. V. 1; VII. 4).

Однако не только само содержание законов или их материальная форма требовала соответствующего величине императорской фигуры почтения, но и стиль конституций августва отражал позиционирование монарха по отношению к обществу. Так, А. и П. Айх в своих исследованиях показали, что в письменных высказываниях императоров периода поздней Античности элемент самовосхваления и каталогизации успехов отступил перед фактологической направленностью текстов⁶⁸¹. Позднеантичный император предстает перед нами как проповедник, исполненный гнева или патриархальной озабоченности.

Новый стиль отказался от фиксации на правителе как личности и сосредоточился на содержании императорского правления, весь спектр которого был охвачен размышлениями и аргументами позднеантичных императоров. В результате фактические цели и подданные как

⁶⁸⁰ Basil. Ep. III. 1: εὐλαβήθην αὐτὴν ὡς τι δημόσιον προσαγγέλλουσαν, καὶ παρ' ὃν ἐξέλυον καιρὸν τὸν κηρὸν, ἐφοβούμεν προσβλέπων...

⁶⁸¹ Eich A., Eich P. Op. cit. S. 82.

референтный объект действий правителя оказались в центре внимания императорских публикаций, вытеснив самореферентный стили ранне- и позднеимператорского периода. В поздних прокламациях правителя заботило уже не столько показное увеличение личной славы за счет накопления почетных титулов, императорских почестей, денег и прочего, сколько благополучие подданных, которому он публично обещал служить⁶⁸².

Показательной в этом отношении является VIII новелла Юстиниана, которую мы позволим себе привести целиком, поскольку она в полной мере являет образ императора как заботливого отца: «Мы проводим дни и ночи в частых бдениях и заботах, обдумывая, что можно сделать полезного для наших подданных и угодного Богу. Эти бдения не являются случайной работой, но мы посвящаем их обсуждению, проводя для этого каждый день и ночь, чтобы наши подданные могли жить в благоприятных условиях, освобожденные от всех забот, которые мы сами берем на себя для них. Мы провели тщательное исследование и расследование, желая сделать то, что будет полезно нашим подданным и что избавит их от всякого бремени и всякой несправедливости извне, кроме общественного обложения и равной и законной дани. Мы обнаружили, что в государственные дела вкралась великая несправедливость, не древняя, а недавняя, которая причиняет насилие нашим подданным и доводит их до нищеты, так что есть опасность, что они могут оказаться в крайней нужде и не смогут без особого труда выплачивать обычную, законную и разумную государственную дань, установленную в результате государственной переписи»⁶⁸³.

В законодательных преамбулах позднеантичных императоров особое место занимала теологическая проблематика, отражавшая их заботу о правильном ритуальном почитании сверхъестественных сил и согласовании государственной деятельности с божественной волей⁶⁸⁴. Это явление демонстрирует уникальный феномен государства, взявшего на себя мироустроительные функции и требовавшего от подданных организации своей жизни в соответствии с официально признанной идеологией.

⁶⁸² Ibid. S. 88.

⁶⁸³ Nov. Iust. VIII. praef: Omnes nobis dies ac noctes contingit cum omni lucubratione et cogitatione degere semper volentibus, ut aliquid utile et placens deo a nobis collatoribus praebeatur: et non in vano vigilias ducimus, sed in huiusmodi eas expendimus consilia pernoctantes et noctibus sub aequalitate dierum utentes, ut nostri subiecti sub omni quiete consistant sollicitudine liberati, nobis in nosmet ipsos pro omnibus cogitationem suscipientibus. Per omnem namque curiositatem et inquisitionem subtilem discurremus illa agere quaerentes, quae utilitatem nostris subiectis introducendo omni eos onere liberent et omni damno extrinsecus illato, citra publicum censum et iustam legitimamque collationem. Invenimus enim plurimam ingressam causis iniustitiam, et hanc non olim, sed ex quibusdam temporibus violenter accessisse et nostros subiectos ad inopiam compulisse, ut ad novissimam ipsi penuriam devenire fluctuarentur et neque consueta et legitima tributa et pro veritate pias functiones secundum publicum censum possint sine maxima necessitate persolvere.

⁶⁸⁴ Eich A., Eich P. Op. cit. S. 88–89.

Данная тенденция прослеживается, начиная с эдиктов Деция о жертвоприношениях (249–251 гг.) и заканчивая антихристианскими эдиктами Диоклетиана. На наш взгляд, подобная практика не была порождением христианской эпохи, а являлась устойчивой характеристикой позднеантичной государственности, лишь получившей новое оформление после принятия христианства. Позднеантичные императоры уделяли значительное внимание разработке и публичной аргументации теологических позиций, что стало важным элементом признания их власти. В рамках представлений о созданном Богом космическом порядке правитель занимал особое положение как наместник Бога на земле, призванный воплощать среди людей божественный замысел. Однако эта связь с трансцендентным порядком не исчерпывала всех механизмов обоснования власти.

Императорская легитимация сочеталась с традиционными политическими концепциями, основанными на особой природе правителя и исторической миссии Римского государства. Примечательно, что правители не просто признавали свою ответственность перед подданными в рамках этой комбинированной теолого-политической концепции, но и конкретно определяли, как эта ответственность должна реализовываться. Тем самым они четко формулировали, какие именно ожидания подданные могли возлагать на центральную власть.

Император прежде всего выступал в роли гаранта мира как внутри, так и вне империи. Эта фундаментальная обязанность правителя по защите жизни и имущества подданных тесно переплеталась с другой важнейшей функцией императорского двора: ролью перераспределительного центра. Императорская власть обосновывала свою фискальную политику (включая сбор налогов и распределение ресурсов) необходимостью выполнения первостепенной задачи по обеспечению безопасности и стабильности в империи, и это служило оправданием разрастания фискального аппарата, а контроль за ресурсами, в свою очередь, позволял реализовывать обязательства по защите подданных⁶⁸⁵.

Для наглядности стоит привести несколько новелл, в которых такое позиционирование императора представлено лучше всего: «Взывая к великому Богу и Иисусу Христу, Спасителю нашему, и призывая Его на помощь, мы стараемся оградить наших подданных, которыми Бог дал нам управлять, от всякого вреда и ущерба, и запрещаем драки, которые, предпринятые по легкомыслию, заканчиваются резней и влекут за собой двойное наказание – то, которое участники драки навлекают на себя, и то, которое закон налагает на них за их безумие»⁶⁸⁶.

⁶⁸⁵ Ibid. S. 90.

⁶⁸⁶ Nov. Iust. LIIIV. praef: Magnum deum et salvatorem nostrum Iesum Christum et eius auxilium semper invocantes studemus omnes nostros subiectos, quorum regimen credidit nobis deus, inlaesos et sine calumnia custodire, et inhibere bella quae per suam inconsiderantiam suscipientes adversus alterutros operantur dolores, duplex ex hoc contra se supplicium inferentes, tam quod sibimet inferunt quam quod ex legibus vesaniam eorum punientibus patiuntur.

Феодосий II проявил заботу о гильдии оружейников, которая обеспечивала боеспособность императорской армии (Nov. Theod. VI), Валентиниан III, «поскольку справедливо оказать помощь через благодеяния Нашего человеколюбия провинциям, страдающим от общественного бедствия», пришел на помощь провинциалам Нумидии (Nov. Val. XIII), также и Майориан простил просроченные выплаты, поскольку «угнетенные состояния провинциалов были истощены разнообразным и многочисленным взысканием дани и чрезвычайным бременем фискальных платежей, и таким образом они потеряли имущество для уплаты обычного налога» (Nov. Maior. II).

Императорское законодательство в период поздней Античности действительно служило важным инструментом создания эффекта постоянного присутствия власти. Конституции, выставлявшиеся на городских улицах и публично оглашавшиеся, воспринимались как непосредственное звучание императорского голоса. Эти документы удостаивались почестей, сопоставимых с теми, что воздавались портретам императора и его персоне. Через законодательные тексты подданные получали подтверждение императорской заботы, что укрепляло представление о правителе как гаранте божественного порядка. Каждый закон становился материальным свидетельством незримого, но постоянного присутствия августейшей власти в жизни империи, связывая абстрактную концепцию божественного миропорядка с конкретными проявлениями государственного управления.

§4.2.5. «Носители образа Августа»: императорская иконография на знаках чиновничьего статуса

В начале данной главы мы рассматривали процесс дарения императором символического статуса чиновникам преимущественно в правовом и институциональном аспектах. Однако этот процесс имел и конкретные материальные воплощения. Источники неоднократно упоминают случаи, когда императоры вручали ценные подарки частным лицам при их назначении на важные государственные должности или по случаю юбилейных дат⁶⁸⁷. Более того, сохранились многочисленные свидетельства о различных формах императорской щедрости, выходивших за рамки простых служебных назначений. Правители преподносили особые дары за проявленную воинскую доблесть, отмечали таким образом свои юбилейные даты — квинквенналии, деценналии и викенналии, делали новогодние подношения. Особой традицией стали церемониальные дарения вновь назначенным гражданским и военным чиновникам, масштабные

⁶⁸⁷ Delbrueck R. Spätantike Kaiserporträts. S. 6–9; 68–74.

раздачи подарков римскому населению и войскам, а также дипломатические дары иностранным послам и народам⁶⁸⁸.

Р. Макмаллен показал, что все дары производились при императорском дворе, ответственным за их изготовление, хранение и непосредственно вручение был комит священных щедрот (*comes sacrum largitionum*)⁶⁸⁹. Однако исследователь пришел к выводу, что подарки императоров являются символом экономического коллапса Поздней империи, а именно перехода к натуральной экономике и сокращения монетного обращения. Разумеется, в контексте нашего исследования этот вывод не может быть сочтен удовлетворительным. Феномен императорских подарков следует рассматривать в контексте символического дарообмена, о котором шла речь ранее. Материальные дары выступали важным инструментом власти, наглядно демонстрируя, как символическое возвышение чиновников подкреплялось конкретными проявлениями императорской щедрости. Этот механизм создавал эффективную систему поощрений, одновременно укрепляя вертикаль лояльности.

Однако наиболее существенным аспектом представляется сама природа этих даров, которые несли на себе явный отпечаток императорской власти. Каждый преподнесенный предмет служил материальным воплощением связи между дарителем-императором и получателем-подданным. Такие дары не просто подтверждали статус чиновника, но и становились зримыми символами производности его власти от императорской милости. Их ценность определялась не только материальной составляющей, но и сакральным значением как предметов, исходящих непосредственно от священной особы августа.

Более того, дарение драгоценных предметов было исключительной прерогативой августа. Так, в конституции 384 г. сказано: «Никому из частных лиц да не будет позволено дарить одежду из чистого шелка под каким бы то ни было предлогом. Также мы утверждаем настоящим постановлением, что, за исключением ординарных консулов, никому более не должно быть разрешено раздавать золото или диптихи из слоновой кости. Во время проведения публичных зрелищ пусть будет разрешено раздавать только серебро, а диптихи – из другого материала»⁶⁹⁰. Эдикт Маркиана запретил консулам и это, а обязал лишь оплачивать стоимость ремонта акведуков (CI. XII. 3. 2). Таким образом, подчеркивалось, что только август выстраивал иерархию власти посредством символического дарообмена.

⁶⁸⁸ См. источники в: MacMullen R. The emperor's largesses. // *Latomus*. 1962. Vol. 21. P. 159. N. 2.

⁶⁸⁹ Ibid. P. 164–166.

⁶⁹⁰ CTh. XV. 9. 1: Nulli privatorum liceat holosericam vestem sub qualibet editione largiri. Illud etiam constitutione solidamus, ut exceptis consulibus ordinariis nulli prorsus alteri auream sportulam, diptycha ex ebore dandi facultas sit. Cum publica celebrantur officia, sit sportulis nummus argenteus, alia materia diptychis.

В частности, поэту Авзонии император Грациан подарил трабею, украшенную портретом Константина⁶⁹¹. Малала передает, что царь лазов Цатий, выйдя из подчинения персов, сдался на милость Юстину, а после уехал к себе на родину, «надев царский римский венец, шелковую узорчатую хламиду с золотым царским тавлионом [в виде ромба] вместо пурпурного, в центре которого находилось пурпурное изображение человека с чертами царя Юстина; узорчатый обшитый каймой стихарион, который имел вышитые золотом изображения царя, также похожего на Юстина» (Malal. Chron. XVII. 413). Кроме того, на диптихе из Барджелло мы наблюдаем вышитое изображение императора на одеянии императрицы Ариадны⁶⁹².

Археологами было найдено немало надписанных золотых фибул, которые относятся к т.н. арбалетному типу – с их помощью скрепляли хламиду, которую помимо военных носили гражданские чиновники, о чем мы упоминали в первой главе. Некоторые надписи на них содержат упоминание императорских годовщин, другие – императорское имя и восклицание VIVAS или VINCAS⁶⁹³. Камея из сардоникса, идентифицированная Г. Дельбрюком как изображение императора Гонория, наделяющего молодого Валентиниана III какой-то высокой должностью, прикрепляя фибулу к его плечу, иллюстрирует тот факт, что император лично раздавал фибулы, по крайней мере, чиновникам высшего ранга⁶⁹⁴. Сохранились также фибулы с императорскими портретами⁶⁹⁵. Но даже те фибулы, которые не включали изображение августа или надписи в его честь, были украшены христомграммой, которая в IV–V вв. также обозначала императорскую власть⁶⁹⁶. То обстоятельство, что все фибулы данного типа богато украшены, изготовлены из драгоценных металлов и имеют императорские коннотации, подтверждает, что их обладателями были чрезвычайно влиятельные люди, приближенные к императорскому двору.

Помимо фибулы, отличительным элементом одеяния сановника был также пояс (*cingulum*). Во многих текстах это слово используется метафорически для обозначения «официальной должности» (CTh. I. 12. 4; II. 10. 6; X. 26. 1, 2). *Discingere* («лишить пояса») означало лишение официального звания (CTh. VI. 27. 17, 18), в то время как *dare, sumere, libere, solvere, denegare* и *deponere cingulum* означало «давать», «принимать», «освободить», «лишать», «отказывать» или «отказываться» от должности (CTh. VI. 30. 8; 35. 14; VII. 2. 2; VIII. 1. 11; 4. 16, 23, 29; 8. 9; IX. 38. 11; X. 20. 14; XI. 20. 4; XII. 1. 147, 181; XVI. 4. 4). Показательным в этом

⁶⁹¹ Aus. Grat. act. ad Grat. XI: *palmatam, inquis, tibi misi, in qua divus Constantius parens noster intextus est*

⁶⁹² Delbrueck R. *Spätantike Kaiserporträts*. S. 201–205.

⁶⁹³ Johansen I. M. *Rings, fibulae and buckles with imperial portraits and inscriptions*. // *Journal of the Roman Archaeology*. 1994. Vol 7. P. 227.

⁶⁹⁴ Delbrueck R. *Spätantike Kaiserporträts*. S. 212.

⁶⁹⁵ Johansen I. M. *Op. cit.* P. 232–236.

⁶⁹⁶ См. Garipzanov I. *Graphic Signs of Authority in Late Antiquity and the Early Middle Ages, 300-900*. Oxford, 2018. P. 50–77; Eger C. *Between Amuletic Ornament and Sign of Authority: Christian Symbols on Mediterranean Dress Accessories of the Fourth to Sixth Centuries*. // *Graphic signs of faith, identity, and power*. / Eds. I. Garipzanov, C. Goodson, Y. MacGuire. Turnhout, 2017. P. 281–324.

отношении является позднеантичная роспись из римской гробницы в Силистре, где изображено, как слуги несут своему хозяину одеяние римского чиновника: штаны, хламиду с фибулой, пояс (*cingulum*) и тунику⁶⁹⁷.

Соответственно обнаруживаются и золотые, серебряные или бронзовые пряжки, которые крепились к поясам⁶⁹⁸. Украшенные жемчугом и выполненные из драгоценного металла, они служили не просто элементами парадного облачения, но и знаками императорской милости. Изображенные на пряжках бюсты в диадемах и императорской хламиде, скрепленной характерными круглыми фибулами, недвусмысленно указывают на образ августа, чье присутствие буквально «опоясывало» сановника. Особый интерес представляют сюжетные композиции, где сами обладатели этих драгоценных предметов изображены в качестве действующих лиц. Такая иконография превращала пряжку в своеобразный «знак принадлежности», визуализируя связь между чиновником и императорской властью. Носимые на теле, эти предметы постоянно напоминали об источнике полученного статуса и полномочий, материализуя идею происхождения любой власти от императорского авторитета.

Императорские подарки не ограничивались официальными знаками отличия для чиновников, а включали разнообразные драгоценные предметы – кольца, медальоны и серебряные блюда⁶⁹⁹. Особый интерес представляют около двадцати перстней из слоновой кости, золота, бронзы и драгоценных камней с надписью “*fidem Constantino*”⁷⁰⁰. Имеются также кольцо IV в. с изображением не идентифицированного августа в лавровом венке⁷⁰¹ и перстень V в. с изображением креста и надписью *AEL EVDOCIA AVG* (Августа Элия Евдоксия), который, вероятно, принадлежал не самой императрице, а лицу, удостоенному этой награды⁷⁰².

Как свидетельствует Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей», золотые кольца с императорскими изображениями преподносились также иностранным послам, например, херсонеситам (*De adm. imp.* LIII. 255). Эта практика распространялась и на другие драгоценные предметы – так, Феофан в своей «Хронографии» (564 г.) упоминает о медальонах с императорским изображением, подаренных Юстинианом эфиопскому царю Аретасу (*Theoph. Chron.* 564). Аналогичные медальоны, вручавшиеся императорским чиновникам в качестве награды, хорошо представлены археологическими находками позднеантичного периода⁷⁰³.

⁶⁹⁷ Atanasov G. A. Late antique tomb in Durostorum-Silistra and its master. // *Pontica*. 2007. Vol. 40. P. 447–470.

⁶⁹⁸ Johansen I. M. *Op. cit.* P. 235–239.

⁶⁹⁹ Kelly C. *Empire buildings*. P. 173; Leader-Newby R. *Op. cit.*; Johansen I. M. *Op. cit.*

⁷⁰⁰ MacMullen R. *The emperor's largesses*. P. 161.

⁷⁰¹ Johansen I. *Op. cit.* P. 229.

⁷⁰² *Ibid.* P. 230.

⁷⁰³ *Ibid.* P. 234, 240; Leader-Newby R. *Op. cit.*

Корипп в похвальном слове Юстину II упоминает, как сенаторы получали дары от августа⁷⁰⁴: «Затем со священной доски зачитываются имена сенаторов; отцы-сенаторы, призванные этим гласом, радостно подходят, восходят на высочайшие вершины трона, простирают правые руки и получают дары консула и владыки мира. И, гордые, они уносят серебряные сосуды, наполненные золотым металлом»⁷⁰⁵. По всей видимости, Корипп в этом фрагменте упоминает блюда, на которых был запечатлен образ императора, в частности известный миссорий Феодосия из Мадрида или миссорий Констанция из Керчи⁷⁰⁶.

Эти драгоценные предметы, не являясь официальными знаками должностного статуса, тем не менее выполняли важную символическую функцию. Они материализовали связь между дарителем-императором и получателем, будь то чиновник, военачальник или иностранный правитель. Каждый такой подарок, украшенный императорским изображением или надписью, становился зримым свидетельством близости к власти и включенности в систему имперских отношений.

Особенно ярко связь императорского образа с военной средой проявлялась в различных аспектах армейской жизни. Помимо уже упомянутых колец и медальонов, служивших наградами за воинскую службу, изображения августов украшали само военное снаряжение. На знаменитом диптихе мы видим, как портреты императоров Аркадия и Гонория становятся частью парадного воинского облачения и размещаются на щите⁷⁰⁷. Согласно иллюстрациям *Notitia Dignitatum*, императорские изображения помещались на щитах элитных подразделений – доместиков и сагиттариев, непосредственно отвечавших за охрану особы императора (*Not. Dign. Or. V. 13-14; VI. 14-15; XV*). Эта практика подчеркивала особый статус данных частей как «императорской гвардии» и визуализировала их прямую связь с правителем.

Важнейшим носителем императорского образа в войсках были армейские штандарты, которые не только выполняли практическую функцию в бою, но и служили символами преданности императору. Размещение портрета августа на военных инсигниях превращало каждое подразделение в носителя императорского присутствия, а саму армию – в живое

⁷⁰⁴ Подробнее об этом процессе см.: Cameron A. I. Observations on the distribution and ownership of late Roman silver plate. // *Journal of Roman archaeology*. 1992. Vol. 5. P. 178–185.

⁷⁰⁵ *Corr. in laud Iust. IV. 143–147: Inde senatorum sacro recitantur ab albo | nomina, conscripti patres qua voce citati | accedunt hilares, subeuntque altissima sedis | culmina, praetendunt dextras, et praemia sumunt | consulis et mundi | domini, donisque superbi | fulvo plena ferunt argentea vasa metallo.*

⁷⁰⁶ Toynbee J., Painter K. Silver Picture-Plates of Late Antiquity: AD 300-700. // *Archaeologia*. 1986. Vol. 108. S. 27. Другие см. там же и в: Leader-Newby R. Op. cit.

⁷⁰⁷ Delbruck R. Spätantike Kaiserporträts. S. 142-148. Впрочем, существует версия, что это диптих Флавия Аэций, а, значит, на щите изображены Валентиниан III и Феодосий II. В пользу этой точки зрения: Atanosov G. The portrait of Flavius Aetius (390-454) from Durostorum (Silistra) inscribed on a consular diptych from Monza. // *Studia Academia šumenensis*. 2014. Vol. 1. P. 7–21.

воплощение связи между правителем и его вооруженными силами⁷⁰⁸. Таким образом, императорская иконография пронизывала все уровни военной организации, от личных наград до коллективных знаков отличия, создавая единую систему визуальной коммуникации власти.

Императорские изображения проникали в повседневную жизнь не только элит, но и широких слоев населения через различные утилитарные предметы. Особое место среди них занимали экзагии – медные гири с портретами правителей, использовавшиеся в торговых операциях⁷⁰⁹. Не менее показательными были гирьки, выполненные в форме бюстов императоров или императриц, сочетавшие практическую функцию с символическим присутствием власти. Многочисленные находки таких гирь, в том числе на территории Северного Причерноморья⁷¹⁰, свидетельствуют о повсеместном распространении этой практики. Важную роль играли клейма с изображениями августов на серебряных слитках, которые одновременно гарантировали качество металла и распространяли императорский образ⁷¹¹. В отличие от парадных инсигний или драгоценных даров, эти предметы были рассчитаны на массовое использование, превращая каждую торговую операцию или проверку серебра в акт символического взаимодействия с властью.

Через эти утилитарные предметы императорский образ становился частью повседневной реальности для самых разных социальных слоев. Подобная практика демонстрирует, как власть использовала самые обыденные каналы для распространения своего символического присутствия, выходя далеко за пределы официальных церемоний и элитарных ритуалов. Каждая гиря или слиток с императорским изображением становилась материальным свидетельством всепроникающего характера императорской власти. Как изображение императора в суде «следило» за вынесением справедливого решения, так и при заключении финансовых сделок оно символически надзидало за ее законностью.

⁷⁰⁸ Грабар А. Указ. соч. С. 27.

⁷⁰⁹ Ссылки на археологические материалы см: Johansen I. M. Op. cit. P. 141; Грабар А. С. 28; Entwistle C. Late Roman and Byzantine Weights and Weighing Equipment in the British Museum. // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. / Eds. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008. P. 38–47.

⁷¹⁰ Чуистова Л.И. Археология и история Боспора. Вып. 2. Симферополь, 1962; Манаев А.Ю. и др. Византийский разновес, найденный на территории Гурзуфа. // МАИАСК. 2017. Вып. 9. С. 123–145; Душенко А.А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 255–268.

⁷¹¹ Ссылки на археологические материалы см: Johansen I. M. Op. cit. P. 141. N. 143; Грабар А. Указ. соч. С. 28; Dodd E.C. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961.

§4.3. «Лик власти»: императорский образ в нумизматике V века

Монеты действительно были наиболее массовыми носителями императорских изображений в позднеантичный период. Их изучение требует комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего методы исторической науки, археологии, искусствоведения и естественных дисциплин. Между тем в историографии нет единого мнения по вопросу о методологии работы с ними. В частности, в 1956 г. классик историографии поздней Античности А. Джонс в своем эссе «Нумизматика и история» отверг ценность монет как источника, выразив радикальное мнение: «Ни один серьезный историк не стал бы использовать их в качестве подсказки, раскрывающей изменения в политике правительства, даже если бы другие доказательства полностью отсутствовали»⁷¹².

В научной традиции, предшествовавшей работам А. Джонса, сложился особый подход к интерпретации монет как средства массовой коммуникации. Исследователи во главе с К. Сазерлендом и М. Грантом провели аналогию между античной нумизматикой и современными газетами, рассматривая монеты как важнейший инструмент имперской пропаганды⁷¹³. Согласно этой концепции, каждая выпущенная в обращение монета представляла собой тщательно продуманный носитель официальной информации, рассчитанный на массовую аудиторию.

В рамках данного подхода монетное дело понималось как систематическая деятельность по формированию общественного мнения. Императорский двор сознательно использовал нумизматику для распространения строго контролируемого образа власти. Каждый гражданин империи, от сенатора до простого ремесленника, держа в руках монету с портретом принцепса, получал миниатюрный, но официально утвержденный «комментарий» о правителе и его политике. Особое значение придавалось тому, что в условиях античного общества, где *princeps* воспринимался как гарант мирового порядка и стабильности, такие «визуальные сообщения» обладали особой убедительностью.

А. Джонс предложил принципиально иную модель интерпретации, сравнив античные монеты с современными почтовыми марками. Это сравнение акцентирует иные аспекты. Как и марки, монеты хоть и несли на себе идеологически выверенные изображения, но редко воспринимались населением как прямое послание власти – их символика была скорее фоновой, чем навязчивой. А. Джонс подчеркивал, что монетные типы, подобно маркам, отражали не

⁷¹² Jones A.H.M. Numismatics and history. // Numismatic and History. Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly. / Eds. R. A. G. Carson, C. H. V. Sutherland. London, 1956. P. 13–33, 15.

⁷¹³ Sutherland C.H.V. Coinage in Roman Imperial Policy. London, 1951; The Emperor and the Coinage: Julio-Claudian Studies. London, 1976; Grant M. Roman Anniversary Issues. Cambridge, 1952.

столько реальную политику, сколько стереотипные представления чиновников монетных дворов о том, что должно быть изображено.

Это была не столько «пропаганда», сколько бюрократическая рутина. А сюжеты на монетах, как и на марках, часто вращались вокруг стандартного набора тем – правящий монарх, государственная символика, памятные события. Их содержание было предсказуемым и малоинформативным для реконструкции конкретных исторических событий. Критика А. Джонса ставила под сомнение тезис о монетах как эффективном пропагандистском инструменте. Если марки отражают в первую очередь вкусы почтовых чиновников, то и монетные изображения, по его мнению, могли быть продуктом условностей и инерции работы финансовых ведомств, а не продуманной идеологической кампании⁷¹⁴.

М. Кроуфорд, развивая подход А. Джонса, в ходе анализа нумизматического материала греко-римского мира и нарративной традиции пришел к важным выводам о природе императорской чеканки. Его исследования показали, что хотя монетные типы некоторых правителей действительно отражали особенности их правления, это отражение не было результатом целенаправленной пропагандистской кампании, направляемой сверху⁷¹⁵.

Особенно показательным в этом отношении является пример Веспасиана. На первый взгляд, его чеканка кажется новаторской благодаря необычайному разнообразию типов. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что практически каждый из этих типов заимствован либо из республиканской традиции, либо из чеканки предшественников Веспасиана. Такая практика, скорее, свидетельствует о том, что монетный двор руководствовался общей установкой на воспроизводство знакомых образцов, нежели о попытках формирования общественного мнения⁷¹⁶.

М. Кроуфорд подчеркивает, что результаты подобной деятельности оказываются крайне далекими от того, что можно было бы назвать пропагандой в современном понимании⁷¹⁷. Этот вывод согласуется с общей позицией А. Джонса, согласно которой, монетные изображения отражали скорее бюрократические условности, чем осознанную пропагандистскую стратегию. У этой дискуссии нет окончательного решения ввиду недостатка источников, которые могли бы раскрыть особенности функционирования монетных дворов и рассказать о принципах выбора сюжетов, которые помещались на монетах. Однако это не мешает историкам предлагать

⁷¹⁴ Jones A.H.M. Numismatics and history. P. 15–16.

⁷¹⁵ Crawford M. H. Roman imperial coin types and the formation of public opinion. // Studies in Numismatic Method Presented to Philip Grierson. / Eds. C. N. L. Brooke, B. H. I. Stewart, J. G. Pollard, T. R. Volk. Cambridge, 1983. P. 59.

⁷¹⁶ Ibid.

⁷¹⁷ Ibid.

различные методы работы с императорской нумизматикой, занимая сторону А. Джонса, К. Сазерлэнда или пытаясь их примирить⁷¹⁸.

В нашем исследовании мы сознательно избегали прямого использования терминов «легитимация» и «пропаганда» и так же поступим при анализе монетного дела, учитывая методологические сложности однозначного применения данных терминов. Действительно, современная наука не располагает неопровержимыми доказательствами того, что выбор тех или иных изображений и сюжетов для монетной чеканки преследовал конкретные цели идеологического воздействия на население. Равным образом невозможно с уверенностью утверждать, что подданные империи воспринимали монетные типы как осознанное «послание» власти.

Особую сложность для интерпретации представляет позднеантичный период, когда монетная иконография претерпевает существенные изменения. Исчезновение индивидуальных черт в изображениях императоров, стандартизация монетных типов и их заметное упрощение создают дополнительные препятствия для традиционных пропагандистских интерпретаций. Кажется, что монетные дворы этого периода руководствовались скорее принципами преемственности и узнаваемости, нежели задачами идеологического воздействия на массы⁷¹⁹. Сравнительный анализ монет с другими носителями императорских изображений (экзагиями, серебряными слитками, элементами одежды) выявляет их функциональную специфику. Трудно утверждать, что чиновничья фибула имела некий пропагандистский подтекст, она лишь утверждала своего носителя в высоком статусе, поскольку он мог обладать драгоценным предметом одежды, выданной ему в качестве дара из личной императорской сокровищницы. Портрет тем самым не распространял идею о необходимости подчинения власти августу, а лишь свидетельствовал о наличии этой власти у ее обладателя, как будто изображение августа уже являлось олицетворением власти.

Императорские монеты «работали» схожим образом. На монете образ августа превращался в техническое условие доверия — клеймо, удостоверяющее подлинность и ценность металла. Даже когда реальная власть императоров ослабевала, как в случае с Ромулом Августулом, чей отец Орест фактически контролировал монетные дворы, золотые солиды продолжали чеканиться с традиционной иконографией. Более того, варварские правители за

⁷¹⁸ Levick B. Propaganda and the imperial coinage // *Antichthon*. 1982. Vol. 16. P. 104–116; Reece R. Coins and politics in the Late Roman world. // *Social and Political Life in Late Antiquity*. / Eds. W. Bowden, A. Gutteridge, C. Machado. Leiden, 2006. P. 113–140; Butcher K. Information, Legitimation, or Self-Legitimation? Popular and Elite Designs on the Coin Types of Syria. // *Coinage and Identity in the Roman Provinces*. / Eds. C. Howgego, V. Heuchert, A. Burnett. Oxford, 2005. P. 143–156; Cheung A. The Political Significance of Roman Imperial Coin Types. // *Schweizerische Numismatische Rundschau*. 1998. Bd. 77. S. 53–61.

⁷¹⁹ Reece R. Coins and politics in the Late Roman world. P. 128; Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. С. 441.

пределами империи и после свержения Ромула и смерти Юлия Непота сознательно сохраняли римские типы монет, ведь только императорский образ мог придать их чеканке общепризнанную легитимность⁷²⁰.

Однако, разумеется, эпистемологическая ценность нумизматики не исчерпывается лишь этим фактом. Мы не можем игнорировать как особенности изображения императоров на монетах, так и сюжеты, помещенные на реверсы, хоть и невозможно их прочесть как «послания». Так или иначе, на монетах отражались представления чиновников монетного двора о том, что необходимо изобразить на монете в современных им политических и культурных реалиях. Тем более что монетные дворы V в. находились в полном подчинении у императорского двора, который мог вмешиваться в его деятельность⁷²¹. Кроме того, исследования М. Альфелди, Р. Дельбрюка, Дж. Деера и С. Маккормак убедительно демонстрируют, что императорские изображения на монетах не были произвольными, а строго следовали канонам репрезентации власти. Суть таких образов заключалась в точном воспроизведении не только внешности правителя, но и его сакрального статуса через систему визуальных кодов – императорских регалий, церемониальных одеяний и ритуального контекста. Когда монетный тип отклонялся от этих строгих правил, он терял свою основную функцию – быть узнаваемым воплощением императорской власти⁷²².

Особую значимость нумизматическому материалу придает тот факт, который мы рассмотрели ранее, а именно: к изображениям императора относились как к его символическим заместителям. Этот принцип распространялся и на монеты: их чеканные образы воспринимались как носители сакрального присутствия власти. Поэтому на монетах с исключительной тщательностью изображали все детали императорского церемониала – от диадем и трабей до поз и атрибутов.

Именно эта документальная точность делает монеты важным источником для изучения придворного ритуала и императорской иконографии. Многие тонкости церемониальной практики, не сохранившиеся в других памятниках, могли дойти до нас исключительно благодаря нумизматическим свидетельствам. Каждый выпуск монет можно рассматривать как своеобразный «протокол» официальной репрезентации власти, где тщательно воспроизводились не только портретные черты, но и все значимые элементы статуса – жесты, одеяния, атрибуты.

⁷²⁰ Reece R. Coins and politics in the Late Roman world. P. 135.

⁷²¹ О позднеримском монетном деле: Moorhead S. The Coinage of the Later Roman Empire, 364–498. // The Oxford handbook of Greek and Roman coinage. / Eds. W. E. Metcalf. Oxford, 2012. P. 601–632; Reece R. Roman coins. London, 1970; Reece R. Coins and the Late Roman Economy. // Theory and Practice in Late Antique Archaeology. / Eds. L. Lavan, W. Bowden. Leiden; Boston, 2003. P. 139–168; Burnett A. Coinage in the Roman World. London, 1987.

⁷²² Radnoti-Alföldi M. Op. cit. S. 244–245; Deer J. Op. cit. S. 62–65; MacCormack S. Art and ceremony. P. 60.

Наиболее ярким примером является крайне распространенный образ, который обнаруживается на большинстве монет V в. Император в доспехах, в шлеме, украшенном драгоценными камнями, в правой руке держит копье, перекинутое через плечо, а в левой – щит. Данное изображение мы обнаруживаем на монетах Гонория (RIC. X. 8, 24, 201), Аркадия (RIC. IX. 7, 53b, 97; X. 7, 22, 37, 91), Феодосия II (RIC. X. 25, 89, 93, 202, 207, 237, 282), Валентиниана III (RIC. X. 242, 461, 506), Маркиана (DOC. 486; RIC. X. 507, 510), Льва I (RIC. X. 605, 616), Зенона (RIC. X. 905, 911, 927), Майориана (RIC. X. 2633, 2650, 2652), Антемия (RIC. X. 2804, 2825, 2869, 2887), Юлия Непота (RIC. X. 3212, 3243v) и даже Ромула Августула (RIC. 3404-6, 3417, 3421). Этот образ явно перекликается с тем обликом августа, который мы знаем из описания Петром Патрикием «коронации» императора Льва I. Можно предположить, что серия с подобным изображением выпускалась в честь церемонии «восшествия на престол».

Другой монетный тип, который отразил изменения в императорской самопрезентации и стал проявлением вмешательства членов императорского двора в монетную чеканку – это знаменитый солид с длинным крестом, который выпускал монетный двор Константинополя в 420–422 гг. (RIC. X. 219)⁷²³. На этих монетах на аверсе изображен император в традиционном военном облачении с копьем и щитом в руках, а на реверсе изображена в полный рост Виктория, которая держит длинный крест, украшенный драгоценностями.

Африканский епископ Кводвультдеус Карфагенский уже упоминал этот крест: «Мы знаем, что в наше время, когда императором был Аркадий, благочестивый и христианский принцепс, среди персов было гонение. Чтобы не выдать армян, которые нашли у него убежище, он пошел на войну с персами, заранее заверив их в победе знаменем – бронзовыми крестами, которые появлялись на плащах его солдат, когда они шли в бой. Поэтому, одержав победу, император приказал также чеканить золотые монеты с тем же знаком креста, которые и сегодня обращаются по всему миру, особенно в Азии»⁷²⁴. По всей видимости, Кводвультдейс ошибся, приписывая это событие Аркадию, и его стоит связывать, скорее, с преследованиями христиан в Персии в 420 г., если это не являлось его выдумкой⁷²⁵.

К. Холум предлагает убедительную интерпретацию этого монетного типа, связывая его появление с комплексом политических и религиозных инициатив эпохи Феодосия II и августы Пульхерии. Согласно его исследованиям, распространение изображений императора в доспехах

⁷²³ См. подробный анализ этой чеканки у Holum K.G. *Pulcheria's Crusade A.D. 421–22 and the Ideology of Imperial Victory*. // GRBS. 1977. Vol. 18 (2). P. 153–172.

⁷²⁴ Текст приводится по Holum K. *Pulcheria's Crusade*. P. 155: *Sane nostris temporibus apud Persas persecutionem factam novimus imperante Arcadio religioso et Christiano principe. Qui ne traderet ad se confugientes Armenios, bellum cum Persis confecit, eo signo ante potitus victoriam quo euntibus ad proelium militibus aeneae cruces in vestibis paruere. Vnde etiam victor auream monetam cum eodem signo crucis fieri praecepit quae in usu totius orbis et maxime Asiae hodieque persistit.*

⁷²⁵ Ibid. P. 156.

и с воинскими атрибутами совпало по времени с ключевыми событиями истории: военной экспедицией к персидским границам и торжественным дарением Иерусалиму роскошного золотого креста, украшенного драгоценными камнями, для установки на Голгофе⁷²⁶.

Этот символический жест, осуществленный под влиянием Пульхерии, имел глубокое теолого-политическое значение. Драгоценный крест, предназначавшийся для места Распятия, визуализировал идею победы Христа, которая через императорскую иконографию проецировалась и на земного правителя. Таким образом, создавалась тонкая параллель между торжеством христианства и военными успехами империи. Новый монетный тип, запечатлевший императора в образе победоносного воина, органично вписался в эту систему символов. Он воспроизводил традиционную римскую иконографию триумфатора и наполнял ее новым христианским содержанием. В этом контексте доспехи и оружие августа приобретали дополнительное значение – они становились атрибутами защитника веры, а его победы осмысливались как продолжение победы Христовой.

В остальном позднеантичная монетная чеканка сохраняла традиционный набор императорских образов и лозунгов, унаследованных от классической эпохи⁷²⁷. На монетах регулярно воспроизводились два ключевых амплуа правителя: триумфатора-победителя (часто изображавшегося попирающим ногой варвара или держащего трофей) и консула (в парадной тоге со скипетром). Эти изображения сопровождались стандартными легендами, каждая из которых акцентировала определенный аспект власти:

- VIRTUS AVGUSTORUM (Доблесть августов) подчеркивала воинские добродетели;
- GLORIA ROMANORUM (Слава римлян) напоминала о величии империи;
- SALUS REIPUBLICAE (Спасение государства) позиционировала императора как гаранта стабильности;
- CONCORDIA AUGUSTI (Согласие августов) подчеркивала совместное правление двух императоров;
- VOTA PUBLICA (Общественные обеты) отсылала к сакральным обязательствам власти;
- VIRTUS EXERCITUS (Доблесть войска) прославляла армию;

⁷²⁶ Ibid; Holum K. G. *Theodosian Empresses*; Busch A. *Die Frauen der theodosianischen Dynastie. Macht und Repräsentation kaiserlicher Frauen im 5. Jahrhundert..* Stuttgart, 2015.

⁷²⁷ Анализ различных типов монетной чеканки см: Kent J.P.C. *Op. cit*; Grierson P., Mays M. *Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius.* Washington, 1992.

- URBS ROMAE (Город Рим) по всей видимости, чеканилась в периоды торжественных мероприятий в древней столице.

Таким образом, монеты, как и другие носители императорских изображений, последовательно подчеркивали роль правителя как вечного победителя и триумфатора. Даже если эти изображения не несли на себе конкретного «послания», они отражали устоявшиеся коллективные представления об императоре и его месте в жизни позднеантичного общества, т.е. ожидания от его правления. Монетная иконография, воспроизводящая традиционные военные и гражданские образы, работала как механизм поддержания сакрального статуса власти, независимо от реальных политических обстоятельств. Итак, монеты не столько формировали представления об императоре, сколько фиксировали уже сложившиеся в обществе архетипы. Их ценность как исторического источника заключается именно в этом «непроизвольном» отражении коллективного сознания эпохи, где образ вечного триумфатора оставался якорем стабильности перед лицом реальных перемен.

Вывод

Власть императора в позднеантичный период проникала во все сферы общественной жизни, выходя далеко за пределы дворцовых стен и императорской резиденции. Чиновники получали свой статус исключительно по воле августа, выступая как его полномочные представители. Эта связь визуализировалась через особые знаки отличия – дарованные императором инсигнии, одеяния с вышитыми портретами правителя, а также обязательные аккламации в честь императора во время городских мероприятий.

Символическое присутствие императора пронизывало повседневность позднеантичного города. Статуи августов занимали ключевые точки городского пространства – театры, судебные здания, рыночные площади и общественные сооружения. Эти скульптурные изображения воспринимались как материальные воплощения самой императорской власти, требуя к себе соответствующего почтения. Однако эта же система символического присутствия создавала и каналы для выражения народного недовольства – статуи становились объектами протеста, когда население хотело продемонстрировать свое несогласие с политикой правителя.

Императорское изображение служило официальным знаком легитимности для различных категорий предметов, выполнявших важные социально-экономические функции. На медных экзагиях (гирях для взвешивания) портрет августа превращал обычный измерительный инструмент в гарант точности и справедливости торговых операций. Серебряные слитки с императорскими клеймами обретали статус официально сертифицированного сырья, где образ

правителя удостоверял чистоту металла и его происхождение из санкционированных источников. Ритуальные практики – от обязательных аккламаций до церемониальных процессий – превращали абстрактную идею власти в коллективное переживание. Особенно показательно, что эта система работала в обоих направлениях: те же самые статуи, что служили объектами поклонения, могли становиться мишенями народного гнева, а аккламации – превращаться из выражений лояльности в инструменты критики.

Таким образом, сложная сеть визуальных и ритуальных практик – от чиновничьих регалий до городских статуй – создавала всеобъемлющую систему императорского присутствия. На официальном уровне оно материализовалось через знаки отличия государственных чиновников – фибулы с портретами августов, кодициллы и особые одеяния. Эти предметы обозначали статус чиновника и визуализировали происхождение его полномочий от верховной власти. Каждое появление чиновника в парадном облачении становилось актом репрезентации императорского авторитета. Эта всеобъемлющая сеть визуальных и ритуальных практик создавала уникальный феномен «рассеянной сакральности», где власть императора проявлялась не только в прямых политических актах, но и в тысячах повседневных взаимодействий, превращая абстрактную идею империи в конкретный, постоянно воспроизводимый опыт подданных.

Заключение

Обращение к проблеме саморепрезентации римской императорской власти в V в. позволило выработать целостное представление о том, каким образом фигура императора продолжала оставаться системообразующим элементом позднеантичного общества. Несмотря на политическую и институциональную нестабильность эпохи, власть августов сохраняла устойчивость благодаря разветвленной системе символических практик, обеспечивавших ее непрерывное воспроизводство и признание.

Анализ структуры власти в Поздней Римской империи позволяет заключить, что формирование административных механизмов управления происходило вокруг фигуры императора как верховного организатора и координатора государственных институтов. Несмотря на традиционное противопоставление принципата и домината, современные исследования все чаще указывают на эволюционный характер данных преобразований, истоки которых восходят уже к раннеимперскому периоду. Кризис III века, потребовавший усиления центральной власти и мобилизации ресурсов государства, привел к существенному расширению императорского двора, постепенно превратившегося в ключевой центр административного управления.

Особое место занимал императорский двор (*sacer comitatus*), который сформировался на основе традиционной *domus Augusti* и приобрел официальный статус священной резиденции (*sacrum palatium*). В результате реформ Диоклетиана и Константина этот институт стал ключевым элементом управления империей, сосредоточив в своих структурах все основные функции государственного механизма. Региональное управление строилось на четкой иерархической системе: префекты претория контролировали префектуры, викарии – диоцезы, провинциальные наместники разных рангов (*praeses, corrector, consularis, proconsul*) – провинции.

Однако эффективность функционирования этой сложной административной системы была ограничена рядом объективных факторов. Прежде всего сохранялся существенный разрыв между нормативными предписаниями и реальной управленческой практикой. Кроме того, отсутствие четкого разграничения полномочий между различными должностными лицами создавало условия для ведомственной конкуренции и многочисленных злоупотреблений. Численность чиновничьего аппарата при этом оставалась сравнительно небольшой по отношению к масштабам империи, что затрудняло полноценный контроль за исполнением распоряжений центральной власти. Распространение коррупции, продажа должностей и использование родственных связей при назначении на службу также существенно снижали эффективность государственного управления.

Несмотря на внешнюю сложность и многоуровневый характер бюрократического аппарата Поздней Римской империи, его деятельность нередко оказывалась дискредитирована злоупотреблениями чиновников и недостаточно эффективной системой надзора. Вместе с тем сама организация гражданской службы (*militia civilis*), сохранявшая военную терминологию и принципы построения, способствовала формированию строгой иерархической структуры, в рамках которой каждый уровень управления зависел от вышестоящего звена, тогда как окончательным источником власти оставался император. Именно посредством этой административной пирамиды воля августов распространялась на всю территорию империи, хотя местная аристократия нередко находила возможности обходить распоряжения центральной власти, укрепляя собственную автономию по отношению к столице.

Рассмотрение императорского двора и провинциального управления показало, что бюрократические институты выполняли двойную функцию. Помимо того, что они осуществляли управление, они также являлись важнейшим инструментом демонстрации иерархии, упорядоченной вокруг императора. Каждый чиновник был в определенной мере «носителем» власти августа, и эта посредническая роль наглядно проявлялась в знаках статуса, правовых полномочиях и публичных актах.

Анализ придворного церемониала Поздней Римской империи позволяет заключить, что к V веку двор окончательно превратился в основное пространство репрезентации и утверждения императорской власти. Формирование сложной системы ритуалов и протоколов было связано как с необходимостью регулирования многочисленных обращений к августу, так и со стремлением поддерживать сакральный ореол вокруг его фигуры. Центральным элементом придворного пространства выступал консistorий, где проходили официальные приемы и заседания совета: императорский трон, возвышавшийся над пурпурными плитами пола и окруженный балдахином с занавесями и вооруженной стражей, становился визуальным воплощением верховной власти. Внешний облик самого императора также был подчинен задаче создания образа сверхчеловеческого величия: одежды из шелка и золота, украшенные драгоценными камнями, пурпурные сапоги и диадема подчеркивали его исключительное положение, тогда как освещение и обилие отражающих поверхностей в помещении консistorия усиливали впечатление сакрального сияния, окружавшего августов.

Важнейшими формами придворного поклонения в этот период стали *adoratio purpureae* и *προσκύνησις*, пришедшие на смену более ранним *salutatio* и *supplicatio*. Эти ритуалы подчеркивали сакральный характер императорской власти, а также выполняли функцию регулирования придворной иерархии, поскольку строгий порядок поклонений и расположения участников церемонии наглядно определял степень их близости к правителю.

Императорские аудиенции, приемы посольств и *convivium augusti* выполняли схожую функцию. Они представляли собой тщательно организованные церемониальные действия, где каждая деталь была подчинена демонстрации могущества империи и величия ее правителя. Особенно важным оставалось соблюдение иерархии участников: западные послы включались в придворную систему статусов, тогда как варварские делегации должны были трижды преклоняться перед августом в знак признания его превосходства. Даже расположение гостей во время совместной трапезы с императором определялось их положением при дворе, а аккламации, музыкальные выступления и роскошь сервировки служили средствами репрезентации власти. Придворный церемониал V века служил одновременно средством сакрализации императорской власти и важнейшим механизмом политической коммуникации, посредством которого августы контролировали доступ к собственной особе, регулировали отношения внутри элиты и визуализировали существующую систему власти.

Теория принятия императорской власти (*Kaiserakzeptanztheorie*), разработанная Эгоном Флэйгом, позволяет рассматривать пространственную организацию власти в Поздней Римской империи через призму взаимодействия императора с различными «группами принятия». Легитимность августов зависела от признания со стороны армии, сената, городской элиты и населения, поэтому особое значение приобретал выбор императорской резиденции, обеспечивавшей возможность постоянного контакта правителя с ключевыми социальными группами. Именно такую функцию выполняли Константинополь, Рим и Равенна, где сложилась система регулярных церемоний и ритуалов, направленных на создание консенсуса вокруг новой власти. Центральное место в этом процессе занимал ритуал *accessio*, включавший военное провозглашение императора, облачение в пурпур и диадему, религиозные церемонии и торжественное шествие к дворцу. Каждый элемент ритуала имел символическое значение и демонстрировал участие различных социальных групп в утверждении нового правителя. Важную роль играла и церемония *adventus*, сопровождавшая торжественные въезды императора в город: строго регламентированная процессия, аккламации и распределение участников в соответствии с их статусом создавали видимость всеобщего согласия с новой властью. Соблюдение церемониального порядка становилось необходимым условием подтверждения легитимности императора и поддержания преемственности власти.

Значительную роль в системе политической коммуникации играли также публичные празднества, связанные с императорским календарем, включая годовщины восшествия на престол, дни рождения августов и торжественные церемонии перенесения реликвий. Эти мероприятия сопровождались религиозными обрядами, играми и зрелищами, через которые утверждалась связь между императорской семьей и городским сообществом. Особое значение имел ипподром, представлявший собой важнейшее пространство взаимодействия императора и

населения. Расположенный рядом с дворцом и организованный в строгом соответствии с социальной иерархией, он выступал своеобразным микрокосмом империи, где каждый слой общества занимал предписанное ему место. Во время гонок и публичных церемоний император становился центром массовых аккламаций, выражавших поддержку его власти и создававших атмосферу коллективного единства вокруг фигуры августа. После смерти Зенона ипподром превратился также в пространство провозглашения новых императоров, где армия, народ и придворная элита публично демонстрировали согласие с новым правителем. Благодаря этому церемониальные пространства позднеримского города функционировали как важнейшие механизмы воспроизводства императорской власти и визуализации существующего политического порядка.

Наконец, анализ механизмов «тотальной видимости» власти показал, что присутствие императора было обеспечено в любом месте империи – через *imagines augusti*, аккламации, знаки чиновничьего статуса, монеты и оглашение законов. Эта система превращала императора в «вездесущую» фигуру: он мог быть физически отсутствующим, но его символическое присутствие оставалось обязательным условием функционирования общественной жизни.

Если придворный церемониал и столичные пространства служили основными инструментами репрезентации императорской власти в непосредственном окружении августа и в столице, то за пределами этого пространства аналогичную функцию выполняла система символического присутствия императора, охватывавшая всю территорию империи. Ее основой являлась строго иерархизированная структура служилой аристократии, в рамках которой каждая *dignitas* и каждая должность рассматривались как результат личной милости императора. Законодательные источники подчеркивали исключительное право августа на распределение статусов и полномочий, что делало служебную иерархию непосредственным выражением императорской власти.

Одновременно эффект «постоянного присутствия» правителя создавался через широкое распространение его изображений, аккламаций и публичных актов. Императорские статуи и портреты воспринимались как продолжение личности самого правителя: к ним обращались с просьбами о защите, возле них искали убежище или, напротив, выражали недовольство существующим режимом. Аналогичную функцию выполняли аккламации и публичное оглашение императорских указов на форумах, в театрах и храмах, где имя императора постоянно присутствовало в общественном пространстве. Особую торжественность этим церемониям придавала строгая регламентация их проведения: чтение императорских документов требовало полной тишины и воспринималось как акт непосредственного соприкосновения с верховной властью. Через подобные практики создавался образ императора как заботливого и всеприсутствующего правителя, чья власть распространялась на все сферы общественной жизни.

Важнейшим инструментом визуализации связи между чиновничеством и верховной властью выступала императорская символика, активно использовавшаяся как в официальных инсигниях, так и в предметах повседневного обихода. Скипетры, пояса (*singula*), фибулы, медальоны и другие элементы чиновничьего облачения служили материальным подтверждением делегированных полномочий и подчеркивали зависимость статуса сановника от милости августа. Особенно показательным было распространение предметов с императорскими изображениями среди гражданских чиновников, стремившихся продемонстрировать свою близость к власти через использование соответствующей символики. Аналогичный принцип распространялся и на утилитарные предметы повседневного обращения. Монеты, весовые гири, серебряные слитки и другие объекты с императорскими изображениями превращались в постоянный канал коммуникации между властью и подданными. Так, экзагии с портретами правителей символически делали императора гарантом справедливости торговых операций, а монеты воспроизводили официальный образ августа и его атрибуты власти для всех слоев населения. Подобные предметы воспринимались как носители сакрального присутствия императорской власти, благодаря чему даже повседневные практики оказывались символически включены в пространство имперской репрезентации. Тем самым формировалась целостная система визуального и символического присутствия императора, выходявшая далеко за пределы официальных церемоний и обеспечивавшая постоянное напоминание о верховной власти в повседневной жизни подданных.

Таким образом, в V в. императорская власть предстает в форме многоуровневой семиотической системы. В ее рамках правовые акты, административные структуры, визуальные образы и ритуалы взаимодействовали между собой и создавали целостное представление о власти. Эта система поддерживала устойчивость политического порядка, в котором император совмещал функции верховного администратора, сакрального символа и универсального посредника между различными социальными группами. Именно в условиях кризиса институтов особое значение приобрели формы символического воспроизводства власти. Фигура императора оставалась центром политического воображаемого, а его образ функционировал как универсальный код имперской идентичности.

Это позволяет сделать предположение: наиболее заинтересованными в поддержании высокого символического значения фигуры императора выступали именно провинциальные элиты. Обращение к образу всеблагого, всепобеждающего и благотельного императора становилось для них средством укрепления собственного положения в глазах местного населения. Ключевая функция императорской репрезентации в регионах заключалась в том, что она одновременно обеспечивала присутствие власти и создавала основу для выстраивания локальной социальной иерархии, включенной в общую систему имперской коммуникации.

Полученные результаты открывают возможность для дальнейших сравнительных исследований – как с более ранними периодами римской истории, так и с ранневизантийской традицией, где наследие позднеантичной репрезентации получило новое развитие. Синтетический подход к изучению власти через призму «культурной истории политического» позволяет вырабатывать универсальные модели анализа, применимые к различным эпохам. В итоге диссертация показывает, что римская императорская власть в V веке выполняла функции политического института и средства культурной коммуникации. Это объясняет, почему ее изучение выходит за рамки антиковедения и представляет интерес для более широких исследований власти как социального и символического явления.

Список источников и литературы

I. Источники

Ael. Arist. Or.	Aelius Aristides. <i>Orations.</i> / Ed. M. Trapp. Cambridge: Harvard University Press, 2017–2021. Vol. 1–2. (Loeb Classical Library).
Agath. Hist.	Agathias Scholasticus. <i>The Histories.</i> / Hrsg. J.D. Frendo. Berlin; New York: De Gruyter, 1975.
Ambr. Ep.	Ambrosius Mediolanensis. <i>Epistulae.</i> // <i>Patrologia Latina</i> (PL), vol. 16. Paris: Migne, 1844–1855.
Amm. Marc.	Ammianus Marcellinus. <i>Res Gestae.</i> // Ed. J.C. Rolfe. Cambridge: Harvard University Press, 1935–1939. (Loeb Classical Library).
Anon. Val.	<i>Origo Constantini imperatoris sive Anonymi Valesiani pars prior.</i> // <i>Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi.</i> Vol. IX: <i>Chronica minora Saec. IV. V. VI. VII.</i> Vol. I. Berlin, 1892.
Ath. Apol. Contr. Ar.	Athanasius Alexandrinus. <i>Apologia contra Arianos.</i> // <i>Patrologia Graeca</i> (PG), vol. 25. Paris: Migne, 1857–1866.
Ath. Hist. Ar.	Athanasius Alexandrinus. <i>Historia Arianorum ad Monachos.</i> // <i>Patrologia Graeca</i> (PG), vol. 25. Paris: Migne, 1857–1866.
Aug. Conf.	Augustinus, Aurelius. <i>Confessiones</i> / Ed. L. Verheijen. Turnhout: Brepols, 1981
Aug. Ep.	Augustinus Hipponensis. <i>Epistulae.</i> // <i>Patrologia Latina</i> (PL), vol. 33. Paris: Migne, 1844–1855.
Aug. Sermon.	Augustinus Hipponensis. <i>Sermones.</i> // <i>Patrologia Latina</i> (PL), vol. 38. Paris: Migne, 1844–1855.
Aur. Vict. Caes.	Sexti Aurelii Victoris <i>Liber de Caesaribus.</i> Praecedunt <i>Origo gentis Romanae</i> et <i>Liber de viris illustribus urbis Romae</i> ; subsequitur <i>Epitome de Caesaribus.</i> / Hrsg. F. Pichlmayr. Leipzig: Teubner, 1911.
Aus. Grat. act. ad Grat.	Ausonius. <i>Gratiarum Actio ad Gratianum.</i> // <i>Monumenta Germaniae Historica</i> (MGH), vol. 10. Berlin: Weidmann, 1887.
Basil. De spirit. Sanct.	Basilius Caesariensis. <i>De Spiritu Sancto.</i> // <i>Patrologia Graeca</i> (PG), vol. 32. Paris: Migne, 1857–1866.
Basil. Ep.	Basilius Caesariensis. <i>Epistulae.</i> // <i>Patrologia Graeca</i> (PG), vol. 32. Paris: Migne, 1857–1866.

Cassiod. Chron.	Cassiodorus. Chronica. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 11. Berlin: Weidmann, 1894.
Cassiod. Var.	Cassiodori Senatoris Variae. // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi 12. Berlin: Weidmann, 1898.
CCSL.	Corpus Christianorum Series Latina . Turnhout: Brepols, 1953–. Vol. 1–.
ChLA.	Chartae Latinae Antiquiores. / Ed. A. Gawlik et al.. Zurich: Artemis Verlag, 1954–. Vol. 1–.
Chron. Pasch.	Chronicon Paschale. / Ed. L. Dindorf. Bonn: Weber, 1832.
Chrys. Contra Lud.	Chrysostomus, Ioannes. Contra ludos et theatra. // Patrologia Graeca (PG), vol. 54. Paris: Migne, 1857–1866.
Chrys. De anno Serm.	Chrysostomus, Ioannes. De anno sermo. // Patrologia Graeca (PG), vol. 54. Paris: Migne, 1857–1866.
Chrys. Hom. in Gen.	Chrysostomus, Ioannes. Homiliae in Genesis. // Patrologia Graeca (PG), vol. 53. Paris: Migne, 1857–1866.
Chrys. Hom. in Rel. Mart.	Chrysostomus, Ioannes. Homilia in reliquias martyrum. // Patrologia Graeca (PG), vol. 54. Paris: Migne, 1857–1866.
Chrys. Hom. Matt.	Chrysostomus, Ioannes. Homiliae in Matthaeum. // Patrologia Graeca (PG), vol. 57–58. Paris: Migne, 1857–1866.
Chrys. in Eph.	Chrysostomus, Ioannes. In epistolam ad Ephesios. // Patrologia Graeca (PG), vol. 62. Paris: Migne, 1857–1866.
CI.	Codex Iustinianus. / Hrsg. P. Krueger. Berlin: Weidmann, 1877.
CIL.	Corpus Inscriptionum Latinarum . Berlin: De Gruyter, 1863–. Bd. 1–
Claud. De cons. Stil.	Claudianus. Carmina. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 10. Berlin: Weidmann, 1887.
Claud. Epith.	Claudianus. Carmina. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 10. Berlin: Weidmann, 1887.
Claud. III Cons. Hon.	Claudianus. Carmina. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 10. Berlin: Weidmann, 1887.
Claud. in Eutrop.	Claudianus. Carmina. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 10. Berlin: Weidmann, 1887.
Claud. in Ruf.	Claudianus. Carmina. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 10. Berlin: Weidmann, 1887.

Cor. in laud. Iust.	Corripus. In laudem Iustini Augusti minoris / Ed. and trans. Averil Cameron. London, 1976.
CSEL.	Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum . Vienna: Tempsky, 1866–. Vol. 1–.
CTh.	Codex Theodosianus. / Hrsg. T. Mommsen, P. Meyer. Berlin: Weidmann, 1905.
CZA.	The Consultationes Zacchei christiani et Apollonii philosophi / Ed. J.-L. Feiertag. Paris: Cerf, 1994. (Sources Chrétiennes 401)
De adm. imp.	Constantine Porphyrogenitus: De Administrando Imperio / Ed. Gy. Moravcsik, trans. R. J. H. Jenkins. New, revised edition, 2nd imprint. Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1985.
De cer.	De ceremoniis aulae Byzantinae. / Ed. J. Reiske. Bonn: Weber, 1829–1830.
Dio Cass.	Dio Cassius. Roman History. / Ed. E. Cary. Cambridge: Harvard University Press, 1914–1927. (Loeb Classical Library).
DOC.	Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius / Eds. P. Grierson, M. Mays. Washington, D.C: Dumbarton Oaks , 1992.
Epit. De caes.	Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae; subsequitur Epitome de Caesaribus. / Hrsg. F. Pichlmayr. Leipzig: Teubner, 1911.
Eun. Vit. Soph.	Eunape de Sardes: Vies de philosophes et de sophistes. In 2 vols. Paris: Les Belles Lettres, 2014.
Euseb. Dem. Evang.	Eusebius Caesariensis. Demonstratio Evangelica. // Patrologia Graeca (PG), vol. 22. Paris: Migne, 1857–1866.
Euseb. Hist. Eccl.	Eusebius Caesariensis. Historia Ecclesiastica. // Patrologia Graeca (PG), vol. 20. Paris: Migne, 1857–1866.
Euseb. Laud. Const.	Eusebius Caesariensis. Laus Constantini. // Patrologia Graeca (PG), vol. 20. Paris: Migne, 1857–1866
Euseb. Vit. Const.	Eusebius Caesariensis. Vita Constantini. //Patrologia Graeca (PG), vol. 20. Paris: Migne, 1857–1866.
Eutr.	Eutropius. Breviarium ab urbe condita / Ed. C. Santini. Leipzig: Teubner, 1979.

- Evagr. Schol. Hist. Eccl. Evagrius Scholasticus. *Historia Ecclesiastica*. In: *Patrologia Graeca* (PG), vol. 86. Paris: Migne, 1857–1866.
- Fronto. The correspondence of Marcus Cornelius Fronto. / Ed. and trans. C. R. Haines. Cambridge, 1919. (Loeb Classical Library)
- Greg. Naz. Or. Gregorius Nazianzenus. *Orationes*. // *Patrologia Graeca* (PG), vol. 35–38. Paris: Migne, 1857–1866.
- Greg. Naz. Ep. Gregorius Nazianzenus. *Epistulae*. // *Patrologia Graeca* (PG), vol. 37. Paris: Migne, 1857–1866.
- Greg. Tur. Hist. Franc. Gregorius Turonensis. *Historia Francorum*. / Hrsg. B. Krusch, W. Levison. Hannover: Hahn, 1951.
- Hdn. Herodianus: *Regnum post Marcum*. / Hrsg. C. M. Lucarini. München; Leipzig: Saur, 2005.
- Hyd. Chron. The Chronicle of Hydatius and the *Consularia Constantinopolitana*. / Ed. R. W. Burgess. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Ioan. Ant. Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia. *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. / Hrsg. S. Mariev. Berlin: De Gruyter, 2008.
- Ioan. Dam. Or. Ioannes Damascenus. *Orationes*. // *Patrologia Graeca* (PG), vol. 94. Paris: Migne, 1857–1866.
- Ioan. Eph. Hist. Ecc. Ioannes Ephesinus. *Historia ecclesiastica pars tertia* / Ed. E. W. Brooks. Parisiis; Lovanii. 1935—1936
- Ioan. Lyd. De mag. Ioannis Laurentii Lydi. *Liber de ostensis et calendaria Graeca omnia* / Hrsg. C. Wachsmuth. Leipzig: Teubner, 1897.
- Iord. Get. Jordanes. *The Gothic History of Jordanes* / Ed. and transl. Ch. Mierow. Princeton: Princeton University Press, 1915.
- Iul. Ep. ad Ath. Juliani imperatoris quae supersunt. / Hrsg. F. C. Hertlein. Bd. 1–2. Leipzig: Teubner, 1875–1876.
- Iul. Misop. Juliani imperatoris quae supersunt. / Hrsg. F. C. Hertlein. Bd. 1–2. Leipzig: Teubner, 1875–1876.
- Iul. Or. Juliani imperatoris quae supersunt. / Hrsg. F. C. Hertlein. Bd. 1–2. Leipzig: Teubner, 1875–1876.
- Lact. Mor. Pers. Lactantius. *Divinae Institutiones*. // *Corpus Christianorum Series Latina* (CCSL), vol. 7. Turnhout: Brepols, 1900.
- Leo Ep. Leo Magnus. *Epistulae*. // *Patrologia Latina* (PL), vol. 54. Paris: Migne, 1844–1855.

- Lib. Ep. Libanii opera. / Hrsg. R. Foerster. Leipzig: Teubner, 1903–1927.
- Lib. Or. Libanii opera. / Hrsg. R. Foerster. Leipzig: Teubner, 1903–1927.
- Malal. Chron. Ioannis Malalae Chronographia. / Ed. J. Thurn. Berlin; New York: de Gruyter, 2000.
- Malch. Fr. Malchus. Byzantine History // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. 2. Liverpool: Francis Cairns, 1983.
- Marc. Com. Marcellinus Comes. Chronicon. // Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. 11. Berlin: Weidmann, 1894
- Marc. Diac. V. Porph. Marci Diaconi Vita Porphyrii, episcopi gazensis. / Hrsg Societas Philologa Bonnensis. Leipzig: Teubner, 1895.
- Not. Dign. Notitia Dignitatum. / Hrsg. O. Seeck. Berlin: Weidmann, 1876.
- Nov. Iust. Das Corpus Juris Civilis / Hrsg. T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1889–1895.
- Nov. Maior. Novellae Maioriani. // Codex Theodosianus. / Hrsg. T. Mommsen, P. Meyer. Berlin: Weidmann, 1905.
- Nov. Theod. Novellae Theodosii. // Codex Theodosianus. / Hrsg. T. Mommsen, P. Meyer. Berlin: Weidmann, 1905.
- Nov. Val. Novellae Valentiniani. // Codex Theodosianus. / Hrsg. T. Mommsen, P. Meyer. Berlin: Weidmann, 1905.
- Olymp. Fr. Olympiodorus. History // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. 2. Liverpool: Francis Cairns, 1983.
- P. Abinn. The Abinnaeus Archive: Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II. / Eds. H. Bell et al. Oxford: Clarendon press, 1962.
- P. Amon. The Oxyrhynchus Papyri / Ed. by B.P. Grenfell, A.S. Hunt. London: Egypt Exploration Fund, 1989–.
- P. Oxy. The Oxyrhynchus Papyri / Ed. by B.P. Grenfell, A.S. Hunt. London: Egypt Exploration Fund, 1989–.
- Pan. Lat. Латинские панегирики. / Пер. И. Ю. Шабали. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Patria. Scriptores originum Constantinopolitanarum. 2 Bds. / Hrsg. T. Preger. Leipzig: Teubner, 1901–1907.

- Paulin. V. Ambr. Paulinus Nolanus. Vita Ambrosii. // *Patrologia Latina* (PL), vol. 14. Paris: Migne, 1844–1855.
- Philostorg. Hist. Eccl. Philostorgius. Kirchengeschichte. / Hrsg. J. Bidez. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1913.
- Philostorg. Vit. Sophist. Philostorgius. Kirchengeschichte. / Hrsg. J. Bidez. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1913.
- Philoth. Klet. De ceremoniis aulae Byzantinae. / Ed. J. Reiske. Bonn: Weber, 1829–1830.
- Plin. Pan. Латинские пагенирики. / Пер. И. Ю. Шабали. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Plin. Nat. Hist. Naturalis historiae libri XXXVII. / Hrsg. L. Jan. Leipzig: Teubner, 1892–1909.
- Plotin. Enn. Plotini Opera. / Eds. P. Henry and H.-R. Schwyzer. Bruxelles; Paris: Museum Lessianum, 1951–1973.
- Prisc. Fr. Olympiodorus. History // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire* / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. 2. Liverpool: Francis Cairns, 1983.
- Proc. Anec. Procopius Caesariensis. Anecdota. // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* (CSHB). Bonn: Weber, 1838–1840.
- Prosp. Chron. Prosper Tiro. Chronicon. // *Monumenta Germaniae Historica* (MGH), vol. 9. Berlin: Weidmann, 1892.
- RIC. Roman Imperial Coinage. / Eds. H. Mattingly et al. London: Spink, 1923–. Vol. 1–.
- Salv. Gub. Salvianus. De gubernatione Dei. // *Corpus Christianorum Series Latina* (CCSL), vol. 6. Turnhout: Brepols, 1968.
- SC. Sources Chrétiennes / Eds. J. Daniélou et al. Paris : Éditions du Cerf, 1942–.
- Sev. Ant. Hom. Severus Antiochenus. Opera omnia // *Patrologia Orientalis* (PO) / Ed. R. Duval et al. Paris: Firmin-Didot, 1907–1972. T. 1–37
- Sev. Ant. Hymn. Severus Antiochenus. Opera omnia // *Patrologia Orientalis* (PO) / Ed. R. Duval et al. Paris: Firmin-Didot, 1907–1972. T. 1–37
- Sev. Gab. De creat. Mund. Or. Severus Gabalitanus. De creatione mundi oratio. // *Patrologia Graeca* (PG), vol. 65. Paris: Migne, 1857–1866

- Sidon. Carm. Sidonius Apollinaris. Poems and Letters / Transl. W.B. Anderson. Vol. 1–2. Cambridge: Harvard University Press, 1936–1965. (Loeb Classical Library; 296, 420).
- Sidon. Ep. Sidonius Apollinaris. Poems and Letters / Transl. W.B. Anderson. Vol. 1–2. Cambridge: Harvard University Press, 1936–1965. (Loeb Classical Library; 296, 420).
- Soc. Socrates Scholasticus. Ecclesiastica Historia. // Patrologia Graeca (PG), vol. 67. Paris: Migne, 1857–1866.
- Suet. Suetonius. De vita Caesarum. / Hrsg. M. Ihm. Leipzig: Teubner, 1908.
- Sulp. Sev. V. Mart. Sulpicius Severus. Vita Martini. // Corpus Christianorum Series Latina (CCSL), vol. 1. Turnhout: Brepols, 1953–.
- Sym. Ep. Symmachus. Opera quae supersunt // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi VI.I Berlin: Weidmann, 1883.
- Sym. Or. Symmachus. Opera quae supersunt // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi VI.I Berlin: Weidmann, 1883.
- Syn. De regn. Synesius. De regno. // Patrologia Graeca (PG), vol. 66. Paris: Migne, 1857–1866.
- Syn. Ep. Synesius. Epistulae. // Patrologia Graeca (PG), vol. 66. Paris: Migne, 1857–1866.
- Tac. Ann. P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. / Hrsg. E. Koestermann. Leipzig: Teubner, 1934–1936.
- Tertul. Spect. Tertullianus. De spectaculis. // Corpus Christianorum Series Latina (CCSL), vol. 2. Turnhout: Brepols, 1954.
- Them. Or. Themistii Orationes. / Hrsg. W. Dindorf. Leipzig: C. Knobloch, 1832.
- Theod. Hist. Ecc. Theodoretus Cyrensis. Ecclesiastica Historia. // Patrologia Graeca (PG), vol. 82. Paris: Migne, 1857–1866.
- Theoph. Chron. Theophanes Confessor. Chronographia. // Ed. C. de Boor. Leipzig: Teubner, 1883–1885.
- Ulp. Dig. Das Corpus Juris Civilis / Hrsg. T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1889–1895.
- Zon. Ioannis Zonarae Epitome Historiarum. / Hrsg. L. Dindorfi. Leipzig: Teubner, 1868–1875.

II. Литература

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. 656 с.
2. Альтхоф Г. Введение. // На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Ред. М. А. Бойцов, Г. Альтхоф. М., 2016. С. 6–8.
3. Беляев Д.Ф. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. // Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1906. С. 57–92.
4. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1995. С. 4–19.
5. Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. / Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
6. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
7. Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.
8. Бойцов М.А. Скромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 37–66.
9. Браун П. Мир поздней Античности. 150–750 гг. н.э. М.: НЛЮ, 2024. 256 с.
10. Ващева И.Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб.: Алетейя, 2006. 271 с.
11. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ред. Н.А. Хачатурян, сост. О. С. Воскобойников. М.: Наука, 2008. 600 с.
12. Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи в 7 т. / Пер. с англ. М.: ТЕРРА– Книжный клуб, 2008. 640 с. +576 с. +624 с. +624 с. +592 с. +592 с. +544 с.
13. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь // НЛЮ. 1998. № 33.
14. Гирц К. Интерпретация культур. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
15. Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. / Пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. М.: АСТ, 2014. 733 с.

16. Грабар А. Император в византийском искусстве. / Пер. с франц. Ю. Л. Грейдинга. М.: Ладомир, 2000. 238 с.
17. Джонс А.Х.М Гибель античного мира. / Пер. с англ. Т. В. Горяиновой. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 576 с.
18. Душенко А.А. Византийские разновесы из раскопок Мангуна // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 255–268.
19. Егоров А.Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1998. №2. С. 161–172.
20. Егоров А.Б. Римское государство и право. Эпоха империи: Учебное пособие. СПб., 2013. 248 с.
21. Зайцева Е.С. Социальный статус римских сенаторов по данным Кодекса Феодосия: законодательство и реальность. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24 (3). С. 200–214.
22. Зайцева Е.С., Скворцов А.М. Поздняя Римская империя в отечественной историографии XIX – первой половины XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №4. С. 29–40.
23. Зелинский Ф. Ф. Римская империя. / Пер. с польск. Н. А. Папчинской. СПб.: Алетей, 2016. 486 с.
24. Иванов С. А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М.: АСТ, 2011. 656 с.
25. Иванова Е.С. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса // *Via in tempore*. История. Политология. 2024. Т. 51 (1). С. 34–43.
26. Кнабе Г.С. Древний Рим-история и повседневность. М.: Искусство, 1986. 206 с.
27. Ковалев С. И. История Древнего Рима: курс лекций. Л.: Издательство ЛГУ, 1948. 744 с.
28. Конопаткин В.А. *IMAGINES AUGUSTI*: роль императорских изображений в городах Поздней Римской империи // ПИФК. 2023. № 4 (82). С. 116–123.
29. Конопаткин В.А. Власть римского императора и публичные празднества в конце IV–V вв. // ПИФК. 2024. № 4 (86). С. 115–125.
30. Конопаткин В.А. Законодательство как средство публичной коммуникации в Поздней Римской империи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 115–122.
31. Конопаткин В.А. Образ победы и репрезентация власти римских императоров в V в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11. № 4 (44). С. 7–12.

32. Конопаткин В.А. Торжество образа: визуальные и ритуальные формы римской императорской власти в V веке. М.; СПб: Наука, 2025. 326 с.
33. Конопаткин В.А. Церемониал адвента в Риме в последние десятилетия Западной Римской империи (440–476 годы) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 1. С. 7–20.
34. Конопаткин В.А., Скворцов А.М. Титулатура императоров Поздней Римской империи (конец III – середина V вв.). // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 214–223.
35. Коптев А.В. *Princeps et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начала позднеантичной эпохи // Древнее право. 1996. № 1. С. 182–190.
36. Кривушин И.В. Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский // Ранневизантийская церковная историография / Ред. И.В. Кривушин. СПб., 1998. С. 224–228.
37. Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 1: 395–518 годы. СПб.: Алетейя, 2003. 493 с.
38. Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму). М.: Высшая школа, 1984. 207 с.
39. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. / Ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1982. С. 56–77.
40. Лихачева В. Д. Искусство Византии IV - XV веков. М.: Искусство, 1986. 308 с.
41. Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. 320 с.
42. Манаев А.Ю. и др. Византийский разновес, найденный на территории Гурзуфа // МАИАСК. 2017. Вып. 9. С. 123–145.
43. Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. // Человек и общество в античном мире. / Ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1998. С. 295–362.
44. Махлаюк А.В. Быть императором в Римском мире. Новые ответы на старые вопросы // ПИФК. 2025. № 1. С. 230–246.
45. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. 6-е изд., испр. Минск: «Лучи Софии», 2017. 384 с.
46. Миролубов И.А. О практике ношения диадемы Константином Великим // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 52–58

47. Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
48. Нетушил И. В. Обзор римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. Харьков: общество взаимопомощи студентов-филологов Харьковского университета, 1912. 410 с.
49. Нетушил И. В. Обзор римской истории. Харьков: Типография «Печатник», 1912. 410 с.
50. Одиссей. Человек в истории. Трапеза / Ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1999. 340 с.
51. Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. / Ред. В.Н. Гращенко М., 1973. С. 33–42.
52. Покровский А.А. История римского права. Петроград: Летний сад, 1917. 430 с.
53. Польская С.А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX-XV вв.). М.: центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.
54. Рикер П. Память, история, забвение. М.: издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
55. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. М.: Наука, 2001. 450 с.
56. Свенцицкая И.С. Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти // Экклесия: история античного христианства. URL: <http://ecclesia.relig-museum.ru/Researches/sept/svenz2006.htm> (Дата обращения: 22.04.2025)
57. Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. СПб.: Наука, 1964. 368 с.
58. Бибииков М.В. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. / Ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 40–44.
59. Старостин, Д. Н. Регионализм и идея единства империи в истории галльской церкви III - VI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: история. 2014. №4. С. 52–63.
60. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: с приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2005. 288 с.
61. Удальцова З.В. Дипломатия ранней Византии в изображении современников. // Культура Византии. IV —начало VII в. / Ред. З.В. Удальцова, С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1984. С. 371–392.
62. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. I. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1913. 872 с.

63. Фрейденберг, О.М. Въезд в Иерусалим на осле. // Миф и литература древности. / О. М. Фрейденберг. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 491–531.
64. Чекалова А.А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV - первая половина VII в.). // Византийский Временник. Т. 62. 2003. С. 6–20.
65. Чуистова Л.И. Археология и история Боспора. Вып. 2. Симферополь: Крымиздат, 1962. 235 с.
66. Шкаренков П. П. Латинская риторическая традиция на рубеже античности и Средневековья: проблемы источниковедческого изучения // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 146–161.
67. Шкаренков П.П. Репрезентация императорской власти на западе во II–V вв.: риторика, идеология, политика // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–2 (10). С. 207–224.
68. Abbot F., Johnson A. Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton: Princeton University Press, 1926. 599 p.
69. Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1934. Bd. XLIX. S. 1–118.
70. Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970. 324 p.
71. Alföldi A. Insignien und Tracht der römischen Kaiser // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1935. Bd. L. S. 1–171.
72. Alföldi A. Isis-szertartások Rómában a negyedik század keresztény császárai alatt. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1937. 120 p.
73. Althoff G. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 256 p.
74. Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt: Primus Verlag, 1997. 280 p.
75. Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley: University of California Press, 2000. 456 p.
76. Antonopoulos P.T. Petrus Patricius: Some Aspects of his Life and Career. // From Late Antiquity to Early Byzantium: Proceedings of the Byzantinological Symposium. / Ed. V. Vavřínek. Prague: Academia, 1985. P. 49–53.

77. Arnheim M.T.W. Vicars in the Later Roman Empire // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1970. Bd. 19 (4). S. 593–606.
78. Atanasov G. A. Late antique tomb in Durostorum-Silistra and its master. // *Pontica*. 2007. Vol. 40. P. 447–470.
79. Atanosov G. A. The portrait of Flavius Aetius (390-454) from Durostorum (Silistra) inscribed on a consular diptych from Monza. // *Studia Academia şumenensis*. 2014. Vol. 1. P. 7–21.
80. Augenti A. Archeologia e topografia a Ravenna: il Palazzo di Teodorico e la Moneta Aurea. // *Archeologia Medievale*. 2005. Vol. 31. P. 7–34.
81. Avery W. The «Adoratio Purpureae» and the Importance of the Imperial Purple in the Fourth Century of the Christian Era // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1940. Vol. 17. P. 66–80.
82. Avery W. The «Adoratio Purpureae» and the Importance of the Imperial Purple in the Fourth Century of the Christian Era // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1940. Vol. 17. P. 66–80.
83. Bagnall R. S., Cameron A., Schwartz S. R., Worp K. A. *The Last Consuls of Imperial Rome*. Atlanta: American Philological Association, 1987. 759 p.
84. Ball W. *Rome in the East: The Transformation of an Empire*. London: Routledge, 2000. 523 p.
85. Barbagli N. The Emperors in the Province: A Study of the Tetrarchic Images from the Imperial Cult Chamber in Luxor. // *A Globalised Visual Culture? Towards a Geography of Late Antique Art*. / Ed. F. Guidetti, K. Meinecke. Oxford: Oxbow Books, 2020. P. 91–131.
86. Bardill J. Visualizing the Great Palace of the Byzantine Emperors at Constantinople: Archaeology, Text and Topography. // *Visualisierungen von Herrschaft: Frühmittelalterliche Residenzen. Gestalt und Zeremoniell*. / Hrsg. F.A. Bauer. Istanbul: Ege Yayınları, 2006. P. 5–45.
87. Barnes T.D. *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca: Cornell Studies in Classical Philology, 1998. 312 p.
88. Barnes T.D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 305 p.
89. Bartolomé C. On the Toponymics of the Great Palace of Constantinople: The Daphne. // *BZ*. 2022. Bd. 114. S. 1–46.
90. Bassett S. The Great Palace Mosaic and the Image of Imperial Power. // *Mosaics of Anatolia*. / Ed. G. Sözen. Istanbul: HSBC / Korpus, 2011. P. 89–100.
91. Bassett S. The Topography of Triumph in Late-Antique Constantinople. // *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike* / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin: de Gruyter, 2017. P. 511–554.

92. Bauer F.A. Platz und Denkmal in der Spätantike. Mainz: Philipp von Zabern, 1996. 448 s.
93. Bauer F.A. Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity // *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia*. 2001. Vol. 15 (1). P. 27–61.
94. Beard M. *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World*. New York: Liveright, 2023. 512 p.
95. Beard M. *The Roman Triumph*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 434 p.
96. Becker A. Dieu, le souverain et la cour. Stratégies et rituels de légitimation du pouvoir impérial et royal dans l'Antiquité tardive et au haut Moyen Âge. Bordeaux: AUSONIUS, 2022. 460 p.
97. Bell C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. Oxford: Oxford University press, 1992. 270 p.
98. Bell C. *Ritual: Perspectives and Dimensions*. Oxford: Oxford University press, 1997. 368 p.
99. Bergmann M., Kovacs M. Portrait styles. // *The last statues of antiquity*. / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford: Oxford University press, 2016. P. 280–295.
100. Berrens S. *Sonnenkult und Kaisertum von den Severern bis zu Constantin I. (193–337 n. Chr.)*. Stuttgart: Franz Steiner, 2004. 283 s.
101. Biville F. Le rituel des acclamations : de Rome à «Byzance». // *Latin in Byzantium I: Late Antiquity and Beyond*. / Eds. A. Garcea, M. Rosellini, L. Silvano. Turnhout: Brepols, 2019. P. 247–263.
102. Bleckmann B. Honorius und das Ende der römischen Herrschaft in Westeuropa. // *Historische Zeitschrift*. 1997. Bd. 265 S. 561–595;
103. Bleicken J. *Prinzipat und Dominat. Gedanken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit*. Weisbaden: Franz Steiner, 1978. 30 s.
104. Bloch M. *Les rois thaumaturges. Études sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre*. Paris: Gallimard, 1924. 608 p.
105. Blum H. *Purpur als Statussymbol in der griechischen Welt*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1998. 319 s.
106. Boak A. E. R. *Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1919. Vol. 30. P. 37–47.
107. Boak A.E.R. *The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires*. New York: Kessinger Publishing, 1919. 170 p.

108. Bogdanović J. *The Framing of Sacred Space: The Canopy of the Byzantine Church*. New York: Oxford University Press, 2017. 411 p.
109. Boin D. *Alaric the Goth: An Outsider's History of the Fall of Rome*. New York: W. W. Norton & Company, 2020. 272 p.
110. Börm H. *Born to Be Emperor: The Principle of Succession and the Roman Monarchy. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. Oxford: Oxford University press, 2014. P. 239–264.
111. Börm H. *Westrom: Von Honorius bis Justinian*. Stuttgart: Kohlhammer, 2018. 252 s.
112. Boulvert G., Bruschi C. Staatsdienst und soziale Strukturen—die Lage der subalternen Provinzbeamten. // *Klio*. 1982. Bd. 64. S. 421–429.
113. Bransbourg G. *The Later Roman Empire. // Fiscal Regimes and the Political Economy of Premodern States.* / Ed. A. Monson, W. Scheidel. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 258–281.
114. Brightman F. E. *Byzantine Imperial Coronations* // *The Journal of Theological Studies*. 1901. Vol. 2 (7). P. 359–392.
115. Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992. 192 p.
116. Brown P. *The Making of Late Antiquity*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1978. 148 p.
117. Burgersdijk D. *Images and Emperors in the fourth century AD // Imagining Emperors in the Later Roman Empire* / Eds. D. Burgersdijk, A.J. Ross. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 137–157.
118. Burgess R.W. *Studies in Eusebian and Post-Eusebian Chronography*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999; Croke B. *The Origins of the Christian World Chronicle* // *History and Historians in Late Antiquity* / Ed. B. Croke, A. Emmett. Sydney: Pergamon Press, 1983. P. 116–131.
119. Burgess R.W. *The Chronograph of 354: Its Manuscripts, Contents, and History.* // *Journal of Late Antiquity*. 2012. Vol. 5 (2). P. 345–396.
120. Burgess R.W., Kulikowski M. *Mosaics of Time: The Latin Chronicle Traditions from the First Century BC to the Sixth Century AD. Volume I: A Historical Introduction*. Turnhout: Brepols, 2012. 449 p.
121. Burnett A. *Coinage in the Roman World*. London: Seaby, 1987. 176 p.
122. Burton G.P. *The Curator Rei Publicae: Towards a Reappraisal* // *Chiron*. 1979. Bd. 9. S. 465–487
123. Bury J. *History of the Later Roman Empire: From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565): in 2 vol.* London: Dover publications, 1923. 512 p. + 512 p.

124. Busch A. Die Frauen der theodosianischen Dynastie. Macht und Repräsentation kaiserlicher Frauen im 5. Jahrhundert.. Stuttgart: Franz Steiner, 2015. 256 p.
125. Butcher K. Information, Legitimation, or Self-Legitimation? Popular and Elite Designs on the Coin Types of Syria. // *Coinage and Identity in the Roman Provinces.* / Eds. C. Howgego, V. Heuchert, A. Burnett. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 143–156.
126. Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford: Oxford University Press, 2011. 878 p.
127. Cameron A. The Origin, Context and Function of Consular Diptychs. // *Journal of Roman Studies.* 2013. Vol. 103. P. 174–207.
128. Cameron A. Urban Changes and the End of Antiquity. // *The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-700.* / A. Cameron. London: Routledge, 2012. P. 146–167.
129. Cameron A. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford: Oxford University Press, 1976. 364 p.
130. Cameron A. Observations on the distribution and ownership of late Roman silver plate. // *Journal of Roman archaeology.* 1992. Vol. 5. P. 178–185.
131. Cameron A. Later Roman Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 256 p.
132. Canepa M. The Two Eyes of the Earth Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran. Berkeley: University of California press, 2009. 456 p.
133. Carile M. C. Imperial Icons in Late Antiquity and Byzantium: The Iconic Image of the Emperor between Representation and Presence. // *IKON.* 2016. Vol. 9. P. 75–98.
134. Carla-Uhink F. Milan, Ravenna, Rome: Some Reflections on the Cult of the Saints and on Civic Politics in Late Antique Italy // *Rivista di Storia e Letteratura Religiosa.* 2009. Vol. 45 (2). P. 197–292.
135. Carrié J.-M. Le gouverneur romain à l'époque tardive : orientations de l'enquête // *Antiquité Tardive.* 1998. Vol. 6. P. 17–30.
136. Cecconi G.A. Governo imperiale e élites dirigenti nell'Italia tardoantica: problemi di storia politico-amministrativa (270-476 d.C.). Como: New Press, 1994. 272 p.
137. Cecconi G.A. I grandi magisteria tardoantichi: ruolo istituzionale, attività e rapporti con le strutture amministrative (Italia, IV-VI secolo d.C.) // “Magister”: aspetti culturali ed istituzionali. Atti del Convegno (Chieti 1997) / Cur. G. Firpo, G. Zecchini. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1999. P. 73–113.
138. Chastagnol A. Les préfets du prétoire de Constantin. // *Revue des études anciennes.* 1960. T. 62. P. 321–352.

139. Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien (284–363). Paris: CDU SEDES, 1997. 398 p.
140. Chastagnol A. Notes chronologiques sur l'Histoire Auguste et le *Laterculus* de Polemius Silvius. // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1955. Bd. 4 (2–3). S. 173–188.
141. Cheung A. The Political Significance of Roman Imperial Coin Types. // *Schweizerische Numismatische Rundschau*. 1998. Bd. 77. S. 53–61.
142. Christie N., Gibson S. The City Walls of Ravenna // *Papers of the British School at Rome*. 1988. Vol. 56. P. 156–197.
143. Christoforou P. *Imagining the Roman Emperor: Perceptions of Rulers in the High Empire*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2023. 320 p.
144. *City Walls in Late Antiquity: An Empire-wide Perspective*. Proceedings of a Conference held at the British School at Rome and the Swedish Institute of Classical Studies in Rome on 20–21 June 2018. / Eds. E. Intagliata, S.J. Barker and C. Courault. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2020. 200 p.
145. Clauss M. *Der magister officiorum in der Spätantike (4.-6. Jahrhundert): das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche Politik*. München: Beck, 1980. 252 s.
146. *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. / Ed. J. Wienand. New York: Oxford University press, 2014. 552 p.
147. Corcoran S. Galerius, Maximinus and the titulature. // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2006. Vol. 49. P. 231–240.
148. Corcoran S. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284-324*. Oxford: Clarendon Press, 2000. 440 p.
149. Corso A. Observations Concerning the Theodosian Silver Dish at Madrid and a Few Sasanian Comparanda. // *Numismatica e antichità classica*. 2016. Vol. 45. P. 239–256.
150. Coşkun A. Die Praefecti praesent(al)es und die Regionalisierung der Praetorianerpraefecturen im vierten Jahrhundert. // *Millennium*. 2004. Bd. 1. S. 279–328.
151. Courcelle P. Date, source et genèse des “Consultationes Zacchei et Apollonii”. // *Revue de l'histoire des religions*. 1954. T. 146 (2). P. 174–93.
152. Crawford M. H. Roman imperial coin types and the formation of public opinion. // *Studies in Numismatic Method Presented to Philip Grierson*. / Eds. C. N. L. Brooke, B. H. I. Stewart, J. G. Pollard, T. R. Volk. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 47–64.
153. Croke B. *Chronicles, Annals and «Consular Annals» in Late Antiquity* // *Chiron*. 2001. Bd. 31. S. 291–331.
154. Croke B. *Late Antique Historiography, 250–650 CE* // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / Ed. J. Marincola. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. P. 567–581.

155. Croke B. Reinventing Constantinople: Theodosius I's imprint on the imperial city. // *From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture, 284–450 CE.* / Eds. S. McGill, C. Sogno, E. Watts. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 241–264.
156. Croke B. Theodor Mommsen and the Later Roman Empire // *Chiron*. 1990. Vol. 20. P. 159–189
157. Ćurčić S. *Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven: Yale University Press, 2010. 912 p.
158. Ćurčić S. Late Antique Palaces: The Meaning of Their Urban Context. // *Ars Orientalis*. 1993. Vol. 23. P. 67–90.
159. Ćurčić S. *The Emperor's House: Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. / Ed. M. Featherstone, J.-M. Spieser, G. Tanman, U. Wulf-Rheidt. Berlin: de Gruyter, 2015. 423 p.
160. Cutler A., Kinney D. A Late Antique Ivory Plaque and Modern Response. // *American Journal of Archaeology*. 1994. Vol. 98. P. 457–480.
161. Dagron G. *Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantin*. Paris: Gallimard, 1996. 435 p.
162. Darling J. *Architecture of Greece*. Oxford: Greenwood, 2000. 296 p.
163. Davenport C. Envisioning Audiences at the Roman Imperial Court. // *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity.* / Ed. C. Davenport, M. McEvoy. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 278–308.
164. Davenport C. Imperial ideology and commemorative culture in the Eastern Roman Empire, 284-450 CE. // *Byzantium, its neighbours and its cultures.* / Eds. D. Džino, K. R. Parry. Brisbane: Brill, 2017. P. 45–70.
165. De Blois L. Emperorship in a period of crises: Changes in Emperor worship, Imperial Ideology and Perceptions of Imperial authority in the Roman Empire in the third century A.D. // *The Impact of Imperial Rome on Religions, Ritual and Religious Life in the Roman Empire: Proceedings from the Fifth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. – A.D. 476).* / Ed. L. De Blois, P. Funke, J. Hahn. Leiden: Brill, 2004. P. 268–278.
166. De Blois L., Hekster O. Introduction // *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. - A.D. 476)* / Ed. L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols. Amsterdam: Brill, 2003. P. VIII-XI.
167. Deér J. *Byzanz und das abendländische Herrschertum. Ausgewählte Aufsätze* / Hrsg. P. Classen. Sigmaringen: Thorbecke, 1977. 519 s.

168. Deer J. Der globus des spätrömischen und byzantinischen Kaisers. Symbol oder Insignie? // BZ. 1961. Bd. 54. S. 291–318.
169. Deichmann F.W. Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. 3 Bde. Wiesbaden: Franz Steiner, 1969–1989. 478 s. +334 s. +460 s.
170. Delbrück R. Antike porphywerke. Berlin: de Gruyter, 1932. 245 p.
171. Delbrück R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. Berlin; Leipzig: de Gruyter, 1929. 295 s.
172. Delbrück R. Spätantike Kaiserporträts von Constantinus Magnus bis zum Ende des Westreichs. Berlin: de Gruyter, 1933. 272 s.
173. Deliyannis D.M. Ravenna in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 2010. 464 p.
174. Delmaire R. Largesses sacrées et res privata: L'aerarium impérial et son administration du IVe au VIe siècle. Rome: Ecole française de Rome, 1989. 759 p.
175. Delmaire R. Les responsables des finances impériales au Bas-Empire romain (IVe–VIe s.): Études prosopographiques. Bruxelles: Latomus, 1989. 323 p.
176. Demandt A. Die Spätantike. Römische geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. München: Beck, 1989. 623 p..
177. Demangel R. Contribution à la topographie de l'Hebdomon. Paris: de Boccard, 1945. 54 p.
178. Demougeot É. 'Le Colosse de Barletta', Mélanges de l'École française de Rome. // Antiquité. 1982. T. 94/2. P. 951–978.
179. Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike. / Hrsg. F. Goldbeck, J. Wienand. Berlin; Boston: de Gruyter, 2016. 607 s.
180. Destephen S. La naissance de Constantinople et la fin des voyages impériaux // Antiquité Tardive. 2016. Vol. 24. P. 127–146.
181. Destephen S. Late Roman emperorship in Constantinople: embodiment and 'unbodiment' of Christian virtues. // BZ. 2022. Bd. 115 (1). S. 47–68.
182. Dewar M. Spinning the Trabea: Consular Robes and Propaganda in the Panegyrics of Claudian. // Roman Dress and the Fabrics of Roman Culture. / Ed. A. Keith. Toronto: University of Toronto press, 2008. P. 217–237.
183. Dey H. Art, Ceremony, and City Walls: The Aesthetics of Imperial Resurgence in the Late Roman West // Journal of Late Antiquity. 2010. Vol. 3 (1). P. 3–37.
184. Dey H. The Afterlife of the Roman City. Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages. New York: Cambridge University press, 2014. 296 p.

185. Diefenbach S. Frömmigkeit und Kaiserakzeptanz im frühen Byzanz // *Saeculum*. 1996, 47 (1). S. 35–66.
186. Dillon J. N., Nicholson O. «adventus» // *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Oxford: Oxford University press, 2018. P. 23–24.
187. Dillon J. *The Justice of Constantine*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2012. 310 p.
188. Dodd E.C. *Byzantine Silver Stamps*. Washington: Dumbarton Oaks, 1961. 283 p.
189. Domaszewski A. *Geschichte der römischen Kaiser*. Bd. 2. Leipzig: Quelle & Meyer, 1909. 324 s.
190. Doyle C. *Honorius. The fight for the Roman West AD 395–423*. London: Routledge, 2019. 230 p.
191. Dufraigne P. *Adventus Augusti, adventus Christi: Recherche sur l'exploitation idéologique et littéraire d'un cérémonial dans l'antiquité tardive*. Paris: Institut d'études augustiniennes, 1994. 520 p.
192. Dunbabin K. *The Roman Banquet: Images of Conviviality*. Cambridge: Cambridge University press, 2003. 291 p.
193. Ebersolt J. *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies*. Paris: Jean Ebersolt, 1910. 237 s.
194. Eckardt H. *Writing and Power in the Roman World: Literacies and Material Culture*. Cambridge: Cambridge University press, 2018. 268 p.
195. Eger C. *Between Amuletic Ornament and Sing of Authority: Christian Symbols on Mediterranean Dress Accessories of the Fourth to Sixth Centuries*. // *Graphic signs of faith, identity, and power*. / Eds. I. Garipzanov, C. Goodson, Y. MacGuire. Turnhout: Brepols, 2017. P. 281–324.
196. Eich A., Eich P. *Thesen zur Genese des Verlautbarungsstils der spätantiken kaiserlichen Zentrale*. // *Tyche*. 2004. Bd. 19. S. 75–104.
197. Eich P. *Centre and Periphery. Administrative Communication in Roman Imperial Times*. // *Rome, a city and its empire in perspective* / Ed. S. Benoist. Leiden: Brill, 2012. P. 85–108.
198. Eich P. *The Common Denominator: Late Roman Imperial Bureaucracy from a Comparative Viewpoint* // *State Power in Ancient China and Rome*. / Ed. W. Scheidel. Oxford: Oxford University press, 2015. P. 90–149.
199. Eich P. *Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit: die Entstehung einer «personalen Bürokratie» im langen dritten Jahrhundert*. Berlin: de Gruyter, 2005.

200. Elkins N. A Note on Late Roman Art: the Provincial Origins of Camp Gate and Baldachin Iconography on the Late Imperial Coinage. // *American Journal of Numismatics*. 2013. Vol. 25. P. 283–203.
201. Elsner J. *Art and the Roman Viewer. The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity*. Cambridge: Cambridge University press, 1995. 399 p.
202. Elton H. The Transformation of Government Under Diocletian and Constantine // *A Companion to the Roman Empire*. / Ed. D.S. Potter. Malden: Blackwell Publishing, 2006. P. 193–205.
203. Emion M. L'empereur chrétien et ses gardes du corps. // *Le Prince chrétien de Constantin aux royautes barbares (IVe-VIIIe siècle)*. / Ed. S. Destephen, B. Dumézil, H. Inglebert. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2018. P. 415–433.
204. Ensslin W. Der Kaiser in der Spätantike // *Historische Zeitschrift*. 1954. Bd. 177. S. 449–468.
205. Ensslin W. *Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden*. Muenchen: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1943. 134 s.
206. Ensslin W. Praefectus praetorio. // *RE*. Bd. XXII, 2. Stuttgart: J. B. Metzler, 1954. Sp. 2391–2502.
207. Ensslin W. Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl. // *Klio*. 1942. Bd. 35. S. 268–298.
208. Entwistle C. Late Roman and Byzantine Weights and Weighing Equipment in the British Museum. // *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*. / Eds. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford: Oxford University press, 2008. P. 38–47.
209. Feeney A. The Emperor is Dead, Long Live the Emperor: Imperial Interregna in the Fifth Century. // *The Fifth Century: Age of Transformation*. / Eds. K. Feeney, S. Northrup, J. W. Drijvers, N. Lenski. Bari: Edipuglia, 2019. P. 185–196.
210. Flaig E. *Den Kaiser herausfordern: Die Usurpation im Römischen Reich*. 2., überarbeitete Aufl. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2019. 568 s.
211. Flower R. Tamquam figmentvm hominis: Ammianus, Constantius II and the portrayal of imperial ritual. // *The Classical Quarterly*. 2015. Vol. 65 (2). P. 822–835.
212. Frank R.I. *Scholae Palatinae: The Palace Guards of the Later Roman Empire*. Rome: American academy in Rome, 1969. 259 p.
213. Gagé J. La théologie de la victoire impériale // *Revue Historique*. 1933. No. 171 (1). P. 1–33.
214. Garipzanov I. *Graphic Signs of Authority in Late Antiquity and the Early Middle Ages, 300-900*. Oxford: Oxford University press, 2018. 377 p.

215. Garnsey P. *Food and Society in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge University press, 1999. 175 p.
216. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973. 356 p.
217. Giardina A. *Aspetti della burocrazia nel basso impero*. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1977. 172 p.
218. Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. 6 vols. London: W. Strahan and T. Cadell in the Strand, 1776–1789. 696 p. +724 p. +652 p. +618 p. +632 p. +652 p.
219. Gillet A. *Rome, Ravenna and the Last Western Emperors // Papers of the British School at Rome*. 2003. Vol. 71. P. 131–167.
220. Gillett A. *Epic, Panegyric, and Political Communication in the Fifth-Century West // Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity / Ed. G. Kelly, L. Grig*. Oxford: Oxford university press, 2012. P. 265–290.
221. Goffart W. [Review of] Noethlichs K. L. *Beamtentum und Dienstvergehen: Zur Staatsverwaltung in der Spätantike // Bonner Jahrbücher*. 1983. Bd. 183. S. 192–194.
222. Gorietti Castello M. *Evoluzione e funzioni del magister officiorum: rileggendo il De magistratibus Populi Romani di Giovanni Lido // Istituzioni, carismi ed esercizio del potere (IV-VI secolo d.C.) / Cur. G. Bonamente, R. Lizzi Testa*. Bari: Edipuglia, 2010. P. 123–150.
223. Gorietti Castello M. *Le segrete stanze del potere: I comites consistoriani e l'imperatore tardoantico*. Roma: Il Poetere E Il Consenso, 2012. 288 p.
224. Grabar A. *L'Empereur dans l'art byzantin*. Paris: Les Belles Lettres, 1936. 296 p.
225. Graf F. *Roman Festivals in the Greek East*. Cambridge: Cambridge University press, 2015. 380 p.
226. Grant M. *Roman Anniversary Issues*. Cambridge: Cambridge University Press, 1952. 203 p.
227. Graves D.A. *Consistorium Domini: Imperial Councils of State in the Late Roman Empire*. Ann Arbor: University of New York, 1982. 177 p.
228. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity (Fourth to Sixth Century A.D.)*. / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. 540 p.
229. Grig L. *Cities in the “long” Late Antiquity, 2000-2012 – a survey essay*. // *Urban history*. 2013. Vol. 40 (3). P. 554–566.
230. Grigg R. *Portrait-Bearing Codicils in the Illustrations of the Notitia Dignitatum? // Journal of Roman studies*. 1979. Vol. 69. P. 107–124.

231. Guidetti F. Public rituals and performance: the ceremonial staging of imperial authority under Diocletian // *The Tetrarchy as Ideology Reconfigurations and Representations of an Imperial Power* / Ed. F. Carla-Uhink, C. Rollinger. Stuttgart: Franz Steiner, 2023. P. 119–140.
232. Guiland R. *Études de topographie de Constantinople byzantine*: en 2 vol. Berlin: Akademie-Verlag, 1969. 590 p. +64 p.
233. Gutsfeld A. Der Prätorianerpräfekt und der kaiserliche Hof im 4. Jahrhundert n. Chr. // *Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes.* / Hrsg. A. Winterling. Berlin: de Gruyter, 1998. S. 75–102.
234. Haensch R. Das Statthalterarchiv. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung.* 1996. Bd. 109 (1). S. 209–317
235. Hahn I. Immunität und Korruption der Curialen in der Spätantike. // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1965. T. 13. P. 325–336.
236. Halsall G. *Barbarian Migrations and the Roman West, 376-568.* Cambridge: Cambridge University press, 2007. 614 p.
237. Hannestad N. *Roman Art and Imperial Policy.* Aarhus: Aarhus University press, 1986. 488 p.
238. Hannestad N. Roman art and imperial policy. Aarhus, 1986; Weisweiler J. From equality to asymmetry: honorific statues, imperial power, and senatorial identity in late-antique Rome // *Journal of Roman Archaeology.* 2012. Vol. 25. P. 319–350.
239. Harries J. *Law and Empire in Late Antiquity.* Cambridge: Cambridge University press, 1998. 235 p.
240. Harries J. *Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome.* Oxford: Clarendon Press, 1994. 292 p.
241. Harries J. The Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II. // *The Journal of Roman Studies.* 1988. Vol. 78. P. 148–172.
242. Heather P. *The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians.* Oxford: Oxford University press, 2005. 608 p.
243. Hebblewhite M. *The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395.* London: Routledge, 2017. 240 s.
244. Hébrard E. Les travaux du Service Archéologique de l'Armée d'Orient à l'arc de triomphe de Galère et l'église de St. Georges à Salonique. // *Bulletin de Correspondance Hellénique.* 1920. T. 44. P. 15–40.
245. Heim F. Vox exercitus, vox Dei. La designation de l'empereur charismatique au IVe siècle. // *Revue des études latines.* 1990. T. 68. P. 160–172.

246. Hekster O. *Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC–AD 565)*. Cambridge; New York: Cambridge University press, 2023. 414 p.
247. Hekster O. The city of Rome in late imperial ideology: The Tetrarchs, Maxentius and Constantine // *Mediterraneo Antico*. 1999. Vol. 2 (2). P. 717–748.
248. Herrin J. *Ravenna: Capital of Empire, Crucible of Europe*. Princeton: Princeton University press, 2020. 576 p.
249. Herrin J. The Imperial Palace of Ravenna. // *The Emperor's House: Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. / Ed. M. Featherstone, J.-M. Spieser, G. Tanman, U. Wulf-Rheidt. Berlin: de Gruyter, 2015. P. 53–62.
250. Hijmans S. E. *Sol: Image and Meaning of the Sun in Roman Art and Religion*. Leiden: Brill, 2024. 1440 p.
251. Hölkeskamp K.-J. «Performative turn» meets «spatial turn». *Prozessionen und andere Rituale in der neueren Forschung // Raum und Performanz. Rituale in Residenzen von der Antike bis 1815* / Hrsg. D. Boschung, K.-J. Hölkeskamp, C. Sode. Stuttgart: Franz Steiner, 2015. S. 15–74.
252. Hölscher T. *The Transformation of Victory into Power: From Event to Structure. // Representations of War in Ancient Rome*. / Ed. S. Dillon, K. E. Welch. Cambridge: Cambridge University press, 2009. P. 77–124.
253. Holum K. G. *Pulcheria's Crusade A.D. 421–22 and the Ideology of Imperial Victory* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1977. Vol. 18 (2). P. 153–172.
254. Holum K.G. *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley: University of California press, 1982. 276 p.
255. Hopkins K. Eunuchs in Politics in the Later Roman Empire. // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1963. No. 9 (189). P. 62–80.
256. Hopkins K. *Slaves and Conquerors*. Cambridge; New York: Cambridge University press, 1978. 292 p.
257. Hugoniot M. C. Les acclamations dans la vie municipale tardive et la critique augustinienne des violences lors des spectacles africains. // *Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain. Hommage à Claude Lepelley*. / Ed. H. Inglebert. Paris: Picard, 2002. P. 179–187.
258. Humphrey J.H. *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing*. Berkeley: University of California press, 1986. 717 p.
259. Humphries M. *Cities and the Meanings of Late Antiquity* // *Ancient history*. 2019. No. 2 (4). P.1–112;

260. Humphries M. Emperors, Usurpers, and the City of Rome Performing Power from Diocletian to Theodosius. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. Oxford: Oxford University press, 2014. P. 151–168.
261. Humphries M. From emperor to pope? Ceremonial, space, and authority at Rome from Constantine to Gregory the Great. // *Religion, Dynasty, and Patronage in a Christian Capital: Rome, 300–900.* / Ed. K. Cooper, J. Hillner. Cambridge: Cambridge University press, 2007. P. 21–58
262. Humphries M. Valentinian III and the City of Rome (425–55): Patronage, Politics, Power // *Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity* / Ed. L. Grig, G. Kelly. New York: Oxford University press, 2012. P. 161–182.
263. Icks M. Keeping up Appearances. Evaluations of Imperial (in)Visibility in Late Antiquity // *Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD.* / Eds. E. Manders, D. Slootjes. Stuttgart: Franz Steiner, 2019. P. 163–179.
264. Icks M. Of Lizards and Peacocks: Criticism of the Princeps Clausus in Fourth- and Fifth-Century Sources // *Mediterraneo Antico*. 2017. Vol. 20 (1–2). P. 457–484.
265. Icks M. The Inadequate Heirs of Theodosius: Ancestry, Merit and Divine Blessing in the Representation of Arcadius and Honorius. // *Millennium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr.* 2014. Bd. 11. S. 69–99.
266. *Imagining Emperors in the Later Roman Empire* / Eds. D.W.P. Burgersdijk, A.J. Ross. Leiden; Boston: Brill, 2018. 368 p.
267. *In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini.* / Eds. C.E.V. Nixon, B. S. Rodgers. Berkeley: University of California press, 1994. 750 p.
268. Iversen E. Obelisks in Exile. Vol. 2: The Obelisks of Rome. Copenhagen: Gad, 1972. 168 p.
269. James E. The Rise and Function of the Concept «Late Antiquity» // *Journal of Late Antiquity*. 2008. Vol. 1 (1). P. 20–30.
270. Janin R. *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin*. Paris: l'Institut français d'études byzantines, 1969. 610 p.
271. Janina K. Darling. Mausoleum of Galerius, Thessaloniki. // *Architecture of Greece*. Oxford: Greenwood, 2000. P. 84–86.
272. Johansen I. M. Rings, fibulae and buckles with imperial portraits and inscriptions. // *Journal of the Roman Archaeology*. 1994. Vol 7. P. 223–242
273. Johnson F. P. The Colossus of Barletta. // *American Journal of Archaeology*. 1922. Vol. 29 (1). P. 20–25.

274. Jones A.H.M. Numismatics and history. // Numismatic and History. Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly. / Eds. R. A. G. Carson, C. H. V. Sutherland. London: Oxford University press, 1956. P. 13–33.
275. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284-602, a Social Economic and Administrative Survey: in 3 vols. Oxford: Blackwell, 1964. 1522 p.
276. Kahlos M. Religious Dissent in Late Antiquity. Oxford: Oxford University press, 2020. 274 p.
277. Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton: Princeton University press, 1957. 632 p.
278. Kantorowicz E.H. Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship. Berkeley: University of California press, 1963. 293 p.
279. Keay S Tarasco in Late Antiquity. // Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages. / Ed. N. Christie, S.T. Loseby. Aldershot: Scolar Press, 1996. P. 18–44.
280. Kelly C. Emperors, Government and Bureacracy // Cambridge Ancient History. Vol. 13 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University press, 1998. P. 138–183.
281. Kelly C. Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / Edited by J. Wienand. New York: Oxford University press, 2014. P. 215–234.
282. Kelly C. Ruling the Later Roman Empire; Kelly C. Empire building. // Interpreting late antiquity. / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge: Cambridge University press, 2001. P. 170–195.
283. Kelly C. Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 2013. 324 p.
284. Kienast D., Eck W., Matthaues H. Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. 6, überarb. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2017. 428 s.
285. Kiilerich B. Representing an Emperor: Style and Meaning on the Missorium of Theodosius I. // El Disco de Teodosio. / Ed. M. Almagro Gorbea et al. Madrid: Real Academia de la Historia, 2000. P. 273–280.
286. Kiilerich B. The Barletta Colossus Revisited: The Methodological Challenges of an Enigmatic Statue. // Acta Ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia. 2015. XXVIII. P. 55–72.

287. Kneissl P. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 256 s.
288. Köhne E. Bread and circuses. The politics of entertainment. // *Gladiators and Caesars: The Power of Spectacle in Ancient Rome.* / Eds. E. Köhne, C. Ewigleben, Jackson R. Berkeley: University of California press, 2000. P. 8–30.
289. Kolb A. Transport und Nachrichtentransfer im Römischen Reich. Berlin: de Gruyter, 2000. 380 s.
290. Kolb F. Die Adäration als Korruptionsproblem in der Spätantike. // *Korruption im Altertum* / Hrsg. W. Schuller. München: De Gruyter Oldenbourg, 1982. S. 203–221.
291. Kolb F. Herrscherideologie in der Spätantike. Berlin: de Gruyter, 2001. 274 s.
292. Kostenec J. The Heart of the Empire: The Great Palace of the Byzantine Emperors Reconsidered. // *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire.* / Ed. K. Dark. Oxford: Oxford University press, 2004. P. 4–6.
293. Kruse H. Studien zur offiziellen Geltung des Kaiserbildes im römischen Reiche. Paderborn: Schöningh, 1934. 116 p.
294. Kruse T. The Magistrate and the Ocean: Acclamations and Ritualised Communication in Town Gatherings in Roman Egypt. // *Rituals and Communication in the Graeco-Roman World.* / Ed. E. Stavrianopoulou. Liège: Centre International d'Étude de la Religion Grecque Antique, 2006. P. 297–315.
295. Kulikowski M. Regional Dynasties and Imperial Court. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. Oxford: Oxford University press, 2014. P. 135–152.
296. Kulikowski M. The tragedy of empire: from Constantine to the destruction of Roman Italy. Cambridge: Belknap Press, 2019. 424 p.
297. L'Orange H.P. Sol Invictus Imperator: Ein Beitrag zur Apotheose. // *Norwegian Journal of Greek and Latin Studies.* 1935. T. 14 (1). P. 86–114.
298. Latham J. Rolling Out the Red Carpet, Roman-Style: The Arrival at Rome from Constantine to Charlemagne. // *Urban Developments in Late Antique and Medieval Rome.* / Ed. G. Kalas, A. van Dijk. Amsterdam: Amsterdam University press, 2021. P. 109–147.
299. Lavan L. Political Talismans? Pagan Statues in Late Antique Public Space // *Journal of Roman Archaeology.* 2011. Vol. 24. P. 315–350.
300. Lavan L. Political topography of the late antique city. // *Late Antique archaeology.* 2003. Vol. 1. P. 314–337.
301. Lavan L. Public Space in the Late Antique City: in 2 vols. Leiden: Brill, 2021. 1746 p.

302. Leader-Newby R. E. *Silver and Society in Late Antiquity. Functions and Meanings of Silver Plate in the Fourth to the Seventh Centuries*. Aldershot: Ashgate, 2004. 240 p.
303. Leal B. A Reconsideration of the Madaba Map. // *Gesta*. 2018. Vol. 57 (2). P. 123–143.
304. Lehnen J. *Adventus principis: Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum*. Frankfurt am Main: Peter Land, 1997. 411 s.
305. Lemcke L. *Bridging Center and Periphery: Administrative Communication from Constantine to Justinian*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. 342 p.
306. Lendon J. *Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 332 p.
307. Lendon J. The Legitimacy of the Roman Emperor: Against Weberian Legitimacy and Imperial «Strategies of Legitimation» // *Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis* / Ed. A. Kolb. Berlin: Akademie, 2006. S. 53–63.
308. Lenski N. *Constantine and the Cities. Imperial Authority and Civic Politics*. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 2016. 416 p.
309. Leone A. *Changing Townscapes in North Africa from Late Antiquity to the Arab Conquest*. Bari: Edipuglia, 2007. 360 p.
310. Lepelley C. The survival and fall of the classical city in Late Roman Africa. // *The City in Late Antiquity*. / Ed. J. Rich. London: Routledge, 1992. P. 50–76.
311. Leppin H. *The Church Historians: Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity (Fourth to Sixth Century A.D.)* / Ed. G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 219–254.
312. Leppin H. *Von Constantin dem Großen zu Theodosius II. Das christliche Kaisertum bei den Kirchenhistorikern Socrates, Sozomenus und Theodoret*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. 350 s.
313. Leppin H. *Zum deutschen Diokletiansbild im 19. Jahrhundert. // Diokletian und die Tetrarchie. Aspekte einer Zeitenwende.* / Hrsg. A. Demandt, A. Goltz, H. Schlange-Schöningen. Berlin: de Gruyter, 2004. S. 193–208.
314. Levick B. *Propaganda and the imperial coinage* // *Antichthon*. 1982. Vol. 16. P. 104–116.
315. Liebeschuetz J. W. H. G. *Government and Administration in the Late Empire // The Roman World*. Vol. 1. / Ed. J. Wachter. London: Routledge, 1987. P. 455–469.

316. Liebeschuetz J.H.W.G. *Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire*. Oxford: Oxford University press, 1972. 314 p.
317. Liebeschuetz J.H.W.G. *The Decline and Fall of the Roman City*. Oxford: Oxford University press, 2001. 479 p.
318. Liebeschuetz W. *The End of the Ancient City // The City in Late Antiquity / Ed. J. Rich*. London: Routledge, 1992. P. 1–49.
319. Lim R. *Public Disputation, Power, and Social Order in Late Antiquity*. Berkeley: University of California press, 1995. 296 p.
320. Liverani P. *Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck*. Berlin: de Gruyter, 2017. S. 347–368.
321. Liverani P. *Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale. // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike. / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck*. Berlin: de Gruyter, 2017. P. 487–510.
322. Loerke W. *The Miniatures of the Trial in the Rossano Gospels // Art Bulletin*. 1961. T. 43. P. 171–195.
323. Löhken H. *Ordines Dignitatum. Untersuchungen zur formalen Konstituierung der spätantiken Führungsschicht*. Cologne; Vienna: Böhlau-Verlag, 1982. 166 s.
324. Loseby S.T. *Arles in Late antiquity. // Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages. / Ed. N. Christie, S.T. Loseby*. Aldershot: Scolar Press, 1996. P. 45–70.
325. Maas P. *Metrische Akklamationen der Byzantiner. // BZ*. 1912. Bd. 21. S. 28–51;
326. MacCormack S. *Art and ceremony in late antiquity*. Berkeley: University of California press, 1981. 450 p.
327. MacCormack S. *Change and Continuity in Late Antiquity: The Ceremony of “Adventus” // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1972. Bd. 21 (4). S. 721–752.
328. MacCormack S. *Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire // Revue des Études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 29–77.
329. Machado C. *The city as stage: aristocratic commemoration in late antique Rome. // Les frontières du profane dans l’antiquité tardive. / Ed. C. Sotinel, E. Rebillard*. Rome: École française, 2010. P. 287–317.
330. Machado C. *The Roman Aristocracy and the Imperial Court, before and after Sack // The Sack of Rome in 410 A.D.: The Event, Its Context and Its Impact. Palilia. Bd 28. / Eds. J. Lipps, C. Machado, P. von Rummel*. Wiesbaden: Reichert verlag, 2013. P. 49–76.

331. MacMullen R. *Corruption and the Decline of Rome*. New Haven: Yale University press, 1988. 331 p.
332. MacMullen R. *Imperial Bureaucrats in the Roman Provinces* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1964. Vol. 68. P. 305–316.
333. MacMullen R. *The emperor's largesses*. // *Latomus*. 1962. Vol. 21. P. 154–166.
334. Maier F. *Palastrevolution. Der Weg zum hauptstädtischen Kaisertum im Römischen Reich des vierten Jahrhunderts*. Berlin: Brill | Schöningh, 2019. 548 s.
335. Malmberg S. *Visualising Hierarchy at Imperial Banquet*. // *Feast, Fast or Famine. Food and Drink in Byzantium*. / Eds. W. Mayer, S. Trzcionka. Brisbane: Brill, 2005. P. 11–24.
336. Mango C. *Byzantium: The Empire of New Rome*. New York: Orion Books, 1980. 334 p.
337. Mango C. *The Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople*. København: I kommission hos Munksgaard, 1959. 197 p.
338. Mango C. *The Columns of Justinian and His Successors*. // *Studies on Constantinople*. / Ed. C. Mango. Aldershot: Variorum, 1993. P. 117–136.
339. Mango C. *The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate* // *Dumbarton Oaks Papers*. 2000. Vol. 54. P. 173–188.
340. Mappa // *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A. Kazhdan. Vol. 2. New York; Oxford: Oxford University press, 1991. P. 1294–1295.
341. Martin J. *Das Kaisertum in der Spätantike* // *Usurpationen in der Spätantike: Akten des Kolloquiums* / Hrsg. F. Paschoud und J. Szidat. Stuttgart: Franz Steiner, 1997. S. 47–62.
342. Martin J. *Zum Selbstverständnis, zur Repräsentation und Macht des Kaisers in der Spätantike* // *Saeculum: Jahrbuch für Universalgeschichte*. 1984. Bd. 35. S. 115–131.
343. Mathisen R. *Adnotatio and Petitio: The Emperor's Favor and Special Exceptions in the Early Byzantine Empire* // *La pétition à Byzance*. / Ed. D. Feissel, J. Gascou. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civil, 2004. P. 23–32.
344. Matthews J. *Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code*. New Haven: Yale University press, 2000. 314 p.
345. Matthews J. *The Roman Empire of Ammianus*. Baltimore: The Johns Hopkins University press, 1989. 624 p.
346. Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425*. Oxford; New York: Clarendon press, 1975. 460 p.
347. McCormick M. *Analyzing Imperial Ceremonies* // *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. 1985. Vol. 35. P. 1–20.

348. McCormick M. *Emperor and Court* // *The Cambridge Ancient History*. Vol. XIV / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University press, 2000. P. 135–163.
349. McCormick M. *Eternal Victory: Triumphal rulership in late Antiquity*. Cambridge: Cambridge University press, 1987. 474 p.
350. McEvoy M. *An Imperial Jellyfish? The Emperor Arcadius and Imperial Leadership in the Late Fourth Century AD*. // *Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD*. / Ed. E. Manders, D. Slootjes. Stuttgart: Franz Steiner, 2020. P. 181–197.
351. McEvoy M. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 367 p.
352. McEvoy M. *Rome and the transformation of the imperial office in the late fourth-mid-fifth centuries AD*. // *Papers of the British School at Rome*. 2010. Vol. 78. P. 151–192.
353. McEvoy M. *Shadow emperors and the choice of Rome (455–476 AD)*. // *Antiquite Tardive*. 2017. No 25. P. 95–112.
354. Meier M. *Der Monarch auf der Suche nach seinem Platz*. // *Monarchische Herrschaft im Altertum*. / Hrsg. S. Rebenich. Berlin; Boston: de Gruyter, 2017. S. 509–44.
355. Meier M. *Die Abschaffung der venationes durch Anastasios im Jahr 499 und die «kosmische» Bedeutung des Hippodroms*. // *Feiern und Erinnern: Geschichtsbilder im Spiegel antiker Feste*. / Hrsg. H. Beck, H.-U. Wiemer. Berlin: de Gruyter, 2009. S. 203–232.
356. Meier M. *Die Demut des Kaisers. Aspekte der religiösen Selbstinszenierung bei Theodosius II. (408–450 n. Chr.)*. // *Die Bibel als politisches Argument: Voraussetzungen und Folgen biblizistischer Herrschaftslegitimation in der Vormoderne*. / Hrsg. A. Pecar, K. Trampedach. Berlin; Boston: de Gruyter, 2007. S. 133–158.
357. Michaelis H. *Der Thronbaldachin (Zum Verständnis eines Herrschersymbols)*. // *Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik II*. / Hrsg. J. Irmscher. Berlin: de Gruyter, 1957. S. 110–119.
358. Migl J. *Die Ordnung der Ämter: Prätorianerpräfektur und Vikariat in der Regionalverwaltung des Römischen Reiches von Konstantin bis zur Valentinianischen Dynastie*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994. 285 s.
359. Millar F. *A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408–450)*. Berkeley: University of California Press, 2006. 306 p.
360. Millar F. *De la frontière au centre. La monarchie centralisée de Théodose II (408-450 ap. J.-C.)*. // *La mobilité des personnes en Méditerranée de l'Antiquité à l'époque moderne*. / Ed. C. Moatti. Roma: l'École française, 2004. P. 567–589.
361. Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 BC–AD 337)*. London: NCROL, 1977. 657 p.

362. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht: in 3 Bd. Leipzig: Hirzel, 1871–1888. 832 s.
363. Moorhead S. The Coinage of the Later Roman Empire, 364–498. // The Oxford handbook of Greek and Roman coinage / Eds. W. E. Metcalf. Oxford: Oxford University press, 2012. P. 601–632.
364. Muhlberger S. The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius and the Gallic Chronicle of 452. Leeds: Francis Cairns, 1990. 329 p.
365. Noethlichs K.L. Beamtentum und Dienstvergehen: Zur Staatsverwaltung in der Spätantike. Wiesbaden: Franz Steiner, 1981. 256 s.
366. Noethlichs K.L. Strukturen und Funktionen des spätantiken Kaiserhofes // Comitatus. Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes / Hrsg. A. Winterling. Berlin: de Gruyter, 1998. S. 13–49.
367. Noethlichs K.L. Zur Entstehung der Diözesen als Mittelinstanz des spätrömischen Verwaltungssystems // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1982. Bd. 31 (1). S. 70–81.
368. Olovsson C. The Consular Image: An Iconological Study of the Consular Diptychs. Oxford: British Archaeological Reports, 2005. 278 p.
369. Omissi A. Emperors and users in Later Roman Empire. Civil War, Panegyric and the construction of legitimacy. Oxford: Oxford University press, 2018. 368 p.
370. Palme B. Die Officia der Statthalter in der Spätantike: Forschungsstand und Perspektiven // Antiquité Tardive. 1999. Vol. 7. P. 85–133.
371. Palme B. The Imperial Presence: Government and Army. // Egypt in the Byzantine World, 300–700. / Ed. R.S. Bagnall. Cambridge: Cambridge University press, 2007. P. 244–270.
372. Paniagua D. Intorno alla lettera prefatoria e all'introduzione del 'Laterculus' di Polemio Silvio. // Il calamo della memoria V. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità. / Eds. L. Cristante, T. Mazzoli. Trieste: EUT, 2012. P. 155–174.
373. Pasco L. L'évolution des cérémonies publiques impériales dans le monde romain tardif. Paris: à l'Université Paris, 2014. 544 p.
374. Peachin M. Roman imperial titulature and chronology, A.D. 235–284. Amsterdam: Brill, 1990. 515 p.
375. Pergami F. Il comes sacrarum largitionum nel sistema burocratico della tarda antichità. // Militia inermis e militia armata: Apparati civili e militari nella tarda antichità. In onore di Maria Campolunghi. / Cur. A. Marcone. Firenze: ali&no editrice, 2020. P. 115–134.
376. Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel: Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. Berlin: de Gruyter, 2013. 738 s.

377. Pfeilschifter R. Der römische Triumph und das Christentum. // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike. / Hrsg. J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin: de Gruyter, 2017. S. 455–486.
378. Pharr M.B. The Kiss in Roman Law. // The Classical Journal. 1947. Vol. 42 (7). P. 393–398.
379. Porena P. Le origini della prefettura del pretorio tardoantica. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2003. 636 p.
380. Poulter A. The Transition to Late Antiquity, on the Danube and Beyond. Oxford: Oxford University press, 2012. 430 p.
381. Procopé J. Greek and Roman Political Theory. // Cambridge History of Medieval Political Thought, c.350–1450. / Ed. H. Burns. Cambridge: Cambridge University press, 1988. P. 21–36.
382. Puech V. La christianisation du cérémonial impérial dans l'Antiquité tardive // Le Prince chrétien de Constantin aux royautes barbares (IVe-VIIIe siècle) / Ed. S. Destephen, B. Dumézil, H. Inglebert. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2018. P. 227–245.
383. Puk A. Das römische Spielewesen in der Spätantike. Berlin; Boston: de Gruyter, 2014. 518 s.
384. Purpura G. Il Colosso di Barletta ed il Codice di Teodosio II. // Atti dell'Accademia romanistica costantiniana. 1989. T. 9. P. 457–480.
385. Radnoti-Alföldi M. Die Bedeutung des Repräsentationsbildes in der Spätantike (1980). // Gloria Romanorum. / Hrsg. M. Radnoti-Alföldi, H. Bellen, H.-M. Kaenel. Stuttgart: Franz Steiner, 2001. S. 244–250.
386. Rebenich S. Kriegsherr oder friedensstifter? Der römische Kaiser in der Spätantike // Basileus eirenophylax. Friedenskultur(en) und monarchische Repräsentation in der Antike / Hrsg. C. Chrysafis, A. Hartmann, C. Schliephake, G. Weber. Stuttgart: Franz Steiner, 2023. S. 379–400.
387. Reece R. Coins and politics in the Late Roman world. // Social and Political Life in Late Antiquity. / Eds. W. Bowden, A. Gutteridge, C. Machado. Leiden: Brill, 2006. P. 113–140.
388. Reece R. Roman coins. London: Benn, 1970. 190 p.
389. Rees R. A Hall of Mirrors: The Panegyricus and the Panegyrici // Concepts of Ideal Rulership from Antiquity to the Renaissance: Studies on the Transmission of Texts and Ideas / Ed. S. Schorn, G. Roskam. Turnhout: Brepols, 2018. P. 83–102.
390. Rees R. Images and image: a re-examination of tetrarchic iconography // Greece & Rome. 1993. Vol. 40 (2). P. 181–200.
391. Rees R. The look of the Late Antique Emperor and the art of praise // Epic visions: Visuality in Greek and Latin epic and its Reception / Ed. H. Lovatt, C. Vout. Cambridge: Cambridge University press, 2013. P. 123–145.

392. Reinhold M. History of Purple as a Status Symbol in Antiquity. Bruxelles: Latomus, 1970. 75 p.
393. Reitzenstein-Ronning C. Performing Justice: The Penal Code of Constantine the Great // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / Ed. J. Wienand. New York: Oxford University press, 2014. P. 235–256.
394. Representing Rome's Emperors: Historical and Cultural Perspectives through Time Davenport. / Eds. C. Davenport, S. Malik, S. Oxford: Oxford University press, 2024.
395. Riedlberger P. Prolegomena zu den spätantiken Konstitutionen. Nebst einer Analyse der erbrechtlichen und verwandten Sanktionen gegen Heterodoxe. Stuttgart: frommann-holzboog, 2020. 880 s.
396. Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. London; New York: Routledge, 2002. 324 p.
397. Rollinger C. Another Heaven: Imperial Audiences and the Aesthetics of Ideology in Late Antique Ceremonial // *Dumbarton Oaks papers*. 2023. Vol. 77. P. 85–130.
398. Rollinger C. The Importance of Being Splendid: Competition, Ceremonial and the Semiotics of Status at the Court of the Late Roman Emperors (4th-6th Centuries) // *Gaining and Losing Imperial Favour in Late Antiquity: Representation and Reality* / Ed. K. Choda, M. Sterk de Leeuw, F. Schulz. Leiden: Brill, 2020. P. 36–72.
399. Rollinger C. The Importance of Being Splendid: Competition, Ceremonial and the Semiotics of Status at the Court of the Late Roman Emperors (4th–6th Centuries) // *Gaining and Losing Imperial Favour in Late Antiquity: Representation and Reality* / Ed. K. Choda, M. Sterk de Leeuw, F. Schulz. Leiden: Brill, 2020. P. 36–72.
400. Rollinger C. These boots aren't made for walking. Tetrarchic court ceremonial as a language of authority // *The Tetrarchy as Ideology Reconfigurations and Representations of an Imperial Power* / Ed. F. Carla-Uhink, C. Rollinger. Stuttgart: Franz Steiner, 2023. P. 93–118.
401. Rollinger C. Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. Stuttgart: Franz Steiner, 2024. 811 s.
402. Rösch G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaisertitel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien: österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978. 179 s.
403. Rostovtzeff M.I. Ab epistulis // RE. Bd. VI. 1. Stuttgart: J. B. Metzler, 1907. Sp. 210–221.
404. Roueché C. Acclamation in the Later Roman Empire: new Evidence from Aphrodisias. // *Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 181–199.

405. Roueché C. Looking for late antique ceremonial: Ephesos and Aphrodisias. // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos. / Hrsg. H. Friesinger, F. Krinzinger. Wien: österreichische Akademie der Wissenschaften, 1999. S. 161–168.
406. Roueché C. Performers and Partisans at Aphrodisias in the Roman and Late Roman Periods. London: Society for the promotion of Roman studies, 1993. 332 p.
407. Roueché C. Written Display in the Late Antique and Byzantine City // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. Pt.1. / Eds. E.M. Jeffreys, R. Cormack, J. F. Haldon. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 235–254.
408. Roueché C.M. Written Display in the Late Antique and Byzantine City // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies / Eds. E. M. Jeffreys, R. Cormack, J. F. Haldon. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 235–254
409. Rüpke J. 1998: Fasti. // Der Neue Pauly. Bd. 4. Stuttgart: J. B. Metzler, 1998. S. 434–439.
410. Ruppriené V. Pavements and Revetments in the Audience Hall (Basilika) and Its Vestibule of the Late-Antique Imperial Palace in Trier (Germany). // Stone and Splendor: Interior Decorations in Late-Antique Palaces and Villas. / Ed. V. Ruppriené. Vilnius: Harrassowitz, 2019. P. 37–54.
411. Safran L. Points of View: The Theodosian Obelisk in Context. // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1993. Vol. 34. P. 409–435.
412. Salzman M. R. On Roman Time; Burgess R.W. The Chronograph of 354: its Manuscripts, Contents, and History // Journal of Late antiquity. 2012. Vol. 5. P. 345–396.
413. Salzman M. The Falls of Rome. Crises, Resilience, and Resurgence in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 2021. 462 p.
414. Salzman M.R. On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Berkeley: University of California press, 1991. 315 p.
415. Sandberg K. The So-Called Division of the Roman Empire in AD 395: Notes on a Persistent Theme in Modern Historiography. // Arctos: Acta Philologica Fennica. 2008. Vol. 42. P. 199–213.
416. Schär R. Consultationes Zacchei christiani et Apollonii philosophi: A Literary Dialogue Arguing for Monasticism // Studia patristica. 2021. CXXIV (21). P. 181–190.
417. Schiavo S. Christian Feasts and Administration of Roman Justice in Late Antiquity. // Law as Religion, Religion as Law. / Eds. D.C. Flatto, B. Porat. Cambridge: Cambridge University press, 2022. P. 314–340.
418. Schindler C. Per carmina laudes. Untersuchungen zur spätantiken Verspanegyrik von Claudian bis Coripp. Berlin; New York: de Gruyter, 2009. 344 s.

419. Schlinkert D. Dem Kaiser folgen: Kaiser, Senatsadel und höfische Funktionselite (comites consistoriani) von der "Tetrarchie" Diokletians bis zum Ende der konstantinischen Dynastie. // *Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes.* / Hrsg. A. Winterling. Berlin: de Gruyter, 1998. S. 133–159.
420. Schlinkert D. Der Hofeunuch in der Spätantike: Ein gefährlicher Außenseiter? // *Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie.* 1994. Bd. 122 (3). S. 342–359.
421. Schlinkert D. Ordo Senatorius und Nobilitas: die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike; Mit einem Appendix über den Praepositus Sacri Cubiculi, den 'Allmächtigen' Eunuchen am Kaiserlichen Hof. Stuttgart: Franz Steiner, 1996. 311 s.
422. Schlinkert D. Vom Haus zum Hof: Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte.* 1996. Bd. 78. S. 454–482.
423. Schmidt-Hofner S. An Empire of the Best: Zosimus, the Monarchy, and the Eastern Administrative Elite in the Fifth Century CE // *Chiron.* 2020. Bd. 50. P. 217–251.
424. Schmidt-Hofner S. Ostentatious Legislation: Law and Dynastic Change, AD 364–365 // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* / Ed. J. Wienand. New York: Oxford University press, 2014. P. 169–192.
425. Schmidt-hofner S. Trajan und die symbolische kommunikation bei Kaiserlichen rombesuchen in der spätantike. // *Rom in der Spätantike. Historische Erinnerung im städtischen Raum.* / Hrsg. R. Behrwald, C. Witschel. Stuttgart, 2012. S. 33–60.
426. Schölten H. Der oberste Hofeunuch: Die politische Effizienz eines gesellschaftlich Diskriminierten. // *Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes.* / Hrsg. A. Winterling. Berlin: de Gruyter, 1998. S. 51–74.
427. Schramm P. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert: in 3 Bd. Stuttgart: Hierseemann, 1954–1978. 688 s.
428. Schramm P.E. Sphaira, Globus, Reichsapfel: Wanderung und Wandlung eines Herrschaftszeichens von Caesar bis zu Elisabeth II. Stuttgart: Hierseemann, 1958. 219 s.
429. Schuller W. Grenzen des spätrömischen Staates: Staatspolizei und Korruption. // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1975. Bd. 16. S. 1–21.
430. Schuller W. Prinzipien des spätantiken Beamtentums. // *Korruption im Altertum. Konstanzer Symposium Oktober 1979.* / Hrsg. W. Schuller. München: de Gruyter, 1982. S. 201–208.
431. Scullard H.H. Festivals and Ceremonies of the Roman Republic. London: Thames & Hudson, 1981. 288 p.

432. Sears G. Late Roman African Urbanism. Continuity and Transformation in the City. Oxford: British Archaeological Reports, 2007. 171 p.
433. Seeck O. Agentes in rebus // RE. Bd. I,1. Stuttgart: J. B. Metzler, 1893. Sp. 776–779.
434. Seeck O. Codicilli. // RE. Bd. IV, 1. Stuttgart: J. B. Metzler, 1900. Sp. 167–170.
435. Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt: in 6 Bd. Berlin: Siemenroth & Worms, 1895–1921. 500 s. +600 s. +550 s. +580 s. +620 s. +650 s.
436. Seelentag G. Taten und Tugenden Traians: Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart: Franz Steiner, 2004. 556 s.
437. Setton K. M. Christian Attitude towards the Emperor in the Fourth Century especially as shown in Addresses to the Emperor. New York: Columbia University press, 1941. 239 p.
438. Siebigs G. Kaiser Leo I: Das oströmische Reich in den ersten drei Jahren seiner Regierung (457–460 n. Chr.). Berlin: de Gruyter, 2010. 654 s.
439. Singor H. The labarum, Shield Blazons, and Constantine`s caeleste signum // The Representation and Perception of Roman Imperial Power / Ed. L. DeBlois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. DeKleijn, S. Mols. Amsterdam: Brill, 2003. P. 481–500.
440. Slater W.J. The Theatricality of Justice // The Classical Bulletin. 1995. Vol. 71 (2). P. 143–157.
441. Slootjes D. The Governor and His Subjects in the Later Roman Empire. Leiden; Boston: Brill, 2006. 204 p.
442. Smith R. The Imperial Court of the Late Roman Empire, c. AD 300 – c. AD 450. // The Court and Court Society in Ancient Monarchies. / Ed. A.J.S. Spawforth. Cambridge: Cambridge University press, 2007. P. 157–232.
443. Smith R.R.R. Statue practice in the late Roman empire: numbers, costumes, and styles. // The last statues of antiquity. / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford: Oxford University press, 2016. P. 13–19.
444. Smith R.R.R. The Public Image of Licinius I: Portrait sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century // Journal of Roman Studies. 1997. Vol. 87. P. 170–202.
445. Speidel M.P. Late Roman Military Decorations I: Neck- and Wristbands. // Antiquité Tardive. 1996. Vol. 4. P. 235–243.
446. Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Band I. Wien: wbg Philipp von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1928. 655 s.
447. Stewart P. Representations of Power and Imperial Manliness in the Reign of Theodosius II. // Byzantine and Modern Greek Studies. 2013. Vol. 37 (2). P. 157–176.
448. Stoehr-Monjou A. Sidonius' Panegyrics. // The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris. / Eds. G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh: Edinburgh University press, 2022. P. 317–340,

449. Stollberg-Rilinger B. *Rituale*, Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2019. 289 s.
450. Stollberg-Rilinger B. Was heißt Kulturgeschichte des Politischen? // Was heißt Kulturgeschichte des Politischen / Hrsg. B. Stollberg-Rilinger. Berlin: de Gruyter, 2005. S. 9–24.
451. *Stone and Splendor: Interior Decorations in Late-Antique Palaces and Villas.* / Ed. V. Ruppinié. Vilnius: Harrassowitz, 2019. 246 p.
452. Stroheker F.K. *Princeps clausus*. Zu einigen Berührungen der Literatur des fünften Jahrhunderts mit der *Historia Augusta*. // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1968/1969.* / Hrsg. J. Straub. Bonn: R. Habelt verlag, 1970. S. 273–283.
453. Sutherland C.H.V. *Coinage in Roman Imperial Policy*. London: Methuen, 1951. 220 p.
454. Sutherland C.H.V. *The Emperor and the Coinage: Julio-Claudian Studies*. London: Spink & Sons, 1976. 156 p.
455. Szidat J. *Usurpator tanti nominis: Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.)*. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. 458 s.
456. Szidat, J. *Gaul and the Roman Emperors of the Fourth Century.* // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* / Ed. J. Wienand. Oxford: Oxford University press, 2014. P. 119–134.
457. Tantillo I. «Le orme dell'imperatore». La proscinesi tra immaginario retorico e pratiche cerimoniali // *Annali di archeologia e storia antica*. 2019. T. 26. P. 217–227.
458. Tantillo I. *I cerimoniali di corte in età tardoromana (284-395 D.C.)* // *Le corti nell'alto Medioevo: Spoleto, 24-29 aprile 2014*. 2015. Vol. 2. P. 543–584.
459. *The Cambridge History of Early Christian Literature.* / Eds. F. Young, L. Ayres, A. Louth. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 566 p.
460. *The City in Late Antiquity.* / Ed. J. Rich. London: Routledge, 1992. 216 p.
461. *The Last Statues of Antiquity* / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford: Oxford University press, 2016. 410 p.
462. *The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity* / Ed. M. Whitby. Leiden: Brill, 1998. 378 p.
463. *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. - A.D. 476)* / Ed. L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols. Amsterdam: Brill, 2003. 565 p.
464. Toynbee J., Painter K. *Silver Picture-Plates of Late Antiquity: AD 300-700.* // *Archaeologia*. 1986. Vol. 108. P. 15–65.

465. Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Jena: W. Biedermann, 1938. 246 s.
466. Two Romes / Eds. L. Grig, G. Kelly. New York: Oxford University press, 2012. 496 p.
467. Van Nuffelen P. Beyond bureaucracy. Ritual Mediation in Late Antiquity // State, power, and violence / Eds. M. Kitts, B. Schneidmüller, G. Schwedler, E. Tounta, H. Kulke, U. Skoda. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. P. 231–246.
468. Van Nuffelen P. Playing the Ritual Game in Constantinople (379–457) // Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity / Ed. L. Grig, G. Kelly. New York: Oxford University press, 2012. P. 183–200.
469. Veyne P. Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism. / Trans. B. Pearce. London: Viking Adult, 1992. 516 p.
470. Veyne P. Clientèle et corruption au service de l'État: La vénalité des offices dans le Bas-Empire romain // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1981. Vol. 36 (3). P. 339–360.
471. Veyne P. What Was a Roman Emperor? Emperor, Therefore a God // Diogenes. 2003. Vol. 50 (3). P. 3–21.
472. Vichers M. A note on the Byzantine Palace at Thessaloniki. // Annual of the British School at Athens. 1971. Vol. 66. P. 369–371.
473. Wallace-Hadrill A. Houses and Society in Pompeii and Herculaneum. Princeton: Princeton University press, 1994. 244 p.
474. Wallace-Hadrill A. The streets of Rome as a Representation of Imperial Power. // The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the Inter-national Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. - A.D. 476). / Ed. L. De Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. De Kleijn, S. Mols. Amsterdam: Brill, 2002. P. 189–206.
475. Wallraff M. Constantine's Devotion to the Sun after 324 // Studia Patristica. 2001. Vol. 34/38. P. 256–269.
476. Ward-Perkins B. The cities. // The Cambridge Ancient History Volume 13: The Late Empire, AD 337-425. / Ed. A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University press, 1998. P. 371–410.
477. Ware C. Claudian and the Roman Epic Tradition. Cambridge: Cambridge University press, 2012. 266 p.
478. Weisweiler, J. Universal Monarchy and Transregional Aristocracy in the Fourth Century AD. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University press, 2014. P. 17–41.
479. Weisweiler, J. From equality to asymmetry: honorific statues, imperial power, and senatorial identity in late-antique Rome // Journal of Roman Archaeology. 2012. Vol. 25. P. 319–350.

480. Westbrook N. The Great Palace in Constantinople: An Architectural Interpretation. Turnhout: Brepols, 2019. 333 p.
481. Whitby M. The Later Roman Empire was before all things a Bureaucratic State. // *Empires and Bureaucracy in World History*. Ch. 3. From Late Antiquity to the Twentieth Century. / Ed. P. Crooks, T. Parsons. Cambridge: Cambridge University press, 2016. P. 129–146.
482. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History. // *Past & Present*. 1990. Vol. 129. P. 3–29.
483. Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism. // *Past & Present*. 1984. Vol. 103. P. 3–36.
484. Wiemer H.-U. Akklamationen im spätrömischen Reich. Zur Typologie und Funktion eines Kommunikationsrituals // *Archiv für Kulturgeschichte*. 2004. Bd. 86. S. 27–74.
485. Wiemer H.-U. Voces populi. Akklamationen als Surrogat politischer Partizipation im spätrömischen Reich. // *Genesis und Dynamiken der Mehrheitsentscheidung*. / Hrsg. E. Flaig. München: de Gruyter, 2013. S. 173–202.
486. Wienand J. Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I. Berlin: de Gruyter, 2012. 646 s.
487. Wienand J. O tandem felix civili, Roma, Victoria! Civil-War triumphs from Honorius to Constantine and Back. // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. / Ed. J. Wienand. Oxford: Oxford University press, 2014. P. 169–197.
488. Wiewiorowski J. Agentes vices praefectorum praetorio. Commentarii ad officium agentium in rebus in Codice Theodosiano et Iustiniano. // *Saint emperor Constantine and Christianity*, vol. I. International Conference Commemorating the 1700th Anniversary of the Edict of Milan, 31 May – 2 June 2013, Niš 2013. / Ed. D. Bojović. Niš, 2013. P. 283–293.
489. Wiewiorowski J. The Judiciary of Diocesan Vicars in the Later Roman Empire. Poznań: Adam Mickiewicz University Press, 2016. 391 p.
490. Wortley J. The Trier Ivory Reconsidered. // *Roman and Byzantine Studies*. 1980. Vol. 21 (4). P. 381–394.
491. Zanker P. The power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. 400 p.

Список сокращений:

Научные издания:

ВВ — Византийский временник. М.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нес-
Циона.

ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск.

BZ — Byzantinische Zeitschrift. Berlin.

HZ — Historische Zeitschrift. Berlin.

PLRE — The Prosopography of the Later Roman Empire. 3 vols. / Ed. A. H. M. Jones, J. R. Martindale,
J. Morris. Cambridge: Cambridge University Press, 1971—1992.

RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. Au. Pauly, G. Wissowa,
W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler. Stuttgart: J. B. Metzler, 1894—1980.

TLRE — Jones A. H. M. The Later Roman Empire 284—602: A Social, Economic and Administrative
Survey. 3 vols. Oxford: Oxford University Press, 1964.

Приложение 1. Список иллюстраций

Рисунок 1: Базилика Константина в Трире (Константинов дворец). Rollinger C. Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. Stuttgart, 2024. S. 763. Abb. 10.

Рисунок 2: Предполагаемое изображение Ариадны. Диптих из слоновой кости (VI век, музей Баргелло, Флоренция) (по: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Impératrice_Ariane.JPG). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 3: Россанский Кодекс. Unzial 042. Суд Пилата (по: <https://www.calabria.org.uk/calabria/arte-cultura/CodexPurpureusRossanensis/codex13.htm>). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 4: Фреска императорской гробницы в Люкоре (по: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Ancient_Roman_frescos_in_Luxor_Temple?uselang=de#/media/File:Luxor_Tempel_26c.jpg). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 5: Арианский баптистерий. Равенна. (по: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baptistery.Arians10.jpg>). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 6: Мозаика на триумфальной арке базилики Санта-Мария-Маджоре. Рим (по: <https://www.christianiconography.info/staMariaMaggiore/apseArchSMMaggiore.html>). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 7: Рукопись гомилий Григория Назианзина. IX в. BnF Grec. 510 (по: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Council_of_Constantinople_381_BnF_MS_Gr510_fol355.jpg). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 8: Мозаика базилики Сан-Витале. Равенна. (по: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Justinian_mosaik_ravenna.jpg). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 9: Миссорий Феодосия I. Королевская академия истории. Мадрид (по: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Disco_o_Missorium_Teodosio_MPLdC.jpg). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 10: Хронограф 354. Кодекс Барберини. Ватикан. Cod. Barb. Lat. 2154 (по: https://www.tertullian.org/fathers/chronography_of_354_07_emperors.htm). Дата обращения: 29.04.2025.

Рисунок 11: Венский генезис. Cod. Theol. Gr. 31. (по: <https://onb.digital/result/10F14EEA>). Дата обращения: 29.04.2025.

Приложение 2. Иллюстрации

Рис. 1

